

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЕГИПТУ, АРАВІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ПЕРСІИ

В. ПЕРРИ-ФОГГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

БОРИСОВСКОЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. РАНЦЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе редакціи журнала „Русскихъ и переводныхъ романовъ и путешествій“

1876

Slav.
Reserve

91-2-

FO 99

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 2 Марта 1876 г.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛІ, СТРЕМЯННАЯ, № 12

ПУТЕШЕСТВІЕ ГРАЖДАНИНА

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ

В. ПЕРРИ ФОГГА

по

ЕГИПТУ, АРАВІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ПЕРСІИ.

Глава I.

Изъ Лондона въ Александрію.

Авторъ предполагаетъ присоединиться къ экспедиціи для изслѣдованія Сахары.—
Поездка черезъ—Францію, Марсель, Тулонъ.—Изъ Ниццы въ Геную.—Ливорно,
Пиза, Неаполь.—Мессина.—Чудная святыня.—Пароходъ Сицилія и его пасса-
жиры.—Ураганъ.—Прибытіе въ Александрію

Разставаясь съ Америкой, въ январѣ 1875 года, я не имѣлъ въ виду посѣтить Багдадъ и Персію. Я рассчитывалъ ѣхать прямо въ Египетъ, чтобы принять, если можно, лично, участіе въ экспедиціи которую снаряжалъ тогда Хедивъ для изслѣдованія великой пустыни Сахары. Во главѣ экспедиціи стоялъ извѣстный своими странствованіями въ Сѣверной Африкѣ, нѣмецкій путешественникъ Герардъ Рольфъ. Предполагалось вновь отыскать обширные, плодоносные и населенные Ливійскіе оазы, о существованіи которыхъ извѣстно было еще въ глубокой древности, но куда ни разу не проникала нога европейца. Благодаря знакомству съ нѣкоторыми американскими офицерами, состоявшими на службѣ въ египетской арміи, и съ генеральнымъ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Каирѣ, съ кото-

рымъ мнѣ приходилось встрѣчаться впродолженіи предшествовавшихъ моихъ путешествій по Востоку, я надѣялся получить разрѣшеніе присоединиться къ экспедиціи. Можно было ожидать, что экспедиція эта будетъ крайне интересна, но въ тоже время сопряжена для участвующихъ съ немаломъ опасностью, а потому, прощаясь съ друзьями при отъѣздѣ, я старался какъ можно менѣе распространяться о предполагаемой мною цѣли путешествія.

Въ половинѣ января я былъ уже въ Лондонѣ, затѣмъ проѣхалъ Францію почти безостановочно на почтовыхъ поѣздахъ, но тѣмъ не менѣе опоздалъ прибытіемъ въ Марсель ровно на двѣнадцать часовъ, вслѣдствіе чего и не попалъ на пароходъ, отходившій въ Александрію. Такимъ образомъ, мнѣ поневолѣ пришлось отправиться черезъ Тулонъ, Ниццу, Геную, Ливорно, Неаполь и Мессину. По прибытіи въ Александрію, оказалось что французскій пароходъ, на который я опоздалъ въ Марсели, еще не приходилъ. Впослѣдствіи узнали, что онъ погибъ со всѣми пассажирами.

Городъ Марсель, основанный ^{финиціанцами} фобейцами еще за 600 лѣтъ до Р. Х. стоитъ того чтобы его осмотрѣть и, благодаря внимательности американскаго консула г. Поттера, я, несмотря на то, что пробылъ тамъ всего одинъ день, успѣлъ увидѣть много замѣчательнаго. Городъ этотъ для произведеній южной Франціи служитъ главнымъ складочнымъ пунктомъ, откуда они уже расходятся по всѣму свѣту. Въ послѣднее время Марсель монополизировала также всю торговлю съ французской алжирской колоніею, вслѣдствіе чего, какъ общая цифра торговыхъ оборотовъ города, такъ и его населеніе значительно возросли. Вообще, Марсель самый важный коммерческій портъ Франціи и торгуетъ съ Америкой на вдвое большую сумму, чѣмъ Гавръ. Пароходное общество, которое учредило бы прямое сообщеніе между Марселемъ и Соединенными Штатами, могло бы рассчитывать не только на значительные грузы, но также и на порядочное пассажирское движеніе.

Въ Тулонѣ, гдѣ я останавливался на нѣсколько часовъ, улицы кишатъ солдатами и офицерами въ самыхъ блестящихъ мундирахъ. Въ особенности заинтересовали меня два молодыхъ офицера, въ сапогахъ со шпорами, но служившихъ, повидимому, во флотѣ, такъ какъ на воротникѣ и обшлагахъ ихъ были вышиты явора. Шпоры эти меня сильно озадачили и я обратился за разъясненіемъ къ стоявшему по сосѣдству жандарму, но къ сожалѣнію забылъ, какъ называются шпоры по-французски и потому долженъ былъ довольствоваться подтвержденіемъ того, что офицеры дѣйствительно моряки. Зачѣмъ же имъ въ такомъ случаѣ шпоры?

Отъ Марсели до Ницы, линія желѣзной дороги проходитъ извиваясь вдоль берега, по мѣстности, представляющей собою настоящій садъ. Справа сверкаетъ облитое солнечнымъ сіяніемъ, голубое Средиземное море; съ лѣвой, горизонтъ окаймляется снѣжными вершинами приморскихъ Альпъ. Всѣ покатоги холмовъ покрыты виноградниками, повсюду разбросаны оливковыя рощи, отъ темнозеленой листвы которыхъ рѣзко отдѣляются уже созрѣвающія раннія сливы. Мѣстами встрѣчаются хорошенькія виллы, утопающія въ зелени апельсинныхъ рощъ, окруженныя садиками полными цвѣтущихъ розъ. Для пріѣзжаго съ холоднаго сѣвера, на поискахъ за лучами зимняго солнца, картина эта представляетъ особенную прелесть. Въ Ницѣ останавливался я всего на одинъ день. Эта громадная европейская лечебница, повидимому, состоитъ вся изъ отелей и мебелированныхъ комнатъ для пріѣзжающихъ. Впрочемъ, въ разгаръ сезона всѣ мѣстности, куда собирается много народу на воды, производятъ подобное же впечатлѣніе. Въ окнахъ магазинововъ выставлено множество блестящихъ бездѣлушекъ, которыя здѣсь расходятся, хотя на родинѣ навѣрное ихъ бы никто не купилъ. На слѣдующее утро, собираясь отправиться въ Геную, отстоящую отъ Ницы на 120 миль, и садясь уже въ экипажъ, чтобы ѣхать на вокзалъ желѣзной дороги, я спросилъ у швейцара, въ которомъ часу поѣздъ придетъ къ мѣсту назначенія? Онъ сообщилъ, что близъ

С. Режо обрушился одинъ изъ сотенъ туннелей, по которымъ проходить дорога на этомъ, сравнительно короткомъ разстояніи, и что поэтому приходится пересаживаться и ѣхать часть пути на лошадяхъ. Узнавъ, что пароходъ, отправляющійся въ то же утро, приходитъ въ Геную вечеромъ, я отиѣнилъ отданное возницѣ предписаніе везти меня на вокзалъ и приказалъ ѣхать на пристань. Измѣненіе оказалось весьма удачно: въ записной книжкѣ листокъ, соответствующій этому дню, остался почти безъ помѣтокъ. Впечатлѣнія были такъ сильны, что ихъ незачѣмъ было и записывать; еще и теперь они остались совершенно свѣжи и ясны въ памяти. Небо, воздухъ и море вполне гармонировали другъ съ другомъ. Атмосфера была такъ чиста, что съ французскаго берега можно было видѣть островъ Корсику, а въ концѣ января это бываетъ очень рѣдко. Корсика, надо замѣтить, находится отъ берега въ разстояніи почти ста миль, а вершины ея горъ, поднимающіяся на 8 тысячъ фут. надъ поверхностью моря, удалены отъ берега Франціи почти на 120 миль.

На нашемъ маленькомъ пароходѣ, называвшемся „Князь Монако“, ѣхало около тридцати пассажировъ, почти всѣ французы и италянцы. Одинъ изъ пассажировъ, слегка походившій на англичанина, привлекъ на себя мое вниманіе: онъ повидимому также горѣлъ нетерпѣніемъ заговорить со мною. Мы обратились одновременно другъ къ другу съ вопросомъ: „Monsieur, parlez-vous anglais?“ (не говорите-ли вы по-англійски?) Онъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ, путешествовалъ по всей Америкѣ, срисовывая ея виды, на всемъ протяженіи отъ архипелага тысячи острововъ до скалистыхъ горъ. И теперь на пароходѣ карандашъ его былъ постоянно въ ходу и я завидовалъ чудной легкости, съ которой онъ переносилъ нѣсколькими штрихами на бумагу разстлавшіяся передъ нами чудные виды.

Отроги приморскихъ Альпъ далеко выходятъ въ море смѣлыми скалистыми мысами, охватывая своими вѣтвями прелестные городки

и деревни, изъ которыхъ одни какъ-бы купаются въ серебряныхъ волнахъ, другіе-же поднимаются амфитеатромъ по склонамъ горъ. Мѣстами на вершинѣ утеса, омываемаго моремъ, видны развалины древняго храма или замка. Далѣе идутъ цѣлыми рядами мраморныя палладо и виллы, разрисованныя альфреско, окруженныя виноградниками и рощами апельсинныхъ деревъ. Мы прошли мимо городковъ Ментоне, С. Ремо и Вентимилли и мимо деревни Бордигьеры, церковь которой окружена пальмовыми деревьями.

Уже нѣсколько вѣковъ какъ жители этой деревни владѣли монополіей поставлять пальмовыя вѣтви въ Римъ къ вербному воскресенію. Теперь монополія эта уже давно отиѣнена; но для меня деревня представляла особый интересъ, какъ сцена, на которой разыгрывается начало прелестной новеллы „Докторъ Антоніо“. Вдоль берега, слѣдуя за всѣми его извилинами, проходитъ знаменитая Route de Corniche (дорога по карнизу). Мѣстами она идетъ почти на одномъ уровнѣ съ моремъ, мѣстами-же взбирается на страшныя крутизны, по узенькому уступу, вырубленному въ скалѣ. Желѣзная дорога идетъ также почти по самому берегу и съ парохода видно, какъ цѣлый поѣздъ вагоновъ вдругъ какъ-бы пропадаетъ въ утесахъ и затѣмъ выходя изъ туннеля, перелетаетъ долину по мосту, опирающемуся на каменныхъ аркахъ.

Природа и искусство соединились, чтобы придать болѣе великолѣпія и безъ того уже величественной панорамѣ. На переднемъ планѣ море, на заднемъ Альпы, а надъ всѣмъ разстилается чудное итальянское небо. Когда мы прибыли въ Геную было уже темно. Мы помѣстились въ палаццо, принадлежавшемъ одной изъ древнихъ фамилій тамошнихъ купцовъ-аристократовъ. Палаццо это преобразовалось теперь въ гостиницу для проѣзжающихъ. На другой день мы осматривали два или три замѣчательныхъ палаццо, нѣсколько старинныхъ церквей и Кампо Санто. Это послѣднее, хотя оно обитаемо одними лишь мертвецами, оказалось наиболѣе интереснымъ. Мы заставили также чичероне показать намъ статую и древнія рукописи Христофора Колумба.

Изъ Генуи дорога идетъ черезъ Ливорно—знаменитое издѣліями изъ плетеной соломы, въ Пизу, гдѣ обязательно для каждаго туриста взобраться по ступенямъ винтовой каменной лѣстницы на самый верхъ наклонной башни, для того, чтобы въ нѣкоторомъ родѣ составить естественное ея продолженіе. Оттуда отправились въ Неаполь, съ его Везувіемъ, Помпеей, Соренто и голубыми гротами острова Капри. Неаполитанскій заливъ очарователенъ. Лазарони въ красныхъ колпакахъ и тряпкахъ, поѣдающіе длиннѣйшіе макароны—также живописны; но все же неаполитанцы страшные лжецы, какъ это впрочемъ вошло уже и въ пословицу. Всякій годъ, около этого времени, они распускаютъ слухи о томъ, что старикъ Везувій ворчитъ и страшно дымится—явно предвѣщая страшную катастрофу. Я еще въ Лондонѣ слышалъ, что изо-дня въ день ожидается сильное изверженіе и рассчитывалъ по меньшей мѣрѣ увидѣть какъ растопленная лава стремится внизъ по склонамъ горы. Ничего подобнаго на дѣлѣ не оказалось. Мы пріѣхали въ городъ ночью и крохѣ городскихъ фонарей и звѣздъ на небѣ, никакихъ огней, при всемъ желаніи, замѣтить не могли. Старый вулканъ держалъ себя совершенно спокойно и днемъ надъ нимъ виднѣлось лишь легкое облако дыму. О представленіи давно уже было заявлено, но главный актеръ не выказывалъ желанія начинать дѣйствіе. Цѣлыя сотни иностранцевъ, собравшіеся присутствовать при изверженіи, переполняютъ отели, подаютъ милостыни нищимъ, покупаютъ кораллы и помпейскія древности, что оживляетъ дѣла, къ великому удовольствію и счастью неаполитанцевъ.

Пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Неаполемъ и Александріей, проходятъ на второй день пути сквозъ узкій проливъ, отдѣляющій островъ Сицилію отъ материка и останавливаются на нѣсколько часовъ въ старинномъ сицилійскомъ городѣ—Мессинѣ.

Сходимъ на берегъ, чтобы передать послѣднія наши письма въ Европу. Со стороны залива городъ имѣетъ весьма величественный видъ: онъ расположенъ полумѣсяцемъ; на заднемъ планѣ поднимаются

амфитеатромъ холмы, увѣчанные виноградниками и апельсинными рощами. Дома построены изъ бѣлаго известняка, главныя улицы вымощены квадратными плитами лавы.

Единственное почтовое учрежденіе этого города, обладающаго полуторастотысячнымъ населеніемъ, замѣчательно патріархальной простотой. Оно состоитъ изъ одного окна, открывающагося на улицу, изъ котораго продаются толпѣ почтовые марки и сообщаются справки о письмахъ. Рядомъ въ стѣнѣ имѣется отверстіе для опусканія писемъ. Отъ почтамта мы отправились въ древній соборъ, построенный еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, для того, чтобы посмотреть, если можно, на чудотворную святыню, въ подлинности которой жители Мессины повидимому, не сомнѣваются. Это ни болѣе ни менѣе какъ письмо, написанное якобы собственноручно Дѣвой Маріей, въ которомъ Она посылаетъ съ подателемъ письма еще и локонъ собственныхъ волосъ. Какъ и можно было ожидать, эту замѣчательную святыню видѣть намъ не удалось. Патеры или не могли разобрать ломанаго итальянскаго языка, на которомъ мы выражались, или же просто заподозрили въ насъ невѣрующихъ еретиковъ „Anglese“.

Впрочемъ рыночная площадь вознаградила насъ за все. Какіе тамъ прелестныя апельсины, по четыре за пенсъ (двѣ съ половиной копѣйки). На два шиллинга можно было купить цѣлую корзину, и лодкѣ, отвозившей насъ на парходъ, пришлося набрать съ собою цѣлый грузъ апельсиновъ. Выходя изъ Мессинскаго пролива, мы видѣли на итальянскомъ берегу небольшой бѣлый памятникъ, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ Гарибальди, высадившись на берегъ съ небольшою партией волонтеровъ, положилъ начало революціи, свергнувшей Бурбоновъ съ неаполитанскаго трона. Далече на правой сторонѣ, ближе къ серединѣ острова, можно было различить вершину Этны, поднимающуюся около одиннадцати тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

Расстояніе отъ Мессины до Александріи—около восьмисотъ пятидесяти миль—обыкновенно проходитъся парходомъ въ четыре дня.

Прямой курсъ идетъ пятидесятью милями западнѣ берега острова Кандіи или Крита, съ которымъ намъ пришлось, противъ желанія, познакомиться. Нашъ пароходъ „Сицилія“ былъ отличное судно, построенное въ Шотландіи изъ желѣза, вмѣстимостью приблизительно въ восемьсотъ тоннъ и принадлежало итальянскому обществу „Rubatino“, служащіе котораго пользуются репутаціей искусныхъ моряковъ и настоящихъ джентльменовъ.

Три года тому назадъ, мнѣ пришлось плыть изъ Бомбея въ Суецъ на пароходъ этого общества и я остался тогда очень доволенъ. Когда мы въ понедѣльникъ послѣ обѣда выходили изъ Мессинскаго пролива, было сильное волненіе и дулъ крѣпкій вѣтеръ съ югозапада. Пассажировъ было всего восемь человѣкъ и всѣ, за исключеніемъ меня, англичане. Мы скоро сошлись. Тутъ были ѣхавшіе въ Египетъ, художникъ съ женою (единственной дамой на пароходѣ) и четыре англичанина, отправлявшіеся въ Индію, въ томъ числѣ духовное лицо, ѣхавшее въ качествѣ гувернера при восемнадцатилѣтнемъ юношѣ, миломъ, добросердечномъ, веселомъ мальчикѣ, котораго ни за что на свѣтѣ нельзя было заставить сидѣть покойно. Въ самомъ непродолжительномъ времени онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ и не прошло еще и двухъ дней, какъ всѣ уже называли его по-просту „Томомъ“. Остальные пассажиры были: я и молодой англійскій купецъ, ѣхавшій въ Багдадъ.

Во вторникъ вѣтеръ усилился, но серьезной опасности еще не было. У Тома былъ волчій аппетитъ, и несмотря на бурю, онъ разгуливалъ по палубѣ, покуривая свою трубку. Нашъ капитанъ не могъ удержаться отъ смѣха, когда Томъ, желая получить отъ буфетчика винныхъ ягодъ (фигъ), кричалъ ему: „anchore du figaго“ (Фитаро—Севильскій цидульникъ).

Втеченіе первыхъ двухъ дней Томъ стрѣлялъ изъ своего револьвера по чайкамъ, но потомъ долженъ былъ перестать, чтобы не раздражить суевѣрныхъ итальянскихъ матросовъ. Въ ночь на среду буря разыгралась вполнѣ и, въ продолженіи нѣсколькихъ ча-

совъ, дулъ настоящій ураганъ. Мы были тогда неподалеку отъ Крита и насъ несло вѣтромъ прямо къ берегу. Уже цѣлыя сутки, какъ вслѣдствіе сильнаго волненія, нельзя было изготовить ничего порядочнаго и даже уѣсться за столъ, чтобы пообѣдать. Маленькій пароходъ нашъ страшно нырялъ и качался со стороны въ сторону; цѣлую ночь мы просидѣли въ каютѣ на полу, обложивъ себя подушками и тюфяками; стулья, чемоданы и пассажирскій багажъ—все было разбросано въ самомъ дикомъ безпорядкѣ. Машинисту было поручено держать въ котлѣ высшее, допускаемое инструкціей, давленіе. Весь пароходъ дрожалъ и, казалось, обратился въ живое существо, напрягающее все свои нервы, чтобы спастись отъ гибели. Достаточно было легкаго поврежденія въ механизмъ—и никакая человѣческая сила не могла бы предохранить насъ отъ крушенія на томъ самомъ скалистомъ берегу, который восемнадцать вѣковъ тому назадъ оказался столь негостепріимнымъ для святого апостола Павла. Тутъ не помогли бы никакіе спасительные пояса, при такомъ волненіи никакая лодка не устояла бы даже и минуты. Отъ времени до времени мы по очередно поднимались по лѣстницѣ чтобы осмотрѣться, но никто не могъ удержаться на палубѣ. Художникъ, человѣкъ весьма смѣлаго и сангвиническаго темперамента, возвращаясь съ такой рекогносцировки, всегда сообщалъ намъ что-нибудь утѣшительное, но разъ, когда ураганъ достигъ полной своей силы, онъ пришелъ назадъ и молча уѣлся около своей жены (которая держала себя очень спокойно) и взялъ ее за руку. Она же склонила свою голову ему на плечо. Я заключилъ, что положеніе наше дѣйствительно критическое. Послѣдніе полчаса несчастныхъ пассажировъ „Ville du Navre“ живо промелькнули у меня въ памяти и я пожелалъ отъ души, чтобы весь Египетъ, съ Ниломъ и хедивомъ вмѣстѣ были бы на днѣ Чермнаго моря въ сообществѣ Фараона и его колесницъ.

Мы старались держаться противъ вѣтра и обойти вокругъ сѣверной оконечности Крита, чтобы укрыться за островомъ. Если

машина устоять въ втеченіи часа или двухъ, то мы спасены. Капитанъ рассказывалъ потомъ, что, въ продолженіи этихъ двухъ часовъ волосы у него стояли дыбомъ. Какъ-разъ въ это самое время неисправимый Томъ заявилъ, что онъ страшно голоденъ и потребовалъ, чтобъ ему дали хоть хлѣба съ сыромъ. Мысль объ ѣдѣ, такъ сказать передъ лицомъ смерти, показала намъ настолько забавною, что вывела всѣхъ изъ состоянія нравственнаго напряженія, въ которомъ мы за послѣднее время находились. Пароходъ нашъ постоялъ за себя, и незадолго до разсвѣта намъ удалось обогнуть сѣверный мысъ Канді, за которымъ море было уже спокойнѣе. Капитанъ спустился къ намъ въ каюту въ донельзя замаслянномъ сюртукѣ и прыгая отъ радости, сказалъ по итальянски (въ эту минуту онъ, вѣроятно, забылъ по англійски), что мы въ безопасности. На этотъ разъ переводчика не потребовалось. Мы всѣ собрались вокругъ капитана и встрѣтили его прыжки общимъ браво, болѣе радужнымъ, чѣмъ тѣ браво, которыми когда-либо встрѣчали соотечественника его Маріо на сценѣ. Въ четвергъ мы шли вдоль восточнаго берега Крита, защищаясь отъ бури высокими его утесами. Слѣдующіе за тѣмъ два дня волненіе было еще весьма сильное, но все же значительно слабѣе, чѣмъ прежде. Въ субботу мы благополучно достигли Александріи и тамъ узнали, что во время бури, отъ которой мы такъ дешево отдѣлались, погибло много судовъ. Въ гавани мы пересѣли съ парохода на лодку, въ которой гребцами были полунагіе арабы, и простились съ „Сициліей“ и ея капитаномъ троекратномъ ура. Капитанъ и его помощники махали намъ въ отвѣтъ съ палубы шляпами и кричали „аддіо“.

Глава II.

Изъ Александріи въ Каиръ.

Сцены въ Александріи.—Помпеева колонна и иглы Клеопатры.—Вверхъ по Нилу.—Корабли пустыни.—Цивилизація въ Египтѣ.—Свадьба египетской принцессы и праздники по этому поводу.—Исторія невѣсты.—Какъ дѣвушка-невольница одѣлалась принцессой.—Экспедиція въ Сахару уже отправилась.—Экспедиція Самуила Беккера не увѣнчалась успѣхомъ.—Перемѣна программъ. вмѣсто центральной Африки—въ Багдадъ и Персію.

Александрія, основанная болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Александромъ Македонскимъ, представляетъ собою смѣшеніе восточнаго и европейскаго, гдѣ парижскія шляпы ведутъ съ мусульманскими турбанами борьбу за преобладаніе. Нигдѣ, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ земного шара, нельзя встрѣтить такого шаривари костюмовъ и національностей, какъ въ улицахъ этого города. Впрочемъ, путешественникъ, прибывшій прямо съ сѣвера въ Александрію, найдетъ гораздо болѣе новаго и возбуждающаго интересъ, чѣмъ тотъ кому пришлось уже познакомиться съ настоящимъ востокомъ. Населеніе всѣхъ городовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Средиземнаго моря, можетъ рассматриваться какъ весьма смѣшанное, но нигдѣ нѣтъ такого вавилонскаго смѣшенія, какъ въ Александріи.

Рядомъ съ только что высадившимся съ пакетбота англичаниномъ, дѣлающимъ неимоверныя усилія къ тому, чтобъ сохранить свою обычную манеру спокойнаго пренебреженія ко всему окружаю-

щему, встрѣчается чистокровный турокъ, хладнокровіе котораго, очевидно до извѣстной степени возмущено видомъ столькихъ невѣрныхъ, помраченныя головы которыхъ покрыты этими удивительными парижскими колпаками. Кругомъ цѣлая толпа арабовъ, нубійцевъ, грековъ, мальтійцевъ, евреевъ и европейцевъ всѣхъ націй. Выдержавъ съ честью борьбу съ мальчишками, погонщиками ословъ, посреди шума и руготни, сравнительно съ которой брань ньюйоркскихъ извошниковъ могла бы показаться салоннымъ разговоромъ, мы, прибывшіе на „Сицилію“, оказались сидящими верхомъ на взрослыхъ ослахъ, ростомъ около трехъ съ половиною футовъ.

Въ качествѣ бывалаго я долженъ былъ изображать собою чичероне. Оставивъ европейскій кварталъ, мы пустились по узкимъ, немощенымъ, грязнымъ улицамъ къ городской стѣнѣ. Въ воротахъ стоялъ караулъ египетскихъ солдатъ, жирныхъ, на видъ лѣнивыхъ, одѣтыхъ въ зуавскіе мундиры и вооруженныхъ усовершенствованными винтовками системы Ремингтона. Выбравшись изъ воротъ мы проѣхали мимо заброшеннаго неогороженнаго кладбища, надгробные памятники котораго всѣ увѣнчаны мраморными тюрбанами и фресками, и добрались до вершины плоскаго холма, возвышающагося футовъ на сто надъ поверхностью моря. На вершинѣ этой стоитъ совершенно особнякомъ колонна изъ краснаго полированного гранита. Высота колонны, съ пьедесталомъ и капителю включительно, простирается до 98 футовъ. Толщина у основанія до десяти футъ, сверху же колонна нѣсколько утончается. Капитель весьма тщательно отдѣлки и, надо думать, предназначалась къ тому, чтобы поддерживать какую-нибудь статую.

Относительно древности и происхожденія этой колонны ученые разнятся въ мнѣніяхъ. Одни утверждаютъ, будто она была воздвигнута во второмъ вѣкѣ по Р. Х. римскимъ префектомъ въ Египтѣ, другіе же считаютъ ее за остатокъ длинной колоннады, составлявшей фронтонъ храма, построеннаго за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры. Намъ незамедлила окружить толпа дѣтей, которые про-

сили милостыню, выкрикивая визгливымъ голосомъ: „Ховаджи, бакшишь!“ Къ счастью, въ Египтѣ водится весьма мелкая мѣдная монета и мы ублажили первую толпу, раздавъ ей мелочи примѣрно на пол-франка, но затѣмъ нахлынула новая толпа, и чѣмъ болѣе мы раздавали, тѣмъ болѣе собиралось ребятишекъ, такъ что подѣ конецъ мы сочли за лучшее погнать нашихъ ословъ и обратиться въ поспѣшное бѣгство.

Затѣмъ мы направились къ Игламъ Клеопатры, находящимся въ пескахъ около самого берега. Это два обелиска изъ красного гранита, высотой до семидесяти футъ и покрытыхъ сверху до низу іероглифическими надписями. Одинъ изъ обелисковъ еще стоитъ другой же презрѣнно валяется по землѣ и уже до половины засыпанъ пескомъ и мусоромъ. Обелиски эти были воздвигнуты за 1495 до Р. Х. и обладаютъ всеми гарантіями въ дѣйствительной, неподдѣльной древности. Къ сожалѣнію, мнѣ было окончательно невозможно сдержать данное американскимъ знакомымъ моимъ дамамъ обѣщаніе привезти имъ, въ качествѣ сувенира, пачку такихъ иголь. Разъ что чемоданы мои были немного малы и къ тому же за багажъ свыше шестидесяти фунтовъ приходилось платить такъ дорого, что мнѣ не на что было бы доѣхать.

Ознакомившись немного съ Александріей, мы приготовились оставить этотъ городъ, о которомъ Наполеонъ когда то сказалъ, что онъ сдѣлается современемъ столицей мира. Но Наполеонъ I хотя и великій военный геній, не былъ пророкомъ, и пророчеству этому кажется также далеко до исполненія, какъ и тому предсказанію, по которому вся Европа должна сдѣлаться или республиканской или же казацкой страной. Величіе Александріи, какъ центра ученаго, литературнаго и философскаго образованія, развѣялось вмѣстѣ съ дымомъ семисотъ тысячъ томовъ, сожженныхъ будто бы по предписанію калифа Омара. Теперь зависитъ исключительно отъ сѣверныхъ варваровъ быть или не быть Александріи большимъ городомъ, имѣющимъ значеніе этапнаго пункта на пути изъ Европы въ Индію.

Пространство въ 130 миль, вверхъ противъ теченія Нила до Каира, проѣхали мы вдоль берега по желѣзной дорогѣ. Желѣзная дорога здѣсь на Востокѣ является, среди всей окружающей ее обстановки, чистѣйшимъ анахронизмомъ. Верблюдь — „благородный корабль пустыни“ — вотъ единственное средство передвиженія, состоящее въ полной гармоніи съ окрестною природой. Медленный, выносливый, терпѣливый, идетъ онъ покачиваясь туда и сюда подъ своею тяжелой ношей, вмѣщая въ себѣ запасъ воды на нѣсколько дней пути. Его широкая, плоская, подушкообразная нога отлично приспособлена къ хожденію по сыпучимъ пескамъ. Если верблюдь не былъ первоначально созданъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, то сколько вѣковъ и тысячелѣтій должно было пройти прежде, чѣмъ въ немъ могли выработаться эти качества путемъ естественнаго подбора?

Поѣздъ уносилъ насъ по Дельтѣ, черезъ прилегающія къ Нилу плодосныя поля, на которыхъ ^{всѣмъ} полунагіе феллахи (египетскіе крестьяне) занимались: одни вспахиваніемъ полей остроконечными сохами, запряженными парой буйволовъ, другіе же — подымали самими первобытными способами воду изъ рѣки для орошенія. Мѣстами вся машина состояла изъ соломеннаго ведра, прикрѣпленнаго къ чему-то вродѣ качелей, мѣстами же встрѣчались тяжелыя, приводимыя въ движеніе быками водоподъемныя колеса, съ придѣланными къ ободу глиняными чашками — первообразъ, изъ котораго европейская наука создала замѣчательный зерноподъемный механизмъ для мельницъ. Мы проѣзжали мимо грязныхъ ничтожныхъ деревушекъ, построенныхъ на развалинахъ городовъ, стоявшихъ тамъ назадъ тому тысячелѣтія. Таковъ нынѣшній Египетъ: то же безоблачное небо, какъ и въ древности, та же вѣчная рѣка наконецъ, тотъ же самый народъ, кофейнаго цвѣта, съ худощавыми ногами и руками, также терпѣливо несущій иго мусульманскихъ завоевателей, какъ онъ несъ на себѣ въ былыя времена иго Фараоновъ. Съ нашей западной точки зрѣнія, египетскіе феллахи ка-

жуются несчастнымъ, загнаннымъ и забытымъ въ конецъ народомъ, но противъ этого взгляда можно представить много возраженій. Во всякомъ случаѣ, нынѣшнему феллаху живется лучше, чѣмъ его предку, невольнику Фараоновъ; и питаются феллахи также лучше, чѣмъ, напримѣръ, населеніе британской Индіи, гдѣ, еще въ нынѣшнемъ (1874) году, цѣлыя десятки тысячъ умирали отъ голода и истощенія. Что касается до одежды, то, при благодатномъ египетскомъ климатѣ, она является не предметомъ первой необходимости, а чисто условной потребностью. Феллахи, окружавшіе насъ, при остановкѣ на станціяхъ, болтали и смѣялись безъ умолку и казались вообще несравненно довольнѣй и счастливѣй крестьянскаго населенія Европы. Это было беззаботное счастье, пользующееся нынѣшнимъ днемъ, не думающее о томъ, что принесетъ съ собою завтра, то самое счастье, которое, во времена рабства, считалось характеристическою чертой негритянскаго населенія Южныхъ Штатовъ. Теперь, какъ говорятъ, черта эта тамъ совершенно почти изгладилась подъ вліяніемъ стимула личной отвѣтственности и вышнихъ требованій, доставляемыхъ свободнымъ негромъ относительно жизни.

Подобнымъ же образомъ исчезнетъ и беззаботное счастье феллаховъ какъ только введена будетъ въ Египтъ республиканская форма правленія и всеобщая подача голосовъ.

Машинистъ при нашемъ поѣздѣ былъ европеецъ. Мы неслись со скоростью двадцати почти миль въ часъ, мимо разбросанныхъ группами глиняныхъ хижинъ, мимо обширныхъ луговъ, изумительное плодородіе которыхъ обуславливается животворнымъ иломъ, оставаемымъ за собой рѣкою, послѣ ежегоднаго разлива. Илъ этотъ, при содѣйствіи лучей южнаго солнца, является болѣе сильнымъ удобреніемъ, чѣмъ костяной порошокъ и гуано. На лугахъ пасется жирный скотъ, вѣроятно похожій на жирныхъ боровъ, видѣнныхъ во снѣ Фараономъ; скотъ этотъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ худобой, работающаго тутъ же въ поляхъ, крестьянскаго населенія.

За тѣмъ промелькнули рошцы стройныхъ пальмъ, и между ними одинъ изъ многихъ загородныхъ дворцовъ Хедива (вице-короля). Десять миль далѣе, по правую сторону дороги, мы увидали вдали, на песчаной равнинѣ три колоссальныя Джизехскія пирамиды и вслѣдъ за тѣмъ, показались предъ нами высокіе минареты столицы Египта.

Мы прибыли въ Каиръ, не опоздавъ ни минуты противъ росписанія и я снова очутился въ прежней моей квартирѣ въ „Shepherds Hôtel“. Дверь моей комнаты открывается въ садъ, въ которомъ бьетъ фонтанъ, обвуженный тропическими пальмами и банановыми деревьями. Передъ гостинницей толпятся тѣ же бойкіе гамены-мальчишки—погонщики ословъ, въ улицахъ и на базарахъ тѣ же самыя любопытныя и заманчивыя картины. Да и можно-ли было ожидать въ Египтѣ перемѣны въ какихъ-нибудь три года времени, когда онъ почти не перемѣнился втеченіи трехъ тысячелѣтій?

Къ счастью, я попалъ въ Каиръ, какъ разъ къ заключительнымъ сценамъ праздниковъ, которые Хедивъ давалъ по случаю выхода своей дочери въ замужество. Обѣ минувшія noci зажигались великолѣпныя фейерверки и иллюминаціи. Повсюду развѣваются флаги съ гербомъ Хедива: полумѣсяцемъ и звѣздой на красномъ полѣ. Базары и улицы на протяженіи цѣлыхъ миль, по ночамъ освѣщаются и украшаются всѣмъ, что только изобрѣла лучшаго европейская пиротехника. Вчера ночью, на большей четырехугольной площади, передъ дворцомъ, устроено было шесть громадныхъ шатровъ, роскошно убранныхъ флагами и освѣщенныхъ сотнями газовыхъ рожковъ въ люстрахъ и канделябрахъ граненаго хрустала. Въ каждомъ шатрѣ игралъ хоръ музыки, а передъ входомъ стояли высшіе египетскіе сановники, чтобы привѣтствовать именемъ Хедива всякаго входящаго гостя, какаго-бы званія онъ ни былъ. Прислуга въ ливреѣ вице-короля разносила посѣтителямъ кофе, сахаръ и папиросы. Однимъ словомъ, это былъ такой образчикъ „восточнаго“

гостеприимства и великодушія, при которомъ на цифру расхода не обращалось, повидимому, никакого вниманія. Несмотря на громадную толпу состоявшую изъ всѣхъ классовъ общества, все шло тихо и спокойно. Вина, и вообще крѣпкихъ напитковъ не подавали. Истинные мусульмане, если только они не испорчены сопркосновеніемъ съ европейцами, никогда впрочемъ, крѣпкихъ напитковъ и не употребляютъ. Когда я возвращался въ себѣ въ гостинницу, на улицахъ было также тихо, какъ въ Нью-Йоркѣ и пожалуй много безопаснѣе.

Исторія невѣсты (которая, говорятъ, очень хороша собой), напоминаетъ сказку изъ тысячи и одной ночи. Она бывшая невольница и не происхождения черкешенка. Трехъ лѣтъ отъ роду взята была она третьей женой вице-короля вмѣсто дочери. Генераль Лорингъ говорилъ мнѣ, что, до достиженія дѣвочкой двѣнадцатилѣтняго возраста, ему часто случалось ее видѣть въ открытой ложѣ въ оперѣ, вмѣстѣ съ прочими дѣтьми Хедива. На тринадцатомъ же году, сообразно съ турецкими обычаями, ее закутали чадрой и помѣстили въ гаремъ, чтобъ никакой мужчина, за исключеніемъ ближайшихъ родственниковъ и мужа (по совершеніи брачной церемоніи), не могъ увидѣть ея лица. Женихъ—принцъ изъ рода Мехмета-Али. Такимъ образомъ, маленькая дѣвочка, рожденная бытъ невольницей, стала принцессой. Чтобы украсить рассказъ нравоученіемъ, я могу еще прибавить, что молодая принцесса-невѣста на столько же добра, на сколько она прелестна.

По прибытіи въ Каиръ, я прежде всего справился у г-на Бердсли, американскаго генеральнаго консула въ Египтѣ, относительно экспедиціи Рольфа въ Сахару. Въ величайшему моему разочарованію, оказалось, что экспедиція эта отправилась въ путь уже нѣсколько недѣль тому назадъ и забралась теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, далеко въ пустыню. Египетское правительство не щадило расходовъ на обезпеченіе экспедиціи всѣмъ, что могло оказаться для нея сколько-нибудь полезнымъ. Экспедиція была снабжена сотнею верблюдовъ,

девяносто человеками конвойныхъ и служителей, необходимой провизіей, шатрами, ящиками изъ гальванизированнаго желѣза, каждый изъ которыхъ могъ содержать шестнадцать галлоновъ воды, инструментами для ученыхъ изслѣдованій, оружіемъ и вообще всеѣмъ, что могло казаться полезнымъ по отношенію къ комфорту и безопасности путешественниковъ, принявшихъ въ ней участіа. Первоначальной цѣлю экспедиціи поставлено было отысканіе обширнаго оаза Куфри, находившагося, по слухамъ, въ самой срединѣ великой Ливійской пустыни. Смѣлые путешественники, и прежде всего самъ Рольфсъ, твердо вѣрили въ существованіе этого оаза, о которомъ, по слухамъ, было извѣстно, что онъ обширенъ, плодоносенъ, хорошо орошенъ и обладаетъ многочисленнымъ населеніемъ, уже въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній не имѣвшимъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Отъ соотечественниковъ моихъ, проживавшихъ въ Египтѣ, узналъ я, что Хедивъ былъ весьма недоволенъ результатами экспедиціи сэра Самуила Бекера въ Центральную Африку, между тѣмъ какъ Бекеръ, возвратившись въ прошломъ году изъ этого путешествія, такъ много распространялся о достигнутыхъ имъ будто-бы результатахъ по уничтоженію торговли невольниками и присоединенію къ Египту обширныхъ густонаселенныхъ странъ. Ему поручено было ласковымъ обращеніемъ и щедрыми подарками стараться возбудить въ воинственныхъ племенахъ симпатію къ Египту и открыть такимъ образомъ путь для торговли и цивилизаціи въ страну, богатую слоновою костью и многими другими естественными произведеніями. При этомъ предполагалось также, заручившись вліяніемъ надъ мѣстными царьками, заставить ихъ прекратить постоянныя свои междусобныя войны и такимъ образомъ пресѣчь, въ самомъ корнѣ, безчеловѣчную торговлю невольниками. Но знаменитый путешественникъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, разбилъ туземцевъ внутренней Африки въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, причемъ, разумѣется, дубины и копья не могли устоять противъ по-

вторгательныхъ карабиновъ. Но всетаки же кончилось тѣмъ что негритянскія племена выставили противъ Бекера такую значительную боевую силу, что онъ не рѣшился идти далѣе и обратился вспять, не совершивъ ничего важнаго въ области географическихъ открытій и оставивъ туземныя племена въ состояннн крайняго возбужденія противъ египетскаго правительства. Въ настоящее время Хедивъ снаряжаетъ новую экспедицію къ области верхняго Нила. Начальство надъ ней поручено полковнику Гордону, который, служа въ Китаѣ подъ начальствомъ американскаго генерала Урда, отличился храбростью и энергiей при подавленнн возстанія тайпинговъ. Благодаря влiянiю, которымъ пользовались друзья мои въ Египтѣ, можно было-бы легко получить разрѣшенiе присоединиться къ экспедицин полковника Гордона но, по нѣкоторымъ соображенiямъ я предпочелъ на этотъ разъ воздержаться. Безъ сомнѣнiя, было-бы весьма интересно связать свое имя съ рѣшенiемъ великой географической задачи—отысканiя источниковъ Нила. Но провести, по меньшей мѣрѣ, два года среди смертоносныхъ болотъ срединной Африки, черезъ-чуръ уже много для человѣка, который вовсе не горѣлъ честолюбиемъ раздѣлить участь доктора Ливингстона.

Между пассажирами, прибывшими на „Сицилиа“ изъ Неаполя въ Александрiю, былъ англiйскiй купецъ, членъ фирмы „братья Линчъ и К^о“, который располагалъ посѣтить отдѣленiя этой фирмы, находившiяся въ турецкой Аравii. Знакомство наше превратилось въ задушевную дружбу во время достопамятной ночи, проведенной вмѣстѣ на Средиземномъ морѣ, когда намъ угрожала опасность потерпѣть крушенiе близъ береговъ Кандii. По прибытiи въ Каиръ, я сначала было отклонилъ предложенiе сопутствовать ему до Багдада, но потомъ предложенiе это было возобновлено и такъ настойчиво, что послѣ нѣкотораго колебанiя, я согласился измѣнить путевую свою программу. Страна древняго Вавилона, Ниневii и „сказовъ тысячи одной ночи“ стала казаться мнѣ заман-

чье сыпучихъ песковъ Сахары и дикой глуши центральной Африки. Англійскій пароходъ, отправлявшійся въ Персидскій заливъ, долженъ былъ придти изъ Лондона въ портъ Саидъ, находящійся при входѣ изъ Средиземнаго моря въ Суецкій каналъ. Мы могли рассчитывать, настигнувъ пароходъ этотъ въ Суецъ, проѣхать на немъ Чернымъ моремъ, Индѣйскимъ океаномъ и Персидскимъ заливомъ въ самыя устья Евфрата.

→ стр. 93 - 97

Глава III.

Сцены изъ жизни въ Каирѣ.

Звонъ колоколовъ не всегда обозначаетъ воскресеніе—Драгомани.—Сцены у дверей гостиницы.—Мелочные торговцы и фокусники.—Осли и погонщики ословъ.—Именные осли.—Феска.—Базары.—Машины для поливки улицъ.—Свѣточъ гарема.—Разсказчикъ сказокъ.—Цитадель.—Сальтомартале-мамелюка.—Мечеть Могамета Али.—Островъ Рода.—Моисей въ тростинкахъ.—Нилометръ.—Жилница Иосифа.—Египетскій музей.—Сады Шубра.—Магометанскій рай.—Городъ солнца-Гелиополисъ.—Сикоморъ Богородицы Дѣвы.—Танцующіе деревни.—Вальсъ, какъ вѣрное средство къ достиженію почетныхъ мѣстъ въ раѣ.

Мелодичный звукъ колокола разбудилъ меня рано по утру. Сначала показалось было, что я нахожусь гдѣ-нибудь въ христіанской странѣ, но чтобы разубѣдиться въ этомъ, достаточно было одного взгляда изъ окна, выходящаго на маленькій садикъ гостиницы. Солнце какъ-разъ всходило надъ куполами и минаретами египетской столицы и по улицамъ тянулись длинные ряды верблюдовъ; толпились смуглые египтяне въ неизбѣжныхъ своихъ красныхъ фескахъ и безчисленное множество ословъ, на половину скрывавшихся подъ громадными ношами свѣжескошенной травы. Отъ времени до времени звучный крикъ одного изъ нихъ заглушалъ всѣ другіе звуки, и даже шумъ и болтовню ихъ хозяевъ. Этого было вполне достаточно, чтобы убѣдиться, что я нахожусь не въ Америкѣ и вообще не въ какъ либо цивилизованной странѣ, и что звонъ колокола не всегда означаетъ собою христіанскій праздникъ. Отворивъ дверь, я хлопнулъ въ ладоши и тотчасъ же ту-

земные служитель подалъ на подносѣ café au lait, яйца и хлѣбъ. Обычный завтракъ подаютъ въ гостинницѣ не ранѣе двѣнадцати часовъ. У воротъ гостинницы, выходящихъ на широкую площадь, развертывается сцена, полная новизны и прелести. Но прежде чѣмъ дойти до дверей, я долженъ выдержать борьбу съ цѣлою толпою пестроразряженныхъ драгомановъ и проводниковъ, каждый изъ которыхъ горитъ желаніемъ услужить мнѣ и обладаетъ притомъ цѣлою вишою атестатовъ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ. Я уже имѣлъ случай убѣдиться, что всѣ эти молодцы, за самыми рѣдкими исключеніями, воры и обманщики, рассматривающіе иностранцевъ, какъ добычу, принадлежащую имъ по праву и старающіеся содрать сколько возможно при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Существуетъ левантинская пословица, по которой изъ числа золъ востока, главныхъ три: чума, пожаръ и драгоманъ. Поэтому я счелъ за лучшее отклонить обязательныя предложенія этихъ чичероне и сталъ у дверей, чтобы полюбоваться на представлявшеса, мнѣ любопытное зрѣлище. Близъ самыхъ дверей расположилось около дюжины мелочныхъ торговцевъ. Тутъ можно было купить древности, собранныя въ пирамидахъ (иногда даже и поддѣльныя): трости, шелковые шарфы и тюрбаны самыхъ яркихъ цвѣтовъ. У одного особенно изобрѣтательнаго торговца имѣлась даже кадка, наполненная молодыми кроведилами, достигшими приблизительно уже одного фута длины. Мнѣ тотчасъ же было предложено приобрести одно изъ этихъ очаровательныхъ произведеній Нила за одинъ франкъ, причемъ, чтобы вѣрнѣе прельстить меня своимъ товаромъ, торговецъ поднесъ его чуть ли не къ самому моему носу. На противоположной сторонѣ улицы фокусникъ, окруженный цѣлою толпою погонщиковъ съ ихъ ослами, извозчиковъ и разныхъ зѣвакъ, глоталъ иннаги и живыхъ змѣй. Безчисленное множество собакъ наполняетъ здѣсь всякое свободное мѣсто. Лай и ворчанье собакъ покрывается отъ времени до времени визгомъ которой-нибудь изъ нихъ, зашедшей за предѣлъ, дозволенной смѣлости. Мимо пронесся чей-то собственный

экипажъ, запряженный парой красивыхъ арабскихъ лошадей; впереди бѣгутъ, расчищая дорогу два нубійца съ длинными бѣлыми палками.

Но вотъ погонщики ослонъ замѣтили появленіе новаго лица и направились ко мнѣ гурьбой. Мальчики-погонщики и ослы ихъ, взятые вмѣстѣ, представляютъ учрежденіе, безъ котораго Каиръ потерялъ бы для иностранца половину своей прелести. Ослы, обыкновенно жирные и толстые, одарены въ должной степени лѣнностью и упорствомъ, составляющими отличительныя черты ихъ породы. Широкия мягкія ихъ сѣдла покрыты обыкновенно краснымъ шагренемъ, широкія уздечки украшены блестящими раушками. Режни отъ стремянъ не прикрѣпляются къ сѣдлу, а просто лянъ перекидываются черезъ него и если погонщикъ не схватится за противоположное стремя то ѣздоу, при попыткѣ взлѣзть или же сойти съ осла, долженъ неминуемо падать. Паденіе это, хотя само по себѣ и не опасно, но тѣмъ не менѣе, въ виду громадной толпы, собирающихся вокругъ зѣвакъ, для иностранца не особенно пріятно. Погонщиками ослонъ обыкновенно бываютъ мальчишки лѣтъ отъ тринадцати до пятнадцати. Мальчишки эти самыя смѣлые гаменн, которыхъ я когда либо видѣлъ и относительно юмора и шаловливости просто неподражаемы. Передовой изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, ударяетъ себя по лбу рукой и въ тоже время толкаетъ стоящаго за нимъ товарища ногой въ брюхо. Затѣмъ онъ обращается ко мнѣ съ веселой улыбкой на смугломъ лицѣ и говоритъ: „Не хотите ли прокатиться, са (вмѣсто серъ); мой отличный оселъ; зовутъ принцъ и затѣмъ замѣтивъ, что я сказалъ какое-то англійское слово, онъ живо прибавилъ — „принцъ Уэльскій“. Еслибъ онъ заподозрилъ во мнѣ француза, оселъ непременно сталъ бы принцемъ Наполеономъ. Другіе сзади его, сообразивъ въ чемъ дѣло, кричатъ: „мой оселъ Билли Буттонъ“, — „мой Томъ Джонсъ“, — „мой Ватерло“, „Герцогъ Веллингтонъ“ и т. д. Наконецъ одинъ быстроглазый шалунъ, замѣчая, что я не очень соблазняюсь англійскими именами,

завилъ, что его очень хорошій осель „Янки Дудль—генераль Грантъ“; это на меня подѣйствовало и я послѣдовалъ за мальчикомъ, чтобы проѣхать на ослѣ, носящемъ имя знаменитаго нашего президента. Вскорѣ послѣ прибытія въ Каиръ, я нашелъ, что обзавестись феской будетъ для меня весьма удобно и выгодно. Будучи на Востокѣ, носить феску еще незначить сдѣлаться туркомъ, но феска сама уже по себѣ заставляетъ купцовъ на базарахъ брать съ васъ въ половину дешевле, такъ какъ служитъ до известной степени доказательствомъ, что вы не свѣжпріѣзжій и что васъ не проведешь. Англійскіе путешественники мѣже, чѣмъ кто либо, склонны перенимать одежду и языкъ страны, въ которой они находятся, за что имъ и приходится платить соотвѣтственнымъ образомъ. Напротивъ того, французы и итальянцы отличаются счастливой способностью отождествлять себя съ народомъ, среди котораго имъ приходится быть, и это въ немалой степени содѣйствовало ихъ популярности и вліянію на Востокѣ. Національность путешественника въ цилиндрѣ узнается съ перваго взгляда. Тотъ, кто хочетъ увидѣть и уяснить себѣ особые обычаи и жизнь чуждаго ему народа, долженъ оставить высокомерный видъ презрѣнія и горделиваго превосходства надъ туземцами. Онъ хорошо сдѣлаетъ если приметъ ихъ одежду, насколько это совмѣстно съ чистоплотностью и комфортомъ, такъ какъ онъ будетъ тогда въ меньшей степени обращать на себя вниманіе всѣхъ встрѣчныхъ.

Базары въ Каирѣ, по своей обширности, богатству и разнообразію встрѣчающихся на нихъ восточныхъ издѣлій, уступаютъ развѣ лишь дамасскимъ и константинопольскимъ. Осматривать ихъ всего удобнѣе пѣшкомъ или на ослѣ. Улицы тамъ узки и кривы до безобразія. Верхніе этажи выдаются на улицу надъ нижними и лицевыя ихъ стѣны обыкновенно состоятъ изъ рѣшетокъ, и это позволяетъ обитательницамъ, инкогнито, наблюдать за всѣмъ, что происходитъ на улицахъ. Тротуаровъ и мостовой не существуетъ, но улицы прохладны и сыры такъ какъ высокія выдающіяся надъ

ними зданія закрываютъ ихъ отъ солнца. Во многихъ мѣстахъ ирисненіе съ обѣихъ сторонъ верхніе этажи строеній сходятся вѣстѣ и улица обращается въ крытую галлерей. Стая голодныхъ собакъ исполняетъ обязанность мусорщиковъ и содержитъ улицы довольно исправно въ санитарномъ отношеніи.

Единственная извѣстная здѣсь машина для поливки улицъ—та самая, которая вообще употребляется на Востокѣ—это дырчатый мѣхъ изъ козьей шкуры на плечахъ у водоноса.

Погонщикъ моего осла слѣдовалъ за „Генераломъ“, заявляя о своемъ присутствіи ударами по бокамъ бѣднаго животнаго, которое онъ осматривалъ при этомъ зѣвотами, далеко не соответствующими высокому положенію его тески. Оселъ, наученный инстинктомъ или же долгимъ опытомъ, предвидѣлъ, казалось, вѣснкій угрожающій ему ударъ и, стараясь избѣгнуть его, дѣлалъ внезапные скачки восторону, подвергая вѣдока опасности слетѣть на землю. Базары переполнены народомъ. Мужчины и женщины, тяжело нагруженные ослы, верблюды и быки, все это перепутано самымъ отчаяннымъ образомъ: одни заступаютъ дорогу другимъ, сворачиваютъ безъ всякаго какого бы то нибыло порядка, не придерживаясь ни правой, ни лѣвой стороны. Толпа кричитъ, реветъ, подгоняетъ животныхъ ударами и возгласами, приправляя все самыми разнообразными обращеніями къ пророку.

Необходимо особое вниманіе, не столько для того, чтобы не наѣхать на когонибудь, такъ какъ здѣшніе пѣшеходы обладаютъ изумительную увертливостію, но для того, чтобы не быть самому раздавленнымъ, понавъ случайно въ промежутокъ между верблюдомъ нагруженнымъ камнемъ или дровами, и вьючными корзинами какогонибудь мула. Купцы въ высокихъ тюбанахъ, не обращая вниманія на суматоху, сидятъ поджавъ подъ себя ноги на рожекѣхъ передъ своими лавками, покуривая чубукъ и прихлебывая кофе съ истиннымъ мусульманскимъ спокойствіемъ и важностію. Свернувъ въ переулокъ я слѣзъ съ „Генерала“ и оставивъ его на попеченіи

мальчика, остановился на углу, чтобы посмотреть на проходящих. Такъ какъ на мнѣ была феска, то никто не обратилъ на меня особаго вниманія, и даже суровый старый турокъ посторонился, чтобы дать мнѣ мѣсто около своей лавки. Вотъ идетъ дама, возвращаясь изъ магазиновъ, прогуливаясь по которымъ прекрасный полъ въ Каирѣ любитъ больше, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ. За дамою идетъ, чернѣй, какъ Эребъ, евнухъ съ киною разныхъ бездѣлушекъ. Не смѣю рѣшить, что это за дама: свѣточъ ли гарема, или же бабушка свѣточа, такъ какъ она окутана неизбѣжной длинной рубахой изъ бѣлой бумажной ткани, лицо же закрыто плотной газовой чадрой. Впрочемъ такъ какъ она не выказываетъ ни малѣйшаго желанія поспѣть въ моемъ направленіи поражающую сердце стрѣлу изъ лука бровей своихъ, то я заключаю, что она должна быть стара и некрасива. За ней слѣдомъ является настоящее олицетвореніе отца правовѣрныхъ, старикъ съ длинной бѣлой бородою, лицомъ изрубаннымъ морщинами, въ восточномъ костюмѣ, тожественномъ съ одеждою древнихъ патріарховъ. Онъ ѣдетъ на спокойномъ мулѣ, повидимому углубившись въ религиозное созерцаніе. Вдругъ на поворотѣ почтенный патріархъ сталкивается съ бойкимъ арабскимъ конемъ, на которомъ ѣдетъ какой то молодчикъ довольно быстрымъ аллюромъ и летитъ на ~~земь~~^{землю}. Случай этотъ самъ по себѣ не представляетъ ничего необычайнаго, и потому не обращаетъ на себя ничего вниманія и можетъ только развѣ вызвать улыбку у чужестранца. Рядомъ по сосѣдству лавка цирюльника, гдѣ, еслибъ я понималъ по-арабски, то могъ бы познакомиться съ самыми свѣжими каирскими скандалами. Черезъ дорогу, въ кофейнѣ рассказивъ сказокъ окруженъ такою же толпою внимательныхъ слушателей, какъ бывало во времена калифовъ или тысячи одной ночи. Впродолженіи полчаса наблюдалъ я проходившую мимо толпу и сожалѣлъ, что не владея карандашомъ Гогарта или Насти, не могу передать на бумагѣ разыгрывавшихся передо мною комическихъ сценъ.

Усѣвшись опять на „Генерала“ и захвативъ съ собою его по-

ганища, я направился по мѣнѣ людной улицѣ въ цитадели, расположенной на высокомъ холмѣ, командуящемъ всѣмъ городамъ и его окрестностями. Свергающіе куполы и минареты четырехсотъ мечетей, составляющихъ гордость Каира, были у нашихъ ногъ. На востокѣ виднѣлись обелискъ Гелиополиса и гробницы мамелюковъ; на югъ и на западъ—развалины древняго Каира, большой водопроводъ и островъ Рода съ его гротами, еще далѣе, на другомъ берегу Нила виднѣлись пирамиды Джизеха и Сакары, за которыми уже лежитъ великая Ливійская пустыня. Подлѣ насъ, мѣсто знаменитаго прыжка мамелюба. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, кроваваго старый тиранъ Магометъ Али, заманивъ къ себѣ мамелюковъ въ гости, во внутренній дворъ цитадели, приказалъ занереть ворота, послѣ чего, ихъ всѣхъ перестрѣляли какъ зайцевъ, за исключеніемъ одного Эмильбея, который заставилъ свою лошадь перескочить черезъ стѣну и сдѣлать прыжокъ съ высоты сорока футовъ. Лошадь убилась на мѣстѣ, но всадникъ остался невредимъ. Гробницы мамелюковъ представляютъ собою великолѣпные памятники этихъ потомковъ черкешеновъ, оторванныхъ отъ своихъ родныхъ горъ безсовѣстными работорговцами. Но сноровъ ихъ отплатили за себя, и правили желѣзною рукою надъ потомками торговцевъ ихъ матерями. Они были смѣлые воины и дважды отразили направившіяся на Европу татарскія орды, предводимыя Тамерланомъ.

Посреди цитадели расположена лучшая въ Египтѣ мечеть, построенная Магометомъ Али; по красотѣ и великолѣпію, она уступаетъ только Софійской мечети въ Константинополь. При входѣ въ мечеть, заступилъ мнѣ дорогу старый мулла, молча указывая на мои сапоги; жестъ его, я объяснилъ себѣ такъ: „разуѣ ноги твои, такъ какъ мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято“. Я далъ ему франкъ и онъ принесъ мнѣ пару широкихъ туфель, которыя я и подвязалъ поверхъ сапогъ. „О, тѣбѣ пророка, какъ все выродилось въ послѣднее время! Невѣрная собака—франкъ, входить въ сапогахъ въ священную сѣнь мечети!“ Первый дворъ, въ ко-

торый мы вошли, окруженъ со всѣхъ сторонъ мраморною колоннадой. Посреди двора—мраморный фонтанъ великолѣпной скульптурной работы. У этого фонтана правовѣрные, прежде чѣмъ войти въ мечеть, совершаютъ свое омовеніе. Внутренность мечети представляетъ великолѣпный видъ, особенно, если стать прямо подъ серединою главнаго купола, составленнаго изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Стѣны и колонны мечети изъ пестраго мрамора и освѣщаются многими сотнями лампъ, въ люстрахъ и канделябрахъ граненаго хрустала, что производитъ поразительный эффектъ. Тѣмъ не менѣе во время нашего посѣщенія мечети царствовалъ таинственной полумракъ, представлявшій рѣзкій контрастъ съ яркимъ дневнымъ свѣтомъ на улицѣ. Мраморный полъ устланъ персидскими коврами, на которыхъ, обратившись лицомъ къ Меккѣ и бормоча въ полголоса молитвы, стояла на ковѣнахъ толпа богомольцевъ. Отъ времени до времени они набожно склонялись лицомъ къ землѣ. Нѣкоторые изъ богомольцевъ бросали на меня раздраженные взгляды, но я зналъ, что старый мулла въ виду ожидаемаго бакшиша, не дастъ меня въ обиду. Въ углу мечети, за вызолоченной рѣшеткой, стоитъ гробница ея строителя Магомета Али. Среди всего этого великолѣпія, мрамора и золота, хрустала и драгоценныхъ камней, я, къ моему удивленію, слышалъ щебетаніе стаи воробьевъ, чувствовавшихъ себя, казалось, совершенно дома, въ прохладѣ и тишинѣ мечети. Они постоянно перелетали съ мѣста на мѣсто и щебетъ ихъ смѣшивался съ молитвами правовѣрныхъ. Вѣроятно, хвалебные голоса воробьевъ были гораздо пріятнѣе Всемогущему, чѣмъ бормотанье невѣжественной и суевѣрной толпы молельщиковъ.

Мечеть эта, на которую затрачена громадная сумма денегъ, съ ея разноцвѣтными стеклами и черезъ-чуръ пестрыми украшеніями, имѣетъ лишь слабое сходство съ великолѣпными храмами, воздвигнутыми мусульманскими завоевателями Индіи. Тамъ легкость и грація магометанской архитектуры соединились съ чуднымъ искусствомъ обработки чистаго бѣлаго мрамора. Во всякомъ случаѣ главная мечети

въ Агрѣ и Дели безконечно превосходятъ красотой и прелестью стили мечеть Магомета Али, этотъ пестрый образецъ нынѣшней мусульманской архитектуры.

Впродолженіе десятидневнаго пребыванія нашего въ Каирѣ, осмотрѣли мы почти всѣ достопримѣчательности города. Однажды утромъ переѣхали мы на лодкѣ на островъ Роду, гдѣ въ прекрасномъ саду, окруженный апельсинными деревьями, стоитъ загородный дворецъ Хедива. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, дочь Фараона нашла въ тростникѣ ребенка Моисея. Тутъ же на островѣ стоитъ знаменитый нилометръ—это тонкая каменная колонна, стоящая посреди колодца, на которой по высотѣ нанесены равныя дѣленія. Колонна эта представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ минувшихъ вѣковъ. Еще Геродотъ упоминаетъ о томъ, что измѣреніе высоты воды при разлитіи Нила, служило основаніемъ для исчисленія вѣроятнаго урожая и входило въ кругъ непосредственныхъ обязанностей Фараона.

Возвратившись въ Каиръ, мы посѣтили булакъ—кварталь, въ которомъ находится громадное казенное литейное заведеніе и музей египетскихъ древностей. По сосѣдству находились, какъ говорятъ, житницы Іосифа, перваго крупнаго спекулятора въ области хлѣбной торговли, о которомъ упоминается въ исторіи. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ этихъ житницъ, которыя впрочемъ, быть можетъ, никогда и не существовали.

Испросивъ предварительно черезъ консула разрѣшенія египетскаго правительства, мы осмотрѣли сады и дворецъ Шубры. Путь туда пролегаетъ на протяженіи четырехъ миль, по великолѣпной аллеѣ, отѣненной громадными вѣковыми сикоморами. Шубра—любимый дворецъ Магомета Али, расположенъ въ прелестномъ саду. Сверкающіе фонтаны, мраморные кіоски, великолѣпная мебель, диваны, вышитые золотомъ и крытые богатѣйшимъ бродатомъ, украшенія изъ рѣзнаго алебастра—однимъ словомъ, все, что только можно было, сдѣлано для того, чтобъ обратить эту прелестную уже отъ

природы мѣстность въ настоящій земной рай. Нынешній вице-король рѣдко посѣщаетъ дворець, но, уважая память своего дѣда, очень о немъ заботится. Магометъ Али, портреты котораго висятъ во многихъ комнатахъ, и кромѣ того, встрѣчаются мѣстами и въ изображеніяхъ al-fresco, представляется сѣдымъ старымъ туркомъ, съ громадной бѣлой бородой, въ чалмѣ и въ восточномъ костюмѣ, окруженный дамами своего гарема, прелестными, какъ гуріи магометова рая. Онъ былъ жестокой, скупой и честолюбивый, но въ тоже время энергическій и смѣлый правитель. Онъ кладнокровно передошилъ мамелюковъ, такъ какъ они стояли на пути честолюбивыхъ его замысловъ. Сдѣлавшись обладателемъ Египта и Сиріи, онъ непремѣнно захватилъ бы въ свои руки и Константинополь и установилъ бы тамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, прочное правительство, еслибъ вмѣшательство Англіи не спасло тронъ существующей оттоманской династіи.

Отъ Каира до „города Солнца“ — Геліополиса, всего лишь шесть миль. Геліополисъ былъ весьма значительнымъ городомъ въ тѣ времена, когда Іосифъ былъ правителемъ Египта, и назывался тогда „Онъ“. Здѣсь Іосифъ женился на дочери египетскаго жреца, и затѣмъ избралъ постоянное свое мѣстопробываніе. Теперь отъ древняго города сохранился лишь одинъ обелискъ, вышиною въ 70 футовъ: онъ краснаго гранита, покрытый ероглифическими надписями. Онъ былъ воздвигнутъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ послѣдовательныя наводненія Нила подымали поверхность окружающей почвы на двадцать пять футовъ, и даже можетъ быть болѣе, такъ какъ обелиски ставились обыкновенно на возвышенныхъ мѣстностяхъ. Неподдалеку отъ „города Солнца“ находится древній оикоморъ, подъ сѣнью котораго отдыхали Іосифъ и Пресвятая Дѣва, во время путешествія своего въ Египетъ съ младенцемъ Спасителемъ. Ключъ горько-соленой воды, находившійся подъ деревомъ, какъ только они коснулись его воды устами, сдѣлался прозрачнымъ, чистымъ, прѣснымъ и превосходно пригоднымъ для

нтя. Такимъ остался онъ и до настоящаго времени, достовѣрность чего можетъ засвидѣтельствовать вашъ поворный слуга.

По среди стараго Каира находится мечеть и медресе танцующихъ дервишей или факировъ. По пятницамъ они держатъ тамъ публично свои собранія. Пробравшись черезъ цѣлый лабиринтъ извилистыхъ улицъ, мы достигли прилегающаго къ мечети частнаго зданія, куда и вошли вмѣстѣ съ нѣсколькими другими иностранцами, пришедшими также посмотрѣть на дервишей. Насъ усадили на диванъ, тянувшійся вокругъ всей комнаты, и слуга поднесъ намъ въ маленькихъ чашечкахъ кофе великолѣпнаго аромата, но густой и сладкій, какъ сиропъ. Затѣмъ подали мужчинамъ трубки, а дамамъ папирсы. Мы отдохнули съ полчаса, послѣ чего насъ повели въ мечеть, гдѣ скоро началась церемонія. Круглое пространство, діаметромъ футовъ около сорока, было гладко вымощено и отдѣлялось низенькимъ заборомъ отъ зрителей. Въ забору прилежала маленькая галерея, гдѣ для насъ, какъ специально приглашенныхъ гостей, устроены были особыя сидѣнья. На противоположной сторонѣ была также галерея, гдѣ помѣщался оркестръ, состоявшій изъ восьми инструментовъ, на подобіе кларнетовъ и четырехъ небольшихъ барабановъ. Двѣнадцать дервишей вошли въ огороженное пространство и поклонивши другъ другу и своему настоятелю или старшему муллѣ, стали кругомъ ограды лицомъ во внутрь. Настоятель ихъ носитъ зеленый халатъ и чалму въ знакъ того что онъ совершилъ путешествіе въ Мекку. Остальные дервиши имѣли на головахъ высокія мѣховыя шапки безъ околыша и были одѣты въ короткія куртки и длинныя, широкія, бѣлыя юбки. Лица были у всѣхъ блѣдныя и извуренныя постомъ. Одинъ изъ дервишей взошелъ на галерею къ музыкантамъ и читалъ оттуда на распѣвъ стихи изъ Корана впродолженіи приблизительно двадцати минутъ. Остальная братія слушала его, стоя на колѣняхъ и клала по временамъ усердные поклоны. Затѣмъ заиграла музыка, дервиши встали и обошли нѣсколько разъ кругомъ арены. Настоя-

тель, къ которому они питають, повидимому, глубокое уваженіе, поднялся также съ воего мѣста. Каждый изъ дервишей, проходя мимо настоятеля, отпуская ему глубокий поклонъ, потомъ оборачивался и раскланивался съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ сосѣдомъ. Такъ музыки становился все болѣе и болѣе оживленнымъ, и дервиши, одинъ за другимъ, начали кружиться, поднявъ руки кверху. Быстрота, съ которой они вертѣлись, все болѣе и болѣе увеличивались, руки вытянулись горизонтально, глаза закрылись, какъ бы въ сонномъ экстазѣ, юбки раздулись до размѣровъ самыхъ швейцарскихъ кринолиновъ — и всѣ двѣнадцать дервишей кружились, какъ волчки. Я наблюдалъ за ними съ часами въ рукахъ, и нашелъ, что наибольшая скорость вращенія доходила до семидесяти оборотовъ въ минуту. Они продолжали вертѣться такимъ образомъ около часу, съ небольшими перерывами отдыха, когда они вдругъ останавливались, складывали руки на грудь и медленно обходили кругомъ арены, при этомъ, повидимому, они уставали не болѣе какой-нибудь дамы, сдѣлавшей на балу туръ вальса. Наконецъ оркестръ замолчалъ и представленіе кончилось. Когда дервиши, надѣвъ на себя обыкновенную свою одежду, выходили изъ мечети, правовѣрные давали имъ съ величайшимъ почтеніемъ дорогу и провожали низкими поклонами. Они очевидно разсматривали дервишей какъ святыхъ которые отъ вальсируютъ себѣ самыя почетныя мѣста въ раю.

Подобныя представленія даются здѣсь еженедѣльно въ присутствіи значительнаго стеченія мусульманъ и почти всѣхъ посѣщающихъ Каиръ иностранцевъ. Спектакль бесплатный, въ полномъ значеніи этого слова. При входѣ не надо брать никакихъ билетовъ. Отъ зрителей не требуютъ никакихъ *добровольныхъ* приношеній. Всѣ наличные дервиши — турки, и цвѣтъ лица ихъ, блѣдный отъ поста и воздержанія, такъ рѣзко отличается отъ кофейнаго цвѣта туземцевъ Египта, что они показались намъ также бѣлы, какъ европейцы.

Эта любопытная секта ислама сравнительно недавняго происхожденія. Магометъ Али вывезъ вертящихся дервишей изъ Константинополя въ Каиръ назадъ тому приблизительно пятьдесятъ лѣтъ. Въ цивилизованныхъ странахъ нѣкоторую аналогію съ этой сектой представляютъ вертящіеся шекеры.

Глава IV.

Эль-Кагера, Нилъ, египетская премудрость, посѣщеніе Мемфиса и Сахары.— Песчаная буря въ пустынѣ „Городъ Фараоновъ“.—Храмъ Аписа, Мариетт-бей.— Кладбище священныхъ быковъ.—Фабрика древностей.—Морскіе тифоны и сухопутные сирокко.—Джизехскія пирамиды.—Старикъ Хеопсъ.—Восхожденіе солнца съ вершины пирамиды.—Внутренность пирамиды.—Царская комната.—Сфинксъ.—Нубійскій типъ красоты.—Каменный памятникъ не гарантируетъ безсмертнаго имени.

Эль-Кагера или, какъ называютъ его европейцы, Каиръ заложенъ былъ по распоряженію Али, супруга дочери Магомета, прелестной Фатимы. Нынѣшній новый городъ построенъ еще нѣсколькими столѣтіями позже и долженъ считаться совершеннымъ младенцемъ, такъ какъ въ Египтѣ, въ странѣ сѣдой древности, городъ, со времени основанія котораго прошло всего какихъ-нибудь девятьсотъ лѣтъ, еще весьма и очень юнъ. Каиръ, впрочемъ, самый старинный изъ мусульманскихъ городовъ (если не брать въ расчетъ Константинополя). Онъ построенъ на развалинахъ прежнихъ египетскихъ столицъ, неподалеку отъ древнихъ храмовъ-дворцовъ фараоновъ.

Таинственный Нилъ еще и по настоящее время катитъ свои грязныя, мутныя, илистыя воды чрезъ плодоносную страну, которая безъ нихъ давно уже обратилась-бы въ пустыню. Точь-въ-точь также текли эти воды во времена Іосифа и его братьевъ, въ нильскихъ же мутныхъ струяхъ купалась дщерь фараона, съ береговъ ихъ бѣжали Евреи отъ тяжелой работы и нѣсколько вѣковъ спустя та-же рѣка носила на себѣ пышныя галеры Клеопатры.

Египетъ издревле славился своею мудростью. Въ особенномъ почетѣ была тамъ магія, къ которой, чтобы успѣшнѣе дурaczyć народъ, прибѣгали фараоны, бывшіе заранѣе представителями и царской, и жреческой власти. Если вѣрить преданіямъ, въ глубокой древности люди умѣли владѣть особыми таинственными силами, и это искусство втеченіи долгихъ вѣковъ, сохранялось между Халдеями. Можетъ быть, древнимъ Египтянамъ знакомы были явленія животного магнетизма и ясновидѣнія, относительно которыхъ свѣдѣнія наши находятся еще и теперь въ состояніи младенчества. Въ такомъ случаѣ неудивительно, если египетскую мудрость въ древности народъ считалъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Въ Библии говорится, что Моисей былъ опытенъ въ египетской премудрости, но къ сожалѣнію необъясняется въ чемъ именно заключалась эта премудрость, право исключительнаго пользованіе которой такъ ревностно охранялось жреческой кастой и представителями ея, фараонами. Весьма вѣроятно, что въ тайны ея дѣйствительно былъ посвященъ и пріемышъ дочери Фараона. Исторія похода Моисея, во главѣ избраннаго Богомъ народа, чрезъ пустыню въ землю обѣтованную, даетъ нѣкоторыя указанія на то, что онъ дѣйствительно обладалъ умѣньемъ импонировать массѣ еврейскаго народа, невѣжественнаго, по крайней мѣрѣ, въ той-же степени, какъ и египтяне, у которыхъ онъ былъ въ рабствѣ.

Приглядѣвшись вдоволь къ достопримѣчательностямъ Каира (за исключеніемъ его базаровъ, на которые никогда вдоволь не насмотришься), мы устроили поѣзду къ развалинамъ Мемфиса и пирамидамъ Сагарры. Чтобы успѣть вернуться въ тотъ-же день, необходимо было подняться рано утромъ: и, дѣйствительно, восходящее солнце застало насъ уже на берегахъ Нила. Мостъ на баркахъ, служащій обычнымъ средствомъ сообщенія между обоими берегами, былъ разведенъ и приходилось переправляться на лодкѣ, причѣмъ для лодочниковъ мы обратились въ настоящее яблоко раздора. Въ качествѣ пассажировъ, намъ было все равно, кому именно придется насъ перевозить, а потому мы съ товарищемъ отошли въ сто-

рону отъ толпы кричавшихъ и ругавшихся арабовъ, предоставивъ имъ уладить дѣло, какъ имъ самимъ заблагоразсудится. На каждую попытку прикоснуться къ намъ или-же нашимъ вещамъ, мы тотчасъ-же отвѣчали палочнымъ ударомъ, замѣнявшимъ до извѣстной степени знаніе арабскаго языка, такъ какъ на Востоку вездѣ хорошо понимаютъ логику палки. Арабы страшно жестигулировали и грозили другъ другу вулаками, но мы знали, что вся эта буря угрозъ и негодованія окончится пустяками. Дѣйствительно, все мало-по-малу утихло, мы спокойно усѣлись въ лодку, принадлежавшую партіи, за которой осталась побѣда, и быстро очутились на другомъ берегу рѣки. Тамъ, на желѣзнодорожной станціи, мы сѣли на поѣздъ, на которомъ доѣхали до станціи Будармена, находящейся въ двѣнадцати миляхъ вверхъ по теченію Нила. Толпы грязныхъ арабовъ толпились въ вагонахъ третьяго класса, и по случаю разводки моста произошла такая задержка въ отправленіи поѣзда, что мы прибыли туда лишь въ десять часовъ утра. Со станціи наняли мы ослевъ и поѣхали разсматривать развалины Мемфиса, находящіяся отсюда въ разстояніи пяти миль. Солнце заволокло облаками и казалось, что надо бы ожидать проливнаго дождя. Но въ Египтѣ дождь идетъ очень рѣдко, и для человѣка, коротко знакомаго съ мѣстными условіями, тучи эти являлись несравненно худшими предвѣстниками, указывая на приближающуюся песчаную бурю. Едва успѣли мы отѣхать милю отъ станціи, какъ дѣйствительно разразилась самая бѣшеная буря. Вѣтеръ дулъ съ ужасающею силою и несъ съ собою цѣлыя тучи песку, которымъ рѣзало словно ножами. Не прошло и минуты, какъ несмотря на зеленые очки, насъ совершенно ослѣпило пескомъ, проникавшимъ въ глаза, уши и ротъ. Мы были въ песчаной пустынѣ и въ воздухѣ было такъ много песку, что въ десяти шагахъ ничего нельзя было различить передъ собою. Чтобы сколько-нибудь укрѣпиться отъ бури, мы повернулись къ ней спиной. Вой вѣтра и крикъ нашихъ ослевъ составляли вмѣстѣ такой концертъ, какого мнѣ до тѣхъ поръ никогда не

приходилось слышать и какого, я надѣюсь, никогда не услышать болѣе. Я читалъ о караванахъ, погибавшихъ отъ такихъ бурь и совершенно занесенныхъ песками, но до тѣхъ поръ никакъ не могъ себѣ представить всѣхъ ужасовъ подобной катастрофы. Я завязала себѣ лицо платкомъ, вмѣсто вуали, и мы мчались во всю ослиную прыть, пока не добрались до песчаного бугра, подъ прикрытіемъ котораго и переждали бурю. Она продолжалась всего около двадцати минутъ и послѣ нея почва осталась покрытою пескомъ, какъ-бы свѣжевыпавшимъ снѣгомъ. Какъ только затихло, мы снова пустились въ путь и скоро достигли несчастной деревушки изъ нѣсколькихъ мазанокъ, стоявшей тамъ, гдѣ находился прежде великій Мемфисъ, — гордая столица древняго Египта, откуда, какъ полагають, Фараонъ съ своими колесницами выступилъ въ погоню за евреями, бѣжавшими изъ рабства. Часть мѣстности покрыта прелестной пальмовой рощицей, образующей собой кладбище, достойное похороненнаго подъ ней города. По свидѣтельству древнихъ историковъ, Мемфисъ имѣлъ въ окрестности болѣе семнадцати миль. Въ настоящее время развалины знаменитыхъ его храмовъ погребены подъ песками пустыни и осадочными наносами рѣки. Во многихъ мѣстахъ произведены раскопки и повсюду почва покрыта осколками гранитныхъ и мраморныхъ статуй. На землѣ лежитъ колоссальная фигура, какъ полагають, статуя Сезостриса; обращенное вверхъ лицо ея носить на себѣ отпечатокъ добродушнаго спокойствія съ оттѣнкомъ грустной задумчивости, что вполне гармонируетъ съ остальной обстановкой. Нѣкогда могущественный царь и правитель лежитъ теперь разпростертый на землѣ, на развалинахъ своей столицы. Дисгармонію составляли лишь толпы арабовъ, осаждавшіа насъ крикливыми просьбами бакшиша, которые ссорились и дрались между собой за нѣсколько брошенныхъ имъ мѣдныхъ монетъ, словно стая голодныхъ собакъ.

Отдохнувъ немножко, мы пустились опять въ путь къ пирамидамъ Сакарры, находящимся въ четырехъ миляхъ разстоянія отъ Мемфиса. На пути насъ захватила опять песчаная буря, повиди-

тому еще сильнѣе первой. Къ счастью, она дула намъ въ затылокъ и мы мчались среди вѣтра, сбивавшаго почти съ ногъ нашихъ ословъ. Пирамиды эти древнѣе Джизехскихъ, находящіяся близъ Каира, и сравнительно гораздо болѣе разграблены. Неподалеку отъ нихъ лежитъ Серапеумъ или храмъ Аписа и катакомбы, въ которыхъ погребались священные быки. Катакомбы эти найдены лишь недавно и принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ памятниковъ древняго Египта. Открытіемъ ихъ обязаны предприимчивости одного француза Маріеттъ-бея, потратившаго на раскопки много времени и денегъ. Мы укрылись отъ бури въ маленькомъ шалаши, устроенномъ имъ для себя на мѣстѣ работъ. Тутъ встрѣтили мы старика, заявившаго намъ, что онъ шейхъ племени, которому принадлежитъ эта часть пустыни или другими словами, право собирать подать со всѣхъ прѣзжающихъ сюда путешественниковъ. Заплативъ требуемое, мы взяли въ проводника молодого араба и пустились на развѣдки. Поверхность страны на многія мили во всѣхъ направленіяхъ представляетъ собою бесплодную песчаную степь и развалины древнихъ построекъ, на десятки футъ, покрыты заносами. Между тѣмъ, въ прежнія времена мѣстность эта отличалась такимъ же плодородіемъ, какъ и остальная часть нильской долины. Можетъ быть съ тѣхъ поръ рѣка отчасти измѣнила свое направленіе остальное объясняется поступательнымъ движеніемъ пустыни, постоянно захватывающей все большее и большее пространство.

Мы спустились ко входу въ катакомбу по наклонной тропинкѣ, и когда зажгли свѣчи, увидѣли, что находимся въ длинной, вырубленной въ скалѣ, галлерей, служившей кладбищемъ для быковъ, которыхъ при жизни боготворили въ находившемся рядомъ храмѣ Аписа. Изъ галлерей выходятъ двадцать четыре ниши, выдѣланныя въ известнякѣ и напоминающія видомъ своимъ придѣлы въ католическихъ церквахъ. Въ каждой изъ этихъ нишъ находится громадный саркофагъ, изсѣченный изъ цѣльнаго куска чорнаго порфира. Всѣ саркофаги сдѣланы по одному образцу въ шест-

надцать футъ длины, восемь футъ ширины и около девяти футъ вышины. Лицевая сторона покрыта иероглифами. Ребра и углы граней такъ свѣжи и такъ хорошо сохранились, что кажутся лишь вчера оконченными. На нѣкоторыхъ саркофагахъ вырѣзка иероглифовъ была еще только что начата и, повидимому, работа была прервана внезапно. Всѣ саркофаги отполированы снаружи и изнутри такъ гладко, какъ стекло. Почти со всѣхъ тяжелыхъ крышекъ немного сдвинуты, такъ что можно осмотрѣть внутренность. Теперь всѣ гробницы совершенно пусты, такъ какъ останки священныхъ быковъ давно уже истлѣли.

Съ помощью товарищей я спустился въ одинъ изъ саркофаговъ, чтобы ознакомиться съ нимъ поближе. Онъ былъ настолько просторенъ, что могъ бы вмѣстить цѣлаго мамонта. Внутренняя поверхность была отлично отшлифована, боковыя стѣнки, при ударѣ въ нихъ рукою, издавали чистый звукъ, подобный колокольному звону. Было странно и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно стоять со свѣчею въ рукѣ въ каменномъ гробѣ священнаго быка! „Таковы то твои боги, о, Египеть!“ Неудивительно ли что народъ, достигшій сравнительно значительнаго развитія въ наукахъ и искусствахъ, знаменитый своею мудростью, оставившій послѣ себя постройки, развалинамъ которыхъ удивляется мѣръ, обожалъ четвероногихъ животныхъ, птицъ и пресмыкающихся! Сколько потрачено денегъ, времени и труда на то, чтобъ вырубить въ скалѣ эти длинныя галереи, привести тяжелыя порфиrowныя глыбы изъ горъ, удаленныхъ отъ сюда на цѣлыя сотни миль, обдѣлать и отшлифовать ихъ съ дивнымъ искусствомъ и потомъ разставить по нишамъ для того чтобъ сдѣлать изъ нихъ гробницы быкамъ. Вся эта работа была выполнена людьми, незнакомыми съ употребленіемъ машинъ, такъ соображающихъ теперь трудъ, даже повидимому, не имѣвшими желѣзныхъ инструментовъ, такъ какъ въ произведенныхъ раскопкахъ никакихъ желѣзныхъ орудій, кажется еще не было найдено. Впрочемъ вмѣсто желѣза древніе египтяне употребляли сплавъ изъ мѣди и олова, обладавшій твердостью и эластичностью

стали. Въ настоящее время искусство составлять такую бронзу утрачено и ее не съумѣютъ приготовить ни на одной фабрикѣ Бирминггама и Шеффилда. Изъ ватакомѣ отправились мы въ сѣднїй храмъ Аписа и осмотрѣли нѣсколько комнатъ, только что очищенныхъ отъ песку. Комнаты выложены внутри бѣлымъ мраморомъ. Рисунки на стѣнахъ и потолкахъ такъ свѣжи и краски на нихъ такъ ярки, какъ будто работа была выполнена только вчера. Усѣвшись на песокъ въ одной изъ этихъ комнатъ, среди картинъ, достовѣрно принадлежавшихъ художникамъ старой школы (писанныхъ примѣрно такъ около 4000 лѣтъ тому назадъ), мы принялись завтракать и пили англійскій эль въ память покойныхъ „маэстро“ картины которыхъ смотрѣли на насъ со стѣнъ храма. Затѣмъ мы бросили объѣдки ихъ потомкамъ, сопровождавшимъ насъ, голоднымъ бедуинамъ, которые тотчасъ же убрали все до крошки.

Пробывъ около трехъ часовъ въ Сакаррѣ, пустились мы въ обратный путь. Сначала мы имѣли было намѣреніе отправиться на прямикъ черезъ пустыню въ Джизехъ, но это оказалось весьма опаснымъ, если совершенно невозможнымъ. Впродолженіе цѣлаго дня, съ небольшими перерывами дулъ сильный Сирокко. На пути къ желѣзно-дорожной станціи, захватили насъ два страшныхъ порыва. Мнѣ пришлось на опытъ познакомиться съ морскими тифонами и я могу сказать, что гораздо прїятнѣе встрѣтить лицомъ къ лицу тихоокеанскій циклонъ, имѣя подъ собою хорошій прочный корабль, чѣмъ, сидя на несчастномъ полуиздохшемъ ослѣ, претерпѣть бурю въ африканской пустынѣ, гдѣ вмѣсто волнъ, носится цѣлыми горами песокъ.

Большія Джизехскія пирамиды находятся за рѣкой, на самомъ рубежѣ пустыни, въ разстояніи около шести миль отъ Каира. Туда стоитъ отправиться, чтобы посмотрѣть солнечный восходъ съ вершины пирамиды Хеопса. Къ Джизеху ведетъ ровная, гладкая, шоссированная дорога. Переправившись по новому желѣзному мосту черезъ Ниль, мы ѣхали около трехъ миль прелестною аллею изъ

акацій, мимо дворца вице-короля и длинных лагерных барачков, вокруг шныряли жирные, полусонные солдаты, повидимому, болѣе счастливые, сытые и лучше одѣтые, чѣмъ феллахи, изъ которыхъ они набираются. Въ прежнія времена, чтобы избавить сына отъ рекрутчины, отецъ нерѣдко выкалывалъ ему правый глазъ или отрубалъ первый суставъ большого пальца правой руки. Но это умышленное уродованіе прекратилось, когда паша сталъ брать въ службу калѣкъ и составилъ изъ нихъ цѣлый полкъ, оказавшійся ничуть не хуже остальныхъ полковъ египетской арміи, что впрочемъ не должно разсматриваться, какъ особенный комплиментъ. На протяженіи послѣднихъ трехъ миль, дорога идетъ по плотивѣ или греблѣ, а потому не заливается водой при выступленіи Нила изъ береговъ. Финиковыя пальмы, группы которыхъ разбросаны тамъ и сямъ по равнинѣ, стоятъ въ полномъ цвѣту. Надо замѣтить что здѣшніе финики самые вкусныя во всемъ свѣтѣ. Навстрѣчу попадались сотнями ослы и верблюды, медленно тянувшіеся въ Каиръ съ громадными грузами овощей и свѣже скошенной травы. По другой сторонѣ дороги, растиались поля пшеницы, маису, клевера и чечевицы. Здѣшняя почва такъ богата, что кажется на видъ жирною и производитъ необыкновенно пышную растительность. Пшеница даетъ изъ году въ годъ отъ двухъ до трехъ урожаевъ, травы и огородныя овощи даютъ четыре сбора.

Давно уже пирамиды были передъ нами, какъ на ладони, но подъ безоблачнымъ небомъ на обширной равнинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ предметовъ для сравнительнаго опредѣленія разстоянія, глазомѣръ сильно обманываетъ. Такъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ пирамидамъ, онѣ, казалось намъ, становились все меньше и меньше пока наконецъ мы подѣхали къ самому подножію большой пирамиды Хеопса. Экипажъ тотчасъ-же окружила толпа арабовъ; мы прогнали ихъ всѣхъ прочь и послали за мѣстнымъ шейхомъ, приписывающимъ себѣ власть надъ этими дикими дѣтьми пустыни. Мы поручили шейху выбрать для каждаго изъ насъ по

два человекѣ изъ окружавшей толпы и тотчасъ же стали взбираться на пирамиду. Рисунокъ можетъ дать лишь слабое понятие о громадности этого обширнаго сооруженія. Пирамида имѣетъ въ вышину четыреста восемьдесятъ футовъ, и слѣдовательно значительно превышаетъ самыя высокія европейскія башни. Она на двѣсти футовъ выше купола церкви св. Троицы въ Нью-Йоркѣ. Основаніе пирамиды (занимающее площадь въ двѣнадцать акровъ), представляетъ собою квадратъ, сторона котораго имѣетъ въ длину семьсотъ шестьдесятъ четыре фута. Постройка, для доставки камня, насыпной дороги до Нила потребовала-бы десяти тысячъ рабочихъ ежедневно, продолженіе десяти лѣтъ, а постройка самой пирамиды — триста шестьдесятъ тысячъ, въ теченіи двадцати лѣтъ. Трудность восхожденія на пирамиду зависитъ не столько отъ крутизны подъема, сколько отъ громадности каменныхъ ступеней, по которымъ приходится взбираться. Съ каждой стороны по Арабу ухватили насъ за руки и поднимали съ одной ступени на другую. Каждая ступень, при широтѣ отъ одного до двухъ футовъ, имѣетъ фута три въ вышину. Взобравшись примѣрно на одну треть высоты, мы остановились немножко отдохнуть. Тутъ появился Богъ знаетъ откуда еще Арабъ, предложившій намъ свои услуги, показывая мимикой, какъ ловко будетъ онъ насъ подсаживать сзади. Ожидая что мы, прежде чѣмъ доберемся до верху, почувствуемъ жажду и охотно заплатимъ имъ нѣсколько шаестровъ, лѣзли слѣдомъ за нами ребяташки съ водою въ маленькихъ глиняныхъ бутылочкахъ. Арабы были совершенно нагипомъ, за исключеніемъ бѣлыхъ бумажныхъ сорочекъ и болтали между собою безъ умолку. Для нихъ казалось было вовсе неутомительно вспрыгивать со ступени на ступень и встаскивать насъ туда за собою. Наверху пирамида, оканчивается площадкой имѣющей около двадцати пяти футовъ въ каждую сторону. Верхушка и мраморныя плиты которыми была одѣта пирамида, сняты во времена калифовъ и употреблены на постройку мечетей и дворцовъ въ Каирѣ. Мы взобрались до верху какъ разъ во время, чтобы увидѣть восхожденіе солнца надъ песчанымъ океаномъ великой пустыни. Оттуда

развертывалась передъ нами одна изъ самыхъ дивныхъ панорамъ въ мірѣ такъ какъ сухость и чистота атмосферы въ Египтѣ, позволяютъ различать предметы на весьма большое разстояніе.

Подъ ногами у насъ извивался Ниль на зеленомъ коврѣ, по которому тамъ и сямъ разбросаны деревушки; тутъ же разстилался Каиръ съ его куполами, минаретами и дворцами, сверкающими въ лучахъ утренняго солнца и вездѣ вокругъ — бѣлые, блестящіе пески безпредѣльной пустыни.

Арабы указали подпись принца Уэльскаго, собственноручно (и надо сознаться довольно скверно) вырѣзанную имъ на камнѣ, и предлагали намъ тоже молотокъ и рѣзецъ, но мы отказались отъ этого дешеваго способа увѣковѣчить свое имя, начертавъ его на такой вышинѣ, на каменныхъ плитахъ, рядомъ съ именами: Джонсовъ, Смитовъ и Робинзоновъ, покрывающими каждый почти безъ исключенія дюймъ верхней площадки. Спускаться съ пирамиды оказалось еще труднѣе, чѣмъ на нее взбираться. Нужны сильные нервы, чтобы, стоя на уступѣ шириною въ какой нибудь футъ, смотрѣть внизъ съ такой ужасающей высоты. Къ счастью, проводники-Арабы не выпускали нашихъ рукъ изъ своихъ, до самого того времени, пока мы не достигли „твердой земли“, когда, получивъ обильный бакшишъ, они принялись плясать вокругъ насъ не хуже дикихъ индѣйцевъ, расхваливая доброту Янки-Дудль. Этому титулу, повидимому, приписываютъ въ Египтѣ высокое значеніе и обращаясь къ американцу, употребляютъ его въ качествѣ особаго комплимента. Мы расположились отдыхать въ тѣни пирамиды на громадныхъ глыбахъ тесанаго камня. Подерѣшивъ себя завтракомъ и трубкой ароматическаго табаку, мы пустились въ длинный, темный и узкій проходъ, ведущій вовнутрь большой пирамиды. То спускаясь внизъ, то подымаясь вверхъ, мѣстами пробираясь почти ползкомъ, мы достигли наконецъ царской комнаты. Тамъ, несмотря на наши свѣчи, царствовалъ такой мракъ, что его, казалось, можно было ощупать рукою. Комната, выложенная изнутри полированнымъ гранитомъ-имѣеть въ длину тридцать четыре, въ ширину восемнадцать и въ вы,

шину около двадцати футовъ. Въ срединѣ ея стоитъ красный гранитный саркофагъ, въ которомъ, еще за нѣсколько вѣковъ до Моисея, погребенъ былъ царь Хеопсъ. Воздухъ внутри пирамиды былъ такъ душливъ, что мы не могли тамъ долго оставаться и спѣшили вернуться опять на Божій свѣтъ. Вторая и третья пирамиды по величинѣ, немногимъ уступаютъ пирамидѣ Хеопса; остальные же шесть, гораздо меньше. Передъ большою пирамидой, лицомъ къ рѣкѣ, лежитъ сфинксъ. Это фантастическое животное во все времена разсматривалось, какъ одно изъ самыхъ достопримѣчательныхъ чудесъ Египта. Надъ песками вздымается колоссальная женская голова, приврѣпленная къ туловищу львицы. Туловище занесло пескомъ, но сдѣланныя кругомъ раскопки, позволяютъ осмотрѣть его формы, изсѣченныя изъ твердой скалы.

Голова имѣетъ толстыя губы и выдающіяся скулы нубійской расы, и представляетъ собою, по всемъ вѣроятіямъ, типъ древне-египетской красоты. Въ окружности голова сфинкса имѣетъ около ста футовъ. Лицо сильно пострадало отъ времени и умышленной порчи, но тѣмъ не менѣе сохранило выраженіе спокойной красоты и отвлеченнаго созерцанія; подобное выраженіе встрѣчается также у колоссальныхъ буддійскихъ идоловъ Японіи и Индіи. Вообще, вся фигура хорошо задумана и должна была производить сильное впечатлѣніе на умы сусвѣрныхъ ея поклонниковъ.

На возвратномъ пути въ Каиръ, мы остановились, чтобы взглянуть еще разъ на эти чудовищныя постройки и подивиться, какое несчетное количество труда потрачено было на нихъ безъ всякой практической пользы. Если памятники эти были воздвигнуты единственно лишь съ цѣлью увѣковѣчить имена ихъ строителей, фараоновъ, царей или главныхъ жрецовъ, то попытка достигнуть подобнымъ образомъ безсмертія оказалась совершенно тщетною, такъ какъ имена строителей, въ большинствѣ случаевъ, изгладились.

„Гордо стоятъ монументы царей, самое имя которыхъ
Давно ужъ безслѣдно кануло въ алчную бездну время.“

Глава V.

Неожиданная отсрочка.—Паша въ дорогѣ.—Много женъ—много хлопотъ.—Евнухъ Нубецъ.—Египетская желѣзная дорога.—Прѣсноводный каналъ, станція Загъ-а-Зигъ.—Турецкій денди въ старинномъ вкусѣ.—Поѣздъ, занесенный пескомъ.—Арабы и арабскій языкъ.—Измаилія.—Вода лучше золота.—Фердинандъ Лессепсъ—На всѣхъ парахъ по Суецкому каналу.—Возможность взлетѣть на воздухъ.—Портъ Саидъ—серебряныя ворота Востока.—Городъ въ калифорнскомъ вкусѣ не признающій воскресныхъ дней.—Арабскій фокусникъ.

Пароходъ, на которомъ мы намѣревались совершить наше путешествіе, былъ задержанъ въ Лондонѣ дольше чѣмъ, слѣдовало ожидать. Узнавъ, что онъ прибудетъ ко входу въ Суецкій каналъ еще не ранѣе двухъ недѣль, мы рѣшились воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобъ сдѣлать (черезъ портъ Саидъ и Яффу) маленькую прогулку въ Іерусалимъ и обратно.

Намъ слѣдовало ѣхать сперва отъ Каира до Измаиліи около сотни миль по желѣзной дороги, а затѣмъ Суецкимъ каналомъ до Порты-Саида. На станціи, въ ожиданіи отправления поѣзда, пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ характеристической картинѣ турецкаго супружескаго быта внѣ гарема. Почтенный старшій турокъ, роскошный костюмъ и множество прислужниковъ котораго, указывали на богатство и видное положеніе въ обществѣ, вмѣстѣ съ двумя изъ своихъ женъ, также собрался ѣхать по желѣзной дорогѣ. На вокзалѣ турецкія дамы сидѣли въ отдѣльной комнатѣ и мы увидѣли ихъ лишь за минуту до отхода поѣзда, когда онъ шли вмѣстѣ съ мужемъ въ особое семейное отдѣленіе вагона. Онѣ были одѣты въ

широкія бѣлыя платья и такъ укутаны вуалями, что нельзя было разсмотрѣть даже глазъ. Рядомъ съ каждой изъ дамъ шелъ евнухъ, черный какъ Эребъ. Дамъ усадили и тотчасъ же опустили шторы. Евнухи втащили въ тотъ же вагонъ нѣсколько большихъ узловъ, въ которыхъ, повидимому, увязаны были шелковыя и атласныя платья, обернутыя въ мату. Восточныя дамы путешествуютъ обыкновенно безъ сакъ-воажей и чемодановъ. Старшій евнухъ былъ рослый, хорошо сложенный нубецъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ. За исключеніемъ фески, онъ былъ одѣтъ по-европейски, въ патентованныхъ сапогахъ и вообще окончательно франтовски. Онъ съ величайшимъ анпломбомъ отдавалъ приказанія толпѣ прислужниковъ — коричневымъ арабамъ. Стоя у дверей вагона и выслушивая прощальныя распоряженія своего паши, онъ крайне подозрительно поглядывалъ на насъ, блѣднлицыя чужеземцевъ. Воображаю, что ему было предписано, въ качествѣ довѣреннаго слуги, маіордома и старшаго смотрителя гарема, глядѣть въ оба за оставленными дома женами, въ особенности же за молодой черноглазой черешенной, какой-нибудь „Лулу“, которая, въ отсутствіе своего мужа и господина, что-то ужъ черезчуръ много шляется по базарамъ. Поѣздъ тронулся и евнухъ отправился въ обратный путь, въ той самой роскошной каретѣ, въ которой паша со своими женами пріѣхалъ на станцію. Эта желѣзная дорога, какъ и всѣ прочія въ Египтѣ, принадлежитъ хедиву и служащіе на ней — чиновники египетскаго правительства. Она хорошо построена и снабжена отличнымъ подвижнымъ составомъ: вагоны и локомотивы, были заказаны во Франціи. Мы тронулись изъ Каира въ девять часовъ утра и ѣхали съ часъ времени внизъ по теченію Нила, затѣмъ свернули на востокъ и пустились вдоль прѣсноводнаго канала, построеннаго въ древности фараонами для того, чтобы соединить Ниль съ Чернымъ моремъ въ Суецъ. Съ теченіемъ вѣковъ каналъ этотъ занесло песками пустыни, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ вновь расчищенъ на протяженіи до Измаилии, для того, чтобы снабдить водою этотъ новый „городъ пустыни“, расположенный на-

берегу озера Тимсы, центральной станціи великаго Суецкаго канала, какъ-разъ на половинѣ пути между Средиземнымъ и Чернымъ морями.

Около полудня прибыли мы на станцію Зигъ-а-Загъ, гдѣ были оиать осажжены толпой полунагихъ попрошайекъ, протягивавшихъ руку и настоятельно требовавшихъ бакшиша. Тутъ намъ надо было ждать два часа и пересѣсть на поѣздъ, шедшій изъ Александріи черезъ Измаилію въ Суецъ. Въ просторномъ и хорошо устроенномъ вокзалѣ имѣется отель, содержатель которой, французъ, снабдилъ насъ очень изряднымъ обѣдомъ. Туземные сторожа и желѣзнодорожные чиновники вообще очень вѣжливы и внимательны, особенно-же по отношенію къ пассажирамъ перваго класса, которые, въ большинствѣ случаевъ, европейцы. По-французски они говорятъ не хуже чѣмъ по-арабски, но немногіе лишь понимаютъ сколько-нибудь по-англійски. Во время прогулки по платформѣ, покрытой густою толпой, представлявшей образчики всѣхъ классовъ общества и всевозможныхъ національностей, мнѣ особенно бросился въ глаза нарядный костюмъ одного стараго, сѣдобородаго турецкаго офицера. Онъ былъ въ красной чалмѣ, широкихъ синихъ шальварахъ и подпоясанъ кашмирскою шалью, за которую заткнуты были: пара красивыхъ пистолетовъ въ серебряной оправѣ и ятаганъ въ серебряныхъ ножнахъ. Вообще, офицеръ производилъ большой эффектъ въ толпѣ полунагихъ, несчастныхъ феллаховъ. Хотя онъ и былъ вооруженъ съ ногъ до головы, но это меня нисколько не запугало. Я подошелъ къ нему и, вѣжливо поклонившись, выразилъ мимикой, что восхищаюсь его оружіемъ. Это пришлось такъ по душѣ старику-турку, что онъ вытащилъ свой ятаганъ и подаль его мнѣ для ближайшаго разсмотрѣнія. Ятаганъ былъ оправленъ въ серебро и очень красивъ, но до крайности тупъ и заржавленъ; пистолеты съ кремневыми замками были безъ кремней, такъ что въ концѣ-концовъ весь „грозный воинскій уборъ“ оказывался на повѣрку грознымъ лишь по наружности. Съ моимъ миниатюрнымъ Смитомъ и Вессономъ или даже просто съ доброй, здоровой палкой, я-бы навѣрное могъ заставить его сдаться на капитуляцію.

На слѣдующей станціи мы были свидѣтелями интересной сцены. По сосѣдству стояло лагеремъ около тысячи человѣкъ египетскихъ солдатъ. Они одѣты въ чистые, бѣлые кителя, большую частію рослый, сытый и повидимому пригодный къ службѣ народъ. Офицеры носятъ темносиніе сюртуки и красные шалвары; какъ офицеры, такъ и солдаты — въ красныхъ фескахъ. Лишь только поѣздъ остановился, солдаты бросились къ вагонамъ и стали карабкаться на нихъ со всѣхъ сторонъ. Офицеры ревностно отгоняли ихъ прочь полновѣсными ударами бамбуковыхъ тростей. Солдаты, казалось, нисколько не оскорблялись подобнымъ съ ними обращеніемъ и разбѣжались прочь, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Такое рабское подчиненіе палкѣ показываетъ характеристичное отсутствіе мужества, и чувства собственного достоинства у нынѣшнихъ египтянъ. Никакой солдатъ цивилизованной націи не позволилъ-бы поступать съ собою подобнымъ образомъ. Въ самой Индіи ударъ, нанесенный офицеромъ даже самому ничтожному сипаю, повлекъ-бы за собой или немедленное отпущеніе, или-же несчастный солдатъ лишился-бы самъ себя жизни, подѣ влияніемъ чувства глубоко-оскорбленнаго самоуваженія.

Признаки растительности становились все слабѣе и слабѣе и ограничивались нѣсколькими, деревьями зеленѣющими на узкой полосѣ плодородной земли, тянувшейся вдоль вновь расчищеннаго прѣсноводнаго канала. Кругомъ разстилалась песчаная степь, изрытая нанесенными вѣтромъ, буграми. Вдругъ скорость хода нашего поѣзда стала замедляться и наконецъ, часовъ около четырехъ пополудни, онъ совершенно остановился. Дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и остановка произошла отъ того, что рельсы совершенно исчезли подъ слоемъ мелкаго песку. Мы были въ песчаномъ сугробѣ.

Я живо припоминаю себѣ ощущенія, испытанныя мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, засѣлъ, тогда на полупути отъ станціи въ снѣгу; но здѣсь было дѣло совершенно другое. Выйдя сначала изъ поѣзда, чтобы осмотрѣться, мы были рады-радешеньки попасть опять въ вагоны и заперли какъ можно плотнѣе всѣ

окна и двери, такъ какъ, при сильномъ сирокко, песокъ пробирался за платье и залѣзалъ въ глаза въ то время, какъ вой туземцевъ, расчищавшихъ путь, наполнялъ намъ уши самыми дисгармоническими звуками. Изо-всѣхъ нарѣчій, которыя мнѣ приходилось когда-либо слышать между язычниками или христіанами, арабское требуетъ, повидимому, наиболѣе словъ для выраженія наименьшаго количества мыслей. Арабы чрезвычайно словоохотливы, и будь это за работой или за бездѣльемъ, я готовъ прозаикладывать голову, что они въ данное время, наговорятъ втрое больше тѣхъ трехъ коробовъ, которые могъ бы наказать на ихъ мѣстѣ какой-бы то ни было другой, самый болтливыи народъ въ мірѣ. Иностранцу можетъ показаться, что они вотъ-вотъ сейчасъ вцѣплятся другъ въ друга, но до драки дѣло доходить сравнительно весьма рѣдко: обыкновенно-же самая отчаянная ихъ брань остается въ сущность только „звукъ пустой“. Наконецъ, послѣ долгой остановки, поѣздъ тронулся, но вскорѣ опять засѣлъ въ песокъ. Какъ-какъ добрались мы до Измаиліи, опоздавъ прибытіемъ на нѣсколько часовъ. Впрочемъ, весь причиненный нашимъ особамъ вредъ можно было исправить, вымывшись въ банѣ и выколотивъ хорошенько песокъ изъ платья.

Измаилія, названная такъ въ честь египетскаго хедива, была, четыре года тому назадъ, городомъ, возбуждавшимъ блестящія надежды. Судьба Измаиліи представляетъ собою сколокъ съ исторіи многихъ городовъ, возникавшихъ вдоль линій большихъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Выгодное ея положеніе на берегу озера Тимсы, на половинѣ пути между Портъ-Саидомъ и Суецомъ, указывало, повидимому, на то, что городу этому предстоитъ самая блестящая будущность. Еще въ предшествовавшую мою поѣздку, три года тому назадъ, Измаилія была цвѣтущимъ городомъ съ пятитысячнымъ населеніемъ. Спекуляція захватила въ свои руки торговлю участвами подъ постройку, и новые дома, хотя и не очень обстоятельные, но вполне пригодные въ египетскомъ климатѣ, росли какъ грибы. Въ городѣ имѣлся большой, отлично меблированный отель и общественный скверъ, широкія улицы об-

сажены были тѣнистыми деревьями, вдоль которыхъ въ канавкахъ текли ручьи чистой прѣсной воды. По сосѣдству выстроено было нѣсколько хорошенькихъ дачекъ, окруженныхъ садами.

Поговорка: „Вода—это золото“, справедлива въ Египтѣ не менѣе, чѣмъ въ Индіи. Впрочемъ, и въ Америкѣ можно указать примѣръ магическаго превращенія пустыни въ цвѣтущій садъ. Этого результата достигли мормоны, проведя воду въ окрестности Соленого озера. За городомъ, между Измаиліей и пустыней разведена роща, деревья которой растутъ прямо изъ песчаной почвы, но остаются тѣмъ не менѣе свѣжими и зелеными, благодаря водѣ, проведенной туда безчисленными мелкими каналами. Когда деревья эти вполнѣ подрастутъ, они будутъ служить городу хорошей защитой отъ наносныхъ песковъ пустыни. Пески эти, производящіе такое безотрадное впечатлѣніе, состоятъ не изъ одного лишь кремнезема, а представляютъ смѣсь глинистаго мергеля и песку, которой недостаетъ лишь немного воды для того, чтобы преобразоваться въ богатую плодородную почву. Суэзская пустыня, простирающаяся на девяносто миль отъ Нила къ Черному морю, была безъ сомнѣнія, вдревности хорошо орошена и представляла собою плодородную мѣстность, обработанную какъ садъ. Тотъ фактъ что она обратилась теперь въ бесплодную пустыню, объясняется или пониженіемъ Нильскаго русла, или же перемѣной въ направленіи теченія, вслѣдствіе которой восточные оросительные каналы изсягли. Еслибъ Ниль пересталъ протекать по Египту, то вся эта страна превратилась бы въ точно такую же пустыню.

Нынѣшняя Измаилія представляетъ собою печальный контрастъ съ тѣмъ, чѣмъ она, три года тому назадъ, обѣщала сдѣлаться. Такъ какъ намъ пришлось остановиться здѣсь на цѣлый день, то мы имѣли случай осмотрѣть этотъ городъ, представляющій самую большую заброшенную деревню, какую мнѣ когда либо случалось видѣть.

Изъ числа всѣхъ домовъ жилыхъ теперь было не болѣе двадцати, да и то по большей части салоны для игры на бильярдѣ и въ карты. Въ городѣ осталось не болѣе тысячи жителей, которые, какъ кажется, не уxo-

дять только по недостатку средствъ на переселеніе. Роскошный отель закрытъ, часть его богатой мебели перенесена въ другую, несравненно меньшую, гостиницу, въ которой мы оказались единственными посѣтителями.

Большой дворець, выстроенный египетскимъ вице-королемъ для приѣма французской императрицы, принца Уэльскаго и другихъ царственныхъ особъ, совершенно заброшенъ, окна въ немъ выбиты. дворъ на половину занесенъ пескомъ. Въ Измаиліи находится центральная администрація канала и хорошенькая дача Фердинанда Лессега, окруженная рощей полутропическихъ деревъ и напоминающая собой оазисъ въ пустынѣ. Лессепъ все еще стоитъ во главѣ управленія канала, и несмотря на семьдесятъ лѣтъ, сохранилъ вполнѣ всю свою умственную и физическую энергію, давшую ему нѣкогда возможность преодолѣть такія трудности которыя сломили бы мужество обыкновеннаго человѣка, и пособившая привести къ окончанію одно изъ величайшихъ сооруженій инженернаго искусства девятнадцатаго столѣтія. Суецкій каналъ останется въ потомствѣ памятникомъ Лессепу болѣе величественнымъ, чѣмъ монументы, воздвигнутые изъ мрамора или бронзы.

Лессепъ попался намъ на встрѣчу въ фаэтонѣ съ молодой своей женой и тремя дѣтьми, старшему изъ которыхъ было не болѣе пяти лѣтъ. Фаэтонъ этотъ былъ единственнымъ колеснымъ экипажемъ оставшимся въ городѣ и единственнымъ же признакомъ жизни на улицахъ, если не брать въ расчетъ нѣсколькихъ несчастныхъ ословъ съ ихъ погонщиками и мальчишка, предлагавшаго свои услуги по специальности чистки сапогъ. Быть можетъ, это былъ тотъ же мальчикъ, который три года тому назадъ, когда Измаилія была еще цвѣтущимъ городомъ, обращался ко мнѣ, объясняя пантомимой предлагаемую имъ услугу, съ вопросомъ, не дадите ли шиллингъ сэръ? Маленькій разбитной мальчишка арабъ стоялъ у дверей гостиницы и мимика его была такъ выразительна, какъ если бы онъ говорилъ по англійски. Я рискнулъ дать ему почистить свои сапоги за шиллингъ. Двуручная щетка, коробка съ ваксой и терка была такъ „à la New York“, что они ни за что не могли разсматриваться

как туземный продукт этого перекрестка Азии и Африки, но были, вѣроятно, ввезены сюда какимъ нибудь предприимчивымъ ньюіоркскимъ гаженомъ, вѣроятно во время празднествъ при открытіи канала. Кто знаетъ, быть можетъ, гаженъ этотъ, подобно странствующему жиду, все еще продолжаетъ рыскать по свѣту, и будущіе путешественники отыщутъ слѣды распространенной имъ цивилизаціи по отрасли чистки сапогъ между кантонскими и пекинскими мальчишками или какъ ихъ называютъ англичане „поросячьими хвостами“ (pigtales).

Въ Измаилии находятся громадныя насосы, устроенныя обществомъ Суецкаго канала для снабженія прѣсною водою города Портъ-Саида, находящагося отсюда на разстояніи сорока-двухъ миль. Насосы эти стоятъ того, чтобы ихъ посмотреть. Мощныя паровыя машины, чрезвычайно изящной отдѣлки, были заказаны во Франціи. При осмотрѣ насосовъ, мы имѣли счастье встрѣтиться съ Лессенсомъ. — основателемъ канала, какъ его здѣсь называютъ, который былъ такъ добръ, что показалъ намъ машины и объяснилъ много интересныхъ подробностей касательно администраціи канала.

День клонился уже къ вечеру, когда мы сѣли на маленькій пароходикъ, не болѣе тридцати футовъ длиною, съ машиною высокаго давленія. Пароходикъ этотъ шипѣлъ и пыхтѣлъ сильнѣе другаго большаго океанскаго парохода, идущаго на всѣхъ парахъ, такъ что невольно представлялась пріятная возможность взрыва котла, причѣмъ насъ разнесло бы разумѣется на куски по берегамъ канала и окружающей ихъ пустыни. До Портъ-Саида пароходъ идетъ пять часовъ. На всякій случай мы рѣшили провести это время на палубѣ, пожѣстившись какъ можно дальше отъ котла, и приготовились прыгнуть въ воду при первомъ, сколько-нибудь необыкновенномъ шумѣ въ машинномъ отдѣленіи. Разъ только, по приглашенію капитана, вниманію котораго мы были специально рекомендованы, сошли мы въ миниатюрную каюту, но тамъ такъ ясно было слышно черезъ тонкую перегородку, какъ кочегаръ и машинистъ общими силами ревностно подбрасывали и ворочали въ печи уголь, что мы успѣли вернуться на палубу, находя, что тамъ

подвергаемся не въ примѣръ меньшей опасности, при томъ же съ палубы удобнѣе было осматривать окрестности канала.

Поздно ночью прибыли мы въ Портъ-Саидъ, гдѣ рассыльные отъ различныхъ отелей тотъ часъ же набросились на багажъ, какъ это, впрочемъ дѣлается во всѣхъ безъ исключенія портовыхъ городахъ. Въ такихъ случаяхъ слова обыкновенно не дѣйствуютъ: единственный убѣдительный аргументъ — здоровая добрая палка. Въ Портъ-Саидѣ имѣется нѣсколько отелей, все содержимыхъ французами, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть рекомендованъ, какъ сколько-нибудь порядочный.

Городъ самъ по себѣ весьма оживленный. Народонаселеніе главнымъ образомъ состоитъ изъ искателей приключеній, принадлежащихъ ко всѣмъ національностямъ, которыя обитаютъ по берегамъ Средиземнаго моря. Многочисленность отелей, ресторановъ, казино и широкія песчаныя улицы напоминаютъ собою вновь отстроенный американскій городъ. На улицахъ можно услышать разговоръ на французскомъ, итальянскомъ, греческомъ, арабскомъ и турецкомъ языкахъ такъ-же часто, какъ и на англійскомъ. Спекулируютъ весьма дѣятельно и торговые обороты города быстро возрастаютъ. Всѣ пароходы, поддерживающіе прибрежное сообщеніе между Александріей и Константинополемъ, останавливаются въ здѣшней гавани, такъ какъ она самая доступная изъ всѣхъ, находящихся на южномъ берегу Средиземнаго моря. Сантвиники называютъ Портъ-Саидъ серебряными воротами между Востокомъ, и Западомъ и предсказываютъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ городъ этотъ сдѣлается новой Венеціей и будетъ соперничать съ Александріей. Гавань Портъ-Саида обязана устройствомъ своимъ исключительно одному искусству и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ стѣнокъ, идущихъ отъ берега на полторы мили въ открытое море и представляющихъ особою самыми значительныя въ свѣтѣ сооруженія этого рода. Онѣ построены изъ искусственныхъ каменныхъ глыбъ, въсомъ по двадцати тоннъ каждая. Глыбы эти составлены изъ песковъ пустыни, соединенныхъ гидравлическимъ цементомъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ продолженіе уже болѣе шести лѣтъ выдерживали

бѣшенный напоръ страшнѣйшихъ бурь безъ всякаго вреда для своей прочности. Говорятъ, что гавань Портъ-Саида лучше александрійской, (лежащей на полторасто миль западнѣе). Входъ въ нее безопасенъ для судовъ во всѣ времена года и во всякое время дня и ночи.

Слѣдующій день былъ воскресный, но Портъ-Саидъ наврядъ-ли можетъ разсматриваться какъ христіанскій городъ и говорятъ, что въ дѣловомъ отношеніи воскресенье считается тамъ самымъ оживленнымъ днемъ недѣли. Пароходъ французской компаніи отходитъ въ Яффу лишь въ пять часовъ пополудни, и мы имѣли время вдоволь осмотрѣться. Въ гавани, близъ входа въ каналъ, стояло на якорѣ изрядное число кораблей и пароходовъ, занятыхъ нагрузкой и выгрузкой. Почти всѣ пароходы, на пути своемъ черезъ каналъ въ Индѣйскій океанъ, запасаются здѣсь углемъ на весь путь по Черному морю до самаго Адена, находящагося уже при выходѣ въ океанъ. На широкой набережной мы нашли большую толпу, собравшуюся кругомъ арабскаго жонглера, который, съ помощью маленькаго мальчика, показывалъ, чрезвычайно оригинальнымъ и забавнымъ образомъ, хорошо извѣстные фокусы съ ящиками. Хотя мы стояли поодоль, но были тотчасъ же замѣчены, и младшій изъ фокусниковъ, сломя голову, бросился сквозь толпу, чтобы подставить намъ свою шапку за полученіемъ баешина и не разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Уходя прочь, мы вынесли убѣжденіе, что щедрость наша доставить толпѣ возможность пользоваться бесплатнымъ зрѣлищемъ въ продолженіи лишняго получаса.

Глава VI.

Изъ Портъ-Саида въ Іерусалимъ.

Ночь на Средиземномъ морѣ.— Встрѣча американцевъ - соотечественниковъ.— Епископъ Гаррисъ.— Яффа, древняя Іоппа.— Ной, Адромеда, царь титрскій и царица Шеба, Симонъ кожевникъ, пророкъ Іона и Наполеонъ.— Американскіе колонисты и ихъ германскіе наслѣдники.— Ролла Флойдъ.— Яффскіе апельсины.— Рамла, древняя Аримаея.— Ранняя поѣздка.— Епископъ, предводитель авангарда.— Ворота въ равнину.— Усталые пилигримы.— Готфридъ Бульонскій.— Яффскіе ворота.

Въ воскресенье вечеромъ оставили мы гавань Портъ-Саида и, поворотивъ на востокъ, поплыли на всѣхъ парахъ въ направленіи къ Яффѣ, находящейся оттуда во сто пятидесяти миляхъ разстоянія. Болѣе половины пассажировъ были американцы, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ—всѣ на пути ко святымъ мѣстамъ. Ночь была ясная и свѣтлая, поверхность моря гладка какъ зеркало, и мы долго сидѣли на палубѣ, рассказывая другъ другу наши похождения въ Египтѣ и, предавались фантастическимъ мечтаніямъ относительно приключеній, предстоящихъ намъ въ странѣ, полной священныхъ воспоминаній. Американцы, встрѣчаясь за границей, легко сходятся другъ съ другомъ, а на этотъ разъ личный составъ нашего общества былъ необычайно изысканный и отборный. Между прочимъ, тутъ были: епископъ Гаррисъ изъ Чикаго, г-жа Б** изъ Калифорніи и два молодыхъ джентльмена Па..... изъ Мидвилля, только что возвратившіеся изъ путешествія вверхъ по Нилу.

Въ девять часовъ слѣдующаго утра прибыли мы въ Яффу, и такъ какъ море было неспокойно, капитанъ сомнѣвался, удастся ли ему доставить насъ на берегъ. Сооруженія Яффской гавани представляютъ лишь однѣ развалины, и пароходы вынуждены бросать якорь на открытомъ рейдѣ, отсюда, при сильномъ вѣтрѣ, лодки не могутъ поддерживать сообщенія съ берегомъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, удалось подойти къ пароходу нѣсколькимъ большимъ лодкамъ, каждая съ восемью или десятью гребцами-арабами. Наши тридцать человекъ пассажировъ, въ томъ числѣ десять дамъ, были по одиночкѣ опущены съ борта парохода на руки туземнымъ лодчишкамъ, пользуясь благоприятными моментами, когда лодка поднималась на гребень волны. Операция эта была несравненно интереснѣе для зрителей, чѣмъ для самихъ дѣйствующихъ лицъ. Каждая удачная попытка сопровождалась смѣхомъ нашихъ дамъ.

Яффа, въ древности Юппа, расположена амфитеатромъ, и со стороны моря, представляетъ очаровательный видъ, но при ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ, его крутыя, узкія, кривыя и грязныя улицы, уничтожаютъ всякую иллюзію. Съ именемъ Яффы связано много интересныхъ традицій. Такъ, въ здѣшнемъ портѣ строился Ноевъ ковчегъ. Здѣсь же по соседству скала, въ которой была прикована Андромеда; во времена Плинія на скалѣ видны были еще будто-бы слѣды ея цѣпи. Вообще здѣсь языческія миѳы идутъ рука объ руку съ христіанскими сказаніями. Тирскій царь доставлялъ въ этотъ портъ ливанскіе кедры на постройку Соломонова храма. Надо полагать, что здѣсь же высадилась на берегъ царица Шеба на пути изъ Аравіи въ Іерусалимъ; впрочемъ, относительно этого обстоятельства никакихъ особенно точныхъ указаній не имѣется. Въ городѣ показываютъ домъ Симона кожевника, въ которомъ апостолу Петру было знаменитое видѣніе. Отсюда сѣлъ на корабль пророкъ Іона. Къ счастью, онъ состоялъ подъ особымъ покровительствомъ Вожіимъ и суевѣріе корабельщиковъ, нежелавшихъ имѣть у себя на суднѣ духовное лицо, не могло причинить ему особаго вреда. Въ болѣе близкое намъ время, Яффа была въ 1799

году свидѣтельницами одного изъ самыхъ ужасныхъ преступленій Наполеона — убійства четырехъ тысячъ челоуѣкъ турецкихъ плѣнныхъ и отравленія пятисотъ собственныхъ его солдатъ, больныхъ чумою, которые не могли слѣдовать за отступающей арміей. Впрочемъ, этотъ послѣдній фактъ, хотя онъ и внесенъ въ лѣтопись англійской исторіи, долженъ повидимому разсматриваться, какъ и древнія традиціи, съ нѣкоторой дозой недоуірья.

За городомъ, населеніе котораго простирается до пяти тысячъ душъ, мы нашли отличную гостиницу, расположенную на высотѣ, съ которой открывается великолѣпный видъ на море и окружающую страну. Тутъ же расположена группа хорошенькихъ бѣлыхъ домиковъ, принадлежавшихъ прежде американской колоніи, прибывшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Мэна съ цѣлью водворить въ обѣтованной землѣ прежнее благосостояніе и возстановить храмъ Соломоновъ и потерпѣвшей полное фіаско. Во главѣ этой колоніи стоялъ религіозный энтузіастъ, оказавшійся плохимъ хозяиномъ, для котораго роль Моисея была совершенно не по силамъ. Дѣла колоніи пошли очень плохо, и послѣ многихъ страданій, остатокъ колонистовъ, пощаженный болѣзнями и голодомъ, отвезенъ былъ обратно въ Америку на счетъ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Поземельная ихъ собственность была продана обществу нѣмцевъ, прибывшихъ изъ Вюртемберга, подъ вліяніемъ подобныхъ же религіозныхъ идей, основанныхъ, какъ говорится въ выпущенной ими брошюрѣ, „на непреложныхъ словахъ пророчества“. Нѣмцы живутъ здѣсь уже около шести лѣтъ и колонія ихъ находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Всѣхъ колонистовъ считается до шестидесяти семействъ. Благодаря настойчивости въ трудѣ и бережливости, характерическимъ чертамъ нѣмецкой національности, они постепенно обратили обширный участокъ земли въ садъ, въ которомъ цѣлыя сотни акровъ заняты плантаціями апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Все имущество у нихъ общее. Духовный и свѣтскій глава колонистовъ — пасторъ Гофманъ, челоуѣкъ необыкновенно способный. Предположенное „возстановленіе хра-

ма " онъ истолковываетъ въ смыслѣ духовномъ, а не буквально, вслѣдствіе чего виды на успѣхъ предпріятія, кажутся болѣе осуществимыми. Отъ всей бывшей американской колоніи, остался здѣсь только одинъ г. Ролла Флloydъ, который пользуется заслуженной репутаціею лучшаго драгомана въ Сиріи такъ что путешественники считаютъ себя весьма счастливыми, если имъ удастся заручиться его содѣйствіемъ.

Послѣ сытнаго завтрака, мы въ семеромъ, верхами на коняхъ, тронулись въ путь къ Іерусалиму, находящемуся отъ Яффы на разстояніи сорока миль. Здѣсь разстояніе какъ и время считается часами; часъ пути равняется почти тремъ съ половиною милямъ. Іерусалимъ находится въ двѣнадцати часахъ пути отъ Яффы; но болѣею частью конецъ этотъ дѣлаютъ въ два дня. Первая остановка бываетъ обыкновенно въ Рамлѣ, древней Аримаеѣ, въ четырехъ часахъ пути отъ Яффы. Такъ какъ лѣтніе жары еще не наступили, лошади были вообще въ тѣлѣ, и изъ большаго числа предложенныхъ къ услугамъ нашимъ добрыхъ коней, нетрудно было сдѣлать хорошій выборъ. Зато бѣднымъ животнымъ приходится плохо, когда движеніе пилигримовъ начинается нѣсколькими недѣлями позже. Арабъ, въ противоположность родственному ему Индусу, не додумался еще до идеи милосердія къ животнымъ. Общество покровительства этимъ послѣднимъ могло-бы, при посредствѣ нѣсколькихъ энергическихъ агентовъ, найти здѣсь блестящее поле для дѣятельности.

Болѣе чѣмъ на милю дорога наша шла черезъ рошчи апельсинныхъ деревьевъ, обремененныхъ золотыми плодами—самыми крупными и вкусными изъ всѣхъ, которые мнѣ когда либо встрѣчались. Вѣтви деревьевъ свѣшивались черезъ кактусовые заборы, окаймлявшіе дорогу и множество апельсиновъ валялось по землѣ; ихъ никто не подбиралъ, такъ какъ упавшіе съ дерева апельсины не имѣютъ здѣсь никакой рыночной цѣнности. Яффскіе апельсины знамениты по всему прибрежью Средиземнаго моря и составляютъ здѣсь главный предметъ вывоза. Мы опережали цѣлыя сотни ословъ и верблюдовъ, также на пути въ Іерусалимъ, навьюченныхъ корзинами съ фруктами, тыками

и кипами товаровъ. Дорога, проведенная шесть лѣтъ тому назадъ турецкимъ правительствомъ, широка, гладка и представляетъ лишь небольшіе подъемы. Намъ попадались мѣстами цѣлыя партіи мужчинъ и женщинъ, занимавшихся исправленіемъ поврежденій, причиненныхъ недавними ливнями. Самая дорога устроена съ тою цѣлью, чтобы облегчить торговля сношенія между Иффою и внутренностью страны; но, къ сожалѣнію, восточные предрасудки препятствуютъ здѣсь употребленію повозокъ. Говорятъ, будто-бы во всей Палестинѣ нѣтъ ни одного колеснаго экипажа. Наша четырехъ-часовая поѣздка была сама по себѣ очень пріятна: мы проѣзжали плодоносными полями, засѣянными пшеницей, и лугами, на которыхъ паслись цѣлыя тысячи головъ крупнаго рогатаго скота и овецъ, подъ присмотромъ арабовъ въ бѣлыхъ чалмахъ и длинныхъ полосатыхъ бурнусахъ изъ верблюжьей шерсти. Пастухи сидѣли большею частью покуривая трубку, между тѣмъ какъ собаки стерегли стада. Когда мы проѣзжали мимо, они съ почтеніемъ отдавали намъ селямъ. Не знаю, что именно думали въ это время относительно „ховаджи“ эти длиннородые серьезные мусульмане. Передъ сумерками прибыли мы въ Рамлу; такъ какъ русскій и католическій монастыри были биткомъ набиты пилигримами, то часть нашего общества помѣстилась въ такъ называемомъ отелѣ, устроенномъ назадъ тому еще только годъ. Отель этотъ содержитъ датчанинъ, скрывающій зелеными очками отсутствіе одного своего глаза; хозяинъ привѣтствовалъ насъ на чисто-англійскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ своей женою старался устроить все насколько возможно комфортабельнѣе. Мы заказали обѣдъ и вскорѣ писекъ цыплятъ указавъ, что именно будетъ стоять на обѣденной картѣ. Послѣ обѣда мы долго еще сидѣли за столомъ, пѣли, шутили, рассказывали другъ другу разныя исторіи, какъ вдругъ нашъ датчанинъ вмѣшался въ бесѣду вопросомъ: „Полагаю, вамъ неизвѣстно, что я восемь лѣтъ служилъ въ американскомъ флотѣ въ чинѣ квартирмейстера“? Дѣйствительно, мы этого не знали и онъ началъ описывать корабли, на которыхъ перебивалъ во время службы. Мы почувствовали было

живой интересъ къ соотечественнику, старавшемуся добывать себѣ честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба въ такомъ заброшенномъ закоулкѣ. Я подалъ мысль, что не дурно бы назначить его американскимъ консуломъ въ Рамлѣ и поставить его отель подъ защиту звѣздъ и полосъ національнаго американскаго флага и обѣщаль употребить въ его пользу, все мое политическое вліяніе. Еслибъ перо и чернила были нѣсколько поблагопристойнѣе, я тотчасъ-же написалъ бы по этому поводу письмо президенту Соединенныхъ Штатовъ. Мысль моя приплась хозяину очень по вкусу, но подобно многимъ другимъ, начинающимъ свою карьеру политическимъ дѣятелямъ, онъ слишкомъ заговорился и разсказалъ намъ, что вышелъ въ отставку въ 1861 году, „не желая сражаться противъ южанъ“.

Это несчастное сознаніе сильно поохладило наши симпатіи и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушило его виды на полученіе должности консула. Я счелъ себя обязаннымъ взять назадъ мое обѣщаніе ходатайствовать по этому поводу у президента и сказалъ хозяину, что онъ сдѣлалъ, быть можетъ, самую крупную ошибку въ своей жизни. Тѣмъ не менѣе не легко было остановить потокъ его краснорѣчія, и мы нашлись вынужденными проститься съ нимъ, не дослушавъ его розказней. На завтра предстояло изрядное путешествіе, передъ которымъ не мѣшало попробовать немного соснуть на зло цѣлымъ роямъ неотвязчивыхъ мухъ. На другой день мы пустились въ путь рано утромъ, когда роса еще блестяла въ лучахъ восходящаго солнца. На душѣ у насъ было очень весело. При выѣздѣ изъ Рамлы присоединились къ намъ товарищи, воспользовавшіеся гостепріимствомъ въ монастыряхъ. Наши умныя сирійскія лошадки отличались вѣрною поступью. Естественные аллюры ихъ: шагъ, и галопъ. Трудно было устоять противъ соблазна проѣхаться этимъ послѣднимъ. Опытность, пріобрѣтенная калифорнскою леди на берегахъ Тихаго океана, оказалась ей теперь очень встати. Молодцоватый епископъ скоро оказался въ авангардѣ; леди въ своей шляпкѣ съ бѣлыми перьями, держалась съ нимъ почти наравнѣ. Вообще мы составляли веселую беззаботную кавалькаду; что и удивительно такъ какъ

объ опасностяхъ и затрудненіяхъ, сопровождавшихъ въ прежнія времена путешествія ко святымъ мѣстамъ, теперь не можетъ быть и рѣчи.

Меньше, чѣмъ въ четыре часа доѣхали мы до Боб-эль-Вода „Воротъ равнины“, гдѣ и остановились завтракать. Здѣсь въ первый разъ во все продолженіе путешествія мы были немилосердно обобраны. Содержатель постоялаго двора, подавъ намъ немного хлѣба, яицъ, корбочку сардинокъ и по чашкѣ кофе, потребовалъ за все это несообразно обидную плату. Опытъ предшествовавшихъ путешествій научилъ меня относиться хладнокровно къ такимъ мелочнымъ житейскимъ непріятностямъ, какъ черезъ чуръ вздутые счета трактирщиковъ и неумѣренныя требованія ямщиковъ. Гораздо выгоднѣе накинуть, напримѣръ, хоть пять процентовъ на предположенную общую цифру расходовъ по путешествію, чѣмъ вдаваться въ бесплодное оспариванье трактирнаго счета и портить себѣ на цѣлый день расположеніе духа. Вслѣдствіе этихъ соображеній, мы уплатили по счету все сполна и затѣмъ заявили трактирщику, что онъ безстыдный плутъ, мошенникъ и негодай, прибавивъ къ этому еще нѣсколько эпитетовъ, въ равной мѣрѣ оскорбительныхъ для его чувства собственнаго достоинства. Въ отвѣтъ на это трактирщикъ только кланялся и улыбался, какъ еслибъ мы насажали ему комплиментовъ. Всѣ попытки поколебать его самообладаніе оказались тщетными. Когда мы уже сажались на лошадей, онъ вынесъ ящикъ сигаръ и поднесъ мнѣ съ поклономъ одну изъ нихъ въ качествѣ бакшиша. Это уже значило прибавить насмѣшку къ оскорбленію. Я швырнулъ сигару черезъ заборъ и, скрывая свое бѣшенство подъ личиной хладнокровія, сказалъ, что не принимаю бакшиша отъ такихъ неисправимыхъ бездѣльниковъ. Трактирщикъ снова поклонился, послалъ мальчика поднять сигару и, привѣтливо улыбувшись, простился съ нами „au revoir.“

Я чувствовалъ себя побѣжденнымъ и увѣзая думалъ о томъ какъ мнѣ держать себя съ нимъ, если придется на возвратномъ пути опять проѣзжать черезъ „ворота равнины“.

Отсюда вплоть до Іерусалима идетъ самая трудная часть дороги.

Мы начали взбираться на „холмы Іудей“, поднимаясь извивами по бесплоднымъ почти скатамъ горъ, на которыхъ лишь изрѣдка встрѣчались слѣды обработки. Подъемы вездѣ довольно отлоги и вообще дорога проведена съ большимъ искусствомъ и знаніемъ инженернаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ, особенно опасныхъ мѣстахъ, возведены высокія каменныя стѣны, вмѣсто перилъ для огражденія со стороны глубокаго оврага. Два раза мы взбирались на гребень горнаго хребта, откуда было видно далеко на сѣверѣ Средиземное море. Спустившись въ глубокую долину, мы переправились черезъ Кедронскій потокъ; на берегахъ этого ручья Давидъ поднялъ камушекъ, которымъ потомъ убилъ Голіаѳа. Нѣсколькими милями далѣе, на высокомъ холмѣ, могила Самуила. Затѣмъ проѣхали несчастную, грязную деревушку, родину святаго Іоанна. Невдалекѣ отсюда мѣсто, гдѣ по преданію, находился кивотъ завѣта до тѣхъ поръ пока онъ не былъ перевезенъ оттуда Давидомъ въ Іерусалимъ. Деревня эта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, служила резиденціей знаменитому бандиту, который наводилъ ужасъ на всю окрестную страну до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не былъ схваченъ и казненъ турецкими солдатами.

Солнце пекло уже черезъ-чуръ сильно и не привычка къ продолжительной поѣздкѣ верхомъ стала сказываться на болѣе слабыхъ членахъ нашего общества. Растянувшись въ одинъ рядъ, мы въ молчаніи взбирались все выше и выше съ холма на холмъ (Іерусалимъ, надо замѣтить, лежитъ на двѣ тысячи восемьсотъ футъ надъ поверхностью моря). Вдругъ кому-то пришло на мысль затянуть старинный гимнъ методистовъ:

„Іерусалимъ, дорогая отчизна
Какъ я томлюсь по тебѣ“.

Гимнъ этотъ оказался очень подходящимъ къ дѣйствительному нашему положенію, а потому мы пропѣли его съ должнымъ чувствомъ. Какъ разъ въ то самое время, когда эхо послѣднихъ звуковъ гимна замолкло въ скалистыхъ ущельяхъ, мы взобрались на вершину, съ ко-

торой и увидѣли желанную цѣль нашего путешествія, въ разстояніи всего лишь какихъ нибудь двухъ миль.

Находящаяся въ новомъ берлинскомъ музеѣ великолѣпная картина Каульбаха изображаетъ храбраго старика-крестonosца Готфрида Бульонскаго среди его арміи, стоявшаго, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ.

„Сброшены тутъ были ратные доспѣхи
Каска, шлемъ пернатый—храбраго утѣхи,
Помысли героевъ къ Небу обратились,
Съ щекъ ихъ загорѣлыхъ слезы заструились

На этотъ разъ пилигримы были далеко не такіе дюжіе ребята, какъ древніе рыцари и, такъ какъ усталость отбила охоту въ изліянію чувствъ, то мы, давъ немножко вздохнуть лошадямъ, пустились въ дальнѣйшій путь, и черезъ полчаса въѣхали въ Іерусалимъ черезъ Яффскія ворота, у которыхъ стоялъ караулъ турецкихъ солдатъ, и помѣстились весьма приличнымъ образомъ въ отелѣ „Средиземнаго моря“.

Глава VII.

Священный городъ.

Авторъ—не специалистъ по топографіи священнаго писанія. — Сопоставленіе чистоты со святостью. — Лучшая часть Іерусалима подъ землею. — Малая достовѣрность большинства такъ называемыхъ святыхъ мѣстъ. — Іерусалимъ съ высоты птичьаго полета. — Прудъ Езекии. — Башня Давида. — Госпиталь святаго Іоанна. — Греческая больница. — Церковь гроба Господня. — Турецкій карауль. — Гробъ Господень. — Трогательная сцена. — Средоточіе земли. — Мечъ и шпоры Готфрида Бульонскаго. — Страстный путь. — Святая Вероника. — Мечеть Омара. — Мусульманскія преданія. — Столпы испытанія. — Златыя врата. — Реликвія изъ мусульманской мечети.

Однажды за обѣдомъ предложилъ я обратиться къ авторитету нашего епископа для рѣшенія какого-то вопроса, касавшагося библейской исторіи и топографіи. „О, сэръ, отвѣчалъ онъ, напрасно вы считаете мой авторитетъ чѣмъ-то особенно доказательнымъ: я тутъ ровно столько-же знаю, какъ и вы.“ Я возразилъ ему, что топографія священнаго писанія не составляетъ моей спеціальности и что я чувствую себя совершенно не компетентнымъ описывать съ религіозно-сентиментальной точки зрѣнія мѣста и предметы, относительно которыхъ разсудокъ и самый простой здравый смыслъ указываетъ, что они не болѣе, какъ набожный обманъ, изобрѣтенный для возбужденія религіознаго энтузіазма невѣжественной толпы. Надѣюсь, что меня не упрекнутъ въ недостаткѣ уваженія къ святынь за попытку описать видѣнное мною въ Іерусалимѣ также точно фактически вѣрно какъ и то, что встрѣтилось бы мнѣ въ менѣе священномъ городѣ. Если разсматривать чисто-

ту какъ признакъ святости, то Иерусалиму пришлось-бы совсѣмъ лишиться своей репутаціи. Къ счастью для него, оказывается на опытѣ, что святость, въ примѣненіи къ священнымъ городамъ, почти обратно-пропорціональна чистотѣ. Римъ въ этомъ отношеніи плохъ, Бенаресъ, священный городъ индусовъ, — еще хуже, Иерусалимъ вполне гадокъ, а Мекка, которую многіе миллионы правовѣрныхъ считаютъ настолько святою, что туда, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ быть допущенъ „собака — христіанинъ“, должна быть, судя по описаніямъ, настоящимъ раемъ грязи и всякихъ нечистотъ. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что религіозное чувство путешественниковъ ко святымъ мѣстамъ можетъ до извѣстной степени нейтрализовать самыя дурныя запахи и даже обращать ихъ въ благоуханія, не уступающія ароматамъ счастливой Аравіи. Надо сказать впрочемъ, что недостатокъ чистоплотности менѣе всего можно извинить въ Иерусалимѣ, построенномъ на весьма неровной мѣстности и окруженномъ съ трехъ сторонъ глубокими оврагами, такъ какъ здѣсь устройство дренажа не представляло-бы никакого затрудненія. Можно было-бы повидимому надѣяться на то, что ливни, выпадающіе здѣсь не рѣдко весною, будутъ способствовать очищенію города, но я убѣдился на опытѣ, что въ дождливое время глубокая грязь дѣлается еще болѣе липкою, скверная, неровная мостовая — болѣе опасною и скользкою; вонь же становится почти невыносимою.

По части описанія святыхъ мѣстъ Палестины, существуетъ весьма богатая литература. Говорятъ, что на эту тему написано уже болѣе двухсотъ книгъ и число такихъ книгъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Наиболѣе компетентные авторитеты полагаютъ, что прежній Иерусалимъ, который существовалъ во времена Спасителя, лежалъ на сорокъ или даже, быть можетъ, на шестьдесятъ футъ ниже уровня существующихъ улицъ и строеній нынѣшняго Иерусалима, а потому про Иерусалимъ можно сказать, что лучшая часть его лежитъ подъ землею. Фактъ этотъ можно объяснить историческими причинами. Тому самому поколѣнію іудеевъ, которое присутствовало

*

при распятіи Спасителя, суждено было также видѣть окончательное разрушеніе Іерусалима Титомъ, „благодѣтелемъ рода человѣческаго. Римляне овладѣли городомъ послѣ долговременной осады, причемъ до милліона евреевъ было убито, около ста тысячъ взято въ плѣнъ и обращено въ неволю. Отъ великолѣпнаго храма Соломонова не оставлено было „камня на камень“; городскія стѣны были разрушены до основанія и, въ теченіи многихъ лѣтъ, городъ представлялъ собою окончательную мерзость запустѣнія. Шестьсотъ лѣтъ спустя, Іерусалимъ былъ осажденъ и взятъ сарацинами. Четырьмя вѣками позже, при крушеніи царства храбраго мусульманскаго рыцаря Саладина, городъ достался въ добычу туркамъ. Затѣмъ въ продолженіи почти ста лѣтъ, онъ былъ театромъ самой упорной и кровопролитной борьбы между воителями креста и полумѣсяца. Во время всѣхъ этихъ войнъ и осадъ, стѣны и зданія Іерусалима были неоднократно обращены въ груды развалинъ. На этихъ-то скопившихся вѣками останкахъ древняго своего величія построенъ нынѣшній городъ. Замѣчательно, что въ противоположность Каиру, Деи и многимъ другимъ старинныхъ восточнымъ городамъ, мѣстоположеніе Іерусалима, не смотря на всѣ превратности судебъ, почти не перемѣнилось. Городскія стѣны теперь, какъ и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, построены вдоль края глубокихъ овраговъ, окаймляющихъ городъ съ востока, юга и запада. За городомъ существуетъ много достопримѣчательныхъ мѣстностей, неизгладимо запечатлѣнныхъ самою природою. Долина Іосафата, Кедронскій ручей, гора Соблазна, а въ особенности-же Масличная гора остались въ существенныхъ чертахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они были описаны въ священномъ писаніи. Въ чертѣ городскихъ стѣнъ, имѣющихъ въ высоту отъ тридцати до сорока футъ, построенныхъ преимущественно крестоносцами и укрѣпленныхъ въ средневѣковомъ стилѣ башнями и бойницами, существуютъ лишь двѣ мѣстности, подлинность которыхъ можетъ быть признана несомнѣнною, именно горы Сіонъ и Моріа. На этой послѣдней стоятъ теперь мечеть Омара, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился храмъ Соломоновъ.

Площадь, заключенная въ обводѣ городскихъ стѣнъ, очень невелика, такъ какъ она, при трехъ четвертяхъ мили въ ширину, имѣетъ всего около одной мили въ длину. Иерусалимъ въ самый цвѣтущій періодъ своего существованія не могъ быть много обширнѣе. Трудно понять, какимъ образомъ могло на такомъ ограниченномъ пространствѣ помѣщаться такое громадное населеніе, о какомъ повѣствуетъ Иосифъ и другіе историки. По всѣмъ вѣроятіямъ, впрочемъ, и тутъ не обошлось дѣло безъ восточной гиперболы. При томъ же, надо сознаться, что попытка царя Давида исчислить населеніе Израиля не могла служить для его преемниковъ поощреніемъ къ собранію статистическихъ свѣдѣній. Теперь въ Иерусалимѣ не болѣе двадцати тысячъ жителей, треть изъ которыхъ мусульмане, на остальные же двѣ трети приходится почти поровну евреевъ и христіанъ различныхъ исповѣданій. Большинство іерусалимскихъ христіанъ придерживается, надо замѣтить, ученія грекороссійской церкви. Турецкій губернаторъ или, какъ его обыкновенно называютъ, іерусалимскій паша, назначается султаномъ, но долженъ быть утвержденъ, по недавно состоявшемуся соглашенію, представителями великихъ европейскихъ христіанскихъ державъ въ Константинополѣ.

Посѣщая въ первый разъ какой-нибудь городъ, не дурно бываетъ взобраться на какой-нибудь возвышенный пунктъ, съ котораго имѣлась бы возможность обозрѣть всю окрестную мѣстность. Крыша, расположеннаго на вершинѣ горы Сіона, отеля „Средиземнаго моря“ можетъ удовлетворить въ этомъ отношеніи самымъ взыскательнымъ требованіямъ. Съ нея отерывается очаровательный видъ на весь городъ и окружающіе его холмы. Внизу, почти у ногъ зрителя, лежитъ прудъ Езекии — резервуаръ квадратной формы, имѣющій какъ въ длину, такъ и въ ширину около двухсотъ футъ, на половину наполненный грязною водою. Надъ прудомъ, какъ и въ старину, высится башня царя Давида. Въ сторонѣ, немного влѣво, церковь Гроба Господня, построенная, по преданію, на самой Голгоѣ. Невѣроятно, впрочемъ, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда распятъ и погребенъ Спаситель. Въ самомъ дѣлѣ,

такъ какъ мѣсто распятія лежало внѣ черты городской ограды, то пришлось-бы допустить, что площадь древняго Иерусалима была на цѣлую треть меньше нынѣшняго города. По сосѣдству съ храмомъ Гроба Господня находится пустопорожнее мѣсто, на которомъ стояло нѣкогда зданіе госпиталя рыцарей ордена святаго Іоанна. Прямо передъ зрителемъ, если смотрѣть къ востоку, четырехугольное огражденное пространство, посреди котораго на горѣ Моріа—великолѣпная мечеть Омара. Вблизи нея, изъ-за долины Иосафата, поднимается Масличная гора, вершины которой увѣнчаны турецкой мечетью и греческимъ храмомъ Вознесенія. Склоны ея покрыты оливковыми деревьями и мусульманскими надгробными памятниками. Мимо горы, направо, идетъ дорога въ Виаанію; по дорогѣ этой не рѣдко ходилъ Спаситель съ учениками Своими. Въ самомъ Иерусалимѣ имѣется до двадцати монастырей и церквей, принадлежащихъ различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Влѣво отъ города, по дорогѣ въ Яффу—громадный греческій госпиталь, внутри котораго имѣется помѣщеніе для нѣсколькихъ тысячъ пилигримовъ.

Прежде всего мы отправились осмотрѣть церковь Гроба Господня, представляющую собою главный притягательный центръ для всѣхъ набожныхъ пилигримовъ. Своротивъ съ улицы въ длинный, кривой переулокъ, круто поднимавшійся въ гору, мы прошли подъ низкою аркою, построенною, какъ говорятъ, нарочно для того, чтобъ воспрепятствовать туркамъ осквернять святое мѣсто, вѣзжая туда верхомъ, и достигли четырехугольнаго двора, биткомъ набитаго продавцами разныхъ священныхъ предметовъ, какъ-то: четоуъ, деревянныхъ и перламутровыхъ крестовъ и т. п., которые отсюда во множествѣ разносятся пилигримами по всему земному шару. Наружный видъ храма не производитъ особеннаго впечатлѣнія, не смотря на то, что его врата и окна украшены превосходной рѣзной работой. У дверей храма, снаружи и внутри, стоятъ турецкіе часовые въ своихъ полу-европейскихъ мундирахъ, вооруженные ружьями самой новѣйшей системы, заряжающимися съ казенной части. Часовые эти держатъ себя

весьма прилично, нисколько не роняя достоинства нации, господствующей въ странѣ; въ похвалу имъ слѣдуетъ еще замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и вообще повсюду въ Сиріи, никогда ни одинъ часовой не попросилъ у меня бакшиша, хотя съ другой стороны, не смѣю утверждать, чтобы можно было, предложивъ бакшишъ, рисковать, что отъ него откажутся. Обидно сознаться, что здѣсь, въ самой колыбели христіанской религіи, присутствіе мусульманской стражи является необходимой мѣрой для удержанія послѣдователей различныхъ христіанскихъ ученій отъ слишкомъ открытыхъ проявленій вражды, могущихъ повести къ кровопролитію въ томъ мѣстѣ, которое признается всѣми ими самымъ священнымъ на землѣ.

Внутри храма, какъ-разъ у дверей, лежитъ гладкая мраморная плита „камень помазанія“, на которой, по преданію, тѣло Спасителя, передъ погребеніемъ, умащено было ароматами. Тутъ же рядомъ, круглый камень, на которомъ стояла въ это время Пресвятая Богородица Дѣва. Среди храма, подъ главнымъ куполомъ, находится четырехъугольная часовня, имѣющая около пятнадцати футъ въ длину и въ ширину. Часовня эта украшена всѣмъ, что только могло изобрѣсти богатство, соединенное съ благочестіемъ. Снаружи и внутри часовни постоянно теплится множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, принесенныхъ въ даръ преимущественно царственными лицами. Самая часовня раздѣлена на два придѣла; во внутреннемъ, имѣющемъ семь футъ длины, при шести футахъ ширины, находится бѣлый мраморный саркофагъ, въ которомъ, какъ говоритъ преданіе, погребено было тѣло Спасителя. Тутъ постоянно толпятся пилигримы, многіе изъ которыхъ пришли изъ странъ, находящихся отсюда въ разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль. Ихъ выпускаютъ заразъ по-трое и по-четыре во внутренній придѣлъ, куда они входятъ ползкомъ на колѣняхъ, цѣлуя мраморный полъ и гробницу, причемъ нерѣдко проливаютъ отъ умиленія потоки слезъ. На подобное зрѣлище трудно даже и невѣрующему смотрѣть безъ волненія.

Храмъ занимаетъ собою обширное пространство, раздѣленное

между армянами (туземными христианами), латинами (римскими католиками) и греками (православными грекороссиянами); послѣднимъ принадлежить, между прочимъ, Голгоѳа, гдѣ Елена, мать Константина Равноапостольнаго, нашла три креста, скрытые въ скалѣ. Здѣсь показываютъ углубленія, въ которыхъ утверждены были эти кресты и трещину въ скалѣ, происшедшую отъ землетрясенія въ тотъ моментъ, когда Спаситель испустилъ духъ. Посреди находящейся тутъ же богатой часовни въ византійскомъ стилѣ, стоитъ небольшой каменный столбъ, который признается „средоточіемъ вселенной“; столбъ этотъ, по преданію, указываетъ мѣсто, откуда взята была земля, изъ которой Богъ сотворилъ Адама. Всѣхъ „святыхъ мѣстъ“ имѣется внутри храма болѣе сорока; описаніе ихъ вовлекло-бы въ слишкомъ большія подробности. Я упомяну только о мѣстахъ, гдѣ стояли Марія Магдалина и Матерь Божія во время распятія Спасителя и гдѣ потомъ Спаситель явился имъ по воскресеніи Своемъ, могилахъ Іосифа, Никодима и Адама, о столбѣ, къ которому привязывали Спасителя во время бичеванія и т. п. Я видѣлъ и даже держалъ въ рукахъ мечъ и шпоры перваго изъ христіанскихъ королей Іерусалима — Готфрида Бульонскаго. Въ подлинности этихъ историческихъ реликвій сомнѣнія быть не можетъ, такъ какъ онѣ еще и до сихъ поръ постоянно употребляются при обрядѣ посвященія въ рыцари ордена Іоаннитовъ. Во все время пребыванія нашего въ храмѣ, шло одновременно въ различныхъ его предѣлахъ богослуженіе и по различнымъ мѣстамъ храма двигались со свѣчами и кадильницами процессіи священно-служителей и молящихся.

Оттуда, мы прошли по „Страстному пути“, по которому Спаситель несъ на Голгоѳу крестъ Свой, подъ аркой „Ессе Номо“, на которую выведенъ былъ Онъ передъ народъ въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ, мимо дома Пилата, зданія суда и мѣста, гдѣ святая Вероника подала Ему платокъ, чтобы утереть потъ, струившійся съ чела Его. На платкѣ этомъ запечатлѣлся кровью ликъ Иисуса Христа и этотъ нерукотворенный образъ считается теперь одною изъ самыхъ драгоценныхъ святынь храма святого Петра въ Римѣ.

Доступъ въ мечеть Омара, — для мусульманъ, послѣ Мекки, самое священное въ свѣтѣ мѣсто, — былъ прежде крайне затруднителенъ для всѣхъ, кромѣ правовѣрныхъ; теперь же можно безъ особенныхъ хлопотъ получить отъ губернатора, черезъ посредство иностранныхъ консуловъ, разрѣшеніе осмотрѣть эту мечеть. Во время предшествовавшей моей поѣздки, за такое разрѣшеніе надо было платить двадцать франковъ, но съ тѣхъ поръ цѣна успѣла уже подняться до пяти франковъ. Намъ пришлось замѣнить свои сапоги туфлями, во исполненіе изреченія: „сними сапоги съ ногъ твоихъ, такъ какъ мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято есть“. Площадь, заключенная въ оградѣ мечети, имѣетъ тысячу пятьсотъ футъ въ длину и тысячу футъ въ ширину, засажена кипарисами и пальмами и окружена стѣною. По срединѣ, на широкой платформѣ, выложенной мраморомъ, стоитъ мечеть — одна изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ. Она построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде храмъ Соломоновъ и расположена какъ-разъ надъ Святой Святыхъ. Самая мечеть имѣетъ видъ восьмиугольника, каждая сторона котораго до шестидесяти футъ длиною; она увѣнчана весьма граціознымъ куполомъ. Внутри мечети подъ покровами изъ самыхъ богатѣйшихъ шелковыхъ матерій, лежитъ камень, неправильной формы, около пятидесяти футъ въ діаметрѣ, извѣстный подъ именемъ „скалы пророчества“; мусульмане вѣрують въ то, что камень этотъ упалъ съ неба. Когда пророки, не находя безопасности въ Іерусалимѣ, бѣжали въ другія страны, скала эта хотѣла послѣдовать за ними, но ангель Гавриилъ ухватилъ ее своею могучею рукою и задержалъ до прибытія Магомета, который и повелѣлъ скалѣ остаться на вѣки въ нынѣшнемъ ея мѣстѣ. На камнѣ показываютъ еще и теперь отпечатокъ руки Гавриила и слѣдъ оставленный ногой Магомета въ тотъ моментъ, когда онъ спускался съ неба. Въ томъ же камнѣ — гротъ, футовъ восемнадцать длиною, въ которомъ Магометъ отдыхалъ послѣ совершеннаго имъ въ одну ночь чудеснаго полета изъ Мекки въ Іерусалимъ. Мусульмане вѣрятъ въ то, что камень этотъ неподвижно утвержденъ въ воздухѣ и что подведен-

ныя подъ него каменныя подпорки устроены только такъ, на всякій случай! Гротъ обладаетъ еще, кромѣ того, тѣмъ свойствомъ, что всякая произнесенная въ немъ молитва непременно будетъ услышана Богомъ. Въ мечети имѣется глубокій колодець, гдѣ, какъ увѣряютъ, помѣщаются всѣ души усопшихъ, въ ожиданіи воскресенія изъ мертвыхъ.

Находящаяся въ той же оградѣ другая мечеть была, во время занятія Іерусалима крестоносцами, христіанскою церковью. Она содержитъ въ себѣ гробницы сыновъ Аароновыхъ, слѣды ногъ Христовыхъ и столпы испытанія—двѣ мраморныя колонны, отдѣленныя другъ отъ друга промежуткомъ всего въ девять дюймовъ шириною. Добродѣтельный человѣкъ, какъ-бы ни былъ онъ толстъ, всегда пройдетъ свободно черезъ этотъ промежутокъ; грѣшникъ же, какъ-бы худощавъ онъ ни былъ, непременно застрянетъ между колоннами. Я пролѣзъ тамъ дважды безъ малѣйшаго затрудненія, но по врожденной скромности тѣмъ не менѣе не смѣю выдавать себя за святого.

Въ одной изъ сторонъ ограды—великолѣпныя „золотыя врата“, чрезъ которыя совершилось торжественное вшествіе Христа въ Іерусалимъ верхомъ на ослѣ, въ Вербное воскресенье. Они теперь задѣланы, такъ какъ у мусульманъ существуетъ преданіе, что христіане, завладѣвъ Іерусалимомъ, войдутъ въ него чрезъ эти врата. Въ мечети существуетъ еще много другихъ достопримѣчательностей, описаніе которыхъ отняло-бы очень много мѣста. Добродушный шейхъ, служившій нашему обществу проводникомъ, отличался необычайною вѣжливостью и услужливостью. Въ виду полученной имъ особой прибавки къ бакшишу, онъ презентовалъ мнѣ небольшой кусочекъ штукатурки съ внутренней стѣны мечети. Кусокъ этотъ хранится теперь въ коллекціи разныхъ собранныхъ мною драгоценныхъ реликвій.

Глава VIII.

Иерусалимъ и возвращеніе наше въ Яффу.

Масличная гора. — Видъ, лучше котораго нѣтъ въ Палестинѣ. — Похищенный слѣдъ. — Виванія. — Гробница Лазаря. — Домъ Марен и Маріи. — Достопримѣчательная смоковница. — Мѣсто, гдѣ происходила Тайная Вечера. — Армянскій монастырь. — Роскошный гребникъ. — Еврейское „мѣсто плача“. — Прощаніе съ Іерусалимомъ. — Таможенный сборъ. — Послѣдній взглядъ на священный городъ. — Неудачная поѣздка верхомъ. — Кающійся грѣшникъ. — Принимаю на себя роль проповѣдника. — Грѣшникъ окончательно смиряется и раскаивается. — Мы оставаемся еще разъ у „Вратъ равнины“. — Человѣческая природа еще несовсѣмъ испорчена. — Греко-россійскій монастырь въ Рамлѣ. — Гостепрѣимство монаховъ. —

Поѣздка утромъ въ Яффу. — Орленъ краснаго Іерусалимскаго креста.

Поѣздка на Масличную гору и въ Виванію была одна изъ самыхъ интересныхъ за все время пребыванія нашего въ Іерусалимѣ. Мы выѣхали изъ города Дамасскими воротами, потомъ повернувъ направо, мимо древнихъ стѣнъ, спустились съ крутой горы въ долину Іосафата. Мы становились все болѣе и болѣе твердыми въ вѣрѣ, по мѣрѣ того, какъ оставляли за собой фантастическіе мѣны и преданія христіанъ и мусульманъ, съ которыми приходилось встрѣчаться на каждомъ шагѣ въ стѣнахъ города. Мы остановились не на долго, для того, чтобы осмотрѣть небольшое четырехъугольное огражденное пространство, называемое „Садомъ Геосиманскимъ“. Если оно и не то самое мѣсто, то, во всякомъ случаѣ, лежитъ недалеко отъ сада, въ которомъ Спаситель молился въ приснопамятную ночь до кроваваго пота. Здѣсь показываютъ шесть оливковыхъ деревьевъ, кото-

рымъ приписываютъ полторатысячную древность; во всякомъ случаѣ, это очень старыя деревья, всѣ покрытыя сучьями и наростами. Они придаютъ мѣстности весьма достопочтенный видъ и какъ-то внушаютъ довѣріе къ преданію, что она была „садомъ Геосиманскимъ“. Иосафатова долина была уже съ незапамятныхъ временъ громаднымъ еврейскимъ кладбищемъ; и теперь еще въ Іерусалимѣ живетъ много старыхъ богачей, потомковъ Авраама, нарочно прибывшихъ сюда изъ дальнихъ странъ для того, чтобы кости ихъ похоронены были рядомъ съ могилами предковъ.

Въ долину показываютъ древнія могилы, въ которыхъ погребены, по преданію, Авессаломъ и Захарія. Въ прежнія времена, каждый проходящій считалъ своимъ долгомъ бросить камень въ могилу Авессалома, такъ что она теперь на половину покрыта грудю набросанныхъ камней. День былъ ясный и теплый и намъ попалось по пути много евреевъ и мусульмановъ, вышедшихъ прогуляться съ дѣтьми. Мы увидѣли нѣсколькихъ женщинъ, стоявшихъ на колѣняхъ передъ свѣжею могилой и бросавшихъ на нее цвѣты; вѣроятно, то была могила какого нибудь близкаго родственника; чтобы не мѣшать имъ, мы свернули съ дороги.

Добравшись до вершины Масличной горы, мы, съ минарета находящейся на горѣ мечети, имѣли случай наслаждаться такимъ видомъ, прелестіе котораго нельзя отыскать во всей Палестинѣ. Сразу проникаешься сознаниемъ того, что находишься въ странѣ, ознаменованной священными воспоминаніями. Передъ нами лежалъ Іерусалимъ, куполы мечетей и храмовъ котораго одинаково позлащались ясными солнечными лучами. На переднемъ планѣ — женщины брали воду изъ колодца и несли ее на головахъ въ глиняныхъ сосудахъ совершенно также, какъ это дѣлалось три тысячи лѣтъ тому назадъ. Длинная цѣпь верблюдовъ медленно тянулась по дорогѣ и погонщики ихъ носили такія же широкія развѣвующіяся одежды, какъ и во времена патріарховъ.

Вдали, по лѣвую сторону, виднѣлись Моавитскія горы и Мертвое

море, видомъ своимъ напоминающее громадное озеро растопленнаго свинца. Иорданъ, подобно серебряному шнуру, извивался по зеленой долинѣ, между бесплодными скалистыми горами. Отъ Иерусалима до Мертваго моря, считается, если ѣхать по дорогѣ, двадцать миль, но разстояніе по прямой линіи будетъ не болѣе десяти; само же Мертвое море лежитъ по крайней мѣрѣ на четыре тысячи футъ ниже вершины Масличной горы. Сойдя съ минарета, мы осмотрѣли мелькомъ церковь, построенную на скалѣ, гдѣ показываютъ глубокое углубленіе, оставленное ногою Спасителя, когда Онъ возносился на небо. Намъ сказали, что сначала тамъ было два слѣда, но что одинъ слѣдъ украденъ мусульманами. Подобная несообразность совершенно не гармонировала съ общимъ, вынесеннымъ нами впечатлѣніемъ, вслѣдствіе чего, мы поспѣшили удалиться.

Поль-часа ходьбы по крутой тропинкѣ, черезъ холмы, привели насъ въ деревню Виванію, представляющую въ настоящее время сборище на половину опустѣвшихъ хижинъ, оштукатуренныхъ глиной и окруженныхъ рощами смоковницъ, миндальныхъ и оливковыхъ деревьевъ. Старикъ-арабъ, заприѣтившій насъ еще издали, предложилъ намъ себя въ проводники и указалъ намъ гробницу Лазаря. Онъ зажегъ факелы, каждый изъ насъ взялъ по одному и мы стали вслѣдъ за проводникомъ спускаться внизъ, по узкой, крутой, извивающейся тропѣ въ пещеру, находящуюся подъ землею, на глубинѣ футовъ двадцати или болѣе. Выйдя отсюда, мы осмотрѣли домъ, принадлежавшій, какъ увѣряютъ, сестрамъ Лазаря—Маріи и Марѣѣ и ту самую смоковницу, которая была проклята Иисусомъ. Затѣмъ мы оставили деревню, преслѣдуемые крикливыми требованіями бакшиша, со стороны цѣлой толпы полунагихъ арабскихъ ребятишекъ.

Въ Иерусалимъ возвратились мы по большой дорогѣ, идущей вдоль южнаго склона Масличной горы, по той самой дорогѣ, вѣроятно, по которой ѣхалъ Спаситель на ослѣ, когда народъ устилалъ путь его своими одеждами и пальмовыми вѣтвями. Слѣдующій день употребили на то, чтобы объѣхать кругомъ городскихъ стѣнъ, причемъ осмот-

рубли „гробницы царей“ и „домъ Давида“, близъ котораго находится и его могила. Въ этомъ зданіи, находящемся за городомъ, показываютъ большую комнату во второмъ этажѣ, какъ ту самую горницу, въ которой происходила Тайная Вечеря и гдѣ потомъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, Христосъ явился апостоламъ. Зданіе это находится въ рукахъ мусульманъ, которые считаютъ его священнымъ, такъ какъ они признаютъ Давида однимъ изъ числа великихъ своихъ пророковъ. Неподдалеку оттуда, но уже внутри города, находится армянскій монастырь, бывший прежде, какъ увѣряютъ, домою первосвященника Каиафы. Въ немъ много сокровищъ изъ серебра и золота, а между достопримѣчательными святынями хранятся: камень, заправшій дверь Гроба Господня и кусокъ скалы, на которомъ сидѣлъ тотъ самый пѣтухъ, который не успѣлъ прокричать трижды, какъ апостоль Петръ трижды-же отрекся отъ божественнаго Учителя! Гораздо интереснѣе впрочемъ былъ видѣнный мною тамъ требникъ, украшенный великолѣпными рисунками. Онъ написанъ на пергаментѣ и на поляхъ каждой страницы имѣются соотвѣтствующія ея содержанію раскрашенные рисунки, стоившіе безъ сомнѣнія многихъ лѣтъ труда старымъ монахамъ, прахъ которыхъ теперь давно уже истлѣлъ; переплетъ требника сверкаетъ рубинами, сапфирами и алмазами, тяжелыя застежки изъ чистаго золота. Сѣдобородый старый монахъ не спускалъ съ меня глазъ въ продолженіе всего времени пока требникъ былъ у меня въ рукахъ и успокоился тогда лишь, когда, уложивъ опять требникъ въ богатый бархатный футляръ, помѣстивъ его на алтарь. Передъ выходомъ нашимъ изъ церкви монахъ окропилъ насъ святою водою и далъ намъ свое благословеніе.

Передъ еврейскимъ „мѣстомъ плача“, у нѣсколькихъ большихъ камней, вдѣланныхъ во внѣшнюю сторону ограды Омаровой мечети и, по преданію, принадлежавшихъ прежде къ фундаменту Соломонова храма, разыгрываются каждую пятницу послѣ обѣда сцены, производящія весьма тяжелыя впечатлѣнія. Тамъ собираются еврей, молодые и старыя, испуская самыя жалостныя вопли и крики. Поверхность

каменной совершенно обтерлась отъ ихъ поцѣлуевъ и они выражаютъ свою горестъ самымъ раздирающимъ сердце образомъ.

Я не хочу пытаться здѣсь описывать любопытныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ я былъ три года тому назадъ, въ продолженіе святой недѣли, напримѣръ, процессію въ Вербное воскресенье и омовеніе ногъ, совершаемое высшими духовными лицами. Тогда же дѣлалъ я интересныя экскурсіи въ Иордану, Мертвому морю и Виллеусу.

На этотъ разъ вся поѣздка не могла протянуться долѣе двухъ недѣль, такъ какъ слѣдовало спѣшить обратно въ Египетъ, чтобы не опоздать на пароходъ, который долженъ былъ везти насъ въ Персію и Багдадъ.

Небо было покрыто тучами и все предсказывало на дорогу мрачную пасмурную погоду, когда я и пріятель мой Ф. простились съ нашими сопутниками пилигримами и сѣли на копей, чтобы пуститься въ обратный путь въ Яффу. Проѣзжая подъ некрасивую, тяжелою аркою Яффскихъ воротъ, мы замѣтили, что турецкіе часовые взимаютъ нѣчто въ родѣ таможенного сбора натурою со всѣхъ мѣстныхъ продуктовъ, привозимыхъ въ городъ на продажу. Грузъ каждаго, кто ѣхалъ на базаръ, такимъ образомъ, немного облегчался, при этомъ размѣръ подати зависѣлъ повидимому единственно отъ усмотрѣнія стражи. У воротъ лежали цѣлыя груды дровъ, различнаго рода плодовъ и овощей, яицъ, куръ и т. п. Мы не могли узнать, поступалъ-ли этотъ сборъ на продажу за счетъ правительства или-же присвоивался себѣ просто на просто самую стражею. Драгоманъ нашъ Гассанъ отправился впередъ съ вычнымъ муломъ и мы потихоньку подымались, мимо русскаго монастыря и нѣсколькихъ чистенькихъ хорошенькихъ дачекъ, на высоты, громадѣющіяся съ сѣверной стороны надъ Иерусалимомъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ Иерусалимъ долженъ былъ скрыться отъ насъ за поворотомъ дороги, мы на минуту остановились и обратились назадъ, чтобы бросить послѣдній взглядъ на священный городъ. Это

вторичное посѣщеніе святыхъ мѣстъ произвело на меня вообще печальное впечатлѣніе, которое отчасти лишь ступевывалось поѣздкой на Масличную гору и въ Виванію. Медленно и не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ, повернули мы лошадей по направленію къ морю и плотіе застегнули плащи чтобы защититься отъ пронзительнаго вѣтра и холоднаго дождя, бившаго насъ прямо въ лицо. Затѣмъ, опустивъ поводья, мы предоставили лошадямъ спускаться съ крутаго холма внизъ, по каменистой дорогѣ, какъ имъ заблагоразсудится. Въ продолженіи перваго часа пути намъ постоянно попадались ослы, нагруженные хворостомъ и пеньками для топлива, а также мужчины, женщины, даже полувзрослыя дѣти, сгибавшіеся подъ тяжелыми ношами; они глядѣли на насъ съ такимъ грустнымъ и усталымъ видомъ, какъ еслибъ жизнь не представляла имъ счастья въ настоящемъ и никакой свѣтлой надежды въ будущемъ. Вслѣдствіе непрерывно падавшаго дождя, дорога становилась съ каждымъ шагомъ все грязнѣе и грязнѣе, но мы рѣшились сбросить съ себя тяжелое настроеніе духа, мужественно отнестись къ нашему положенію и быть довольными и счастливыми на столько, на сколько это было возможно при тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Спусти два часа по выѣздѣ изъ Іерусалима, примѣтили мы приближающагося къ намъ верхомъ одиночнаго путника; когда онъ подѣхалъ ближе, мы узнали въ немъ плута-трактирщика, ограбившаго насъ, нѣсколько дней тому назадъ, при остановкѣ въ Бабъ-эль-Водѣ. Онъ былъ одѣтъ въ лучшее свое платье, сверхъ котораго была накинута полосатая „абба“ изъ козьей шерсти, почти непроницаемая для воды. У евреевъ праздновалась суббота и онъ очевидно спѣшилъ въ Іерусалимъ на богомолье. Мы остановили лошадей и обратились къ нему съ торжественнымъ, но нельзя сказать, чтобъ очень вѣжливымъ, привѣтствіемъ. Напомнивъ ему въ немногихъ, ясныхъ словахъ мошенническую его продѣлку, мы заявили, что если онъ не хочетъ учтетверить количество своихъ грѣховъ за послѣднюю недѣлю, то долженъ покаяться и, въ знакъ искренности своего раскаянія, возратить

незаконно содранную съ насъ хабару. Посмотрѣвъ намъ въ лицо и видя, что мы говоримъ совершенно серьезно, трактирщикъ утратилъ обычное свое хладнокровіе и принялъ смиренный видъ, приличествующій великому грѣшнику, идущему на исповѣдь. Онъ вполне согласился съ справедливостью нашего предложенія и, написавъ на грязномъ клочкѣ бумаги нѣсколько словъ по-еврейски, подалъ намъ этотъ клочекъ, говоря, что на немъ сдѣлано распоряженіе его брату, оставшемуся въ трактирѣ, накормить насъ бесплатно завтракомъ. Его смиреніе и кажущееся раскаяніе обезоружили нашъ гнѣвъ и мы предоставили ему ѣхать далѣе съ совѣстью облегченной, хотя можетъ быть и противъ желанія, отъ одного изъ обычныхъ его тяжкихъ грѣховъ. Нѣсколько часовъ спустя мы уже спускались съ послѣдняго изъ холмовъ Іудеи и остановились у „воротъ равнины“. Братъ трактирщика вышелъ къ намъ на встрѣчу и мы предъявили ему документъ, въ дѣйствительности котораго ощущали впрочемъ нѣкоторое сомнѣніе. Прочитавъ бумагу, онъ вѣжливо пригласилъ насъ слѣзть съ коней и въ непродолжительномъ времени поставилъ передъ нами прекрасную закуску. Когда мы кончили, онъ угостилъ насъ сигарами изъ достопамятнаго для меня ящика. Чтобъ испытать его искренность, я вынулъ изъ кармана кошелекъ и предложилъ заплатить что слѣдуетъ, но онъ отказался отъ всякаго вознагражденія. На разставаньи мы, почти дружелюбно, пожали другъ-другу руку. Мнѣніе мое о человѣчествѣ вообще значительно улучшилось, такъ какъ я увидѣлъ ошибочность заключенія, въ которому я пришелъ передъ тѣмъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, относительно возможности полной испорченности человѣческой природы. Мы оставили уже за собою холмы и ѣхали теперь по наносной почвѣ равнины. Дожидь не переставалъ и на дорогѣ была въ полномъ смыслѣ слова грязь по колѣна. Мы были рады, что добрались до Рамлы пока еще не совѣзмъ стемнѣло, и, проѣхавъ мимо отеля претендента на санъ американскаго консула, остановились въ грекороссійскомъ монастырѣ, гдѣ и нашли самую радушную встрѣчу. Три года тому назадъ я останавливался здѣсь разъ переночевать и съ удивленіемъ увидѣлъ

собя узнанымъ здѣшными священниками и ихъ женами. Духовенство грекороссійской церкви имѣеть право вступать въ бракъ, а потому въ здѣшнихъ монастыряхъ этого исповѣданія можно всегда встрѣтить женщинъ и дѣтей, что какъ-то не вяжется съ идеями, которыя обыкновенно привыкли соединять съ представленіемъ о монастыряхъ *).

Впродолженіи этого вторичнаго посѣщенія мною святыхъ имѣеть, случалось не разъ, что въ Іерусалимѣ и Яфѣ содержатели отелей и драгоманъ раскланивались со мною съ очевидными признаками того что они меня узнали. Вообще кажется, что въ Палестинѣ обладают удивительной способностью припоминать разъ видѣнныя гдѣ либо лица. Впрочемъ, если меня кто изъ здѣшнихъ и поднадулъ въ предшествовавшую поѣзду, то я давно уже забылъ объ этомъ и возвращался не помня зла. На этотъ разъ со мною обращались съ особымъ радушіемъ и вниманіемъ, полагая, вѣроятно, что я буду, въ два или три года разъ, постояннымъ здѣшнимъ посѣтителемъ. Нижній этажъ монастыря состоялъ изъ конюшни, въ которой измученные нами кони нашли себѣ желанный пріютъ въ то время, какъ господъ ихъ пригласили взобраться по наружной лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ, гдѣ намъ и была указана комната, убранная просто, но съ комфортомъ. Перебѣнивъ свои, промокшія отъ дождя, платья, мы были приглашены къ сытному ужину, сервированному на голубомъ англійскомъ фаянсѣ стариннаго образца. За столомъ, гдѣ мы были единственными гостями, все дышало самой изысканной чистотой и опрятностью. Этотъ монастырь, подобно всѣмъ прочимъ въ странѣ, выстроенъ изъ камня; толстыя его стѣны увѣнчаны прочными сводами и во всемъ зданіи дерево встрѣчается лишь въ дверяхъ и оконныхъ рамахъ. Въ теченіи дождливаго времени эти оводчатые комнаты, напоминающія собою кельи, вѣроятно сыры и имѣють мрачный видъ, но за то лѣтомъ должна царствовать въ нихъ пріятная прохлада. Въ Рамлѣ два монастыря, грекороссійскій и латинскій (римско-католическій, и оба они, впродолженіи двухъ весен-

*) *Прим. пер.* Одно лишь бѣлое духовенство имѣеть по уставу грекороссійской церкви право на вступленіе въ бракъ.

нихъ мсяѣцевъ, переполнены прибывающими изъ Европы пилигримами, принадлежащими преимущественно къ неимущимъ классамъ общества. Особенно силенъ бываетъ приливъ пилигримовъ въ продолженіи Святой недѣли, когда въ Іерусалимъ и его окрестности нерѣдко собирается до десяти тысячъ европейцевъ. Только въ эти два мѣсяца, собственно говоря, и можно путешествовать по Палестинѣ. До половины марта погода еще не установилась окончательно и еще черезъ-чуръ холодно и сыро для того, чтобъ можно было безнаказанно жить въ шатрахъ. Позже пятнадцатаго мая опять таки становится уже черезъ-чуръ жарко.

Измученные нашей поѣздкой, мы рано отправились спать, и несмотря на жесткія постели и отсутствіе запоровъ у оконъ и дверей, уснули такъ же хорошо и безопасно, какъ бы въ самомъ роскошно устроенномъ новомодномъ отелѣ.

Рано утромъ на другой день радушные хозяева угостили насъ раннимъ завтракомъ и приняли деньги, которыя мы имъ предложили за свое содержаніе, съ премногою благодарностью. Въ этихъ монастыряхъ неимущіе пилигримы получаютъ столъ и квартиру безвозмездно, но отъ подобныхъ намъ путешественниковъ всегда ожидается какая нибудь плата; впрочемъ, если кто уѣдетъ и ничего не заплативъ, то и тогда не взыщутъ.

Сообщеніе вдоль южнаго побережья Средиземнаго моря поддерживается тремя пароходными обществами: *Messageries maritimes*, австрійскимъ Ллойдомъ и русскимъ обществомъ. Вообще говоря, пароходы всѣхъ трехъ обществъ устроены весьма хорошо и удобно, и по пути заходятъ во всѣ главнѣйшія гавани. Обыкновенно впрочемъ отдаютъ предпочтеніе судамъ французскаго общества, вслѣдствіе ихъ большей величины и большей силы ихъ машинъ.

„Правовѣрный“, совершившій двукратное путешествіе въ Мекку, пользуется за то между послѣдователями пророка извѣстными особыми правами и преимуществами. Но я нигдѣ не могъ узнать, какихъ именно особыхъ почестей удостоивается тотъ, кто совершитъ двукратно

паломничество въ Иерусалимъ. Можетъ быть, что для этого случая не было еще прецедентовъ, а потому я считаю себя вправѣ на то, чтобы, въ видѣ отличія, чемоданы мои были украшены знаками „Краснаго Иерусалимскаго Креста“. Въ качествѣ основателя новаго ордена я готовъ наградить его знаками всѣхъ тѣхъ гражданъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые могутъ доказать права свои на его полученіе.

Глава IX.

Суецкій каналъ.

Совершившійся фактъ.—Краткая исторія канала.—Доводы, которые приводились въ доказательство невозможности его проведенія.—Насколько каналъ выгоденъ какъ финансовое предпріятіе.—Тарифъ взимаемыхъ съ судовъ сборовъ.—Новыя пароходныя общества.—Обороты 1873 года.—Теченіе, ширина и глубина канала и наибольшая разрѣшенная скорость хода.—Озеро Мензале.—Колоссальная землечерпательная машина.—Чудный видъ.—Корабль въ пустынь.—Озеро Тимзе.—Горькое озеро.—Каналъ, изготовленный самою природою.—Прибытіе въ Суецъ.—Древность города восходитъ до временъ фараоновъ.—Отчего море называется Краснымъ.—Полумѣсяцъ со звѣздой.—Фараоновы колесницы.

Открытіе Суецкаго канала, одного изъ величайшихъ сооруженій текущаго столѣтія, послѣдовало въ ноябрѣ 1869 года и сопровождалось большими празднествами, на которыхъ присутствовала императрица Евгенія. Оно было тогда описано во всей подробности корреспондентами, съѣхавшимися нарочно для этой цѣли со всего свѣта.

Мнѣ приходилось теперь проѣхать по всему протяженію канала, а потому я намѣреваюсь предпослать краткій очеркъ его исторіи, а также сообщить все сколько нибудь интересныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать относительно нынѣшняго его положенія. Все, что назадъ тому шесть лѣтъ находилось еще въ области предположеній и служило предметомъ нескончаемаго разногласія, даже между специалистами, перешло уже теперь въ область фактовъ. Никто не можетъ заявлять теперь, что проведеніе канала не удалось, такъ какъ каналъ существуетъ въ дѣйствительности. Подобно тому, какъ Ларднеръ отрицалъ возможность переплыть на пароходѣ

черезъ Атлантическій океанъ, также точно извѣстный инженеръ Стефенсонъ и большая часть англійскихъ инженеровъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ отрицали возможность прорытія Суецкаго канала. Можетъ быть, впрочемъ, сомнѣніе это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что какъ чего желаешь, такъ о томъ и думаешь“. Во всякомъ случаѣ англійское правительство должно теперь отъ всего сердца стыдиться тѣхъ интригъ, которыя велись имъ при дворѣ султана для того, чтобы помѣшать осуществленію этого великаго предпріятія, прикрываясь какъ бы филантропическою цѣлью избавить феллаховъ отъ бесполезной, принудительной, бесплатной работы. Въ настоящее время ни одна нація не пользуется всѣми выгодами отъ новаго пароходнаго пути въ Остъ-Индію въ такой мѣрѣ, какъ сама Англія.

Первое изъ выставлявшихся на видъ препятствій къ осуществленію канала была предполагаемая разность уровней Чермнаго и Средиземнаго морей, причѣмъ основывались главнымъ образомъ на результатахъ наблюденій, произведенныхъ въ 1798 году комиссіею, снаряженной съ этою цѣлью Наполеономъ I. Болѣе тщательныя изслѣдованія, произведенныя пятьдесятъ лѣтъ спустя, показали всю несостоятельность этихъ опасеній. Затѣмъ противники проекта говорили, что каналъ придется вести въ южной или Суецкой его части, въ страшнѣйшихъ сыпучихъ пескахъ, а въ сѣверной части сквозъ намывной грунтъ нильской дельты, образовавшійся вѣковыми отложеніемъ рѣчнаго ила; въ обоихъ грунтахъ каналъ не въ состояніи будетъ сохранить своей профили, напротивъ, чѣмъ болѣе будутъ его расчищать и углублять, тѣмъ хуже будетъ становиться дѣло. Препятствіе это оказалось фиктивнымъ, такъ какъ каналъ, по большей части его протяженія, пришлось вести не въ сыпучемъ пескѣ, а въ грунтѣ, состоявшемъ изъ послѣдовательныхъ пластовъ ила, глины и раковистаго известняка. Оказалось также, что въ сѣверной части канала, подъ слоемъ нильскаго ила и жидкой грязи озера Мензале, лежитъ пластъ глины, непроницаемой для воды, которая могла служить отличнымъ матеріаломъ для укрѣпленія береговъ. Сыпучими песками приходилось идти лишь на самомъ незначительномъ про-

тяженіи, а потому всѣ сомнѣнія относительно устойчивости береговъ были опровергнуты. Затѣмъ высказаны были опасенія, что, движимые вѣтрами пустыни, сыпучіе пески будутъ заносить каналъ такъ скоро, что нельзя будетъ поспѣвать за ними очисткой, которая, при самыхъ даже благоприятныхъ обстоятельствахъ, будетъ обходиться такъ дорого, что сдѣлаеть проведеніе канала предпріятіемъ, съ финансовой точки зрѣнія совершенно невозможнымъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что каналъ на протяженіи всего лишь пяти миль по длинѣ, подвергается опасности отъ песчаныхъ заносовъ, которые притомъ втеченіи мѣсяца нигдѣ не въ состояніи засыпать каналъ болѣе чѣмъ на два ярда по глубинѣ. Очистка этого песку, по мѣрѣ его накопленія, отдана комиссіей на подрядъ по весьма невысокой цѣнѣ.

Человѣчество обязано Фердинанду Лессепсу тѣмъ, что это величественное предпріятіе доведено было до конца, несмотря на всѣ дѣйствительныя и воображаемыя препятствія. Съ полною вѣрою въ выполнимость проекта, Лессепсъ, подобно Киру У. Фильду, отцу заатлантическаго телеграфа, не отступался отъ дѣла даже и тогда, когда человѣкъ съ менѣе сангвиническимъ темпераментомъ давно уже пришелъ бы въ отчаяніе. Ему принадлежитъ безраздѣльно заслуга, открытія этого втораго гибралтарскаго пролива для всемірной торговли.

Суецкій каналъ представляетъ собою дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, французское предпріятіе, но французское правительство не участвуетъ въ немъ капиталами и не имѣетъ права вмѣшательства въ его администрацію. Большинство акцій находится въ рукахъ частныхъ лицъ — преимущественно французовъ. Впрочемъ изъ 400,000 акцій, представляющихъ собою акціонерный капиталъ общества — 176,000 принадлежатъ вице-королю египетскому Измаилу Пашѣ, безъ энергическаго содѣйствія котораго, работы, по всѣмъ вѣроятіямъ, не были-бы приведены къ окончанію. Первая концессія на прорытіе Суецкаго перешейка выдана была египетскимъ правительствомъ въ 1854 году. Пять лѣтъ употреблено

было на предварительныя изслѣдованія и приготовленія. Работа прорытія канала начата была въ Портъ-Саидѣ въ 1859 году. Черное море вступило въ каналъ и смѣшало свои воды съ Средиземнымъ моремъ уже 15 августа 1869 года. Наконецъ, 1 января 1870 года, послѣдовало открытіе всемірной торговлѣ этого прохода, составлявшаго въ теченіи столькихъ вѣковъ „*via desiderata*“ для человѣчества.

Теперь прошло уже пять лѣтъ со времени прорытія перешейка и можно постановить вопросъ: выгодно-ли оказывается это предпріятіе съ чисто коммерческой точки зрѣнія? По всѣмъ вѣроятіямъ, теперь еще пришлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Акции канала были выпущены съ гарантіей 5% дохода съ номинальнаго капитала. Для выплаты такого дивиденда, общество должно было бы получать ежегодно до 5,000,000 долларовъ чистаго дохода. Причисляя еще 2,000,000 долларовъ на текущіе расходы, ремонтъ и администрацію, увидимъ, что свести концы съ концами можно лишь при валовомъ сборѣ не меньше 7,000,000 долларовъ. Взимаемая въ каналѣ судовая пошлина составляетъ для пароходовъ два доллара съ тонны вмѣстимости и по два доллара съ каждаго пассажира. Парусныя суда платятъ половинную пошлину. Кромѣ того, взимается особая плата за лоцмановъ и т. п. Нашему пароходу, удовольствіе пройти черезъ каналъ будетъ стоить приблизительно 1,600 долларовъ, что, за одинъ день хода, представляетъ весьма изрядный расходъ, но по сравненію съ тѣмъ, во что бы обошлось путешествіе воекругъ мыса Доброй Надежды, расходъ этотъ крайне незначителенъ. Для того, чтобы каналъ могъ окупаться исключительно одной судовой пошлиной, необходимо, чтобы ежедневно проходило черезъ него по крайней мѣрѣ пять пароходовъ; теперь же еще пока едва лишь проходитъ и половинное число. Впрочемъ, общество Суецкаго канала располагаетъ кромѣ того и другими источниками доходовъ. Вице-король уступилъ компаніи обширныя участки земли, часть кото-

рыхъ была впоследствии куплена обратно въ казну, съ уплатой значительной суммы наличными деньгами. И теперь еще въ кассу общества поступаютъ пятьдесятъ процентовъ всей суммы, выручаемой продажей поземельныхъ участковъ, въ городахъ Портъ-Саидъ, Измаили и Суецъ, гдѣ компании принадлежатъ обширныя, весьма цѣбныя поземельныя участки. Притомъ же, со времени открытія канала, начали устраиваться новыя общества пассажирскаго и торговаго пароходства и на театрѣ торговли съ востокомъ начинаютъ входить въ состязаніе съ Англійей и другія державы, какъ напр.: Россія, Австрія, Италия и Франція. Движеніе по каналу съ каждымъ днемъ усиливается болѣе и болѣе, хотя и не такъ быстро, какъ этого ожидали вначалѣ. Въ 1873 году валовой сборъ судовыхъ пошлинъ далъ болѣе пяти милліоновъ долларовъ (черезъ каналъ прошло тысяча двѣсти пароходовъ). Расходы на администрацію, со включеніемъ стоимости ремонта и очистки канала, составляли 2,250,000 долларовъ. Акціонерный капиталъ общества равняется 100,000,000 долларовъ. Кромѣ того, на обществѣ лежитъ, правда, не очень значительный консолидированный долгъ, большая часть облигацій котораго находится въ рукахъ вице-короля египетскаго. Крупныя суммы изъ общей цифры поступающихъ доходовъ поглощаются пока еще на возведеніе различныхъ сооруженій; такъ напримѣръ, въ Портъ-Саидъ предположено, для защиты гавани отъ обмелѣнія выдвинуть брекватеръ на шесть тысячъ ярдовъ въ открытое море.

Между высотой приливовъ и отливовъ обоихъ конечныхъ пунктовъ канала замѣчается существенная разница. Обыкновенная разность уровней приливной и отливной волнъ въ Портъ-Саидъ на Средиземномъ морѣ составляетъ всего лишь полтора фута, между тѣмъ, какъ въ Суецѣ она простирается до трехъ съ половиной футовъ. Въ странахъ, находящихся подъ экваторомъ, разность приливныхъ и отливныхъ волнъ бываетъ приблизительно вдвое болѣе.

Такъ какъ на самомъ каналѣ не существуетъ никакихъ пло-

тинъ или плюзовъ, то морскія волны входятъ и выходятъ изъ канала совершенно свободно, производя въ немъ теченіе, скорость котораго никогда впрочемъ не превышаетъ двухъ миль въ часъ и совершенно наконецъ утрачивается въ озерахъ, составляющихъ приблизительно половину всего протяженія канала. Когда каналъ будетъ совершенно оконченъ отдѣлкой, согласно вновь предполагаемому увеличенію площади его сѣченія, то ширина его на верхнемъ уровнѣ водъ будетъ простираться до трехъ сотъ футовъ при глубинѣ тридцати футъ и семидесяти футахъ ширины по дну. Ныгѣшняя же верхняя ширина канала составляетъ всего лишь двѣсти футъ при двадцати четырехъ футахъ глубины, на самомъ мелкомъ мѣстѣ. Въ незначительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга сдѣланы въ каналѣ уширенные бассейны, въ которыхъ встрѣчающіяся суда могутъ свободно разойтись; по окончаніи же отдѣлки канала, движеніе можетъ быть производимо въ два ряда судовъ. По всему протяженію канала устроенъ телеграфъ и черезъ каждыя нѣскольکو миль встрѣчаются телеграфныя станціи, сообщающія въ главную контору о положеніи каждаго судна въ каналѣ. Наибольшая дозволенная скорость движенія—восемь миль въ часъ, и такъ какъ длина канала отъ Портъ-Саида до Суэца девяносто шесть миль, то пароходы проходятъ весь каналъ теченіе одного дня. (Ночное движеніе по каналу не дозволяется).

Въ двадцати шести миляхъ разстоянія отъ Средиземнаго моря каналъ вступаетъ въ мелководное озеро Мензале, дно котораго затянато толстымъ слоемъ полужидкаго ила. Здѣшняя мѣстность составляла прежде часть нильской дельты и озеро было однимъ изъ рукавовъ рѣки. Проведеніе судоходнаго канала черезъ мягкую жидкую грязь этого болота, а главное устройство береговъ, которые могли-бы выдержать напоръ валовъ Средиземнаго моря, долгое время не удавалось самымъ искуснымъ и опытнымъ инженерамъ. Но какъ мы уже объ этомъ говорили, подъ слоемъ ила оказался пластъ твердой непроницаемой для воды глины, которая, будучи смѣшана съ

плоть, дала возможность устроить прочные берега. Берегъ канала образуется двумя рядами плотинъ, возвышающихся на четыре фута надъ верхнимъ уровнемъ водъ. Между плотинами проложены чугунныя трубы, по которымъ громадная паровая водопячка, установленная въ Измаиліи, доставляетъ въ Портъ-Саидъ все количество ³ воды, необходимое для этого города.

На яворахъ близъ береговъ канала стояли колоссальныя землечерпательныя машины (драги), всѣ части которыхъ сдѣланы изъ жѣлаза. Машины эти построены и даже изобрѣтены подрядчиками и специально примѣнены къ особенностямъ грунта Суецкаго канала. Въ каналѣ дѣйствуетъ десять этихъ гигантскихъ машинъ, за каждую изъ которыхъ заплачено по восьмидесяти тысячъ долларовъ; при нихъ состоитъ двадцать пять паровыхъ баржъ для отвозки грязи, поднимаемой со дна черпаками. Каждая баржа обоилась по пятисотъ тысячъ долларовъ. Колоссальныя суммы, потраченныя подрядчиками на устройство механической стороны дѣла, могутъ дать нѣкоторое понятіе о его громадности. Изъ озера Мензале каналъ идетъ девятнадцать миль песчаной степью и затѣмъ вступаетъ въ слѣдующее озеро.

Съ палубы нашего парохода отеривался единственный видъ въ всемъ родѣ. Палуба находилась высоко надъ поверхностью воды и низкія береговныя насыпи нисколько не скрывали отъ глазъ песчаную пустыню, простиравшуюся въ обѣ стороны такъ далеко, насколько можно было окинуть взглядомъ.

Затѣмъ достигли мы озера Тимса, имѣющаго шесть миль въ длину. На западномъ берегу этого озера находится на половину опустѣвшій городъ Измаилія. Озеро глубоко, вода въ немъ свѣтлая, но очень соленая. Оттуда мы прошли другимъ участкомъ канала, имѣющимъ восемь миль длины въ горькое озеро „lac amer“.

Озеро это было прежде овальнымъ углубленіемъ въ почвѣ, находившимся прямо на линіи проектированнаго канала. Полагаютъ, что углубленіе это было прежде оконечностью Суецкаго залива. Отступив-

шія воды Чермнаго моря оставили тутъ внутренній бассейнъ, вода котораго внослѣдствіи испарилась. Дно углубленія выстлано было сло- емъ соли, имѣвшимъ мѣстами нѣсколько футъ въ толщину. Когда воды Чермнаго моря прошли опять въ этотъ бассейнъ, то изъ него образовался готовый каналъ въ двадцать одну милю длины, де- сять миль наибольшей ширины съ достаточно глубокимъ фарватеромъ для прохода по немъ самыхъ большихъ судовъ. Соль, скопившаяся на днѣ озера, дѣлаетъ воду въ немъ очень горькою, что обусловило и выборъ даннаго этому озеру названія. Пройдя озеро, мы снова вступили въ каналъ и послѣ трехчасоваго въ немъ хода добрались наконецъ до Суецкой гавани. Еще не смерклося, когда мы прибыли въ весьма приличный „Полуостровный и восточный“ отель.

Въ Суецѣ пришлось намъ остановиться на нѣсколько дней въ ожиданіи прибытія изъ Англи парохода, на которомъ мы разсчиты- вали отправиться дальше. Такимъ образомъ представился случай осмот- рѣть въ подробности этотъ древній городъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ проникся вновь живой струей жизни.

Суецкая гавань главнымъ образомъ состоитъ изъ искусственныхъ сооружений. Между прочимъ имѣется тамъ каменный сухой докъ, вы- строенный вице-королемъ египетскимъ, сколько помнится, единствен- ный на всемъ протяженіи водъ до самого Индѣйскаго полуострова. Въ гавани я могъ съ плоской крыши отеля насчитать до десяти воен- ныхъ пароходовъ подъ турецкимъ и египетскимъ флагомъ „полумѣ- сяца и звѣзды“.

Три года тому назадъ, я высадился здѣсь на пути моемъ изъ Индіи; безъ сожалѣнія простился я тогда съ измѣнническими вол- нами Чермнаго моря и теперь при встрѣчѣ съ ними не ощутилъ ни малѣйшаго удовольствія. Отчего море это получило названіе Чермнаго (Краснаго) остается для меня тайной. Мнѣ никогда не случалось примѣтить розоваго оттѣнка въ бурныхъ его валахъ, черныхъ вуль- каническихъ прибрежныхъ скалахъ и сѣроватыхъ песчаныхъ отмеляхъ. Я гдѣ-то читалъ, что при тихой и ясной водѣ (чего здѣсь никогда почти

не бывает) можно видѣть въ глубинѣ колеса отъ колесницъ фараоновыхъ. Я думаю, что самъ фараонъ не сталъ бы оспаривать единогласно выведеннаго всѣми путешественниками заключенія о томъ, что Черное море самое неприятое и измѣнническое на всемъ земномъ шарѣ.

Глава X.

По Черному морю.

Опасное плаваніе.—Врата слезь.—Постоянный противный вѣтеръ.— Нашъ пароходъ носить имя индусской богини.— Гора Синай въ виду.— „Dolce far niente“.— Джидда-портъ Мекки.— Юсуфъ Эффенди.— Священное знамя.— Магометъ Бенъ-Хаджи.— Паломничество въ Мекку.— Визитъ къ губернатору и къ королю зангвебарскому.— Образчикъ краснорѣчія.— Могила Евы.— Мусульманское преданіе.— Король садится съ гаремомъ своимъ на пароходъ.— Персидскій торговецъ жемчугомъ.— Драгоцѣнные жемчужины.— Королевскія сокровища.— „Правая, лѣвая прикуцка и тузъ“.— Отказываюсь отъ приглашенія въ Зангвебаръ.— Городъ кофе—Мокка.— Какимъ образомъ достался англичанамъ ключъ отъ пролива.— Перимъ.

При открытіи новаго пути въ Индію, черезъ Суецкій перешеекъ, вообще полагали, что всѣ парусныя суда пойдутъ этимъ путемъ, избѣгая долгаго и труднаго плаванія, кругомъ мыса Доброй Надежды, но пятилѣтній опытъ показалъ, что только паровыя суда могутъ сравнительно безнаказанно ввѣряться измѣнчивымъ теченіямъ и опаснымъ рифамъ Чермнаго моря. На прибрежьѣ этого моря установлено пока еще весьма недостаточное число маяковъ и, не смотря на тщательную бдительность моряковъ и лодмановъ, погибаетъ на здѣшнихъ подводныхъ скалахъ много кораблей съ цѣнными грузами. Туземцы арабы, отправляясь на своихъ торговыхъ судахъ (бугало, нѣчто въ родѣ барокъ) въ плаваніе по Черному морю, всякій разъ передъ тѣмъ служатъ Аллаху молебень о спасеніи отъ потопленія. Узкій проливъ, которымъ оканчивается Черное море, получилъ у нихъ характеристиче-

ское названіе „Бабъ-эль-Мандебъ“, что въ переводѣ означаетъ „Ворота слезъ“. Отъ Суэца до Адена, находящагося въ девяносто миляхъ за Бабъ-эль-Мандебскимъ проливомъ, считается тысяча четыреста миль. Наибольшая ширина Чернаго моря двѣсти миль и почти всѣхъ берега его окаймлены песчаными степями или бесплодными скалистыми горами. Ни одна рѣка не впадаетъ въ это обширное море и на его пустынныхъ и лишенныхъ всякой растительности берегахъ выпадаетъ очень мало дождя. Вѣтеръ врывается въ ущелье, образуемое берегами моря, съ сѣвера черезъ Суецкій заливъ и съ юга черезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, на срединѣ же протяженія Чернаго моря царствуютъ обыкновенно штили. Нагрѣтый воздухъ подымается здѣсь почти прямо вверхъ, какъ-бы въ громадную трубу и жары стоятъ невыносимыя.

Плаваніе по Черному морю сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями, что доказывается обломками судовъ, которыми усыяны его берега на всемъ протяженіи отъ Суэца до Индѣйскаго океана.

Неподалеку отъ вулканическаго острова Джебельтаръ указали намъ мѣсто, гдѣ потерпѣлъ крушеніе великолѣпный пароходъ Полуостровнаго и Восточнаго общества, шедшій изъ Бомбея съ болѣе чѣмъ двумя стами пассажирами. Никому не удалось спастись. Фарватеръ въ Черномъ морѣ вообще узокъ и приближается то къ одному, то къ другому берегу. Берега окружены подводными скалами и близъ нихъ встрѣчаются измѣнчивыя теченія, совершенно незамѣтно уклоняющія судно отъ его курса. Плыветъ-ли судно къ Суэцу или въ Индѣйскій океанъ, вѣтеръ для него оказывается, какъ завѣряютъ, всегда противнымъ. Берега болѣею частью совершенно бесплодныя, песчаныя пустыни, и лишь мѣстами можно разсчитывать найти въ сосѣдствѣ нѣсколько шатровъ, принадлежащихъ племенамъ, вообще враждебно относящимся къ чужеземцамъ. Во всякомъ случаѣ, мореплаватели, потерпѣвшіе здѣсь крушеніе, не могутъ разсчитывать на гостепріимную встрѣчу.

Пароходъ нашъ носитъ имя индѣйской богини, которой поклоняются на берегахъ Ганга. Онъ построенъ изъ желѣза и снаряженъ на англійскихъ верфяхъ, отличается прочностью и скоростью хода. Капитанъ — веселый морякъ, истинный Джонъ-буллъ, притомъ весьма осмотрительный и осторожный. День и ночь онъ торчитъ на кубрикѣ; заботы о безопасности судна не даютъ ему, повидимому, уснуть. Такъ какъ намъ приходилось провести на „Гунгъ“ цѣлый мѣсяцъ, если не болѣе, то, садясь на пароходъ, мы до извѣстной степени безпокоились о томъ, насколько удобно будетъ тамъ для насъ помѣщеніе. Оказалось, что каюта весьма комфортабельно устроена и мы были въ ней единственными пассажирами.

Счастіе наше, впрочемъ, до нѣкоторой степени омрачалось извѣстіемъ о томъ, что пароходу придется остановиться въ Джиддѣ, гавани священнаго города Мекки, откуда онъ долженъ будетъ развезти по различнымъ портамъ Арабіи и Персіи до трехсотъ пилигримовъ, возвращающихся на родину. Впрочемъ, старые путешественники не легко поддаются кручинѣ. Мы старались, насколько возможно, пользоваться настоящимъ. Погода стояла великолѣпная, индѣйская наша богиня легко и быстро скользила по спокойной поверхности Чермнаго моря, которое, казалось, не имѣло намѣренія поддержать дурную свою репутацію. Быть можетъ, оно коварно хотеть насъ сперва приласкать, чтобы потомъ тѣмъ яростнѣе изломать насъ въ клочья.

На второй день послѣ отправленія нашего изъ Суеца, показалась въ лѣвой сторонѣ отъ насъ гора Синай, вершина которой окутана была облаками. Гора находилась отъ насъ въ довольно далекомъ разстояніи и отдѣлялась отъ берега пустыней, обнаженной отъ всякой растительности, и длинной цѣпью песчаныхъ холмовъ.

Чтобы какъ-нибудь убить время, мы понемножку читали, писали, курили, а больше всего спали. Часто также лежали мы на коврѣ, разостланномъ на палубѣ и зѣвая смотрѣли по цѣлымъ часамъ на рѣзкую яснообозначенную черту, въ которой гладкая, какъ зеркало, темносиняя поверхность моря встрѣчалась съ болѣе свѣтлой синевою

неба. Это было такое *dolce far niente*, подобное которому приходится испытывать только во время путешествія внизъ по Нилу. Когда мы уставали отъ спанья и безцѣльнаго глазѣнья по сторонамъ, мы начинали читать вслухъ романъ или же сказки тысяча одной ночи, — единственные оказавшіяся въ Каирѣ книги, пригодныя для предстоявшаго намъ путешествія. На четвертый день пароходъ пошелъ тише, такъ какъ мы уже приближались къ Джиддѣ. Еще въ двадцати миляхъ оттуда показаны на картахъ длинныя ряды коралловыхъ рифовъ, между которыми проходитъ фарватеръ, описывая самыя прихотливыя извилины. Маяковъ нѣтъ и никакое судно не рѣшится приблизиться ночью къ берегу. На нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся рифовъ турецкое правительство поставило каменные бакены, покрытые бѣлой штукатуркой. Лоцманъ-арабъ велъ насъ постоянными зигзагами и заставлялъ пароходъ круто поворачивать, проходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ близко отъ рифовъ, что можно бы было обмакнуть сухарь въ кипящія волны прибоя, гнѣвившагося надъ измѣнчивыми коралловыми остріями, которыя также легко могли-бы протенуть желѣзные листы парохода, какъ еслибы это была корка какого-нибудь паштета. Наконецъ, мы прибыли въ гавань и бросили якорь рядомъ съ дожиной другихъ англійскихъ, турецкихъ и египетскихъ пароходовъ; одинъ впрочемъ, прибывшій изъ Триеста, принадлежалъ обществу австрійскаго Ллойда. На внутреннемъ рейдѣ, защищенномъ длинною песчаною косой, стоялъ цѣлый флотъ арабскихъ „бугало“, похожихъ на китайскія джонки, съ латинскими парусами и высокой палубой на носу. Эти туземныя суда, отъ пятидесяти до двухсотъ тоннъ вмѣстимости, смѣло ныряютъ между рифами вдоль всего берега Чермнаго моря. Нѣсколько сотъ бугало постоянно заняты перевозкой пилигримовъ, которыхъ изъ одной только Африки прибываетъ въ Джидду ежегодно до двадцати тысячъ. Городъ со стороны моря имѣетъ довольно красивый видъ; его высокія, чистенькія на видъ бѣлыя зданія расположены вдоль залива на протяженіи болѣе чѣмъ одной мили.

На заднемъ планѣ подымается высокая горная цѣпь, за которою въ пятидесяти миляхъ далѣе въ глубь страны, находится священный городъ Мекка. Джидда окружена высокими стѣнами съ башнями; на углахъ, обращенныхъ къ сторонѣ моря, построены два сильныхъ форта. На трехъ сторонахъ города ворота открыты для всѣхъ безразлично, но на восточной сторонѣ, обращенной къ Меккѣ, проходить черезъ ворота разрѣшается исключительно однимъ лишь мусульманамъ.

Къ пароходу причалила лодка подъ турецкимъ флагомъ; прибывшій на ней чиновникъ санитарной полиціи подалъ оловянный ящикъ, въ который и были опущены корабельныя бумаги. Бумаги эти были оцурены, затѣмъ осмотрѣны и найдены въ исправности, послѣ чего чиновникъ взобрался на пароходъ въ сопровожденіи морскаго фактора Юсуфа Эффенди, сообщившаго капитану, что триста пилигримовъ или хаджи желаютъ быть принятыми на пароходъ. Одинъ изъ этихъ хаджи, принцъ зангвебарскій Саидъ Хаммудъ занялъ для себя и для своего гарема всѣ свободныя каюты перваго класса. Перспектива имѣть въ числѣ пассажировъ настоящаго принца съ нѣсколькими принцессами возлновала вѣрноподданническую кровь нашего шкипера, который заставилъ всю прислугу заняться уборкой каютъ для царственнаго семейства. Меня и пріятеля моего Ф. помѣстили въ общей каютѣ, на что мы и не претендовали, такъ какъ его королевское высочество предполагалъ ѣхать съ нами лишь до Адена, гдѣ онъ долженъ былъ пересѣсть на другой пароходъ, отправлявшійся уже прямо въ Зангвебаръ.

Юсуфъ Эффенди, хотя природный арабъ, говорилъ очень хорошо по англійски, по французски, по итальянски и по турецки и вѣжливо пригласилъ насъ воспользоваться его лодкой для того, чтобы стѣхать на берегъ. Какъ разъ въ тотъ самый день послѣ обѣда должна была происходить торжественная церемонія отвоза на турецкій военный корабль шелковой завѣсы, висѣвшей въ меккской мечети передъ священной каабою. Турецкій султанъ ежегодно приноситъ въ даръ новую завѣсу, прежняя же возвращается въ Константинополь, гдѣ ее разрѣзаютъ на мелкіе куски и раздаютъ

правовѣрнымъ, которые смотрятъ на эти куски, какъ на самую драгоценную святыню.

Мы пристали къ берегу какъ разъ во время для того, чтобъ видѣть процессію, проходившую по улицамъ въ сопровожденіи большого отряда войска съ турецкимъ пашею во главѣ. Впереди шло около сотни верблюдовъ, покрытыхъ большими попонами, на которыхъ краснымъ шелкомъ и золотомъ вышиты были полумѣсяцъ и звѣзды. За ними слѣдовала длинная кавалькада всадниковъ и наконецъ тысячи „хаджи“ пѣшкомъ замыкали шествіе. Всѣ дѣла на базарѣ пріостановились и при проходѣ верблюдовъ со священной завѣсою каждый мусульманинъ преклонялъ голову до земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при подобномъ же случаѣ произошелъ здѣсь между пилигримами страшный взрывъ фанатизма, имѣвшій слѣдствіемъ избіеніе нѣсколькихъ сотъ христіанъ. Мы смотрѣли на процессію изъ окна верхняго этажа дома Юсуфа Эфенди и не подвергались ни малѣйшей опасности. На берегу священная завѣса была передана на баржу, разцвѣченную турецкими флагами, которая была взята шлюпками на буксиръ и приведена къ турецкому кораблю, салютовавшему ей пушечнымъ залпомъ.

Угостивъ трубкой и кофе, Юсуфъ познакомилъ насъ съ старшимъ своимъ товарищемъ по торговлѣ Магометомъ бенъ Хаджи. Наверядъ ли какой либо крупный лондонскій или ньюіорскій негодіантъ могъ принять насъ съ большимъ достоинствомъ и съ болѣе изысканною любезностію. Съ истинно восточною вѣжливостію онъ предложилъ намъ принять въ свое распоряженіе его домъ и все, что тамъ содержится. По словамъ Юсуфа, слово Магомета бенъ Хаджи такъ же прочно, какъ англійскій банкъ. Самъ бенъ Хаджи весьма приличный старый джентельменъ, очевидно пользующійся въ городѣ всеобщимъ большимъ уваженіемъ. Всякій, приближаясь къ нему, считаетъ долгомъ отвѣсить низкій поклонъ и поцѣловать ему руку. Большая чалма, длинная сѣдая борода и широкое, длинное одѣяніе изъ дорогой матеріи придаютъ ему патриархальный видъ, что вмѣстѣ съ благосклон-

нымъ и исполненнымъ достоинства выраженіемъ его лица, дѣлаетъ бенъ Хаджи отличною моделью для живописца. Патріархъ этотъ усадилъ насъ рядомъ съ собою на диванъ и угостилъ душистымъ меккскимъ кофе и „наргиле“, которыя подавались на серебряныхъ подносахъ черными невольниками. Юсуфъ показалъ намъ потомъ громадныя кладовыя, принадлежащія ихъ фирмѣ. Въ кладовыхъ этихъ сложены были цѣлыя корабельныя грузы кофе, риса, финиковъ и сезама (пшена), тюки перламутра, черепахи, аравійской камеди и другихъ туземныхъ произведеній, которыхъ вообще отправляется ежегодно изъ Джидды за границу на сумму болѣе 5.000,000 долларовъ. Улицы и базары, черезъ которые мы проходили, были опрятнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, изъ видѣнныхъ мною въ Аравіи, городовъ. Большая часть зданій выстроены изъ камня; есть дома въ четыре и даже пять этажей. Стеклъ въ окнахъ нѣтъ, но вмѣсто нихъ вставлены деревянныя рѣшетки чрезвычайно изящной рѣзной работы, допускающія свободную циркуляцію воздуха, но совершенно скрывающія внутренность зданій отъ нескромныхъ взоровъ. Торговне обороты Джидды въ значительной степени зависятъ отъ притока пилигримовъ, которыхъ въ теченіе года перебиваетъ здѣсь круглымъ числомъ болѣе ста тысячъ. Коранъ поставяетъ каждому истинно вѣрующему въ обязанность совершить, если только обстоятельства и здоровье дозволяютъ, по крайней мѣрѣ хотя одинъ разъ въ жизни паломничество въ Мекку; всѣмъ выполнившимъ этотъ завѣтъ общаются нѣкоторыя извѣстныя льготы въ этомъ мірѣ, кромѣ того они становятся кандидатами на высшія мѣста въ раю. Вѣрные стекаются сюда со всѣхъ магометанскихъ странъ земнаго шара: изъ Персіи и Индіи, съ южныхъ береговъ Средиземнаго моря и западныхъ береговъ Африки, причемъ не рѣдко ихъ сопровождаютъ также жены и дѣти. Тысячи пилигримовъ на пути своемъ черезъ пустыню терпятъ невѣроятныя лишения и многіе погибаютъ въ дорогѣ; но они вѣруютъ, что умереть въ паломничествѣ, обезпечиваетъ немедленный входъ въ рай. Коранъ дозволяетъ имъ заниматься въ пути мелочною торговлею въ размѣрѣ,

необходимою для покрытія издержекъ путешествія. Но занятіе это не должно отвлекать пилигримовъ отъ самаго строгаго исполненія религіозныхъ обрядовъ. Съ прорытіемъ Суэзскаго канала облегчилась возможность ѣздить въ Мекку водянымъ путемъ и англійскіе пароходы получаютъ отъ перевозки пилигримовъ порядочный заработокъ. Священный сезонъ Мекки совпадаетъ обыкновенно съ декабремъ и январемъ мѣсяцами, но такъ какъ въ Аравіи счисленіе ведется лунными мѣсяцами, то сезонъ этотъ въ христіанскихъ календаряхъ является переходящимъ изъ года въ годъ.

На слѣдующій день Юсуфъ Эффенди пригласилъ насъ опять съѣхать на берегъ и сдѣлать визитъ турецкому пашѣ, что и было исполнено съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ формальностей. Паша принялъ насъ чрезвычайно любезно, но, такъ какъ онъ зналъ одинъ только турецкій языкъ, то разговоръ приходилось вести черезъ переводчика. Турецкій языкъ не имѣетъ никакого почти сходства съ арабскимъ, и, въ качествѣ придворнаго діалекта, употребляется лишь одними чиновными лицами, которыя здѣсь почти всѣ безъ исключенія природные турки. Арабскій же языкъ употребляется повсемѣстно въ Аравіи на письмѣ, въ печати и въ качествѣ общепринятаго разговорнаго діалекта. Меня представили пашѣ какъ его собрата — „американскаго пашу и великаго путешественника“. Кроме того для пущей важности Юсуфъ надавалъ мнѣ еще кучу самыхъ разнообразныхъ и напыщенныхъ титуловъ. Это произвело вождельвное впечатлѣніе. Паша усадилъ меня съ собою рядомъ на диванъ, самымъ формальнымъ образомъ представилъ мнѣ присутствовавшихъ тутъ же подчиненныхъ своихъ чиновниковъ и приказалъ подать неизбѣжное угощеніе и кофе. Затѣмъ паша обратился ко мнѣ съ изысканной рѣчью въ восточномъ стилѣ, на которую я старался отвѣчать въ томъ же вкусѣ.

— „Такой великій путешественникъ, какъ вы“, говорилъ мнѣ паша, объѣхавшій весь слѣтъ и насмотрѣвшійся на чудеса Китая, Индіи и Европы, непременно долженъ быть истинный мудрецъ и весьма уч-

ный человек". Я погладил бороду, кивнул головой и скромно возразил:

„Аллахъ великъ, онъ награждаетъ мудростью того, кого ему заблагодаря судится, иногда даетъ онъ болѣе мудрости тому, кто остается дома“ (при этомъ я отвѣсилъ поклонъ его превосходительству), „чѣмъ тому, кто ищетъ поученія въ дальнихъ странахъ“. Я заявилъ, что вынужденъ отказаться отъ приглашенія на другой день къ обѣду, такъ какъ пароходъ нашъ отправляется въ путь утромъ. На самомъ же дѣлѣ перспектива практиковаться въ восточномъ краснорѣчии не представляла для меня ничего привлекательнаго. Извинившись передъ нами за то, что отняли отъ него такъ много драгоценнаго времени, мы распростились съ нимъ съ соблюденіемъ должнаго церемоніала.

Затѣмъ мы отправились съ визитомъ къ царственной особѣ, съ которой намъ приходилось ѣхать до Адена. Мы нашли его зангвебарское высочество на внутреннемъ дворѣ большого дома, сидящимъ поджавъ подъ себя ноги на грудѣ мягкихъ персидскихъ ковровъ. Подлѣ стояло десятка полтора прислужниковъ. Говорятъ, что когда посоль ея величества королевы Викторіи, сэръ Бартль Фреръ представлялся зангвебарскому султану, то этотъ гордый монархъ принималъ его не привставъ даже съ мѣста. Но его королевское высочество принцъ, какъ только мы пришли, выдвинулъ изъ-подъ себя голыя свои ножи, вложилъ ихъ въ богато-вышитыя сандалии, всталъ и пожалъ мнѣ руку также привѣтливо, какъ еслибъ я былъ аккредитованъ къ нему самимъ президентомъ Грантомъ. Указавъ мнѣ знакомъ сѣсть подлѣ себя, онъ позвалъ черномазаго негра, котораго, какъ мы узнали впоследствии, звали Маврицію, чтобы исполнять должность переводчика. Принцъ Хаммудъ — недурной изъ себя молодой человекъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, съ большими блестящими красивыми глазами (наслѣдованными вѣроятно отъ матери) и рѣзко выраженными азіатскими чертами, цвѣтъ лица у него свѣтло кофейный. Принцъ довольно толстъ и кажется лѣнивымъ и до-

бродушнымъ. На немъ была чалма самыхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ, куртка расшитая шелками и голубой бурнусъ, украшенный золотымъ позументомъ. Подлѣ на диванѣ лежала красивая, оправленная въ серебро, сабля дамасской стали. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что намъ придется ѣхать вмѣстѣ и мы тотчасъ же принялись разговаривать за просто. Цѣпочка моихъ часовъ обратила на себя вниманіе принца, а потому я счелъ долгомъ вынуть часы и подать ихъ ему; взаимно предъявилъ онъ мнѣ къ осмотру свои собственные часы. Ничто, впрочемъ, ему такъ не понравилось, какъ подлюжины бывшихъ при мнѣ фотографическихъ карточекъ, которыя я называю своей фамиліей портретной галлерей; въ особенности прилились ему по вкусу карточки шалуна ребенка и его мамаша. Принцъ созвалъ своихъ прислужниковъ полюбоваться на эти карточки и повидимому не вполне довѣрялъ родственнымъ моимъ правамъ на шалуна, хотя я и приводилъ мои сѣдины въ доказательство справедливости моихъ словъ.

Я знаками спросилъ принца, есть ли у него дѣти; онъ отрицательно покачалъ головой и тѣнь легкой грусти пробѣжала у него по лицу. Я попытался спросить черезъ переводчика, сколько женъ у его королевскаго высочества. Мавриціо посмотрѣлъ на меня съ недовольнымъ видомъ и отказался предложить принцу столь дерзкій вопросъ. Моей любознательности въ этомъ отношеніи такъ и пришлось остаться неудовлетворенною. Освѣдомиться самымъ вѣжливымъ образомъ у какогонибудь мусульманина о благоденствіи его гарема, значить нанести ему самое смертельное оскорбленіе; дѣтьми же своими мусульмане гордятся и тщеславятся нисколько не хуже христіанскихъ отцовъ.

Распрощавшись съ принцемъ, свиданіе съ которымъ доставило намъ большое удовольствіе, мы отправились за городъ посмотрѣть на могилу Евы, праматери рода человѣческаго, которая, по преданію, погребена была здѣсь, какъ-разъ по сосѣдству съ городской стѣною. Когда прародители наши извергнуты были изъ рая (находившагоса на седьмомъ небѣ), они упали — Адамъ на островъ Цейлонъ, а Ева въ

Аравію, не подалеку отъ нынѣшней Джидды. Ростомъ превосходили они высочайшія пальмы и осмотрѣнная нами могила Евы имѣетъ внутри шестьдесятъ футъ длины и двѣнадцать ширины. Послѣ разлуки, продолжавшейся около двухъ сотъ лѣтъ, Адамъ, въ виду изъясненнаго имъ раскаянія, приведенъ былъ ангеломъ Гаврииломъ на гору близъ Мекки, гдѣ и встрѣтилъ свою жену. Гора эта и по настоящее время извѣстна подъ названіемъ Арафата (Адамова дома); тамъ прародители наши жили долгіе годы настолько счастливо, насколько это было имъ возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Туземныя лодки сновали взадъ и впередъ, привозя къ намъ на пароходъ пилигримовъ съ огромнымъ количествомъ багажа. Палуба была завалена большими, увязанными веревками, сундуками и узлами, такъ что пароходъ нашъ совершенно походилъ на эмигрантскій корабль, отправляющійся изъ Голландіи. По мѣрѣ прибытія пилигримовъ на пароходъ, старшій лейтенантъ отбиралъ отъ нихъ оружіе, состоявшее преимущественно изъ старинныхъ, опрaвленныхъ въ серебро, сабель и кинжаловъ, клинки у большинства которыхъ оказывались довольно плохими. Нѣкоторые изъ пилигримовъ съ видимой неохотой подчинялись этой мѣрѣ, необходимой тѣмъ не менѣе для предупрежденія возможныхъ случайностей; имъ объяснили, что по прибытіи на мѣсто, оружіе будетъ возвращено всякому по принадлежности. Мы стояли на югѣ, ожидая прибытія большой лодки; на которой ѣхало десять или двѣнадцать дамъ, за лодкой этой тотчасъ же слѣдовала другая, везшая ихъ багажъ и прислугу. Это-то и были жены принца, на которыхъ намъ очень хотѣлось посмотрѣть хоть однимъ глазкомъ. Къ сожалѣнію, всѣ дамы были съ ногъ до головы закутаны въ бѣлую мату, и пока онѣ взбирались по трапу и проходили черезъ палубу къ своимъ каютамъ, мы не увидѣли ничего такого, что могло бы служить указаніемъ, были-ли онѣ прелестны какъ гуріи, или же отвратительны какъ вѣдьмы. Впрочемъ, когда онѣ проходили мимо насъ, шлепая

туфлями, мы хотли разобрать, что ножки ихъ были совершенно незнакомы съ употребленіемъ чулокъ.

Матросы и вочегары повывѣзали изъ люковъ и съ любопытствомъ также поглядывали на дамъ. Капитанъ разогналъ ихъ, сердито (можетъ быть и съ досады) проворчавъ: „пошли прочь, неужто вамъ никогда прежде не случалось видѣть бабъ“?

Самъ принцъ съ своимъ великимъ визиремъ, исполняющимъ по видимому обязанность ментора всего общества, прибылъ на пароходъ лишь на другой день утромъ, какъ разъ передъ отравленіемъ нашимъ въ путь. Кромѣ зангвебарской царственной фамиліи, которая вмѣстѣ съ невольниками и свитою простиралась до шестидесяти особъ, съ нами ѣхалъ также богатый торговецъ жемчугомъ въ сопровожденіи четырехъ дамъ. Они взяли билетъ до Бушира въ Персіи и должны были ѣхать въ первомъ классѣ. За неимѣніемъ отдѣльнаго помѣщенія, протянули поперегъ общей каюты занавѣсъ, изъ плотной зеленой матеріи, за которыми имъ и предложили устроиться; но почтенному купцу (его звали Абдуль Азисомъ), казалось, трудно было угодить. Капитанъ и Юсуфъ никакъ не могли его увѣрить, что дамы будутъ находиться за занавѣсомъ въ полной безопасности отъ всякаго чуждаго вторженія. Видимо было, что купецъ считалъ своихъ персидскихъ „Лулу“ весьма цѣнными жемчужинами. Самъ Абдуль былъ далеко непривлекателенъ, почти совершенно черномазый и притомъ слѣпъ на одинъ глазъ. Занавѣсы были самымъ тщательномъ образомъ зашпилены булавками и тогда наконецъ онъ нѣсколько успокоился и укрылъ за ними свои драгоценности. Еслибы кто-нибудь изъ насъ осмѣлился подойти хотя футовъ на десять къ занавѣсу, то надъ дерзновеннымъ неминуемо разразился бы яростный гнѣвъ этого мужа—дракона во образѣ циклопа, поэтому мы предпочли оставить его и его дамъ въ покоѣ.

Впродолженіи уже трехъ дней по выходѣ изъ Джидды плывемъ мы безъ всякихъ особыхъ приключеній по Черному морю. Всѣ пилигримы, начиная съ короля до послѣдняго невольника, устроились на отве-

денныхъ имъ мѣстахъ. Большую часть времени проводили мы на палубѣ; съ принцемъ я вскорѣ очень хорошо сошелся. Онъ читаетъ и пишетъ по арабски и показалъ мнѣ свой коранъ въ роскошномъ переплетѣ изъ краснаго шагрена съ золотыми застежками. Вынимая книгу изъ шелкового футляра, принцъ почтительно подносилъ ее къ губамъ и ко лбу и ни за что не позволялъ мнѣ взять ее въ руки. Отъ скуки его высочество разобралъ свои сундуки и показывалъ намъ свои драгоценные камни, браслеты изъ янтаря и жемчуга и т. д. стельники и ящики съ духами и ароматами, до которыхъ обитатели Востока большіе охотники. Увидѣвши, что Ф. и я играли въ карты, принцъ не могъ успокоиться, пока мы не посвятили его во всѣ тайнства игры въ американскій пиветъ. Вчера при закатѣ солнца, въ то время когда муеззинъ звалъ правовѣрныхъ на молитву, Саидъ Хаммудъ сидѣлъ какъ разъ за интересной игрой, къ нему какъ разъ пришли отличныя карты съ козырнымъ тузомъ и съ правомъ взять двѣ прикупы. Правовѣрные, выстроившіеся, съ кадіемъ во главѣ, въ рядъ на палубѣ, лицомъ къ Меккѣ, должны были ждать, пока принцъ не докончитъ игру. Какъ-то разъ показалъ я Хаммуду небольшой американскій національный флагъ изъ шелковой матеріи; принцъ схватилъ его и, проворно обернувъ взамѣнъ чалмы вокругъ моей фески, сказалъ: Вы, американецъ арабъ, поѣдемъ со мной въ Зангвебаръ. Но я отклонилъ это приглашеніе, которое принцъ возобновлялъ еще нѣсколько разъ. На меня не подѣйствовало даже и то, что въ Зангвебарѣ меня стали бы кормить ежедневно по шести разъ, не помогли и завѣренія принца, что я скоро тамъ растолстѣю не хуже его самого. Поправдѣ сказать, его королевское высочество, при болѣе близкомъ знакомствѣ, утратилъ для меня всякій интересъ. Впрочемъ, я подарилъ принцу фотографіи, которыя ему такъ нравились; онъ надписалъ на нихъ свое и мое имя по арабски и просилъ меня принять взамѣнъ въ качествѣ сувенира нѣсколько хорошихъ коралловыхъ вещицъ. Какъ бы то ни было, рассчитываю зав-

трашнїй день въ Аденѣ распротиться съ этою добродушною, но неразвитой царственной особой.

За пятьдесятъ миль до входа въ проливъ, соединяющій Черное море съ Индѣйскимъ океаномъ, мы прошли въ виду на половину опустѣвшаго въ настоящее время города Мокки, знаменитаго своимъ кофе. Минареты Мокки блестяли въ лучахъ утренняго солнца и въ гавани стояло нѣсколько маленькихъ туземныхъ судовъ, но городъ утратилъ уже все свое коммерческое значеніе, такъ какъ торговля главнымъ отпусковымъ его товаромъ—кофе, сосредоточивается теперь въ Аденѣ.

Маленькій островъ Перимъ, принадлежащій Великобританіи, лежитъ въ самомъ Бабъ-эль-мандебскомъ проливѣ, ближе къ Черному морю. На островѣ имѣется маякъ и укрѣпленіе, въ которомъ стоитъ горнизономъ полкъ солдатъ. Этотъ „ключъ пролива“ представляетъ собою скалу, занимающую площадь, протяженіемъ всего въ нѣсколько акровъ, расположенную въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Мы прошли такъ близко отъ острова, что оттуда къ намъ могли бы добросить рукою камень. Такъ какъ Суэзскій каналъ въ сущности французское предпріятіе и Египетъ находится подъ французскимъ вліяніемъ, то захватъ Перима англичанами произвелъ на ихъ сосѣдей самое неблагоприятное впечатлѣніе. Дѣло происходило такимъ образомъ. Французскій императоръ рѣшился овладѣть этимъ маленькимъ островкомъ и отправилъ съ этою цѣлью въ Черное море эскадру, которая и зашла въ Аденъ запаситься углемъ. Англійскій губернаторъ пригласилъ французскаго адмирала и офицеровъ эскадры къ обѣду, гдѣ ихъ угостилъ превосходнѣйшимъ шампанскимъ. Послѣ угощенія нѣкоторые изъ болѣе молодыхъ офицеровъ проговорились, что эскадра идетъ въ Перимъ. Хитрый старикъ хозяинъ отправилъ тайкомъ къ командиру порта записку съ приказаніемъ какъ можно медленнѣе отпущать уголь для французской эскадры. Въ ту же ночь два англійскихъ военныхъ корабля вышли изъ аденскаго порта по направленію къ Черному морю. На другой день, распротившись съ принявшими ихъ такъ радушно англичанами, французскій адмиралъ повелъ эскадру

свою въ Персину. Въ величайшій ихъ обидѣ и оскорбленіи, надъ островомъ развивался англійскій флагъ и въ наскоро насыпанной батарее установлено уже было нѣсколько орудій. Исторія умалчиваетъ о томъ, посѣтилъ ли французскій адмиралъ на возвратномъ пути аденскаго губернатора.

Глава XI.

Магометъ и мусульманская вѣра.

Соблазнительное предложеніе, отъ котораго я впрочемъ отказался.—Мекка—родина Магомета. Медина—мѣсто его кончины.—Гробъ Магомета, висящій на воздухѣ.—Потомки Измаила.—Пристрастіе ихъ къ разбою.—Преданіе, касающееся Мекки.—Камень изъ рая.—Прежняя жизнь Магомета.—Первый послѣдователь, принявшій его ученіе.—Преслѣдованіе и бѣгство.—Геджра.—Онъ подкрѣпляетъ доводы свои мечемъ.—Быстрое распространеніе мусульманства на востокѣ.—Ученіе керана.—Чувственная его сторона.—«Бисмиллахъ».—Правило нравственности и религиозныя обязанности.—Обряды и церемоніи.—Первый учредитель общества трезвости.—Молящіяся пилигримы.—Персидская поэма.—Торговецъ жемчугомъ.—Зангвеварскій принцъ и ховаджи.

Во время пребыванія моего въ Джиддѣ пріятель мой Юсуфъ Эфенди, которому я обязанъ многими свѣдѣніями относительно хаджи или мусульманскихъ пилигримовъ, предложилъ на возвратномъ пути отправиться съ нимъ въ Мекку. Онъ совѣтовалъ совершить туда путешествіе верхомъ и ночью, увѣряя, что если я переодѣнусь турекомъ или арабомъ, то могу проникнуть изузнаннымъ даже до самой священной каабы. Цвѣтъ моего лица, благодаря африканскому солнцу, мало чѣмъ отличался отъ цвѣта хорошаго краснаго дерева, такъ что онъ самъ по себѣ не могъ бы меня выдать, если я только съумѣю все время молчать, не раскрывая рта. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ можно было рассчитывать на могущественное вліяніе богатаго стараго патріарха Магомета бенъ Хаджи, который могъ всегда меня выручить изъ бѣды.

Поѣздка эта, не смотря на сопряженныя съ ней опасности, имѣла для меня много весьма привлекательныхъ сторонъ. Начать съ того, что до сихъ поръ, сколько извѣстно, ни одинъ еще американецъ не проникалъ въ священный городъ, хотя это и удавалось уже нѣсколькимъ европейцамъ, передѣтымъ дервишами. Кромѣ того, у меня, я долженъ сознаться, существуетъ маленькая слабость къ приключеніямъ (иначе зачѣмъ было бы мнѣ теперь и ѣхать въ Багдадъ?), а путешествіе въ Мекку представляло опасностей какъ разъ на столько, сколько надо было для того, чтобы сдѣлать его заманчивымъ. Поэтому не отказываясь пока положительно, я отложилъ дѣло до ближайшаго разсмотрѣнія.

Во всякомъ случаѣ мнѣ пришлось побывать если не въ самой Меккѣ, то въ нѣсколькихъ только миляхъ отъ этого города, родины одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, когда либо жившихъ на земномъ шарѣ, а потому я считаю себя вправѣ сообщить вератцѣ его біографію и главнѣйшія особенности основаннаго имъ ученія, которое одно время казалось предназначеннымъ охватить собою всю Европу и окончательно подавить христіанскую религію. Повидимому могло бы показаться странною несообразностью уже то обстоятельство, что хорошо образованный развитый человѣкъ можетъ придерживаться мусульманской вѣры, — но я имѣлъ случай встрѣчаться съ нѣсколькими подобными личностями. Между прочимъ, въ Каирѣ пришлось мнѣ познакомиться съ Али Гасаномъ Эффенди, отъ котораго я узналъ много подробностей относительно мусульманскихъ нравовъ и обычаевъ. Самъ Али родился въ Египтѣ, но десяти лѣтъ отъ роду отправленъ былъ въ Англію и воспитывался въ королевской коллегіи при лондонскомъ университетѣ. Онъ пишетъ и говоритъ по англійски, можетъ быть, лучше меня самого, хорошо знакомъ съ исторіей древнихъ и новыхъ временъ, слѣдитъ за текущей литературой и, за исключеніемъ фески, носить вполнѣ европейскій костюмъ. Какъ ни трудно себѣ это представить, но тѣмъ не менѣе онъ преданъ всей душой ученію „ложнаго пророка“, чего онъ вовсе и не скрываетъ, защищая мусульманскую религію такими доводами, которые до тѣхъ поръ никогда еще не приходили мнѣ

въ голову. Впрочемъ, мусульманство, котораго онъ держится, на столь-коже отличается отъ безразсуднаго суевѣрія невѣжественныхъ арабовъ, на сколько убѣжденія развитой части нынѣшнихъ христіанъ разнятся отъ менѣе осмысленнаго вѣрованія толпы.

Существуетъ общепринятое, но тѣмъ не менѣе ложное преданіе о томъ, что Магометъ умеръ и погребенъ въ Меккѣ; на самомъ же дѣлѣ гробница его въ Мединѣ, обширномъ городѣ, находящемся почти въ двухъ стахъ миляхъ къ сѣверу отъ Мекки. Медина считается пилигримами настолько же почти священной, какъ и Мекка. Одинъ изъ бывшихъ тамъ хаджей описалъ ее во всей подробности. Разумѣется, что безразсудное повѣрье о томъ, будто гробъ Магомета держится самъ собою въ воздухѣ между небомъ и землей, есть мифъ, не заслуживающій ни малѣйшаго вѣроятія. Арабы считаютъ себя однимъ изъ древнѣйшихъ народовъ въ мірѣ; ихъ собственные исторіи выводятъ родословное древо народа прямо отъ Ноя. Дикія племена бедуиновъ пустыни непосредственно происходятъ отъ Измаила, сына Авраама и Агари. Въ извиненіе разбоевъ и грабежей, производимыхъ ими надъ путешественниками и купеческими караванами, арабы приводятъ то обстоятельство, что праотецъ ихъ Измаиль, будучи изгнанъ изъ дома Авраамова, получилъ отъ Бога въ удѣлъ пустыни и степи, съ правомъ брать себѣ все, что ему тамъ попадется. Поэтому они считаютъ себя въ правѣ взымать контрибуцію не только съ однихъ потомковъ Исаака, но и со всякаго встрѣчнаго. Тѣмъ не менѣе въ сношеніяхъ между собою они соблюдаютъ строжайшую честность. Въ ихъ шатрахъ и домахъ замки и запоры совершенно неизвѣстны, а между тѣмъ случаи воровства встрѣчаются весьма рѣдко.

Задолго еще до Магомета арабы ходили уже на поклоненіе въ Мекку, гдѣ они справляли поминки по Авраамѣ и Измаилѣ, но это было у нихъ единственно лишь обычаемъ, ни для кого не обязательнымъ. Въ коранѣ же Магометъ прямо предписалъ вѣрующимъ путешествіе въ Мекку и указалъ весь церемоніаль религіозныхъ обрядовъ, которые должны быть при этомъ совершаемы. Среди го-

рода стоитъ священный храмъ, называемый Каабою, построенный Авраамомъ и въ которомъ погребенъ Измаиль. Съ храмомъ этимъ связано, впрочемъ, еще много другихъ любопытныхъ преданій; говорятъ даже, будто онъ былъ построенъ не Авраамомъ, а самимъ праотцемъ рода человѣческаго Адамомъ, послѣ изгнанія его изъ рая и по образцу видѣннаго имъ въ раю небснаго храма. Передъ кончиной міра будетъ нашествіе еѳіоповъ, которые завладѣютъ Аравіей и разрушатъ Каабу. Внутри храма имѣется знаменитый черный камень, обдѣланный въ серебро. Пилигримы прикладываются къ нему съ знаками величайшаго почтенія. Нѣкоторые называютъ этотъ камень правою рукою Бога на землѣ. Рассказываютъ, что камень этотъ былъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ въ раю и упалъ оттуда на землю вмѣстѣ съ Адамомъ. Затѣмъ во время потопа онъ былъ спасенъ ангеломъ Гавріиломъ, нарочно командированнымъ для этого съ неба. Гавріиль же принесъ этотъ камень Аврааму, когда почтенный патриархъ задумалъ заняться вновь постройкой Каабы, успѣвшею уже со временъ Адама совершенно разрушиться. Камень замѣнялъ Аврааму подвижныя подмости, такъ какъ стоя на немъ Авраамъ могъ по желанію и по мѣрѣ надобности подниматься и опускаться. Священный камень былъ сначала бѣлѣе сѣнга, но по мѣрѣ того, какъ къ нему прикладывались пилигримы, онъ принималъ ихъ грѣхи и сталъ наконецъ совершенно чернымъ. Достигнувъ Мекки, всѣ пилигримы брѣютъ себѣ головы, оставляя лишь на самой макушѣ хохоль, схватившись за который пророкъ могъ бы отнести ихъ въ рай. Въ числѣ предписанныхъ кованомъ обрядовъ, обязательныхъ для пилигримовъ во время посѣщенія ими Мекки, они должны обѣжать нѣсколько разъ вокругъ Каабы, по временамъ останавливаясь и осматриваясь кругомъ, какъ еслибъ что-нибудь потеряли. Пилигримы этимъ изображаютъ Агарь, когда она, будучи выгнана изъ дому ревнивой своей госпожей Саррою, ищетъ въ пустынѣ воды, чтобы напоить умирающаго отъ жажды сына. Впрочемъ, какъ ни смѣшны и странны

этотъ и многіе другіе изъ здѣшнихъ обрядовъ, они, собственно говоря, нисколько не хуже тѣхъ, которые наблюдаются иными христіанскими пилигримами, при посѣщеніи ими Іерусалима. Покрайней мѣрѣ Мекка имѣетъ предъ Іерусалимомъ то преимущество, что между пилигримами, принадлежащими къ различнымъ сектамъ ислама, во время пребыванія въ священномъ городѣ, никогда не доходитъ до ссоръ, а тѣмъ болѣе до драки!

Никто не отрицаетъ того, что Магометъ былъ человѣкъ, одаренный необыкновенными способностями, но тѣмъ не менѣе исторіи чрезвычайно расходятся въ мнѣніяхъ относительно его характера. Мусульманскіе писатели, въ безпристрастіи которыхъ дозвоительно впрочемъ усомниться, выхваляютъ съ энтузіазмомъ его религіозныя и нравственныя добродѣтели, набожность, справедливость, щедрость, смиреніе и воздержаніе. По словамъ ихъ, щедрость его доходила до того, что у него дома рѣдко водились деньги, такъ что семья его еле-еле кормилась. Разъ даже Аллахъ хотѣлъ ему отдать на храненіе влючи отъ всѣхъ земныхъ сокровищъ, но Магометъ отказался, не чувствуя за собой способности быть хорошимъ казначеемъ.

Съ другой стороны, быстрое внезапное распространеніе мусульманства и разрушеніе имъ процвѣтавшихъ до того времени восточныхъ церквей внушило средневѣковымъ христіанскимъ писателямъ такую ненависть къ исламу, что, подъ вдохновеніемъ ея они изображали въ самыхъ отвратительныхъ чертахъ характеръ Магомета и его ученіе. Можетъ быть ни одинъ періодъ всемірной исторіи не представлялъ такого удобнаго случая ко введенію новой религіи, какъ именно седьмое столѣтіе по Р. Х. Великій итальянскій политикъ Макиавелли совершенно вѣрно замѣтилъ, что никто не можетъ сдѣлаться царемъ или основать новое государство, если къ этому не представляется достаточно важныхъ побудительныхъ поводовъ. Къ этому времени, высокія, простыя истины ученія Христова смѣшались, въ большинствѣ церквей, съ самымъ грубымъ суевѣріемъ.

Главные изъ церквей—восточная и западная служили поприщемъ самыхъ ожесточенныхъ раздоровъ, обусловленныхъ иногда самымъ ничтожнымъ разногласіемъ относительно обрядности или какихъ-либо второстепенныхъ догматическихъ пунктовъ. Императоры и пастыри церквей готовы были осудить на смертную казнь человѣка, осмѣливагося имѣть въ дѣлахъ религіи убѣжденія, сколько нибудь различавшіяся отъ ихъ собственныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, Магометъ былъ бичемъ божьимъ, посланнымъ въ наказаніе христіанскимъ церквамъ за то, что онѣ забыли правила истинной вѣры, полученной ими отъ Божественнаго учителя. Въ это время многіе изъ такъ называемыхъ христіанъ вѣрили въ божественность существа Дѣвы Маріи и признавали ее настоящимъ Богомъ. Это дало корану поводъ обвинять христіанъ въ идолопоклонствѣ, причемъ Магометъ нападалъ также и на самый догматъ христіанской Троицы. Заявленная имъ цѣль проповѣди мусульманскаго ученія была возстановленіе древняго истиннаго почитанія единого Бога, которому поклонялись Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Христосъ, которыхъ онъ всѣхъ признавалъ пророками, себя же считалъ послѣднимъ изъ пророковъ, на котораго возложено передать міру послѣднее божественное откровеніе.

Отцемъ Магомета былъ купецъ, умершій, не оставивъ своей женѣ и малолѣтнему сыну никакого другаго наслѣдства, кромѣ пяти верблюдовъ и одного чернаго невольника. Магометъ выросъ въ домѣ своего дѣда и въ качествѣ торговца странствовалъ по Аравіи, причемъ познакомился съ религіознымъ, политическимъ и экономическимъ бытомъ своихъ соотечественниковъ. Успѣхи въ торговыхъ дѣлахъ и женитьба на богатой вдовѣ сдѣлали его вскорѣ богатымъ и вліятельнымъ лицомъ, но, лишь на сороковомъ году отъ роду, рѣшился онъ выступить проповѣдникомъ новой религіи. Прежде всего увѣровала въ Магомета его жена, которой онъ сказалъ, что ангель Гавріиль явился къ нему сообщить о томъ, что онъ избранъ Богомъ въ апостолы. Кадиджа, какъ и всѣ любящія супруги, пи-

тала къ мужу неограниченное довѣріе и встрѣтила съ радостью извѣстіе объ отличіи, оказанномъ ему самимъ Богомъ. Другіе родственники Магомета вскорѣ приняли также его ученіе; изъ нихъ особенно отличился своею ревностью къ новой религіи племянникъ Магомета, Али, сдѣлавшійся впоследствии его зятемъ и наслѣдникомъ. Но, когда Магометъ сталъ проповѣдывать публично — онъ подвергся горькимъ насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. На двѣнадцатомъ году проповѣди Магомета, враги его стали настолько могущественны, что пророку въ Меккѣ нездоровилось и онъ скрылся оттуда, при свѣтѣ „звѣздъ и полумѣсяца“, въ пещеру, находившуюся въ сосѣднихъ горахъ. Не считая себя и тамъ въ безопасности, онъ наконецъ бѣжалъ въ Медину, гдѣ новое ученіе имѣло многихъ послѣдователей. Съ этого бѣгства или Геджры т. е. около тысячи двухсотъ пятидесяти лѣтъ тому назадъ, начинается эра мусульманскаго лѣтосчисленія.

Если предположить, что Магометъ, въ началѣ своей карьеры проповѣдника новой религіи, дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію, то надо допустить, что преслѣдованіе, которое обыкновенно скорѣе помогаетъ, чѣмъ препятствуетъ распространенію всякаго религіознаго ученія, сдѣлало его фанатикомъ. Будучи умнымъ человекомъ, Магометъ предупреждалъ публику, что творить чудеса не по его части, но послѣ бѣгства своего въ Медину заявилъ, что ангелъ Гавріиль, въ теченіе одной достопамятной для него ночи, отгесъ его сперва въ Іерусалимъ, а оттуда на седьмое небо, гдѣ онъ, Магометъ, удостоился чести лично говорить съ самимъ Богомъ и получилъ отъ него особыя инструкціи. Эта „невроятная исторія“, поводомъ которой послужило безъ сомнѣнія отравленіе, данное Богомъ Моисею, произвела между учениками Магомета настоящій фуроръ и въ значительной степени подняла его кредитъ и вліяніе. Прежде Магометъ распространялъ свое ученіе одной лишь проповѣдью и убѣжденіемъ, но теперь, озлобленный преслѣдованіями, онъ заявилъ, что получилъ отъ Бога разрѣшеніе защищаться противъ

невѣрныхъ и распространять истинную религію силою оружія. Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что Магометъ былъ обманщикъ и ученіе его „дѣло рукъ человѣческихъ“, выставляется обыкновенно тотъ фактъ, что мусульманство обязано распространеніемъ своимъ въ большинствѣ случаевъ мечу, между тѣмъ какъ христіанство, по божественности своего происхожденія, преодолѣвало всѣ препятствія исключительно лишь силою истины. Во главѣ сильной арміи фанатическихъ послѣдователей, которымъ было обѣщано, что они, если падутъ на полѣ битвы, немедленно очутятся въ раю, Магометъ двинулся въ Меккѣ и взялъ ее приступомъ. Распространеніе мусульманства шло съ такою быстротой, что шесть лѣтъ спустя, въ тотъ годъ, когда Магометъ умеръ, вся Аравія отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Египта до Персіи исповѣдовала новую религію. Племянникъ Магомета, Али, женатый на любимой дочери пророка Фатимѣ, завоевалъ Египетъ и Персію, а въ концѣ четырнадцатаго вѣка по Р. Х. магометанство подчинило своей власти Индію и сѣверную Африку, завоевало Константинополь и, перешагнувъ черезъ Босфоръ, остановилось лишь подъ стѣнами Вѣны. Въ то же время оно перешло Гибралтарскій проливъ и, охвативъ плодоснѣйшія провинціи Пиринейскаго полуострова, въ лицѣ мавровъ угрожало Европѣ нашествіемъ съ запада.

Самое краткое изложеніе всѣхъ особенностей мусульманскаго ученія заставило бы войти въ слишкомъ большія подробности. Основа ислама — коранъ считается у мусульманъ несравненно болѣе священною книгою, чѣмъ у христіанъ библія. Онъ весь состоитъ изъ ряда откровеній, которыя доставлялись пророку черезъ ангела Гавріила, по мѣрѣ того, какъ представлялось въ нихъ надобность. Каждая глава корана начинается изреченіемъ „Бисмиллахъ“, что значитъ „Во имя Бога всеблага“! До настоящаго времени, истинный мусульманинъ, входя куда-нибудь, садясь за столъ или принимая какую-нибудь даже самую мелкую услугу, непременно скажетъ: „Бисмиллахъ“!

Въ Багдадѣ я шелъ какъ-то разъ позади одного европейца, по страшно грязной улицѣ, пробираясь какъ можно плотнѣе въ стѣнѣ. Вдругъ попадаетея намъ на встрѣчу туземецъ; товарищъ мой остановился и жестомъ руки предложилъ ему дать намъ дорогу. Почтенный аборигенъ на это не согласился и любезно отвѣсивъ намъ селямъ, указаль на грязь со словами: „Во имя Бога Всеблагаго, кушайте грязь эту сами“.

Коранъ не только содержитъ въ себѣ все, что касается до догматовъ и религіозныхъ обрядовъ, но представляетъ собою также полный кодексъ, служащій основой гражданскаго законодательства во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ. Во всемъ, что касается брака, развода и наслѣдства, онъ въ сущности немногимъ лишь различается отъ принциповъ закона Моисеева. Признавая божественный авторитетъ пятикнижія, псалмовъ и евангелія, Магометъ заявлялъ, что эти священныя книги съ теченіемъ времени подверглись въ рукахъ евреевъ и христіанъ такимъ измѣненіямъ, что онѣ въ настоящемъ своемъ видѣ не заслуживаютъ уже особеннаго довѣрія. Къ этому онъ прибавлялъ, что въ истинныхъ спискахъ священныхъ книгъ имѣлось много текстовъ, касающихся собственнаго его, Магомета, пришествія, но что тексты эти были злобно уничтожены. Во всякомъ случаѣ откровенія, ниспосланныя черезъ него Богомъ въ коранѣ, являются „печатью пророчествъ“ и другихъ откровеній не будетъ уже до самаго конца міра.

Важнѣйшимъ изъ догматовъ корана является единство истиннаго Бога. Магометъ училъ, что главнымъ поводомъ къ божественной его миссіи было возстановить поклоненіе единому Богу. Слогъ корана вездѣ почти отличается красотой и гибкостью, въ особенности тамъ, гдѣ онъ подражаетъ пророческому стилю священнаго писанія. Онъ изобилуетъ смѣлыми сравненіями въ восточномъ вкусѣ; встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описанія величія Божія замѣчательны своею высокою философією и образностью. Магометъ признавалъ воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ; мученія:

ада и райское блаженство описываются имъ самымъ подробнымъ образомъ въ яркихъ краскахъ истинно восточной фантазіи. Неимущіе получаютъ право на входъ въ рай пятью стами годами раньше, чѣмъ богатые и когда Магометъ, будучи въ раю, мелькомъ осмотрѣлся тамъ, то замѣтилъ, что большинство святыхъ принадлежало къ неимущему классу.

Неразвитому уму трудно представить себѣ возможность абсолютно-духовнаго блаженства безъ всякой примѣси чувственныхъ наслажденій. Въ особенности въ первые вѣка христіанской эры трудно было встрѣтить подобное пониманіе. Въ священномъ писаніи обиталище святыхъ описывается какъ великолѣпный городъ, улицы и переулки котораго вымощены золотомъ и драгоценными камнями. Но ни въ Евангеліи, ни въ Библии, нигдѣ не встрѣчается указаній на такое чувственное блаженство, какое Магометъ общаетъ вѣрующимъ. Сладострастныя картины наслажденій магометанскаго рая, съ такою подробностью изображенныя въ коранѣ, должны были съ особенною силою воздѣйствовать на воображеніе восточныхъ народовъ, болѣе преданныхъ чувственнымъ наслажденіямъ, чѣмъ народы запада, у которыхъ кровь не въ примѣръ холоднѣе. Законъ божественнаго предопредѣленія, по которому все, чему должно быть, предопредѣлено прежде всѣхъ вѣковъ неизмѣнною волею Божіею, принять былъ мусульманскимъ ученіемъ для того, чтобы побудить правовѣрныхъ сражаться съ врагами безъ страха и безъ боязни смерти. Этотъ фатализмъ такъ запечатлѣлся на общемъ характерѣ всего мусульманства, что является въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій на пути прогресса цивилизаціи всѣхъ народовъ, признающихъ исламъ.

Общепринятое мнѣніе о томъ, будто Магометъ разрѣшалъ правовѣрнымъ неограниченное многоженство, совершенно ошибочно. Коранъ разрѣшаетъ вѣрующимъ брать по четыре жены, прибавляя, что если кто находитъ для себя такое большое число неудобнымъ, то можетъ жениться и на одной. Во времена Магомета

между арабами была распространена самая неограниченная полигамія, такъ что эта черта мусульманства не могла служить поводомъ къ привлеченію чувственныхъ натуръ на сторону новаго ученія, подобно тому какъ въ наше болѣе цивилизованное время это имѣло мѣсто относительно мармонизма. Употребленіе вина и всѣ азартныя игры были строго воспрещены ученіемъ корана, принятіе котораго въ Аравіи положило конецъ безчеловѣчному обычаю зарывать дочерей живыми въ землю для того, чтобы избавиться отъ хлопотъ выдавать ихъ замужъ. Покорность волѣ Божіей, щедрость, правдивость, гостепріимство, постъ и молитва проповѣдуются во многихъ мѣстахъ корана. Молитва поставляется даже въ непосредственную обязанность. Магометъ называетъ её столпомъ вѣры и включаетъ отъ рая. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Отъ такой религіи, которая не учитъ молиться, не можетъ быть добра“. Истинный мусульманинъ обязанъ молиться пять разъ въ день: утромъ передъ восходомъ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, передъ закатомъ солнца и отходя ко сну; во время молитвы лицо должно быть обращено по направленію къ священной каабѣ, находящейся въ Меккѣ. Внѣшнее исполненіе одной лишь обрядной стороны, не сопровождаемое должнымъ вниманіемъ и истинной набожностью, не можетъ принести никакой пользы. На время молитвы правовѣрный долженъ снять съ себя пышныя одежды и драгоценныя украшенія. Женщинамъ не дозволяется молиться въ мечетахъ одновременно съ мужчинами, для того, чтобы не отвлекать этихъ послѣднихъ отъ истиннаго богопочитанія. Передъ молитвой мусульманинъ долженъ омыть себѣ лицо, руки и ноги. Въ случаѣ недостатка воды для омовенія разрѣшено употреблять чистый песокъ. Въ жаркомъ климатѣ, частое омовеніе очень полезно въ гигиеническомъ отношеніи и Магометъ поступилъ весьма благоразумно, сдѣлавъ операцію эту однимъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ мусульманской религіи.

Можно было бы посвятить гораздо болѣе мѣста описанію религіи „меккескаго лже-пророка, но я боюсь, что и безъ того уже представлен-

ный мною краткій ея очеркъ переходить за предѣлы, дозволенные въ разсказѣ путешественника, который, собственно говоря, долженъ состоять изъ повѣствованія о личныхъ его приключеніяхъ и наблюденіяхъ.

Хотя, безъ сомнѣнія, предметъ этотъ знакомъ ученымъ и теологамъ, но тѣмъ не менѣе большинство обыкновенныхъ смертныхъ не имѣетъ опредѣленнаго понятія объ ученіи Магомета и о религиозныхъ обрядахъ его послѣдователей. Такъ какъ въ данномъ случаѣ путешествіе совершалось по мусульманскимъ странамъ, то быть можетъ, для читателя не будетъ излишнимъ, если здѣсь помѣщено будетъ описаніе нѣсколькихъ сценъ изъ жизни ислама. Мои наблюденія надъ пилигримами въ Джиддѣ и на нашемъ пароходѣ на столько ознакомили меня съ внѣшней стороною ихъ религиозныхъ обрядовъ, что я узналъ бы не много новаго, если бы принялъ предложеніе Юсуфа Эффенди посѣтить Мекку. Во время богомолья хаджи очень строго выполняютъ обряды омовенія и молитвъ съ колѣнопреклоненіями. Днемъ они расходятся въ разныя стороны и все время проводятъ въ томъ, что ѣдятъ, курятъ, спятъ и читаютъ коранъ. Въ часы назначенные для молитвы, раздается рѣзкій голосъ муэззина, который усаживается на самое возвышенное мѣсто форъ-кастеля. (Въ мусульманскихъ городахъ и селеніяхъ для муэззина предназначается верхняя галлерей минарета). Тутъ начинается шумъ и суматоха. Спящіе просыпаются и протираютъ глаза, чубуки откладываются въ сторону, послѣ чего приносится вода для омовенія на ту часть палубы, которая отведена для „знатныхъ“, и невольники начинаютъ возливать ее на руки своихъ господъ. Впрочемъ, этихъ черныхъ слугъ не слѣдуетъ называть невольниками, потому что, по закону Магомета, разъ побывавши въ Меккѣ, они сдѣлались свободными. Расчесавъ бороду и окончивъ туалетъ, каждый разстилаетъ передъ собою заранѣе приготовляемый для этого чистый половичекъ или коверъ. Принцъ зангвебарскій снимаетъ съ себя богато вышитый халатъ, во исполненіе правила, что князь и простой человѣкъ должны быть равны передъ Богомъ;

потомъ всё устанавливаются рядомъ, оборотясь лицомъ къ Меккѣ. Мулла, въ качествѣ главы правовѣрныхъ, становится нѣсколько впереди, и по окончаніи всѣхъ приготовленій начинается церемонія, напоминающая до извѣстной степени намъ, невѣрнымъ гурамамъ, эскадронное ученье, пѣшее по конному. Впрочемъ правовѣрные не обращаютъ никакого вниманія на то что мы на нихъ смотримъ, и повидимому не только не стыдятся выполнять при насъ свои религиозные обряды, но напротивъ дѣлаютъ это съ чувствомъ собственного достоинства, даже съ нѣкоторою гордостью. Торжественное раздѣванье при отходѣ ко сну составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ обрядовъ, и если какая нибудь изъ молитвъ была пропущена днемъ, то она непременно прочитывается въ это время. Сначала богомолецъ стоитъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ потупивъ голову, при чемъ отъ времени до времени прикладываетъ руки къ глазамъ какъ бы для того, чтобы изгнать изъ своихъ мыслей все земное. При совершеніи этихъ эволюцій каждый съ точностью подражаетъ всѣмъ движеніямъ муллы. Потомъ, закрывъ глаза съ видомъ глубокой набожности, всё начинаютъ повторять въ полголоса формулу молитвы, предписанной въ первой главѣ корана. Молитва эта для магометанъ имѣетъ такое же значеніе, какъ „Отче нашъ“ для христіанъ. Въ ней чаще всего повторяются слова: „единъ Богъ и Магометъ, пророкъ его“. Сначала молитву читаютъ стоя прямо, потомъ наклоняются нѣсколько впередъ и опускаютъ руки внизъ; наконецъ молящіяся падаютъ ницъ, прикладывая голову къ небольшому камешку, вывезенному каждымъ изъ Мекки. Черезъ нѣсколько минутъ опять встаютъ и читаютъ другую болѣе краткую молитву, которую тоже повторяютъ, еще разъ распростершись по ковру. Вся церемонія продолжается около четверти часа, послѣ чего богомольцы встаютъ на ноги, открываютъ глаза и осматриваются кругомъ съ самодовольнымъ видомъ, какъ люди выполнившіе свой долгъ и увѣренные въ томъ, что получаютъ за это награду въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, наиболѣе набожные, а также

тѣ, кто днемъ почему либо не могъ съ должнымъ усердіемъ выполнить всѣ предписанные религіозные обряды, продѣлываютъ вечерній церемоніаль по два и даже по три раза къ ряду. Менѣе же набожные выходятъ тѣмъ временемъ, изъ рядовъ, бережно складываютъ коврики, и закуривъ трубки начинаютъ болтать между собой, или съ невѣрнымъ ховаджи, съ любопытствомъ созерцавшимъ эту сцену. Пилигримы обыкновенно рано ложатся спать, но однажды, въ лунную ночь нѣсколько персіянь собрались на палубу и одинъ изъ нихъ читалъ звучнымъ голосомъ длинную поэму, написанную бѣлыми стихами. Въ этомъ поэтическомъ произведеніи дѣло шло о любовныхъ похожденияхъ, и, судя по безпрестаннымъ взрывамъ хохота, можно было заключить, что поэма состояла изъ ряда юмористическихкихъ разсказовъ, сильно забавлявшихъ слушателей. Торговецъ жемчугомъ, Абдуль Азисъ, принадлежалъ, повидимому, къ самымъ знатымъ шейхамъ между персами, но такъ какъ онъ сильно беспокоился за свой гаремъ, помѣщавшійся за зелеными занавѣсками въ самой отдаленной каютѣ, то бѣдняга находился въ постоянномъ волненіи и хлопотахъ. Онъ безпрестанно бѣгалъ по лѣстницѣ съ веру внизъ и обратно, бранился съ прислугой и заглядывалъ черезъ люкъ въ дамскую каюту. Что касается до принца, то этотъ веселый и полный юноша легко и беззаботно относился ко всему окружающему. Онъ не обращалъ повидимому никакого вниманія на дамъ своего сердца, запертыхъ въ дамской каютѣ; спальня его была какъ разъ напротивъ моей каюты и дверь оставалась постоянно открытой настежь. Благодаря спокойной совѣсти и хорошему пищеваренію, онъ спалъ всегда крѣпкимъ сномъ невинности. Прислушиваясь къ его шумному храпѣнью, я въ знойныя ночи иногда по цѣлымъ часамъ не смыкалъ глазъ и мысли мои уносились далеко, за два океана, отдѣлявшіе меня отъ всего, что дорого моему сердцу.

Г л а в а XII.

Аденъ.

Гибралтаръ Индѣйскаго океана.—Встрѣчаемъ судно «Калькутта» со смертными останками доктора Ливингстона.—Разговоръ съ Джакобомъ. — Вѣрный слуга.— Разсказъ его о смерти Ливингстона.—Продолжительное его путешествіе вдоль морскаго берега.—Аденъ, картина опустошенія.—Земноводные арабы.—Уличные гамены.—Мелочной торговецъ.—Мѣсто для выгрузки пароходовъ.—Путешествіе въ городъ.—Сломанный экипажъ.—«Джонни».—Верблюды.—Абиссинскій щеголь и его невѣста.—Описаніе резервуаровъ.—Базаръ. — Климатъ Адена.—Мы прощаемся съ Заигвебарскимъ принцемъ.—«Гвозди», которыми заколачиваются гробы англійскихъ офицеровъ.

Пароходъ нашъ быстро двигался впередъ, направляясь къ Адену, великолѣпная гавань котораго устроена уже самой природой. Надъ нею громоздятся высокія горы вулканическаго происхожденія, и утесистыя ихъ окраины далеко тянутся по берегу. На пути мы увидали судно, шедшее подъ полуспушеннымъ флагомъ и дѣйствительно на встрѣчу намъ плылъ пароходъ изъ Заигвебара, облеченный въ трауръ; по принятымъ на морѣ обычаямъ, бортъ его былъ обтянутъ кругомъ свѣтло-голубой тесьмой, а труба перевязана широкой лентой того же цвѣта. На пароходѣ находились смертные останки доктора Ливингстона, одного изъ самыхъ знаменитыхъ путешественниковъ и изслѣдователей нашего времени, тѣло котораго везли теперь на родину его, въ Англію для того, чтобы положить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ рядомъ съ гробницами ве-

личайшихъ англійскихъ воиновъ, государственныхъ и ученыхъ мужей.

На пароходѣ также былъ поручикъ артиллеріи ея британскаго величества—Мурфи, проникнувшій въ числѣ другихъ на помощь къ доктору Ливингстону до самого Уніаніамбе, гдѣ онъ нашелъ вѣрнаго слугу доктора, охранявшаго тѣло своего господина. Поручикъ возвращался теперь въ Зангвебаръ.

Какъ только мы бросили якорь, я отправился на бортъ „Калькуты“, гдѣ мнѣ предстояла интересная встрѣча съ вѣрнымъ и преданнымъ слугою доктора, Джакобомъ, негромъ изъ племени Насико. Онъ состоялъ подъ покровительствомъ англійскихъ миссіонеровъ и умѣлъ читать и писать по англійски. Лицо у него совершенно черное, волосы курчавые и коротко остриженные, онъ казался мнѣ очень смышленнымъ и сообщительнымъ. Я узналъ, что Джакобъ ѣдетъ въ Англію проводить смертные останки своего господина; онъ везъ съ собою дневникъ, въ которомъ были записаны всѣ событія, относящіяся къ смерти доктора, и затѣмъ рассказаны приключенія во время путешествія его слуги къ морскому берегу; рукопись эта теперь появилась уже впрочемъ въ печати.

Докторъ Ливингстонъ умеръ въ маѣ мѣсяцѣ; Джакобъ и прочіе слуги боялись, что если они оставятъ тѣло при себѣ, то ихъ обвинятъ въ убійствѣ знаменитаго путешественника. У нихъ имѣлось нѣкоторое количество спирта и соли, и Джакобъ воспользовался этимъ для того, чтобы приготовить тѣло къ послѣдному, долгому путешествію, которое ему предстояло еще совершить.

Они завернули трупъ доктора въ древесную кору и болѣе семи мѣсяцевъ несли его черезъ чащу почти непроходимаго кустарника, въ Уніаніамбе. Въ это время имъ приходилось нерѣдко встрѣчаться съ враждебными племенами. Оттуда пришлось употребить еще болѣе двухъ мѣсяцевъ для того чтобъ доѣхать до Зангвебара.

Когда слуги Ливингстона проходили такимъ образомъ черезъ территорію одного могущественнаго вождя, ихъ вдругъ остановили.

и потребовали значительную сумму денег въ уплату дорожной пошлины за проносъ мертваго тѣла. Такъ какъ они не могли внести эту сумму, то Джакобъ пришелъ въ отчаяніе и не зналъ на что рѣшиться. Наконецъ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, состоявшей въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ своими спутниками съ самыми торжественными церемоніями погребли древесный ящикъ, вынувъ изъ него потихоньку тѣло, которое уложили въ видѣ тюка съ пожитками.

Описаніе трудовъ и лишеній, перенесенныхъ ими въ это время, наполнило бы цѣлый томъ. Два огромныхъ ящика съ бумагами и путевыми картами доктора плыли на томъ же пароходѣ въ Англію. Джакобъ вполне подтвердилъ рассказъ Стэнли о встрѣчѣ его съ Ливингстономъ, такъ что теперь по этому поводу не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Рассказъ о смерти доктора сильно тронулъ меня, и слезы, навертывавшіяся на глазахъ почтеннаго негра, служили доказательствомъ тому, какъ горячо онъ былъ привязанъ къ своему господину. О себѣ самомъ и о той долѣ участія, которую онъ принималъ во время путешествія, Джакобъ говорилъ съ самымъ скромнымъ и простодушнымъ видомъ, и этимъ очень расположилъ меня въ свою пользу. Почтовый пароходъ на другой день продолжалъ свой путь, направляясь къ Суэзскому каналу и увозя съ собою, подъ охраною вѣрнаго слуги, смертные останки одного изъ самыхъ мужественныхъ сыновъ Англіи.

Аденъ, эта огромная станція, гдѣ запасаются углемъ пароходы, на половинѣ пути между Средиземнымъ и Индѣйскимъ морями, расположенъ на полуостровѣ, и на первый взглядъ кажется самымъ печальнымъ, бесплоднымъ и непривлекательнымъ мѣстомъ, какое только можно себѣ представить. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ обнаженными утесами и вулканическими вершинами, изъ которыхъ многія достигаютъ до тысячъ восьмисотъ футовъ вышины. Сосѣднія возвышенности увѣнчаны фортами, вооруженными пушками самаго дальняго калибра, въ то время какъ другія батареи, расположенныя не многимъ выше уровня моря, обстрѣливаютъ со всѣхъ

сторонъ доступъ къ гавани и самый рейдъ. Шестъ лѣтъ тому назадъ, во время войны съ Абиссиніей, Аденъ служилъ мѣстомъ для снабженія военными снарядами англійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ императора Теодора. Въ это время въ гавани стояло всегда множество военныхъ и транспортныхъ судовъ. Анеслейская бухта, мѣсто высадки англійскихъ войскъ, находится на противоположащемъ берегу африканскаго материка, приблизительно въ трехъ стахъ миляхъ отъ Адена. На этомъ протяженіи безпрестанно попадаютъ небольшіе утесистые острова, доступъ къ которымъ очень затруднителенъ и сопряженъ съ опасностями. Впрочемъ и теперь ежедневно приходятъ въ Аденъ и уходятъ оттуда пароходы, такъ какъ городъ лежитъ такъ сказать на большой дорогѣ изъ Европы въ Индію и Китай черезъ Суэзскій каналъ. Отъ Адена считается девяносто шесть миль до входа въ Черное море. Этотъ пустынный безплодный утесъ, эта черная руина, лишенная всякой растительности, которую нисколько не преувеличивая, можно назвать „адамъ съ потухшимъ огнемъ“, гдѣ невозможно достать ни одной капли свѣжей воды кромѣ тѣхъ случаевъ, когда идетъ дождь, или когда воду привозятъ съ моря, превратился, благодаря выгодному своему географическому положенію, въ шумный городъ съ населеніемъ въ тридцать тысячъ жителей. Во внутреннемъ рейдѣ было всего одно не большое туземное судно, во внѣшнемъ же рейдѣ подлѣ насъ стояло на якорѣ пять или шесть большихъ пароходовъ и столько же парусныхъ судовъ.

Кромѣ того значенія, которое имѣетъ Аденъ, какъ станція, углеснабженія, онъ пользуется также монополіей вывозной торговли моксскимъ кофе, котораго отправляютъ отсюда ежегодно болѣе двадцати тысячъ тоннъ.

Не смотря на то, что мѣсто это имѣетъ такой печальный и, если можно такъ выразиться, какъ бы обгорѣлый видъ, оно въ продолженіи сезона отъ октября и до апрѣля славится своимъ здоровымъ климатомъ. Но если во время зимнихъ мѣсяцовъ „огонь погаса-

еть“, за то лѣтомъ страшный удушающій жаръ можетъ дать населенію понятіе о преисподней, гдѣ пламя никогда не ослабѣваетъ.

Аденъ хорошо укрѣпленъ, и всѣ командующіе гаванью пункты берега буквально уставлены орудіями. Городъ находится въ теченіи уже тридцати пяти лѣтъ подъ властью Англій. Значеніе его особенно сильно возрасло съ тѣхъ поръ, какъ открылась новая дорога на востокъ черезъ Суезскій перешеекъ. Здѣсь, на половинѣ пути между Европой и Индіей каждый пароходъ необходимо долженъ пополнить запасъ топлива. Вообще Аденъ имѣетъ такое же значеніе на Черномъ морѣ, какое имѣетъ Гибралтаръ на Средиземномъ. Воинственныя сосѣднія племена сперва дѣлали на городъ неоднократныя нападенія, но въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ оставляютъ его совершенно въ покоѣ, благодаря жалованью, которое платитъ ихъ шейхамъ британское правительство.. Здѣшній гарнизонъ состоитъ изъ одного европейскаго полка и двухъ туземныхъ, сформированныхъ изъ индійскихъ сипаевъ.

Нашъ пароходъ вскорѣ былъ окруженъ цѣлымъ флотомъ маленькихъ шлюпокъ, или „дугонъ“ съ ребятишками арабами, на которыхъ не было никакихъ признаковъ одежды; эти маленькіе дивари приступили къ намъ съ просьбами бросить въ воду нѣсколько монетъ, предлагая вытащить ихъ оттуда. Они походили скорѣй на земноводныхъ, чѣмъ на людей, и когда они ныряли изъ своихъ лодокъ въ воду и выдѣлывали при этомъ разныя штуки, то напоминали намъ своей гладкой лоснящейся и черной кожей стадо дельфиновъ. Мы бросили за бортъ блестящую монету, и толпа мальчугановъ кинулась за ней въ воду. Мы видѣли, какъ они толкали другъ друга и боролись подъ водой, наконецъ побѣдитель со смѣхомъ вынырнулъ на поверхность, держа въ зубахъ доставшійся ему призъ, и какъ моврый пудель отряхивая курчавую свою головку. Въ другихъ подѣхавшихъ къ намъ лодкахъ были торговцы страусовыми перьями, красными коралами, и рѣдкими раковинами. Это чрезвычайно хитрый народъ, и когда имъ не

удается распродать товаръ, то они не прочь стащить что-нибудь, что попадетъ подъ руку. Имъ не позволяютъ поэтому входить на корабль, но они иногда пробираются потихоньку по трапу, и если матросы застанутъ ихъ тамъ, то съ особеннымъ удовольствіемъ задаютъ имъ трепку, или же безъ всякихъ церемоній выдаютъ въ море вмѣстѣ съ перьями и прочимъ товаромъ.

Мы провели день на берегу, на ночь же сочли болѣе удобнымъ перебраться на корабль. На сушѣ мы все время были окружены толпой арабчатъ, настоящихъ уличныхъ мальчишекъ, которые слѣдовали за нами всюду, выпрашивая на бакшишь, предлагая привезти карету, или верховаго осла и вообще выказывая готовность доставлять намъ всевозможныя развлечения. Слова на нихъ нисколько не дѣйствовали, и мы, чтобъ отогнать ихъ принуждены были пустить въ ходъ трости, но и это не произвело желаннаго впечатлѣнія и мальчуганы продолжали идти за нами, держась впрочемъ уже на почтительномъ разстояніи, выжидая для себя поживы. Мы сѣли отдохнуть въ тѣни, и одинъ изъ нихъ потихоньку подкрался сзади и началъ обмахивать меня своимъ „пунка“; это деликатное вниманіе не осталось безъ награды, и мальчикъ получилъ отъ меня „бакшишь“. Говорятъ, что въ Аденѣ находится болѣе пяти сотъ такихъ уличныхъ мальчишекъ, принадлежащихъ къ сосѣднему племени Абдали. Они имѣютъ свою общину и живутъ на небольшомъ утесистомъ островѣ, близъ гавани, въ пещерахъ, находящихся на окраинѣ горы. Вдоль набережной, идущей по берегу моря, находятся огромныя груды угля, нѣсколько большихъ амбаровъ и кладовыхъ и два отеля. Самымъ значительнымъ лицомъ здѣсь считается купецъ изъ персовъ Совебразъ Ховаджи Доншоу. Онъ состоитъ также агентомъ нѣсколькихъ парходныхъ обществъ огромная веранда, выстроенная напротивъ его дома, служитъ сборнымъ пунктомъ для иностранцевъ. Его кладовыя наполнены самыми разнообразными и разнокалиберными предметами торговли, такъ что ее можно было бы назвать по произволу „амба-

ромъ для склада всякой всячины“ и „лавкой разныхъ рѣдкостей“. На полкахъ ея красуются издѣлія Японіи, Китая, Индіи, Франціи, Германіи, Англіи и разныхъ другихъ странъ. Тамъ можно найти и джевеландскій керосинъ, и непроницаемый плащъ изъ Коннектикута. У стараго Ховаджи можно найти все, что угодно, начиная съ настоящаго живаго слона и кончая пачею булавокъ, но за то, правда, нельзя пожаловаться на особую дешевизну. На берегу моря находятся собственно говоря лишь нѣсколько строеній для выгрузки и склада товаровъ; самый же городъ, и казармы войскъ расположены въ пяти миляхъ оттуда на низменности между вулканическими холмами.

Мы выбрали между нѣсколькими болѣе или менѣе поломанными экипажами самый благонадежный, хотя и онъ тоже, казалось, уже давно отслужилъ полный срокъ своей службы въ какомъ нибудь изъ европейскихъ городовъ, прежде, чѣмъ неумолимый рокъ перенесъ его въ счастливую Аравію. Лошадь попалась намъ горячая, хотя не много надорванная; что же касается до сбруи, то она держалась главнымъ образомъ при посредствѣ разныхъ оборванныхъ веревочекъ. Надо однако отдать справедливость кучеру, что сбруя у него была хотя и не совсѣмъ въ порядкѣ, но его самого никакъ нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ расторопности и энергіи. Онъ присаживался иногда на облучекъ, иногда же взбирался на козлы, придѣланные спереди нашей колесницы, но нерѣдко также вскакивалъ на землю и бѣжалъ рядомъ съ лошадыю, которую безпрестанно понукалъ. Пока мы взбирались на холмъ, возница сидѣлъ на козлахъ, но когда мы достигли вершины и намъ предстояло спуститься съ крутаго ската, то онъ соскочилъ съ своего мѣста и началъ придерживать экипажъ. Мы замѣтили, что злое животное прижало уши, какъ будто для того чтобы выразить свое неудовольствіе по поводу этой предосторожности и, казалось, имѣло сильное желаніе лягнуть задними ногами, что было бы не совсѣмъ пріятно для шедшаго сзади кучера.

Дорога была очень плохая и неудобная; мы проѣхали около двухъ миль вдоль берега, потомъ направились внутрь страны, при чемъ при-

ходилось не разъ объѣзжать овраги и высокіе утесы, на которыхъ не видно было никакихъ признаковъ растительности. Передъ нами разстился однообразный и въ то же время величественный ландшафтъ, представлявшій картину торжественной безжизненности пустыни. Мы были въ веселомъ настроеніи духа, какъ и приличествовало путешественникамъ, только что высадившимся на берегъ послѣ продолжительнаго морскаго плаванія. По дорогѣ намъ встрѣчались длинныя вереницы верблюдовъ, изъ которыхъ одни были навьючены мѣшками моккееаго кофе, а другіе везли въ бурдюкахъ изъ козьей шкуры воду изъ небольшого источника, находящагося въ пятнадцати верстахъ отъ берега.

Эти неуклюжія животныя съ журавлинными шеями, съ трудомъ тяжелой поступью тащившіяся одинъ за другимъ, погоняемая черномазыми мальчишками, которыхъ едва можно было рассмотретьъ на такой высотѣ, представляли рѣзкій контрастъ съ небольшими ослими, немногимъ повыше ньюфаундлендскихъ собакъ, тащившими, не смотря на это, грузъ болѣе собственнаго своего вѣса. Кромѣ того эти же несчастные ослы должны были везти на себѣ взрослыхъ туземцевъ, ноги которыхъ волочились по землѣ. Здѣшнее населеніе представляетъ собою смѣсь всевозможныхъ восточныхъ расъ; впрочемъ мы встрѣтили здѣсь также и настоящаго „Джонни“, разсказавшаго намъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, что онъ служить поваромъ на пароходѣ при здѣшней пристани. Но больше всего попадалось намъ абиссинцевъ съ совершенно черными лицами, скорѣе азіятскаго, чѣмъ негритянскаго типа, и съ длинными кучравыми волосами, которые влѣдствіе употребленія извести кажутся какого-то полинявшаго темнобураго цвѣта. Не смотря на то, что оба пола повидимому очень гордятся своими бурными волосами, молодыя дѣвушки въ домашнемъ быту не слишкомъ строго придерживаются этой моды. Наружность женщинъ никоимъ образомъ нельзя назвать привлекательной. Всѣ онѣ носятъ огромныя серебряныя серьги въ ушахъ и подобныя же украшенія въ носу; на шеѣ у нихъ намотаны всегда нѣсколько рядовъ бусъ, а на рукахъ надѣты

металлическіе браслеты, отличающіеся скорѣе массивностью, чѣмъ изяществомъ. Одна парочка въ особенности привлекла на себя наше вниманіе. Дама и кавалеръ были одѣты оба согласно требованіямъ послѣдней абиссинской моды, и повидимому оба производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто имъ попадался на встрѣчу. Въ особенности заинтересовала насъ молодая женщина. Она была вся увѣшана украшеніями, въ носу была продѣта у ней громадная серьга съ тремя жемчужинами, свидѣтельствовавшая о томъ, что она недавно лишь вступила въ счастливое состояніе брака. Ея отъ природы черные волосы были окрашены въ свѣтло-бурый цвѣтъ и такъ тщательно завиты, что голова походила на подстриженный кустъ. Дама ѣхала на ослѣ, а кавалеръ шелъ босикомъ съ ней рядомъ, и оба были такъ заняты другъ другомъ, что не обратили на насъ никакого вниманія, хотя мы не сводили съ нихъ глазъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ.

Въ городъ въѣзжаютъ черезъ глубокую тѣснину, поперегъ которой тянется каменная стѣна, имѣющая отъ восьмидесяти до ста футовъ вышины. Массивныя ворота обороняются поставленною въ нихъ пушкою и небольшимъ отрядомъ сейбовъ въ красивыхъ мундирахъ, сдѣлавшимъ намъ на караулъ, когда мы проѣзжали мимо. Городъ расположенъ въ круглой котловинѣ, имѣющей около одной мили въ діаметръ, и очевидно представлявшей собою кратеръ угасшаго вулкана. Онъ окруженъ стѣною зубчатыхъ утесовъ, на которыхъ воздвигнуты укрѣпленные форты и батареи. Нѣсколько полковъ войскъ стоятъ здѣсь гарнизоновъ въ просторныхъ, хорошо вентилированныхъ казармахъ, образующихъ какъ бы цитадель въ центрѣ города.

Всего замѣчательнѣе въ Аденѣ водоемы, или цистерны для снабженія города водой. Дождь идетъ здѣсь чрезвычайно рѣдко; случается даже, что въ теченіи трехъ, или четырехъ лѣтъ не выпадетъ ни одной капли. Родниковъ здѣсь также нѣтъ, и ближайшій источникъ на материкѣ находится на разстояніи пятнадцати миль отсюда. Эти великолѣпныя водоемы были сооружены въ началѣ шестаго вѣка нашего

*

лѣтосчисленія и могутъ вмѣстить въ себѣ до тридцати милліоновъ галлоновъ воды. Они высѣчены отчасти въ скалѣ и покрыты твердымъ бѣлымъ цементотъ, съ виду похожимъ на ираморъ. Когда англичане овладѣли Аденомъ, то нашли эти цистерны совершенно разрушенными и наполненными мусоромъ. Въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ на поправку цистернъ были затрачены значительныя суммы, и теперь, когда онѣ наполнены водой, то могутъ снабжать ею городъ въ продолженіи цѣлаго года. Но, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этихъ обширныхъ сооружеціяхъ, нужно видѣть ихъ самому.

Холмы, образующіе наружную стѣну кратера, представляютъ собою нѣчто въ родѣ кольца; съ внутренней стороны холмы эти чрезвычайно круты; съ наружной стороны спускъ отложе и представляетъ на половинѣ высоты широкой уступъ. Уступъ этотъ или лучше сказать плоская возвышенность изрѣзанъ множествомъ овраговъ, которые всѣ направляются во внутрь котловины. Вслѣдствіе крутизны холмовъ, состоящихъ преимущественно изъ вулканическихъ породъ, а также вслѣдствіе отсутствія рыхлой почвы, способной поглощать въ себя влагу, даже при небольшомъ дождѣ потоки воды стремительно стекаютъ во внутрь котловины и направляются въ устроенные для принятія ея резервуары. Резервуары эти неправильной формы, такъ какъ при постройкѣ ихъ старались для сокращенія работы пользоваться естественными впадинами въ утесахъ. Нѣкоторые водоемы имѣютъ форму продолговатыхъ каналовъ, проложенныхъ черезъ котловину, при чемъ также обращено было вниманіе на расположеніе смежныхъ утесовъ. Въ случаѣ сильнаго скопленія воды въ одномъ резервуарѣ избытокъ ея переливается въ другой; такимъ образомъ всѣ цистерны составляютъ одну общую цѣпь, достигающую до самой середины города. Окраины водоемовъ ограждены желѣзными рѣшетками, и для облегченія доступа къ водѣ устроены каменныя лѣстницы. Здѣсь все содержится въ такой чистотѣ, что въ полдень яркое отраженіе солнечныхъ лучей отъ стѣнъ водоемовъ нестерпимо рѣжетъ глаза. Когда я былъ три года тому назадъ въ Аденѣ, резервуары были почти

полны, но теперь въ нихъ очень мало воды, что, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ за послѣднее время совсѣмъ не было дождей. Британское правительство, никогда не останавливающееся на полумѣрахъ, когда дѣло касается общественной пользы, не ограничиваясь затратой значительной суммы денегъ на исправленіе цистернъ, построило кромѣ того большую фабрику для превращенія морской воды въ прѣсную и теперь прокладываетъ водопроводъ для снабженія города водой изъ ключей, находящихся, какъ мы уже упоминали, въ разстояніи приблизительно пятнадцати миль. Осмотрѣвъ резервуары, мы направились къ базарамъ, которые не представляютъ ничего замѣчательнаго, такъ какъ на первомъ планѣ являются тамъ бездѣлушки европейскаго издѣлія, туземныхъ же товаровъ очень мало. Отличительную особенность аденскихъ базаровъ составляютъ страусовыя перья и страусовыя яйца, а также леопардовыя и львиныя шкуры, которыя здѣсь очень дешевы.

Проведя вмѣстѣ нѣсколько дней въ Аденѣ, мы наконецъ съ извѣщеніями истиннаго сожалѣнія разстались съ принцемъ. При прощаньи, онъ повторилъ свое приглашеніе посѣтить его въ Зангвебаръ, обѣщая кормить насъ тамъ роскошными обѣдами, которые притомъ намъ можно будетъ, если угодно, кушать не по туземному обычаю, руками, а даже съ помощью ножей, вилокъ и другихъ инструментовъ, употребляемыхъ на этотъ предметъ въ цивилизованныхъ странахъ.

Не смотря на такую лестную перспективу, мы отказались отъ поѣздки въ Зангвебаръ, потому что островъ этотъ лежитъ подъ самымъ экваторомъ, и лѣтомъ тамъ стоитъ нестерпимая жара, такъ что путешествіе туда въ это время года не представляется особенно привлекательнымъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Адена мы были приглашены на „артиллерійскій обѣдъ“, данный англійскими артиллерійскими офицерами, загорѣвшія лица которыхъ свидѣтельствовали о продолжительномъ пребываніи ихъ въ жаркихъ странахъ востока. Здѣсь также, какъ въ Индіи, посѣтителей привѣтствуютъ такъ называемымъ „деревяннымъ

гвоздемъ“, подъ которымъ подразумѣваютъ ставанъ водки, смѣшанной съ содовой водой. За то здѣшнему офицерству также нерѣдко приходится заколачивать настоящими „гвоздями“ гробы своихъ сосоварищей, которымъ не удалось дотянуть до конца семилѣтняго срока службы въ здѣшнихъ мѣстахъ, дающаго офицеру право возвратиться на родину.

Глава XIII.

На Аравійскомъ морѣ.

Отплытіе изъ Адена.—Жизнь на морѣ.—Американская морская змѣя.—Летучія рыбы и морскія свинки.—Москаты.—Улицы и базары.—Дворецъ султана.—Отрядъ тѣлохранителей.—Незавидное положеніе султана подъ покровительствомъ Англіи.—Новый родъ продажи съ аукціоннаго торга.—Морская эскадра.—Помощь, оказанная англійскими канонерскими лодками.—Осмотръ крѣпостей.—«Ормузь и Индъ.»—Бундаръ Абастъ.—Лингей.—Торжественная встрѣча, оказанная пилигримамъ.—Абдуль Азисъ, благополучно пересаживаетъ своихъ женъ въ лодку.—Добываніе жемчуга.—Драгоцѣнный фруктъ.—Отъ Линге до Бушира.— Страна розъ, постоувъ и соловьевъ.

Мы смотрѣли безъ особеннаго сожалѣнія, какъ „Гунга“, оставляя за собой обнаженныя вершины, стала держать курсъ на сѣверо-востокъ, готовясь совершить переѣздъ въ тысячу триста миль черезъ Аравійское море по направленію къ Москату. Однообразіе нашего плаванія ни разу не было нарушено ни бурей, ни ненастной погодой. Мы смотрѣли по цѣлымъ часамъ на летучихъ рыбъ, или наводили въ даль зрительныя трубы, съ помощью которыхъ могли отличить струйки дыма, виднѣвшіяся далеко на горизонтѣ, и выходившія изъ трубъ пароходовъ. Однажды утромъ капитанъ обратилъ наше вниманіе на такъ называемую американскую морскую змѣю. И дѣйствительно, мы увидели на нѣкоторомъ разстояніи длинную вереницу большихъ черныхъ рыбъ, которыя по временамъ подпрыгивали на нѣсколько футовъ надъ поверхностью воды; рыбы плыли одна за другой и вся вереница изгибалась съ настоящей змѣиной граціей.

По ночамъ мы стояли иной разъ по цѣлымъ часамъ, опершись на перила и любуясь дельфинами, которые рѣзались вокругъ насъ, внезапно появляясь на поверхности моря и также внезапно исчезая въ прозрачной его синевѣ.

Мы плыли безостановочно въ продолженіи шести дней, нигдѣ не видя твердой земли и наконецъ приблизились къ берегу Моската. Эта часть Аравійскаго полуострова, управляемая независимымъ султаномъ, или королемъ, простирается на нѣсколько сотъ миль вдоль берега, во внутрь же материка она не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, такъ какъ границы эти зависятъ отъ умѣнья султана удержать подъ своей властью дикія и непокойныя туземныя племена. При покойномъ султанѣ Загвебаръ и Москатъ составляли одно государство, но по смерти его оно было раздѣлено между старшими его сыновьями.

Товарищъ нашъ по путешествію, принцъ Сендъ Хаммудъ, приходится также братомъ царствующему здѣсь султану. Населеніе города Моската простирается до шестидесяти тысячъ душъ; мѣстоположеніе города со стороны моря чрезвычайно живописно. Мы подошли почти къ самому берегу, обогнувъ нѣсколько высокихъ мысовъ, на одномъ изъ которыхъ виднѣлась разрушенная крѣпость, и вдругъ передъ нами открылся городъ съ домами, построенными вдоль набережной, а на заднемъ планѣ этой панорамы стѣна почти отвѣсныхъ утесовъ, мѣстами такъ близко подходившихъ къ берегу, что воды во время сильныхъ приливовъ омываютъ ихъ подножіе. На рейдѣ прямо противъ города стояло на якоряхъ нѣсколько судовъ, а на окрестныхъ вершинахъ утесовъ возвышались грозные форты, вооруженные чугунными пушками небольшого калибра. Надъ фортами этими развѣвался красный флагъ москатскаго султана.

Въ концѣ XV столѣтія городъ перешелъ во власть португальцевъ, и, благодаря быстро развившейся торговлѣ, сдѣлался значительной коммерческой гаванью. Португальцы построили также и укрѣпленія Моската. Нѣкоторые изъ фортовъ воздвигнуты на вершинахъ почти неприступныхъ утесовъ, — и могутъ служить превосходными

образцами инженернаго искусства начала 17-го столѣтія. Но въ 1648 г. общее повсемѣстное возстаніе между арабами вытѣснило португальцевъ изъ всѣхъ ихъ владѣній. Такъ какъ мы не рассчитывали пробыть долго въ Москатѣ, то поспѣшили сойти на берегъ чтобы осмотрѣть городъ. Здѣшнія лодки длинны и узки; онѣ устроены по образцу употребляемыхъ въ Индіи и также легко опрокидываются. Мы сѣли прямо на дно лодки и, держась обѣими руками за бортъ, быстро поплыли впередъ съ помощью веселъ, выдолбленныхъ въ видѣ ложекъ для горчицы. На набережной мы отыскали проводника, который говорилъ не много поанглійски, и съ его помощью добрались по узкимъ и кривымъ улицамъ до зданія британскаго посольства, гдѣ я отправилъ письмо на родину. Письму этому предстояло совершить длинное путешествіе и пробыть въ дорогѣ около двухъ мѣсяцевъ, такъ что мнѣ даже какъ-то не вѣрилось, чтобъ оно могло достигнуть до мѣста своего назначенія. Потому проводникъ повелъ насъ по базарамъ, измощенные, кривыя и грязныя улицы которыхъ имѣютъ не болѣе четырехъ футовъ ширины. Что касается до лавокъ, то онѣ наполнены всевозможными товарами, между которыми попадались также и американскія издѣлія. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ гаваней, находящихся въ этой части свѣта, только одинъ Москатъ ведетъ хотя какую-нибудь торговлю съ Америкой. Сюда приходитъ ежегодно отъ трехъ до четырехъ американскихъ парусныхъ судовъ, которыя возвращаются назадъ съ грузомъ кофе, финиковъ, слоновой кости и камеди. Противъ базарной площади находится дворецъ султана; прохода мимо, мы заглянули во дворъ, гдѣ въ большой деревянной клеткѣ расхаживалъ взадъ и впередъ великолѣпный африканскій левъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидали около сотни солдатъ, но какіе это были солдаты! На нихъ не было ничего похожего на мундиры, нѣкоторые были вооружены одноствольными и двухствольными фитильными и кремневыми ружьями, а другіе одними лишь длинными шпатами. Мы обошли вокругъ ограды укрѣпленнаго замка, гдѣ, вдоль

стѣны были развѣшаны старинныя щиты, которые въ бою держать на лѣвой руцѣ. Султанъ считается номинально независимымъ государемъ, но хотя Англія и другія европейскія державы вступаютъ съ нимъ въ договоры, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности онъ существуетъ лишь благодаря содѣйствію Великобританіи, оказывающей во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ ему поддержку. Даже и теперь въ гавани стояли двѣ англійскія канонерскія лодки, только что вернувшіяся изъ экспедиціи вдоль берега, приблизительно на пятьдесятъ миль отъ Моската, гдѣ онѣ, по требованію султана, разрушили крѣпость, принадлежавшую одному непокорному племени, которое султанъ былъ самъ не въ силахъ подчинить своей власти. Въ политическомъ отношеніи общее положеніе дѣлъ въ Москатѣ весьма не прочно, и такъ какъ жизнь и имущество туземцевъ ничѣмъ не обезпечены, то торговля не можетъ достигнуть особеннаго процвѣтанія.

Еслибы спустя нѣкоторое время, до меня дошелъ слухъ объ убіеніи великаго визира, то это меня нисколько бы не удивило, тѣмъ болѣе что здѣсь всѣ вооружены настолько хорошо, насколько это можетъ. Даже у разнощика; у котораго мы покупали финики, заткнутъ былъ за поясомъ изогнутый уродливой формы ятаганъ, или какъ называютъ его здѣсь, „крязь“. Постоянно попадались намъ навстрѣчу темно-коричневые арабы съ свирѣпыми лицами, злобно сверкавшими, безпкойными глазами, и длинными черными волосами. Почти всѣ они были вооружены ятаганами. По своему гибкому тѣлосложенію и дикому виду они напоминали собою тигровъ, съ которыми было бы не совсѣмъ безопасно встрѣтиться въ пустынѣ. Арабы эти по большей части принадлежатъ къ кочующему племени бедуиновъ, населяющему внутреннія части страны. Намъ рассказывали, что султанъ, опасаясь, чтобъ его не убили, рѣдко осмѣливается показываться на улицѣ. Такимъ образомъ человекъ, носящій корону Моската, не можетъ наслаждаться спокойствіемъ даже и во снѣ. Во время осмотра базаровъ мы имѣли случай быть свидѣтелями особаго рода аукціонной продажи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя мы увидѣли человека, громко перечислав-

шаго достоинства стараго ятагана отличной работы. Ножны и рукоятка его были богато украшены золотомъ и серебромъ. Ятаганъ представлялъ рѣдкій и чрезвычайно цѣнный памятникъ древности, и мнѣ очень хотѣлось приобрести его для пополненія моей оружейной коллекціи, но я тѣмъ же менѣе не хотѣлъ дать за него дороже шестидесяти четырехъ рупій, равняющихся приблизительно нашимъ тридцати долларамъ. Продавецъ этимъ не удовлетворился; онъ будетъ являться на базаръ еще въ теченіи четырехъ дней и, по всей вѣроятности, продастъ ятаганъ за сто рупій. Восточные народы очень любятъ щеголять дорогимъ оружіемъ, и затрачиваютъ большія суммы на покупку сабель и кинжаловъ, которыми они гордятся и носятъ ихъ скорѣе какъ украшеніе, или какъ знакъ высокаго званія и особеннаго отличія, чѣмъ какъ оружіе, которое при случаѣ можно было бы употребить въ дѣло. Это оружіе передается въ наслѣдство изъ рода въ родъ, и владѣльцы рѣшаются разстаться съ нимъ не иначе, какъ лишь въ случаѣ крайней необходимости.

На обратномъ пути мы проходили мимо одного изъ фортовъ, имѣвшаго такой грозный видъ издали. При ближайшемъ осмотрѣ фортъ этотъ оказался въ сильномъ упадкѣ, грозныя издали его пушки при ближайшемъ разсмотрѣніи оказались старыми и заржавленными. Рабочіе, находившіеся тутъ, были заняты починкой пробоинъ, сдѣланныхъ въ стѣнахъ во время послѣдняго бомбардированія. На однихъ воротахъ мы прочли надпись на португальскомъ языкѣ, относящуюся къ 1588 году. Не желая по наступленіи сумерокъ бродить по городу, мы наняли лодку и быстро поплыли назадъ къ пароходу, пройдя мимо одного стараго тридцати шести пушечнаго фрегата и нѣсколькихъ вооруженныхъ „бугало“ (bugalabs), составляющихъ вмѣстѣ военный флотъ Моската.

Оставивъ Москатъ, мы отправились черезъ узкій проливъ въ входу въ Персидскій заливъ и проѣхали мимо нѣсколькихъ высокихъ скалистыхъ острововъ, на одномъ изъ которыхъ находится могила капитана Баффина, англійскаго мореплавателя, именемъ ко-

того называется громадный заливъ, въ сѣверной части Атлантическаго океана. Мы плыли мимо „Ормуса“ въ то самое время, какъ солнце заходило за его утесистыми холмами, освѣщая ихъ своими яхонтовыми золотистыми лучами.

Намъ представился такимъ образомъ случай бросить бѣглый взглядъ на „Ормусъ и Индъ“, славившіеся въ древности баснословными своими богатствами. Въ прежнее время здѣсь на равнинѣ между холмами и моремъ, стоялъ самый населенный и богатый изъ всѣхъ торговыхъ городовъ, на протяженіи отъ Индіи до Персидскаго залива и до Еврата. Теперь отъ древняго величія остались однѣ лишь развалины португальской крѣпости и около чегырехъ тысячъ жителей, живущихъ въ шалашахъ и занимающихся рыбной ловлей.

Когда мы подходили къ Бундаръ Аббасу, взошла уже луна. Мы подали сигналъ лодкамъ которыя должны были принять съ парохода пассажировъ и грузъ. Этотъ городъ имѣлъ одно время большое коммерческое значеніе, и до сихъ еще поръ сохранились въ немъ развалины большихъ магазиновъ, выстроенныхъ европейскими торговцами.

Бундаръ Аббасъ обнесенъ стѣной съ башнями, построенными въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; въ настоящее время въ немъ считается до двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь нѣтъ ни одного иностраннаго резидента, за исключеніемъ агента „британско-индійской компаніи“, особому покровительству котораго былъ порученъ между прочимъ и нашъ пароходъ. Встрѣча съ соотечественниками доставила ему, повидимому, большую радость, живо напомнивъ связь, соединявшую его съ цивилизованнымъ міромъ.

На слѣдующій день мы пристали къ Линге, одному изъ самыхъ процвѣтающихъ городовъ побережья Персидскаго залива. Онъ имѣетъ съ моря очень веселый видъ, бѣлые каменные дома его окружены со всѣхъ сторонъ финиковыми деревьями. Въ центрѣ города, на самомъ высомомъ зданіи, служащемъ резиденціей губернатору, развѣвался флагъ персидскаго шаха съ изображеніемъ „льва

и солнца“, а на верху мачты одной туземной „бугало“ красовался флагъ съ любимой эмблемой персіянъ—саблею Али съ двумя клинками на бѣломъ фонѣ съ темнозеленой каймою. Мы высадили здѣсь болѣе шестидесяти пилигримовъ. Встрѣча ихъ съ туземцами была самая дружественная. Смуглые, чернобородые соотечественники цѣловали другъ друга въ обѣ щеки; къ возвратившимся на родину пилигримамъ обращались уже не иначе, какъ съ прибавленіемъ къ ихъ имени почетнаго титула „хаджи“, который они сохраняютъ уже на всю жизнь. Хоръ музыкантовъ и цѣлая толпа народа ожидали хаджи на набережной, чтобъ проводить ихъ домой. Пилигримы, пробывшіе въ паломничествѣ слишкомъ четыре мѣсяца, по видимому, были очень тронуты вниманіемъ своихъ друзей и сосѣдей, такъ что, по всей вѣроятности, минута эта была для нихъ самой торжественной и счастливой въ жизни. Торговецъ жемчугомъ протиснулся также здѣсь съ нами и благополучно пересадилъ въ лодку четырехъ своихъ спутницъ, закутанныхъ съ головы до ногъ. Онъ такъ ревниво охранялъ своихъ женъ, что никто изъ пассажировъ и изъ служащихъ не могъ даже мелькомъ увидать ихъ въ лицо въ продолженіи всего двухънедѣльнаго ихъ пребыванія за зеленой драпировкой. Абдуль Азисъ иногда былъ очень общителенъ въ лунные вечера онъ приходилъ на палубу съ своимъ изящнымъ „чубукомъ“, украшеннымъ янтарнымъ мундштукомъ громадныхъ размѣровъ, и каждый разъ обносилъ его кругомъ, чтобъ мы могли вдоволь имъ налюбоваться. Слуга долженъ былъ заботиться о томъ, чтобъ трубка была постоянно наполнена превосходнымъ „тумбакомъ“, подъ успокоительнымъ вліяніемъ котораго Азисъ забывалъ на минуту тяжелую отвѣтственность, лежащую на немъ, какъ на счастливомъ супругѣ четырехъ женъ, и принимался разсказывать намъ о добываніи жемчуга. Ловля жемчуга по видимому особенно его интересовала. Мы узнали, что онъ былъ шейкомъ на островѣ Гаисѣ, считающемся для добыванія жемчуга самымъ выгоднымъ мѣстомъ во всемъ Персидскомъ заливѣ. Азисъ имѣлъ въ своемъ

распоряженіи около пятидесяти лодокъ и нѣсколько сотъ водолазовъ, не получавшихъ никакого вознагражденія, кромѣ финиковъ, которые имъ позволено было ѣсть, и скуднаго одѣянія, взамѣнъ чего богатые люди пользовались всѣми плодами ихъ опаснаго ремесла. Водолазы опускались въ воду съ канатами, прикрѣпленными къ рукамъ, и тремъ, привѣшенными къ ногамъ, и, достигнувъ глубины въ тридцать, а иногда и въ пятьдесятъ футовъ, набирали сколько могли белѣе раковинъ и затѣмъ подавали сигналъ, по которому ихъ снова поднимали на верхъ въ лодки. Вслѣдствіе долгаго навыка водолазъ можетъ оставаться подъ водою отъ одной — до полуторы минуты. Они вооружены ножами, такъ какъ иногда имъ приходится вступать въ отчаянный бой съ акулами, охраняющими, подобно баснословнымъ геніямъ, богатства, находящіяся на днѣ мореконь. Жемчужныя раковины, величина которыхъ равняется обыкновенной десертной тарелкѣ, ночью складываются на берегъ и передаются въ распоряженіе шейха. На закатѣ солнца всѣ собираются на молитву, и шейхъ усердно молить Аллаха послать ему удачный ловъ на слѣдующій день. На разсвѣтѣ дня устрицы открываютъ и осторожно вынимаютъ изъ нихъ жемчужины, которыя складываютъ вмѣстѣ. Онѣ бываютъ разной величины, начиная съ большую горошину, и до булавочной головки; вообще же результатъ дневной ловли никогда не можетъ быть опредѣленъ заранее.

Перламутровныя жемчужины продаются въ Европѣ по двадцати долларовъ за сотню, а жемчугъ завертываютъ въ лоскутъ темно-красной холстины, и, упаковавъ его въ видѣ небольшого свертка, похожаго на гранатовое яблоко, прикладываютъ къ нему печать и отправляютъ въ Бомбей, гдѣ этотъ драгоценный фруктъ продается иногда по баснословной цѣнѣ, доходящей до 25 тысячъ рупій.

Абдуль Азисъ не имѣлъ при себѣ жемчуга, но, отправляясь въ паломничество, захватилъ съ собою значительную сумму денегъ.

Исполняя долгъ набожности, онъ не забывалъ также и житейскихъ нуждъ и употребилъ эти деньги на выгодное предпріятіе въ Меккѣ. Между пассажирами ходили слухи, будто часть полученнаго отъ этой операціи барыша, Азисъ употребилъ на покупку прелестной молодой черкешенки, одной изъ четырехъ его женъ, благополучно доставленныхъ на берегъ въ Линге. Пересѣвъ въ свою лодку и отплывъ на нѣсколько шаговъ отъ корабля, почтенный шейхъ сдѣлалъ намъ прощальный знакъ рукой, при чемъ единственный оставшійся у него глазъ сверкнулъ какой-то особенной радостью и торжествомъ; намъ показалось даже, что онъ, для увеселенія своихъ спутницъ, затянулъ народную персидскую пѣсню.

Отъ Линге мы плыли два дня до Бушира, главнаго приморскаго порта Персіи и самаго значительнаго изъ городовъ, стоящихъ на берегу Персидскаго залива. Но описаніе моего путешествія по владѣніямъ персидскаго шаха я отложу до слѣдующей главы.

Глава XIV.

Персія.

Иранистанъ, владѣнія персидскаго шаха.—Климатъ страны.—Описаніе городовъ и деревень.—Костюмы персіянъ.—Маски и удобство ихъ для любовныхъ интригъ.—Красота, оказавшаяся въ дѣйствительности поэтическимъ миеомъ.—Расположеніе Бушира.—Слѣды, оставленные англійскими пушками. —Дорія Бегъ, „властитель моря.“—Арсеналь.—Американское орудіе.—Персидскіе солдаты.—Мѣры, къ которымъ приходится прибѣгать, чтобы получить слѣдующее жалованье.—Мѣстныя власти, охраняющія свою страну отъ иностраннаго элемента.—Телеграфъ.—Дорого стоющіе посланіе.—Персидскіе ковры.—Дьяволъ, заключенный въ тюрьму.—Женщины водоносы.—Почтовые марки.—Влестящая мысль.—Персидскій монетный дворъ.—Карета шаха.—Островъ Корнакъ.—Ключъ Персидскаго залива.—Новый путь въ Индію.—Магометанскій вѣчный жидъ.

Современная Персія, управляемая шахомъ, до сихъ поръ удерживающимъ титулъ „короля королей“, занимаетъ на географической картѣ весьма незначительное пространство сравнительно съ обширнымъ древнеперсидскимъ царствомъ, простиравшимся нѣкогда отъ Средиземнаго моря до Индіи. Нынѣшніе властители Персіи ведутъ свой родъ отъ предводителя одного изъ курдскихъ племенъ и не имѣютъ никакого права считаться потомками Дарія или Кира, подобно тому, какъ нынѣшняя столица Персіи не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ древнимъ Персеполемъ, о славіи котораго мы можемъ судить по описанію, оставленному „отцемъ исторіи“, а также и по сохранившимся надписямъ на разрушенныхъ стѣнахъ.

Самое названіе Аравіи и Персіи чуждо для населенія этихъ странъ. Арабы называютъ свою родину „Гезереть-аль-Арабъ“, то есть страной арабовъ; персіане же называютъ ее „Аравистаномъ“. Слово Персія происходитъ отъ греческаго „Parsis“. Свое собственное отечество персы называютъ „Иранистаномъ“. Климатъ береговой полосы, окаймляющей Персидскій заливъ и простирающейся до устьевъ Евфрата, чрезвычайно тяжелъ для европейцевъ, хотя, быть можетъ, и не такъ вреденъ для здоровья, какъ климатъ Остъ-Индіи. Вслѣдствіе сырости атмосферы, жара лѣтомъ становится еще болѣе удушливой, зимой же господствуютъ здѣсь холодные суровые вѣтры. Вообще здѣсь дуютъ или уже слишкомъ сильныя вѣтры, или ихъ совсѣмъ не бываетъ.

Постоянно встрѣчающіеся путешественнику небольшіе города всѣ очень похожи одинъ на другой и состоятъ изъ четверугольной крѣпости, стѣны которой сложены изъ необтесаннаго камня, съ выдающимися бастіонами на углахъ. Иногда также крѣпости эти усилены отдѣльными круглыми башнями. Домъ шейха и нѣсколько другихъ зданій выстроены изъ камня, стѣны остальныхъ домовъ сложены изъ сырцоваго кирпича или же состоятъ просто изъ плетня. По сосѣдству съ крѣпостцей виднѣтся обыкновенно роща финиковыхъ пальмъ. Таковъ наружный видъ почти всѣхъ маленькыхъ городовъ южной Персіи. Что же касается до большихъ, то они также обнесены каменными стѣнами и отличаются отъ меньшихъ своихъ собратій лишь большимъ числомъ каменныхъ зданій. Здѣсь нигдѣ не замѣтно никакихъ претензій на роскошь во внѣшней отдѣлкѣ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ зданій. Нерѣдко можно встрѣтить роскошь и богатство во внутреннемъ убранствѣ домовъ, но ни то, ни другое не выставляется на видъ, чтобы не вводить въ искушеніе какъ сильныхъ міра, такъ и воровъ.

Населеніе состоитъ изъ магометанъ и сравнительно незначительнаго числа евреевъ и христіанъ. Здѣшніе мусульмане—шіиты и слѣдовательно принадлежатъ къ совершенно иной сектѣ, чѣмъ арабы, придерживающіеся суннитскаго толка. Шіиты чтутъ магометова зятя Али почти такъ же, какъ и самого Магомета. Могила Али,

находящаяся близъ Багдада, служить для нихъ священнымъ мѣстомъ поклоненія.

Обыкновенная одежда персіянъ, которыхъ мы встрѣчали на улицахъ, нѣсколько отличается отъ той, какую мы видѣли прежде въ другихъ мѣстахъ Арабскую „коффи“ здѣсь замѣняетъ шапка изъ черной мерлушки безъ полей, или большая чалма. Въмѣсто длиннаго полосатаго „абба“ изъ верблюжьей шерсти они носятъ широкіе халаты съ длинными рукавами изъ бумажной или шелковой матеріи и подпоясываются шалью, въ складкахъ которой прячуть деньги и разныя цѣнныя свои вещи. У богатыхъ исподніе камзолы вышиты роскошными узорами, и въ такомъ случаѣ халаты оставляютъ обыкновенно до самаго пояса разстегнутыми. Женщины носятъ широкія мѣшкообразныя платья изъ бумажной матеріи голубаго или синяго цвѣта, а на лицо надѣваютъ нѣчто въ родѣ бѣлой маски, на которой оставлены только небольшія отверстія для глазъ. Благодаря такому костюму, можно пройти на улицѣ мимо своей жены, или сестры, не узнавъ ея. Говорятъ, что вслѣдствіе этого, любовныя интриги нигдѣ не процвѣтаютъ такъ, какъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что мусульманки весьма склонны къ различнаго рода интригамъ. На базарахъ, въ особенности же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи и разныя наряды, постоянно толпится множество женщинъ, торгующихся съ купцами. Мущины проходятъ мимо, не обращая на нихъ никакого вниманія, такъ какъ самый зоркій глазъ не можетъ разсмотрѣть—стары онѣ, или молоды, дурны собой или красивы, если только дамы не заблагоразсудятъ приподнять уголокъ своего покрывала. Говорятъ, что дома, у себя въ гаремѣ, богатыя мусульманки надѣваютъ множество драгоценностей и разныхъ украшеній и вообще любятъ щеголять нарядами. Во время путешествія моего по магометанскимъ странамъ я не видалъ еще ни одной женщины, которую можно было бы назвать красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Черкешенокъ и грузинокъ, большими блестящими черными глазами которыхъ многіе такъ восхищаются, и отъ длинныхъ шелковистыхъ

рѣсницъ которыхъ персидскіе поэты приходятъ въ восторгъ— слѣдуетъ признавать въ сущности не женщинами, а лишь хорошенькими самками безъ всякаго умственнаго развитія. Утонченность въ обращеніи и любезность имъ совершенно чужды; впрочемъ, чувственные ихъ поведители и не могли бы оцѣнить этихъ достоинствъ. Дѣти замѣчательно красивы и очень быстро развиваются.

Въ Буширѣ я случайно попалъ въ гости къ одному англійскому кушцу, домъ котораго находится въ трехъ миляхъ отъ города. Мы каждый день ѣздили къ нему ночевать, и на слѣдующее утро снова возвращались въ городъ. Буширъ считается главнымъ портовымъ городомъ Персіи и имѣетъ около двадцати тысячъ жителей. Онъ построенъ на низменной, косѣ и гавань его такъ мелководна, что большія суда становятся на якорь въ трехъ миляхъ отъ города, который со стороны моря защищенъ нѣсколькими отдѣльными круглыми башнями. Во время войны съ Персіей, въ 1856 г., Буширъ былъ взятъ англичанами послѣ бомбардированія, во время котораго укрѣпленія его были сильно повреждены. До сихъ поръ еще укрѣпленія эти остались неисправленными, вслѣдствіе чего они ни коимъ образомъ не могутъ выполнять своего назначенія.

Стѣны, окружающія городъ съ суши, на половину разрушены, такъ что мы свободно могли проѣхать черезъ громадныя бреши, пробитыя англійскими ядрами и гранатами.

Дома построены изъ легкаго поздраватаго камня. Самыя замѣчательныя изъ городскихъ зданій — домъ англійскаго резидента и дворецъ персидскаго губернатора, между прочимъ пользующагося громкимъ титуломъ „Дарія Бега“, то есть властителя морей. Онъ приходится родственникомъ шаху и деспотически управляетъ провинціей. Въ городѣ стоитъ отрядъ регулярныхъ персидскихъ войскъ и нѣсколько легкихъ полевыхъ орудій. Проводникъ повелъ меня однажды въ арсеналь, находящійся близъ дворца и съ гордостью указалъ мнѣ на рядъ старыхъ чугунныхъ пушекъ европей-

*

скаго издѣлія, большею частью морскихъ орудій, стоявшихъ на негодныхъ лафетахъ самой допотопной конструціи.

Я не знатокъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ, но осматривая эти орудія, пришелъ къ заключенію, что они должны быть гораздо опаснѣе для прислуги, чѣмъ для непріятеля. По меньшей мѣрѣ половина пороховыхъ газовъ при выстрѣлѣ должна вылетать черезъ затравку. Тѣмъ болѣе удивился я, увидавъ тутъ же отличную шести-фунтовую бронзовую наръзную пушку, заряжающуюся съ казенной части, на лафетѣ новѣйшаго устройства, надпись на которомъ свидѣтельствовала, что орудіе это поднесено въ подарокъ султану Моската одною бостонскою купеческою фирмой. Какимъ образомъ пушка могла очутиться здѣсь, осталось для меня неизвѣстнымъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ я съ удивленіемъ замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пушки, стоявшія безъ всякаго прикрытія внѣ крѣпостной ограды, что съ военной точки зрѣнія имѣеть такъ же мало смысла, какъ ровъ вырытый съ внутренней стороны бруствера.

Здѣшніе солдаты, говорятъ, отличаются выносливостью и могли бы быть хорошо обучены. Солдаты, которыхъ я видѣлъ, всѣ безъ исключенія были высокаго роста, крѣпкаго сложенія, и однимъ словомъ представляли превосходный матеріалъ для арміи; но офицеры отличаются полнымъ невѣжествомъ въ военномъ дѣлѣ и крайнею небрежностью въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Вслѣдствіе этого въ персидскихъ войскахъ, дисциплина большею частью въ совершенномъ упадкѣ и самое обученіе солдатъ идетъ очень плохо. Одинъ изъ полковъ расположенъ внѣ городскихъ стѣнъ. Однажды вечеромъ, проходя мимо, мы имѣли случай видѣть полковой смотръ. Солдаты вооружены кремневыми мушкетами и одѣты въ очень поношенные мундиры. Они ужъ цѣлыхъ три года не получаютъ жалованья, такъ какъ государственные финансы страны находятся въ состояніи хроническаго разстройства. Три года тому назадъ эта часть Персіи сильно пострадала отъ голода, и кромѣ того страна раззорена частыми неурожаями, такъ что населеніе не имѣеть возможности уп-

лачивать подати. Во время нашего пребыванія въ Буширѣ губернаторъ отправился съ отрядомъ войска во внутрь провинціи для того, чтобы вынудить нѣкоторыхъ шейковъ внести слѣдующіе съ нихъ налоги.

Недавно одинъ изъ полковъ, отправленный въ экспедицію съ такою же цѣлью, вернувшись назадъ, не внесъ губернатору собранной съ населенія подати, такъ какъ офицеры и солдаты сочли за лучшее присвоить подать эту себѣ въ счетъ недополученнаго жалованья. Въ Буширѣ находится нѣсколько сотъ армянъ, которымъ принадлежитъ единственная христіанская церковь, въ городѣ. Въ оградѣ этой церкви погребены нѣкоторые изъ умершихъ здѣсь англичанъ. Число проживающихъ здѣсь иностранцевъ не превышаетъ двадцати пяти человѣкъ, причисляя сюда же англійскаго дипломатическаго резидента со свитой, лицъ служащихъ при телеграфѣ и прикащиковъ одного англійскаго торговаго дома. Иностранная торговля подвергается здѣсь до крайности несприятнымъ стѣсненіямъ со стороны правительственныхъ чиновниковъ, не смотря на то, что пошлины, взимаемыя съ ввозимыхъ товаровъ, составляютъ главный источникъ дохода. Мѣстные власти ревниво охраняютъ свое отечество отъ иностраннаго преобладанія и, опасаясь, чтобы и ихъ страну не постигла судьба сосѣдней Остѣ-Индіи, они предоставляютъ однимъ лишь туземцамъ право пріобрѣтенія недвижимаго собственности.

Характеристическую черту Бушира составляютъ трубы, возвышающіяся на десять и на двѣнадцать футовъ надъ плоскими кровлями; трубы эти служатъ для освѣженія воздуха въ спальняхъ въ лѣтнее время. Надъ крышами многихъ домовъ устроены легкіе шалаши изъ жердей, крытые камышевыми плетенками. Шалаши эти служатъ туземцамъ спальнями въ продолженіи лѣтнихъ жаровъ. Воздухъ здѣсь чрезвычайно сырой и роса выпадаетъ въ такомъ количествѣ, что спать подъ открытомъ небомъ было бы крайне нездорово. Въ Буширѣ оканчивается подводный кабель остѣ-индскаго телеграфа, и начинается сухопутная телеграфная линія, завѣдываемая англичанами. Она идетъ черезъ столицу Персіи Тегеранъ къ русской границѣ, гдѣ и соеди-

няется съ русскою телеграфическою сѣтью. Кромѣ того Буширъ соединяется посредствомъ подводнаго каната съ городкомъ Фо при устьѣ Евфрата, откуда начинается турецкая телеграфная линія, идущая черезъ Багдадъ въ Алеппо и Константинополь. Телеграммы „Агентства Рейтера“ въ Индію, Китай и Японію проходятъ черезъ Буширскую станцію. Когда я прислушивался къ стуку телеграфическаго аппарата, то мнѣ пришло было на мысль отправить депешу черезъ Лондонъ и Нью-Йоркъ въ родной мой Клевеландъ. Начальникъ станціи очень любезно заявилъ мнѣ, что телеграмма будетъ немедленно отправлена, но подведя итогъ и узнавъ, что придется заплатить за каждыя десять словъ по сорока почти долларовъ, я не счелъ удобнымъ разрѣшить себѣ это удовольствіе.

Здѣшніе базары въ сущности довольно интересны и представляютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ много любопытнаго. Персидскіе кушцы народъ очень дѣятельный и предприимчивый. Въ Буширѣ, какъ и вообще на востокѣ, чрезвычайно любятъ лакомства, по этому-то здѣсь множество мелкихъ лавочекъ, торгующихъ кандитерскимъ товаромъ. Долженъ сознаться, что не смотря на почтенныя мои лѣта я также имѣю слабость ко всякаго рода сладостямъ, отъ которой, увы, не могу уже рассчитывать избавиться съ годами „когда выросту“. Разнообразіемъ, дешевизною, а главное превосходнымъ своимъ вкусомъ произведенія здѣшнихъ кандитерскихъ, для которыхъ я не могу пріискать англійскихъ названій, далеко перещеголяли все, что мнѣ приходилось встрѣчать въ лучшихъ кандитерскихъ Европы и Америки. Человѣческая природа, не смотря на все разнообразіе расъ, представляетъ многія общія характеристическія черты, думалъ я, глядя на быстроглазаго мальчугана, стоявшаго передъ кандитерскою лавочкою и сжимавшаго въ кулакѣ мѣдную монету. Глядя на цѣлыя горы лакомствъ, одно лучше другаго, глаза у него разбѣгались и онъ находился очевидно въ недоумѣніи въ какое именно сокровище слѣдуетъ ему помѣстить свой капиталъ.

Лавки съ коврами заслуживаютъ также вниманія. Передо мной разложили нѣсколько превосходныхъ мягкихъ ковровъ съ тѣмъ рѣд-

кимъ сочетаніемъ цвѣтовъ и красокъ, которое возбуждаетъ удивленіе всего цивилизованнаго міра, вслѣдствіе чего рисунки персидскихъ ковровъ воспроизводятся европейскими и американскими фабриками. Подобно кашемировымъ шалямъ, эти ковры изготовляются на ручныхъ станкахъ въ деревняхъ внутри страны; шерстяныя нити переплетаются одна съ другой, какъ это дѣлалось и у насъ въ блаженные времена нашихъ прабабушекъ, затѣмъ лицевая поверхность ковра подрѣзается и подравнивается бритвой, послѣ чего она становится пушистой и мягкой, какъ бархатъ. Нельзя не подивиться тому, что народъ, стоящій на такой низкой степени развитія, выказываетъ столько искусства и вкуса относительно выбора узоровъ и красокъ. Впрочемъ, природа здѣсь отличается граціозностью формъ и прелестью красокъ, окончательно очаровывающихъ глазъ. Перистая листва пальмъ и яркіе оттѣнки тропическихъ цвѣтовъ и растений такъ сильно говорятъ эстетическому чувству, что сознаніе красоты пробуждается даже у тѣхъ, которые не имѣютъ никакого понятія о томъ, что мы называемъ искусствомъ.

Освѣдомившись о цѣнѣ ковровъ, я попробовалъ предложить половину того, что съ меня запросили. Послѣ обычныхъ возраженій и колебаній со стороны торговцевъ, я сдѣлался счастливымъ обладателемъ нѣсколькихъ ковровъ. Когда по возвращеніи я показалъ мои покупки хозяину, то онъ нашелъ, что меня нельзя съ ними особенно поздравить, но я все таки остался вполне доволенъ, разумѣется, предполагая, что „дядя Самъ“ не обложитъ мою покупку черезъ-чуръ большими пошлинами. На углу улицы я замѣтилъ каменный круглый куполообразный столбъ, около шести футовъ въ вышину и около двухъ футовъ въ діаметръ. „Внутри этого столба замураванъ небольшой величины дьяволъ“, сказалъ мнѣ проводникъ. Эти слова подстрекнули мое любопытство. Не имѣвъ случая лично познакомиться со злымъ духомъ, я хотѣлъ по крайней мѣрѣ возможно внимательнѣе осмотрѣть его помѣщеніе, но проводникъ торопливо увлекъ меня оттуда прочь, какъ бы опасаясь, что черный джентльменъ выскочитъ изъ своей темницы и сжушаетъ насъ обоихъ.

Въ разстояніи мили отъ городскихъ стѣнъ тянется гладкая песчаная равнина, затѣмъ, идутъ обработанныя поля, на которыхъ слегка колышится отъ вѣтра богатые всходы пшеницы и ячменя. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ хлѣбъ будетъ сжатъ и по наступленіи жаркаго времени поля эти превратятся въ высохшую и опаленную солнечными лучами пустыню, однообразіе которой прерывается лишь въ сосѣдствѣ колодцевъ небольшими зеленѣющими оазисами, гдѣ растительность поддерживается при посредствѣ искусственнаго орошенія.

Весь городъ снабжается водой изъ этихъ же колодцевъ и на песчаной равнинѣ можно всегда разчитывать встрѣтить цѣлую процессію женщинъ, несущихъ въ городъ воду въ бурдюкахъ изъ козлиной кожи. Женщины эти принадлежатъ къ крестьянскому сословію; участь ихъ показалась мнѣ очень непривлекательной, когда я смотрѣлъ, какъ онѣ въ самую жару шли, изгибаясь подъ тяжестью полныхъ бурдюковъ (вѣсомъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 пудъ). Бурдюки эти носятъ или на головѣ, придерживая ихъ руками, или же на спинѣ съ помощью ремней, перекинутыхъ черезъ плечи. Женщины, возвращавшіяся къ колодцамъ съ пустыми бурдюками, произвели на меня сравнительно болѣе отрадное впечатлѣніе. Онѣ шли, весело разговаривая между собой и не обращая никакого вниманія на постороннихъ зрителей. Большая часть изъ нихъ, повидимому, были еще молоды, но тяжелый трудъ и грубый образъ жизни не оставили въ нихъ никакихъ слѣдовъ красоты.

Не смотря на то, что ледъ въ мѣстномъ домашнемъ обиходѣ совершенно неизвѣстенъ, снѣгу можно видѣть здѣсь сколько угодно. Стоитъ только приподнять голову чтобъ увидѣть вершины горъ, увѣчаннаго снѣгомъ. Зрѣлище это въ жаркомъ климатѣ по истинѣ мучительно. На сѣверо-западъ отъ Бушира тянется цѣпь очень высокихъ горъ, главныя вершины которыхъ, поднимающіяся почти на десять тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, находятся въ разстояніи тридцати или сорока миль отъ города. Обнаженные и открытые глубокими рывинами, скаты этихъ горъ лишены всякой

растительности. За то глубокія долины, перерѣзающія эту горную цѣпь, отличаются своимъ плодородіемъ. Между горами и моремъ тянется полоса низменность, которую персіане называютъ страной жаровъ. И дѣйствительно эта низменность, въ которой расположены также и Буширъ, защищена горами отъ прохлаждающихъ сѣверныхъ вѣтровъ, лишена всякаго естественнаго орошенія и почти не освѣжается дождями, такъ что ее по всей справедливости можно считать самой жаркой страной въ свѣтѣ.

Живущіе здѣсь европейцы сообщили намъ нѣкоторые факты, неособенно говорящіе въ пользу административныхъ способностей персидскаго шаха и его сановниковъ.

Не могу поручиться за достовѣрность слышаннаго: можетъ быть, что въ Персіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо слѣдуетъ держаться пословицы: „Не вѣрь ничему, что слышишь и только на половину вѣрь тому, что видишь“. Во всякомъ случаѣ, сообщенные намъ факты такъ характеризуютъ восточныхъ государей, что я считаю не безинтереснымъ привести нѣкоторые изъ нихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ мнѣ ихъ передавали.

Во время недавняго путешествія шаха по Европѣ, гдѣ коронованныя особы отнеслись къ нему съ такимъ вниманіемъ, шахъ увидалъ въ первый разъ въ жизни почтовые маркі. Когда ему объяснили ихъ употребленіе, ему пришла въ голову блестящая мысль завести подобныя же марки въ своемъ государствѣ. Планъ этотъ показался шаху тѣмъ болѣе соблазнительнымъ, что осуществленіе его должно было доставить казначейству большой доходъ. Съ этою цѣлью, шахъ заказалъ въ Парижѣ множество почтовыхъ марокъ которыя были отпечатаны и отправлены въ Тегеранъ. Къ сожалѣнію, въ Персіи не существуетъ почты для писемъ, а потому надежды его персидскаго величества на большую выручку отъ продажи марокъ едвали скоро осуществятся.

Звонкая монета въ Персіи состоитъ главнымъ образомъ изъ серебрянныхъ „керановъ“, стоимостью приблизительно въ одинъ

франкъ. Эти монеты дѣлаются отъ руки изъ чистаго почти серебра. Устроить правильно организованный монетный дворъ было бы, разумѣется, дѣло хорошее. Поэтому лѣтъ шесть тому назадъ заказаны были въ Европѣ дорогія машины для чеканки монеты. Эти громоздкія и тяжелыя машины были изготовлены и высланы моремъ въ Буширъ; оттуда, послѣ многихъ хлопотъ и проволочекъ, отправили ихъ наконецъ съ караваномъ въ столицу, куда машинамъ вѣроятно не суждено было попасть, такъ какъ онѣ засѣли въ горномъ ущельѣ, миляхъ во ста отъ Бушира, гдѣ и находятся по сіе время. Рассказываютъ, что такая же участь постигла англійскую карету великолѣпной работы, предназначавшуюся для обитательницъ гарема его величества падишаха.

Въ 30-ти миляхъ отъ Бушира находится островъ Карракъ, важнѣйшій стратегическій пунктъ Персидскаго залива. Этотъ островъ имѣетъ десять миль въ длину и три въ ширину. Значительная часть острова хорошо обработана и населеніе его простирается до трехъ тысячъ душъ. Самый возвышенный пунктъ острова лежитъ на триста футовъ выше морскаго уровня; климатъ для европейцевъ сравнительно здоровый и въ водѣ недостатка не ощущается. Въ случаѣ проведенія желѣзной дороги въ Индію черезъ долину Евфрата, англичане, на капиталы которыхъ, по всей вѣроятности, будетъ строиться эта дорога, если только ей суждено будетъ когда нибудь осуществиться, сочтутъ, вѣроятно, необходимымъ занять этотъ островъ и укрѣпиться на немъ подобно тому, какъ они сдѣлали въ Адегѣ. Быть можетъ, это единственный пунктъ на Персидскомъ заливѣ во всѣхъ отношеніяхъ удобный для устройства постоянного военнаго поста. Онъ господствуетъ съ одной стороны надъ самымъ значительнымъ торговымъ портомъ Персіи, а съ другой—надъ устьемъ Евфрата и слѣдовательно надъ всею обширною территоріей турецкой Аравіи и Месопотаміи. Впрочемъ, Карракъ разъ уже былъ занятъ англійскими войсками во время войны въ 1856 г. Проходя мимо острова, мы видѣли развалины крѣпости, построенной тамъ въ

1754 г. голландцами, имѣвшими здѣсь богатую факторію. На возвышенности, къ западу отъ крѣпости, стоитъ надгробный памятникъ и при немъ небольшая мечеть. Здѣсь похороненъ Миръ Магометъ, сынъ Али, завоевавшяго Персію и водворившаго въ ней исламъ. Надписи на гробницѣ свидѣтельствовали, что надгробный памятникъ былъ построенъ взаимѣнъ пришедшаго въ упадокъ прежняго памятника пятьсотъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. На островѣ находится еще нѣсколько достопримѣчательныхъ мусульманскихъ святынь и, между прочимъ, отпечатокъ слѣда пророка Аль-Кизира, который, по преданіямъ, до сихъ поръ еще живъ и, подобно „Вѣчному Жиду“, странствуетъ по всему свѣту.

Глава XV.

Турецкая Аравія.

Приближеніе къ Евфрату.—Невидимые берега.—Месопотамія.—Фо.—Магобра.—Шейкъ Джарба. — Сынъ шейка. — Прогулка на лодкѣ «Беллумъ». — Непріятная гостя.—Бассора.—Бѣгство отъ карантинной стражи. — Капитанъ Кортерь, англійскій шейкъ.—Радужный приѣмъ въ Марджилѣ.—Ручной левъ.—Мусульманинъ и невѣрный.—Предметы вывоза изъ долины Евфрата.—Эдемъ.—Сцены изъ плаванія по Тигру и Евфрату. — Палатка бедуина.—Арабская лошадь.—Гробница Эдры. — Рай для охотника.—Ктезифонъ и Селевкія.—Гробницы магометовыхъ: цирюльника и погонщика муловъ.—Столица Калифовъ.

За тридцать еще миль отъ устья Евфрата желтизна воды дала намъ уже знать, что мы приближаемся къ великой рѣкѣ. Я вспомнилъ о китайской рѣкѣ Янтсекіангъ, отъ мутныхъ водъ которой Желтое море получило свое названіе. Но рѣка, къ которой мы теперь приближались, казалась мнѣ гораздо интереснѣе, такъ какъ съ нею связаны преданія, относящіяся до самыхъ отдаленныхъ временъ исторіи человѣчества. На берегахъ ея находился, какъ увѣряютъ, Эдемъ—садъ, насажденный самимъ Богомъ. Кромѣ того, здѣсь до сихъ поръ еще возвышается на полтораста футовъ надъ песчаной равниной груда мусора, которую считаютъ за развалины вавилонской башни, почернѣвшая вершина которой свидѣтельствуетъ о томъ, что нечестивая попытка потомковъ Ноя была разрушена огнемъ, спешшимъ съ небеси. На берегахъ рѣки находятся изслѣ-

дованныя уже отчасти развалины Ниневіи и Вавилона, городовъ, могущество и великолѣпіе которыхъ возбуждали удивленіе всего древняго міра.

Двѣ великія рѣки, Тигръ и Евфратъ, вытекаютъ неподалеку одна отъ другой изъ горъ на сѣверѣ Малой Азіи, расходятся затѣмъ на далекое разстояніе и, пройдя болѣе тысячи миль къ югу *), соединяются во ста миляхъ отъ Персидскаго залива въ одну большую рѣку, которую туземцы называютъ „Шать-аль-Арабомъ“, т. е. рѣкой арабовъ. Обширныя, плодородныя равнины наноснаго образованія, лежащія между этими двумя рѣками, были извѣстны въ старину грекамъ подъ названіемъ Месопотаміи или „междурѣчья“. Это междурѣчье было въ древности отлично воздѣлано и доставляло средства къ существованію огромному населенію.

Не смотря на то, что съ парохода не было видно земли, лодмана арабы заявили, что мы находимся уже между рѣчными отмелями. Это казалось сперва невѣроятнымъ, но вскорѣ пришлось убѣдиться въ справедливости утвержденія лодмановъ, такъ какъ пароходъ совершенно неожиданно ударился о невидимую отмель. Мы сидѣли на мели цѣлыхъ пять часовъ, пока наконецъ не сдвинуло насъ съ мѣста мерскимъ приливомъ. Медленно и осторожно поплыли мы вверхъ по теченію и вскорѣ увидѣли низменный берегъ, окаймленный пальмовыми деревьями. Рѣка при устьѣ имѣетъ болѣе миль въ ширину, теченье ея быстрое и вода чрезвычайно мутная. Говорятъ, что сѣверная оконечность Персидскаго залива постепенно выполняется иломъ, но такъ какъ процессъ этотъ совершается безостановочно уже отъ самаго сотворенія міра, то нашему поколѣнію не угрожаетъ повидимому опасности дожить до полного обмелѣнія залива. Дельта Евфрата, подобно дельтамъ Нила и Миссисипи, образовалась постепенно въ теченіи тысячелѣтій. Почва ея, составленная послѣдовательными отложеніями наносовъ могущественной рѣки, чрезвычайно плодородна. На правомъ

*) Англійскихъ.

берегу, не подалеку отъ устья находится деревушка — Фо. Надъ невысокими сбитыми изъ глины стѣнами крѣпостцы, высился длинный шестъ, на которомъ развѣвался флагъ съ изображеніемъ „Полумѣсяца и звѣзды“, а близъ берега стояла небольшая турецкая канонерская лодка. Тутъ же на берегу замѣтили мы длинное деревянное строеніе, окруженное верандами и узнали, что то была англійская телеграфная станція. Пароходъ остановился, и мы отправили къ карантинному начальству лодку съ свидѣтельствомъ о здоровомъ состояніи экипажа. Лодка вернулась съ молодымъ англичаниномъ, служившимъ при телеграфѣ и получившимъ на недѣлю отпускъ для поправленія здоровья. Городъ Бассора расположенъ на западномъ берегу рѣки въ шестидесяти миляхъ отъ ея устья. На всемъ этомъ протяженіи глубина рѣки весьма значительна, такъ что по рѣкѣ могутъ проходить самыя большія суда. Евфратъ, отъ своего устья до Бассоры, служитъ границей между Персіей и Аравіей. Населеніе западнаго берега проникнуто непримиримой ненавистью къ своимъ повелителямъ — туркамъ, и, не смотря на трактаты о выдачѣ бѣглецъ, не рѣдко цѣлыми толпами переправляется черезъ рѣку на персидскую территорію, чтобъ избѣжать рекрутчины, или же наказанія за какіе нибудь проступки.

Мы стали на якорь еще до наступленія сумерокъ, а на слѣдующее утро вскорѣ послѣ восхода солнца приблизились къ персидскому городу „Магомра“, расположенному при устьѣ Керуна, большой рѣки, вытекающей изъ горъ внутренней Персіи. Городомъ и всей территоріей отъ Бассоры до Персидскаго Залива управляетъ на самыхъ патріархальныхъ началахъ шейхъ Джарба. Онъ пользуется неограниченной властью надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ и до тѣхъ поръ, пока онъ аккуратно платитъ налоги, персидское правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ его дѣла. Во время войны, происходившей въ 1856 г., персидская крѣпость въ Магомрѣ подверглась бомбардированію и была взята англичанами, а гарнизонъ ея, находившійся подъ начальствомъ этого же шейха, былъ отброшенъ во внутрь страны. Шейхъ Джарба, несмотря на семидесятилѣтній уже

возрасть, обладаетъ большей энергіей и предприимчивостью и пользуется репутаціей самаго богатаго человѣка во всей окрестной странѣ. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли на якорѣ, видны были бѣлыя зданія резиденціи шейка, одно изъ которыхъ очевидно было гаремомъ, такъ какъ на его террасѣ безпрестанно мелькали женскія фигуры, въ костюмахъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Насъ предупредили, чтобъ мы не наводили зрительныхъ трубъ на дворецъ, такъ какъ подобное нарушение этикета можетъ показаться оскорбительнымъ для стараго шейка. Въ городѣ живетъ нѣсколько человѣкъ европейцевъ, изъ которыхъ одни состоятъ на службѣ у Дхарбы, а другіе имѣютъ съ нимъ сношенія по торговымъ дѣламъ. Европейцы эти, въ сопровожденіи сына Дхарбы, красиваго молодого человѣка лѣтъ двадцати пяти отъ роду, посѣтили нашъ пароходъ. Мы были представлены сыну стараго шейка. Онъ былъ очень богато одѣтъ, держалъ себя очень серьезно и всѣ окружающіе относились къ нему съ большимъ почтеніемъ. Онъ очень любитъ охоту и считается отличнымъ стрѣлкомъ, а въ дѣлѣ наѣздничества можетъ поспорить съ любымъ команчемъ американскихъ саваннъ. Онъ показался мнѣ хорошимъ дѣльцемъ и повидимому въ смѣтливости и предприимчивости не уступаетъ своему отцу.

Въ трюмѣ нашей „Гунги“ находился небольшой желѣзный пароходъ, который былъ построенъ для шейка Дхарбы въ Англіи и отправленъ съ нами, разобранный по частямъ. Пароходъ этотъ, длиною около ста футовъ, предназначался для плаванія по Керуну. Выгрузка его должна была задержать „Гунгу“ въ Магомѣ цѣлыхъ два дня, и такъ какъ Бассора находится всего въ двадцати пяти миляхъ вверхъ по теченію, то мы рѣшили взять небольшую лодку или какъ ее здѣсь называютъ „беллумъ“ для того, чтобы поскорѣе добраться до цѣли нашего путешествія. Эти лодки чрезвычайно узки и длинны и обыкновенно расписываются съ наружной стороны бѣлыми и черными квадратами въ шахматномъ порядкѣ. Отказавшись отъ приглашенія позавтракать на берегу и оставивъ весь тяжелый багажъ на пароходѣ, мы забрали съ собою дорожныя сумки, разостлали на днѣ лодки

мягкіе персидскіе ковры, захватили съ собою ружье, пару револьверовъ, нѣсколько зонтиковъ и корзину съ провизіей и отправились въ путь. Когда мы отчалили, не было еще и девяти часовъ, а черезъ шесть часовъ мы рассчитывали доѣхать до Бассоры. Двое туземцевъ управляли лодкой съ помощью длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ, которыми отталкивались отъ дна, а третій, сидѣвшій на кормѣ, гребъ весломъ. Чтобъ избѣжать быстрого теченія посреди рѣки, мы держались ближе къ берегу, и въ продолженіи первыхъ двухъ-трехъ часовъ, путешествіе казалось намъ очень пріятнымъ. Роши финиковыхъ пальмъ окаймляютъ оба берега рѣки до самой Бассоры. За этимъ бордюромъ пальмовыхъ деревьевъ, тянутся необозримые роскошные луга, на которыхъ пасутся табуны лошадей и буйволовъ. Вода въ рѣкѣ стояла очень высоко и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходила изъ береговъ. Намъ безпрестанно встрѣчались ирригаціонные каналы, выведенные изъ рѣки, а около самыхъ береговъ мы увидали небольшія загородки для ловли рыбы, сдѣланныя изъ пальмовыхъ жердей. Пользуясь приливнымъ теченіемъ, мы быстро плыли впередъ, стрѣляя по временамъ изъ нашего ружья въ утокъ и пеликановъ. Мы видѣли на берегу лишь немногихъ туземцевъ, наружность которыхъ вообще не располагала въ ихъ пользу. Когда мы плыли мимо деревушки, то нѣсколько загорѣлыхъ полунагихъ арабовъ выползли изъ своихъ землянокъ, чтобъ посмотреть на проходившую лодку. Нагіе ребяташки провожали насъ вдоль берега, громко крича и протягивая руки въ надеждѣ получить „бакшишъ“.

Вскорѣ по наступленіи полудня мы остановились на полъ-часа, чтобъ позавтракать и дать отдохнуть лодочникамъ. Мы пристали къ хорошенькому, поросшему травой островку, развязали корзину съ провизіей, поставили бутылки съ элемъ въ воду, чтобъ напитокъ сдѣлался холоднѣе и ужъ начали поздравлять другъ друга съ веселымъ пикиномъ, какъ вдругъ замѣтили возлѣ себя неожиданную гостью въ образѣ пестрой ядовитой змѣи, явившейся сюда съ очевиднымъ намѣреніемъ присоединиться къ нашему обществу. За такое нарушеніе

этикета змѣя заплатилась жизнью, но мы рѣшили для большей безопасности закончить завтракъ. Послѣ полудня жара стала ощутительнѣе, какъ для насъ самихъ, такъ и для нашихъ лодочниковъ. Начался отливъ и стало труднѣе выгребать противъ теченія. При каждомъ колѣнѣ рѣки мы тревожно смотрѣли въ даль, надѣясь увидѣть минареты города.

Наши лодочники говорили лишь на арабскомъ и персидскомъ языкахъ и, казалось, были очень утомлены. Мы медленно подвигались впередъ, дѣлая не болѣе двухъ миль въ часъ, и охотно бы высадились на берегъ, чтобъ прогуляться пѣшкомъ, но чрезвычайно болотистая мѣстность, пересѣченная множествомъ каналовъ и рововъ, устранила всякую возможность прогулки. Зная, что деньги творятъ иногда чудеса, по части оживленія ослабѣвающей энергіи, мы дали каждому изъ лодочниковъ по рупіи, сверхъ условленнаго „баешиша“ и объявили имъ жестами, чтобъ они гребли поскорѣе.

Деньги оказали на этотъ разъ окончательно магическое дѣйствіе; вскорѣ появились въ виду, за куполами финиковыхъ пальмъ, окаймлявшихъ берега рѣки, высокія мачты сторожеваго турецкаго судна. Судно это стояло на якорѣ около большаго форта, расположеннаго при излучинѣ рѣки, на берегу которой, въ одной англійской милѣ выше, расположенъ и самый городъ.

Неподалеку отъ сторожеваго судна стояли на якорѣ два европейскихъ парохода и нѣсколько „маргала“, или рѣчныхъ барокъ, ходящихъ подъ большими трехъугольными парусами. Скоро показали въ виду таможня и желтый флагъ карантиннаго зданія.

Намъ предстояло, впрочемъ, еще одно серьезное затрудненіе. Пареходъ нашъ не былъ еще подвергнутъ санитарному осмотру, а потому ни одинъ изъ пассажировъ не имѣлъ права сходить на берегъ. Еслибы мы попались на глаза санитарной полиціи, то были бы тотчасъ же засажены въ тюрьму за нарушеніе карантинныхъ постановленій, которыя въ Турціи соблюдаются съ большею, чѣмъ гдѣ либо, строгостью. Обойти карантинные законы нельзя даже и при посредствѣ подкупна,

являлось (здѣсь) во всѣхъ остальныхъ слугахъ станики и погуще стеваники орудіемъ. Здѣшняя страна такъ много терпѣла отъ чумны и комары, что всѣ суда, приходящія въ турецкія порты, подвергались самому тщательному санитарному осмотру. Намъ сдѣлывалося ехать не въ самую Бассору, но въ мѣстечко Маргиль, лежащее въ двухъ миляхъ оттуда, вверхъ по течению. Въ мѣстечкѣ этомъ находились амбары товаровъ свлады фирмы Линчъ и К^о. Здѣшніе въ расны турецкіи фасоны широкія шапки индѣйскія шляпы, которыя здѣсь носятъ одними лишь европейцами, нынѣ приказали лодочникамъ держаться какъ можно ближе къ противоположному берегу. Зонтики и вообще все, что только могло обхлѣпать въ насъ иностранцевъ, было тщательно припрятано на днѣ лодки. Когда мы поровнялись со сторожевымъ судномъ, вахтенный офицеръ направилъ насъ нашу лодку свекъ подорвать трубу и, не замѣвая ничего подозрительнаго, разрѣшилъ намъ проѣхать мимо.

На пути въ Маргиль, одинъ изъ лодочниковъ, вслѣдствіе сильной жары и безостановочной девяти-часовой работы, упалъ въ обморокъ и при помощи колодной воды, къ которой мы прибавили нѣсколькочувствъ водки, былъ скоро приведенъ въ чувство.

Мы приближились въ Маргиль еще до захода солнца и были самымъ радушнымъ образомъ встрѣчены капитаномъ Картеромъ, завѣдывавшимъ въ Бассорѣ дѣлами фирмы Линчъ и К^о. Фирма эта служить единственной представительницей англійской торговли въ Турецкой Аравіи. Она открыла тамъ свои дѣйствія приблизительно уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время имѣетъ свои агенствы въ Бассорѣ и въ Багдадѣ, находящемся въ пятистахъ миляхъ отъ Бассоры вверхъ по течению. Долгое время одинъ изъ компаніонеровъ фирмы жилъ постоянно въ Багдадѣ, главная же контора была всегда, какъ и теперь, въ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „Линчъ и К^о“, послѣ многихъ хлопотъ и затрудненій, получили отъ турецкаго правительства фирманъ, разрѣшавшій имъ устроить пароходное сообщеніе между Бассорой и Багдадомъ. Учрежденное ими, на-

роходное общество навигации по Тигру и Евфрату" получает от английского правительства большую субсидию на провозы остъиндской почты этимъ путемъ; кроме того общество обезпечено сильными грузовыми движеніемъ, которое притомъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ все болѣе и болѣе. Въ прошломъ году гг. Линчъ и Б^о отправили въ Англію: тысяча тоннъ финиковъ, двѣ тысячи пятьсотъ тоннъ шерсти, значительное количество чернильных орѣшковъ и вакъ меди.

Английское правительство держитъ въ Багдадѣ такъ называемого резидента, совмѣщающаго въ себѣ атрибуты дипломатическаго представителя и генеральнаго консула. Этотъ, чрезвычайно важный для Англій, постъ, занимаетъ въ настоящее время полковникъ Гербертъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова, ознакомившійся съ нравами и обычаями Востока въ продолженіе предшествовавшей двадцатипятилѣтней своей службы въ Остъ-Индіи.

Мой пріятель и товарищъ по путешествію Фининсъ — младшій компаньонъ фирмы Линчъ и Б^о, въ первый разъ посѣщаетъ азиатскія агентуры этой фирмы.

Въ Бассорѣ, единственномъ коммерческомъ портѣ Месопотаміи, имѣется до пятнадцати тысячъ жителей, представляющихъ пеструю смѣсь турецкаго, арабскаго, персидскаго, армянскаго и еврейскаго элементовъ. Городъ занимаетъ большое протяженіе, но значительная часть строеній обратилась уже въ развалины.

Улицы въ немъ очень грязны, а дома выстроены изъ глиняной кирпичи. Губернаторъ, турецкій ага, подчиняется багдадскому паши. Дѣломъ стоитъ здѣсь невыносимая жара; вообще же положеніе города въ санитарномъ отношеніи весьма неблагоприятно, такъ какъ прилегающія низменности нередко заливаются водою. Въ настоящее время путешественнику трудно даже представить себѣ, что Бассора была некогда однимъ изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ торговыхъ городовъ Востока. Въ періодъ процвѣтанія Вавилона, слѣдовательно еще задолго до основанія Багдада, Бассора была главнымъ складомъ

нымъ пунктомъ произведеній Остъ-Индіи, а Евфратъ служилъ главной артеріей для торговли между Европою и странами Востока. Въ Бассорѣ неоднократно свирѣпствовала чума, отъ которой, между прочимъ, въ 1773 году, погибло, говорятъ, въ одномъ этомъ городѣ до двухсотъ тысячъ душъ. Въ послѣдній разъ чума была здѣсь въ 1831 году и, послѣ ея носѣщенія, городъ совершенно обезлюдѣлъ. Жители вымирали цѣлыми семьями. Много домовъ, съ роскошными садами и финиковыми рощами, осталось безъ владѣльцевъ и поступило въ государственную собственность.

По возвращеніи изъ прогулки по Бассорѣ, Маргиль показался мнѣ настоящимъ раемъ. Торговое заведеніе или „факторія“ гг. Линчъ и К^о обнесено стѣнами, въ чертѣ которыхъ помѣщаются также мастерскія, склады каменнаго угля, машинное отдѣленіе и прессовальня для шерсти. Передъ погрузкой на суда, тюки съ шерстью кладутся подъ гидравлическій прессъ, давленіемъ котораго они приводятся къ возможно меньшему объему. Тутъ же рядомъ выросла цѣлая почти деревня, населенная работающими при факторіи туземцами. Шейкомъ въ этой деревнѣ — капитанъ Картеръ. Слово его служить закономъ. Онъ рѣшаетъ всѣ тяжбы и пререканія, лечитъ больныхъ и снабжаетъ ихъ лекарствами. Онъ довольно искусный медикъ, говоритъ по-арабски не хуже туземца и выучился повелѣвать еще въ бытность свою капитаномъ борабля. При такихъ обстоятельствахъ немудрено, что онъ пользуется здѣсь почти неограниченнымъ вліяніемъ. Роскошный комфортъ холостой его квартиры и радушное гостепримство хозяина остаются въ числѣ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моего путешествія.

Капитанъ завелъ себѣ для развлечения настоящей звѣринецъ, въ которомъ при мнѣ, кромѣ множества самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ птицъ и обезьянъ, былъ также молодой левъ подростокъ, величиной съ добрую ньюфаундлендскую собаку. Онъ разгуливалъ прежде на свободѣ по всей факторіи, но теперь посаженъ на цѣпь за то, что не сумѣлъ ужиться въ мирѣ съ прежнимъ своимъ товарищемъ, англійскимъ бульдогомъ „Подемъ“. Подруга „Поля“ „Вирги-

ніа“ сильно пострадала отъ юнаго царя звѣрей во время ссоры за обладаніе востью, и съ тѣхъ поръ Поль не можетъ спокойно смотрѣть на львенка, которому въ непродолжительномъ времени предстоитъ впрочемъ совершить большое путешествіе моремъ: его предполагаютъ отправить въ лондонскій зоологическій садъ.

Въ предшествовавшій рейсъ вверхъ по Евфрату, съ палубы парохода пассажиры застрѣлили четырехъ львовъ.

Львы были на маленькомъ островѣ и внезапное повышеніе воды въ рѣкѣ отрѣзало имъ возможность отступленія на берегъ. Самый большой изъ убитыхъ львовъ вѣсилъ триста-пятьдесятъ фунтовъ, и его замѣчательная по красотѣ шкура поднесена была въ подарокъ моему пріятелю Финнису.

Обыкновенно въ Месопотаміи львы не обладаютъ темной, густой гривой, составляющей отличительную черту африканскаго льва, но иногда, по теченію Керуна, попадаются индивидуумы съ длинной, черной гривой. Туземцы усматриваютъ въ характерѣ этихъ разновидностей большое различіе и считаютъ безгривыхъ львовъ мусульманами, а львовъ съ гривой—кафирами (невѣрными). При встрѣчѣ со львомъ-мусульманиномъ, можно, обратившись къ нему съ подлежащимъ увѣщаніемъ и произнеся исповѣданіе вѣры, рассчитывать на то, что онъ смиляется; отъ не вѣрующаго же льва-кафира ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать пощады.

Время проходило у насъ какъ во снѣ. Между тѣмъ какъ мои друзья занимались днемъ дѣлами, я лежалъ на травѣ въ саду, гдѣ рядомъ съ финиковыми пальмами росли померанцевня, лимонныя и тутовныя деревья; при этомъ вѣрный слуга Магометъ стоялъ всегда на готовѣ, чтобъ подать мнѣ кофе или трубку. Такая жизнь казалась еще пріятнѣе послѣ однообразія длиннаго морскаго путешествія. Тѣмъ не менѣе приходилось проститься съ Марилемъ и его радушнымъ хозяиномъ, чтобъ сѣсть снова на пароходъ и отправиться въ Багдадъ — конечную цѣль нашего путешествія.

«Лондонъ» и «Дэйл» или «Тигръ», два желѣзные парохода, съ боковыми колесами, построены специально для рѣчнаго плаванія и снабжены сильными машинами, необходимыми для того, чтобы выгребать противъ быстрого теченія. Корпусъ этихъ пароходовъ обить стальными листами, длина пароходовъ 175 футовъ; они доскодонные и даже при полномъ грузѣ сидятъ въ водѣ не болѣе, какъ на три съ половиной фута.

Въ сорока миляхъ выше Бассоры, при слиянїи Тигра съ Евфратомъ, стоитъ Кернахъ. Намъ приходилось держаться правой стороны и подниматься вверхъ по Тигру, на берегу котораго расположенъ Багдадъ. Согласно преданію, тамъ, гдѣ теперь Кернахъ, находился нѣкогда садъ эдема. Но увы, мы тщетно искали между мазанками несчастнаго арабскаго городка остатковъ рая—мы не только не нашли тамъ «древа познанія добра и зла», но вообще не встрѣчали даже никакого обыкновеннаго дерева. Возможно ли также, чтобы эти загорѣлыя и какъ бы полузрслыя дѣти пустыни, кишашія по берегамъ рѣки—были потомки нашихъ прародителей? Если такъ, то мы видимъ тутъ практическое доказательство вырожденія человѣческой породы. Недалеко отъ Кернаха, десять лѣтъ тому назадъ, пошелъ ко дну корабль съ грузомъ достопамятныхъ древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, производившихся въ Ниневїи иждивеніемъ французскаго правительства. Большая часть груза состояла изъ прекрасныхъ мраморныхъ плитъ, покрытыхъ клинообразными надписями. Потери эта невознаградима для антикваріевъ. Пароходъ нашъ «Лондонъ» держался ближе къ берегу, гдѣ теченіе было не такъ сильно, какъ по срединѣ рѣки. Рѣка очень извилиста и часто въ вѣвучьхъ изгибахъ мы подходили такъ близко къ берегу, что можно было бы, кажется, соскочить съ палубы на отмаль. Вода стояла очень высоко: во многихъ мѣстахъ она заливала низкие берега и образовала широкія ягуны, надъ которыми взлетали цѣлыя стаи утокъ, цапель и другой болотной дичи, искутанной нашимъ появленіемъ. Земледѣльцы, чтобы защитить отъ воды

жосъвъзвращеники и ячменя; укрепляютъ плотины, которыми обра-
 бованы поля, гливной, сибирянской съ жесткой травой (и съ тростни-
 комъ). Путь уже не видать бордюра финиковыхъ пальмъ, придаю-
 щихъ столько прелесть берегамъ Евфрата на протяжении отъ Салива
 до Бериха. Вдоль рѣки тянутся плодородныя наивышя равнины,
 плодотная, когда оны не воздѣланы, покрыты высокой жесткой тра-
 вой. Я напоминаю американскія преріи Великаго Запада. На степяхъ
 равнинахъ пасутся огромныя стада рогатого скота, овецъ съ тру-
 бой шерстью и буйволовъ, гладкая черная шерсть и могучія плечи
 которыхъ какъ бы указываютъ на отдаленное родство съ бегемотомъ;
 буйволы обыкновенно валяются въ грязи или стоятъ въ водѣ; погру-
 жившись въ нее такъ, что наружу высовывается одна линия толера.
 Деревни состоятъ изъ ханановъ, все население которыхъ — мужчины,
 женщины, дѣти и собаки — выснаютъ на берегъ осмотрѣть насъ про-
 ходящій пароходъ. Въ нѣкоторомъ правостороннемъ отъ берега выд-
 ваются черныя шатры бедуиновъ съ насунувшимся вокругъ нихъ
 войлокомъ. Таковы были самыя характеристическія сцены, видѣнныя
 нами въ продолженіи первыхъ двухъ дней путешествія. Въ вечеръ
 выдвинулись впередъ мы пристали къ берегу и посетили лагерь
 бедуинскаго шейха. Большіе и малые шатры, обитыя войлокомъ
 и черной козьею шерстью, были раскинуты безъ всякаго опредѣ-
 леннаго порядка. Осторожно пробравшись, чтобъ не смѣститься ошесты
 началомъ, мы вошли въ жилище начальника, который встрѣтилъ
 насъ у входа, пригласилъ съѣсть на коверѣ и угостилъ черными
 кофе, козьимъ молокомъ, сыромъ и другими арабскими лакомствами,
 изъ которыхъ послѣдовала необходимая трубка. Внутри палатки оба-
 зывались гораздо худобѣе, чѣмъ это можно было предположить,
 судя по наружному ихъ виду, и были убраны лучше, нежели и были
 и дѣла. Верхняя часть шатра была подбита желобатой матеріей, а
 въполѣ устланъ коврами и ковками; куражумъ (сѣдельный сумъ),
 сѣдла, утварь и оружіе были развѣшены на стѣнкахъ или лежали
 сполна близъ входа. Посѣщеніе наше продолжалось недолго, а

разговоръ не могъ быть очень оживленъ, такъ какъ производился исключительно лишь знаками. Шейкъ былъ вообще очень вѣжливъ и любезенъ, и постоянно кланялся, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Выйдя изъ палатки, мы остановились, чтобы полюбоваться прекрасной чистокровной кобылой, желѣзно-сѣраго цвѣта, которая была привязана къ колу, воткнутому въ землю. Ея изогнутая шея, прекрасныя раздувающіяся ноздри, умные глаза и стройныя ножки въ состояніи бы вскружить голову не одному страстному любителю лошадей. Съ подобнымъ животнымъ бедуинъ никогда не расстаётся: если оно умираетъ, то все племя надѣваетъ трауръ.

На второй день послѣ отъѣзда изъ Маргила, мы плыли мимо гробницы Ездры, большого живописнаго зданія, увѣчаннаго огромнымъ зеленымъ куполомъ. Его окружаютъ финиковыя и ивовыя рощи и такъ какъ на плоскихъ равнинахъ гробница эта представляетъ единственный выдающійся предметъ, то ее видно издали, на разстояніи многихъ миль. Это священное мѣсто для евреевъ, которые, въ извѣстныя времена года, стекаются сюда толпами справлять свои праздники.

Впродолженіе трехъ дней мы плыли мимо необработанныхъ и почти ненаселенныхъ равнинъ. Иногда только появлялись большіе холмы, обозначавшіе мѣсто, гдѣ когда-то находились многолюдные города, теперь же бродили тамъ шакалы и дикіе звѣри пустыни. Цѣлая сеть каналовъ, засыпанныхъ въ настоящее время пескомъ, дѣлала въ былыя времена эту страну чрезвычайно плодородной.

Дичи тутъ пропасть, такъ что стрѣльба съ палубы „Лондона“ почти не прекращалась. Кромѣ взлетающей во множествѣ водяной птицы, какъ-то пеликановъ, журавлей, цапель, утокъ, были также дикіе кабаны, шакалы и антилопы.

Зимой за дикимъ кабаномъ охотятся здѣсь верхомъ съ копьями, и это въ высшей степени возбуждающая и вмѣстѣ съ тѣмъ опасная забава. Финнисъ былъ отличный стрѣлокъ и случалось убивать изъ своей далеко хватающей винтовки кабана на разстояніи пятисотъ

ярдовъ. Намъ очень хотѣлось застрѣлить льва, но ни одинъ, какъ нарочно, не попадался намъ на глаза. Офицеры парохода, которые всѣ англичане, принимали дѣятельное участіе въ охотѣ. Капитанъ увѣрялъ смѣясь, что онъ не посмотритъ на такую мелочь, какъ дикіе кабаны и антилопы, и что онъ остановитъ свой пароходъ только развѣ чтобы поднять убитаго льва.

Наканунъ нашего прїѣзда въ Багдадъ, мы достигли Ктезифона, гдѣ находится одна изъ самыхъ прекрасныхъ развалинъ по Тигру. На противоположномъ берегу идетъ рядъ холмовъ, обозначающій мѣсто, занимаемое когда-то Селевкїей, которая, подобно Ктезифону, была почти вся построена изъ остатковъ Вавилона. Все, что остается теперь отъ Ктезифона, бывшей гордой столицы парянской монархіи, это огромная колоннада въ сто шесть футовъ высотой, служившая преддверіемъ сводчатой залы около ста пятидесяти футовъ глубиной. Фасадъ зданія, центръ котораго составляетъ это колоннада, около трехсотъ футовъ длиной и украшенъ четырьмя рядами колоннъ, между которыми тянутся сводчатые корридоры. Какъ великолѣпенъ долженъ былъ быть самъ дворецъ, если однѣ его сѣни, служащія входомъ, имѣютъ сто футовъ высоты! Строеіе окружаютъ цѣлыя холмы битыхъ кирпичей и обломковъ глиняной посуды и стекла.

Въ полумилѣ отъ дворца находятся двѣ мечети, въ которыхъ также стекаются для поклоненія магометане. Въ одной погребенъ цирюльникъ пророка, а въ другой его погонщикъ ослонъ. Гробницы эти, хотя и очень древни (если онѣ подлинны, то имъ около тринадцати столѣтій), кажутся однако новыми въ сравненіи съ развалинами Ктезифона, которыя старше ихъ на цѣлыя пять столѣтій.

Наконецъ на шестой день послѣ отплытія изъ Бассоры, какъ-разъ во время солнечнаго восхода, когда воздухъ былъ еще полонъ аромата померанцовыхъ цвѣтовъ, мы вошли въ длинное колѣно Тигра, по обоимъ берегамъ котораго построенъ Багдадъ, и передъ нами открылся „городъ халифовъ“ съ его сводчатыми куполами и высокими минаретами.

основаны школы и въ нихъ съ усильемъ занимаются науками. Багдадскіе ремесленники славились своимъ искусствомъ и изобрѣтательностью; такъ мы читаемъ о водяныхъ часахъ, сдѣланныхъ въ мастерскихъ Багдада и подаренныхъ однимъ изъ халифовъ французскому королю. Въ то время Багдадъ былъ несомнѣнно самымъ богатымъ и блестящимъ въ мірѣ городомъ.

Въ лѣтописяхъ одного арабскаго писателя (Абульфеда) содержится описаніе великолѣпнаго приѣма, сдѣланнаго однимъ изъ халифовъ греческому послу. Къ приѣму посла собрано было до ста шестидесяти тысячъ войска. Самъ халифъ, окруженный своими главными сановниками и любимыми рабами, покрытыми золотомъ и драгоценными камнями, походилъ на планету, посреди млечнаго пути звѣздъ. До восьми тысячъ черныхъ и бѣлыхъ евнуховъ и офицеровъ низшихъ чиновъ составляли такъ сказать второстепенную свиту. Шелковые и шитые золотомъ обои (до тридцати восьми тысячъ кусковъ) украшали стѣны дворца, а на деревьяхъ, искусно сдѣланныхъ изъ серебра и золота, сидѣло множество различныхъ птицъ, пѣніемъ и движеніями которыхъ управлялъ особый механизмъ. Двадцать двѣ тысячи ковровъ покрывали землю, а въ Тигру предъ окнами дворца плавало тысяча богато украшенныхъ кораблей.

Вотъ какія яркія картины пышности этого знаменитаго города рисуютъ намъ ранніе лѣтописцы. Но богатство, благоденствіе и обиліе сокровищъ, приобретенныхъ первыми арабскими завоевателями, благодаря ихъ храбрости и воледержности, поведи потомковъ ихъ къ роскоши и извѣженности. Когда же окончилось царствованіе послѣдняго изъ такъ называемыхъ багдадскихъ халифовъ, а въ средѣ вступившей послѣ нихъ на престолъ династіи начались междоусобія, то Багдадъ сдѣлался легкой добычей для персіянъ, татаръ и турокъ, которые все поочередно овладѣвали имъ и грабили его. Населеніе этого города во время его процвѣтанія должно было быть очень многочисленно. Говорятъ, что когда въ тринадцатомъ столѣтіи имъ овладѣлъ татарскій предводитель Халаку, то триста тысячъ

его защитниковъ были умерщвлены, двѣсти же лѣтъ спустя, когда Багдадъ опустошили побѣдоносныя орды Тамерлана, то у воротъ города, по его приказанію, были воздвигнуты двѣ пирамиды, построенныя изъ головъ девяноста тысячъ самыхъ вліятельныхъ жителей. Принимая во вниманіе эту полную кровопролитію исторію города, не понятно, по какой странной несообразности, онъ получилъ и до сихъ поръ удерживаетъ свое арабское названіе, означающее обитель мира.

Но прежде нежели я приступлю къ описанію современнаго Багдада, мнѣ кажется не лишнимъ посвятить одну главу историческому очерку его халифовъ, царствованіе которыхъ началось со смерти перваго основателя ислама и продолжалось до половины тринадцатаго столѣтія.

Изъ краснорѣчивыхъ страницъ Гиббона, позднѣйшіе историки извлекли нелестныя, но вѣрныя картины состоянія христіанства въ то время, когда „ложный пророкъ изъ Мекки“ проповѣдывалъ свою новую религію единства Божія, и его послѣдователи, поднявъ боевой крикъ „побѣда или рай“, неудержимымъ потокомъ разлились по равнинамъ Азіи и Египта.

Непосредственнымъ преемникомъ Магомета былъ одинъ изъ самыхъ первыхъ и преданныхъ его послѣдователей, Абу-Бекръ. Отвергнувъ всѣ пышныя эпитеты царской власти, онъ принялъ простые и скромныя титулы „халифа“ и „главы правовѣрныхъ“. Названіе „Сарацинъ“ происходитъ должно быть отъ арабскаго слова „шаракъ“, означающаго восточные народы, какъ обыкновенно называли магометанъ, въ противоположность европейскимъ націямъ. Послѣ короткаго царствованія Абу-Бекра, на престолъ вступилъ Омаръ, второй халифъ, военачальники котораго, во главѣ мусульманскихъ полчищъ, перешли черезъ пустыню въ Дамаскъ, завладѣли Іерусалимомъ, опустошили Сирію и распространили власть сарацинъ надъ Египтомъ и Персіей. У историковъ говорится о посѣщеніи Іерусалима халифомъ Омаромъ, послѣ того какъ побѣдоносныя его войска взяли упорно и мужественно защищавшійся городъ Давида и Соломона.

При торжественномъ своемъ вѣздѣ въ Іерусалимъ халифъ видомъ своимъ и костюмомъ не отличался отъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ. Одежду его составляло грубое шерстяное платье, съ одной стороны на перевязи висѣлъ у него мечъ, а съ другой лукъ. Онъ ѣхалъ на рыжемъ верблюдѣ, веза съ собою въ двухъ мѣшкахъ дорожную провизію; къ сѣдлу былъ привязанъ кожаный мѣхъ съ водою, а сзади висѣлъ деревянный ковшъ. Когда халифъ останавливался на пути, то все общество приглашалось раздѣлить его пищу и самый скромный изъ сопровождавшихъ его погружалъ пальцы въ то же блюдо, какъ и могущественный преемникъ пророка. Утромъ передъ выступленіемъ съ мѣста ночлега всегда читались предписанныя кораномъ молитвы. Бережливость и умѣренность Омара составляютъ рѣзкій контрастъ съ роскошью и расточительностью нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, въ сундуки которыхъ лились богатства Востока и которые безразсудно растрачивали ихъ.

По приказанію халифа, мѣсто, на которомъ стоялъ храмъ Соломона, было очищено отъ мусора и на немъ положили основаніе мечети. Въ продолженіе уже двѣнадцати столѣтій святой городъ находится во власти магометанъ. Крестоносцы, не смотря на геройскіе ихъ подвиги, были въ состояніи освободить его только на какихъ нибудь девяносто лѣтъ.

Вскорѣ послѣдовало завоеваніе Антиохіи, одной изъ твердынь греческой имперіи и Гераклій спасся только съ нѣкоторыми приверженцами и достигъ Средиземнаго моря, гдѣ онъ сѣлъ на корабль и отправился въ Константинополь. Еще въ самомъ началѣ царствованія Омара вниманіе его было привлечено богатствами Халдеи, столь славившейся своимъ плодородіемъ, великолѣпнѣею городовъ, обширнымъ развитіемъ промышленности и многочисленностью стадъ и табуновъ. Войска Персіи были такъ же слабы, какъ и во времена Дарія Кодомана, имперія не выдержала стремительнаго натиска арабовъ и скорѣе передъ ними раскрылись сокровища Персіи и Месопотаміи, изумившія ихъ своимъ богатствомъ. Послѣ десяти лѣтъ царствованія и самаго блестящаго ряда завоеваній халифъ Омаръ палъ жертвой кинжала убійцы. Память этого халифа, отличавшагося набожностью,

справедливостью, воздержаніемъ и простотой, высоко чтится магометанами; у арабскихъ историковъ мы встрѣчаемъ множество разсказовъ о его добродѣтеляхъ. Такъ приводить разговоръ, происшедшій между греческимъ императоромъ Геракліемъ и нѣкоторыми изъ мусульманскихъ цѣлниковъ. „Каковъ дворецъ вашего халифа?“ спросилъ Гераклій. — „Изъ глины.“ — „Кто составляетъ его свиту?“ — „Нидіе и бѣдныя люди.“ — „Изъ чего сдѣланъ его престолъ?“ — „Изъ воздержности и мудрости.“ — „Какія у него совровища?“ — „Вѣра и упованіе на Бога!“ — „А кто его стража?“ — „Самые храбрѣе изъ правовѣрныхъ.“ При Отманѣ, преемникѣ Омара, сарацины завоевали значительную часть сѣверной Африки и покореніемъ племени въ западу отъ Египта, подготовили путь себѣ для послѣдующаго вторженія въ Европу.

Третьяго халифа постигла та же участь, какъ и его предшественника; онъ погибъ отъ руки убійцы.

Двадцать четыре года спустя послѣ смерти пророка, престолъ халифата занялъ зять Магомета, Али, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и преданныхъ его послѣдователей. Принявъ на себя царское и первосвященническое достоинство, онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ въ одеждѣ обычную простоту. Такъ напримѣръ, въ день своего посвященія онъ отправился въ мечеть, одѣтый въ мантию изъ самой простой бумажной матеріи, которая обхватывалась поясомъ, на головѣ его была грубая чалма, въ одной рукѣ онъ держалъ туфли, а въ другой лукъ, служившій ему вмѣсто трости.

Халифа этого, бывшаго не только храбрымъ воиномъ, но и поэтомъ, и ученымъ, приверженцы его превозносили до небесъ. Книга правилъ и поэмъ, приписываемая арабскими учеными халифу Али, остается до сихъ поръ памятникомъ его мудрости и учености.

Бъ сожалѣнію, спокойствіе его царствованія часто нарушалось возстаніями и политическими смутами. Послѣдователи ислама впервые обратили свое оружіе другъ на друга и обогрели его мусульманской кровью. Они раздѣлились на двѣ непримиримыя секты, шитовъ и

и суннитовъ, существующія и теперь. Сначала различіе между суннитами и шиитами скорѣе политическій, нежели религіозный характеръ. Сунниты, преобладающе до сихъ поръ въ Аравіи и Египтѣ, называютъ себя правовѣрными и признаютъ рядомъ съ жераномъ сунны, то есть извѣстныя преданія Магомета, подтвержденныя первымъ халифомъ Абу-Бакромъ и его преемниками. Другая же секта, шиитовъ, утверждаетъ, что Али, двоюродный братъ и зять Магомета, долженъ быть по божественному праву быть его непосредственнымъ преемникомъ и что поэтому какъ первые три халифа, такъ и всѣ ихъ потомки, занимавшіе впоследствии престолъ, были узурпаторами. Персіане и магометане Индіи и нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ странъ — шииты; вражда ихъ съ суннитами до сихъ поръ очень ожесточенна. Однако, когда во время священнаго мѣсяца, рамайдана, въ Мекку стекаются съ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ магометанскаго міра сунниты и шииты, то во все время посѣщенія священныхъ мѣстъ ихъ религіи, между ними дѣло никогда не доходитъ до открытой драки, какъ это часто случается въ Иерусалимѣ между различными сектами христіанскихъ пилигримовъ.

Ужъ и добродѣтели Али не спасли его, однако, отъ насильственной смерти, сынъ же его, Гассанъ, наследовавшій благочестіе отца, не обладалъ мужествомъ и энергіей, необходимыми для управленія свободнымъ народомъ. Онъ вскорѣ отказался отъ престола и удалился въ Медину, гдѣ и посвятилъ свою жизнь дѣламъ благочестія и милосердія.

Его преемникъ, Моавія, шестой халифъ, былъ первымъ изъ династии Оммайдовъ, которыхъ обыкновенно зовутъ халифами Сириіи, такъ какъ столицей ихъ былъ Дамаскъ. Впродолженіи періода царствованія этой династии (неполныхъ сто лѣтъ) двенадцать халифовъ смѣнилось на престолѣ и изъ нихъ семеро понидло отъ руки убійцъ. Между тѣмъ Акбаръ, завоеватель Египта, подчинилъ себѣ великую пустыню, атласскій горный хребетъ и дикую въ то время страну, гдѣ мусульмане построили впоследствии величественныя столицы Фецъ и Марок-

во. Тутъ путь его былъ прегражденъ безпредѣльнымъ океаномъ, но и это не могло охладить духа предприимчиваго вождя. Пришоривъ своего коня, онъ заставилъ его войти въ воду и воскликнулъ, поднявъ глаза къ небу: „Великій Боже! еслибъ не океанъ на моемъ пути, я продолжалъ бы подвигаться въ неизвѣстныя области запада, проповѣдуя единство твоего святаго имени и истребляя мечомъ непокорные народы, которые не захотятъ признать Тебя!“ Передъ окончаніемъ царствованія Оммайядовъ, владѣнія мусульманъ распространились отъ Инда до Геркулесовыхъ Столбовъ. Но и тутъ знамя полумѣсяца не остановилось. Мавры переправились изъ Африки на Пиренейскій полуостровъ и, занявъ самыя плодородныя его провинціи, положили основаніе государству, въ которомъ впослѣдствіи прославилось Гранада. Затѣмъ побѣдоносные предводители мавровъ составили смѣлый планъ завладѣть всей Европой. Они рѣшились вторгнуться въ нее во главѣ обширнаго сухопутнаго и морскаго войска, перейти Пиренеи, ниспровергнуть въ Галліи королевство франковъ, въ которомъ въ то время, вслѣдствіе борьбы двухъ враждовавшихъ династій, происходили смуты, затѣмъ сломить могущество ломбардовъ въ Италіи и посадить на престолъ святаго Петра арабскаго имама.

Далѣе, покоривъ варварскія германскія племена, они намѣревались спуститься по теченію Дуная до самаго Чернаго моря и соединиться тамъ подъ стѣнами Константинополя со своими соотечественниками *).

Отъ этой грозы христіанство было спасено единственно лишь гениемъ и счастьемъ Карла Мартелла. Прозвищемъ Мартелла или молота онъ обязанъ огромной палицѣ, служившей ему наступательнымъ оружіемъ.

Мартеллъ остановилъ сарацинъ при Турѣ и заставилъ ихъ отступить. Это было первое серьезное пораженіе, испытанное арабами въ Европѣ. Тогда они обратили свое оружіе на востокъ, и надѣя-

*) Исторія Аравіи Креатона.

лись, овладѣвъ Константинополь, и утвердившись на развалинахъ Византійской имперіи, разгромить въ послѣдствіи Европу.

Около половины восьмага столѣтія на престолѣ Оммайядовъ вступила новая династія, происходившая отъ Аббаса, дяди Магомета. Аббасиды, какъ ихъ обыкновенно называютъ, избрали своей столицей Багдадъ и потому извѣстны подъ именемъ халифовъ Багдадскихъ. Болѣе пяти столѣтій (отъ восьмага до тринадцатаго вѣка) управляли они восточнымъ міромъ съ перемѣннымъ счастьемъ и могуществомъ.

Въ продолженіе этого періода тридцать два халифа послѣдовательно занимали престолъ. Во время апогея своего могущества эти магометанскіе государи были самыми сильными и неограниченными правителями на землѣ. Халифы соединяли въ своемъ лицѣ царскую и первосвященническую власть; законъ, обязывающій ихъ руководствоваться указами корана, не стѣснялъ ихъ, такъ какъ они удержали за собой право быть непогрѣшимыми судьями и толкователями изреченій этой священнѣйшей для магометанъ книги.

Багдадъ основанъ халифомъ Альмансоромъ въ 145 году эгиръ (763 году по Р. X.). Изъ всего длиннаго ряда его преемниковъ даже людямъ, занимающимся исторіей, извѣстны лишь имена нѣкоторыхъ халифовъ. Но пока будетъ продолжаться очарованіе, производимое сказками „Тысяча и одной ночи“, имя пятаго багдадскаго халифа Гарунъ-Аль-Рашида не изгладится изъ памяти какъ христіанскаго, такъ и языческаго міра. Въ его девятнадцатилѣтнее царствованіе Багдадъ достигъ вершины своего величія и славы. Эта великолѣпная столица, живописно расположенная на берегахъ Тигра, служила средоточіемъ могущества и роскоши халифовъ и, казалось, вполне заслуживала названій „города волшебницы“ и „обители мира“.

Этотъ халифъ, имя котораго, благодаря восточной поэзіи, сдѣлалось намъ знакомо, былъ чрезвычайно либеральнымъ и гуманнымъ правителемъ и славился какъ воинъ, государственный челоувѣкъ и ученый. Гарунъ-Аль-Рашидъ старался входить въ сноше-

ніа со всѣми классами своихъ подданныхъ, такъ что объ его личныхъ приключеніяхъ во время странствованій по улицамъ столицы существуетъ множество анекдотовъ, заботливо сохранныхъ историками. Привлекательность этихъ приключеній еще болѣе увеличивается поэтическими воспоминаніями, связанными съ именемъ прекрасной добродѣтельной супруги его Зобеиды. Кто былъ авторомъ „Тысячи и одной ночи“ — въ достовѣрности неизвѣстно, но я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на мраморную гробницу Чузери (въ сѣверной Индіи близъ Дели), и унесъ даже нѣсколько розовыхъ лепестковъ на память о томъ, кого почитаютъ сочинителемъ этихъ сказокъ. И теперь еще, когда я брожу по улицамъ Багдада и моимъ глазамъ представляются наяву многія изъ сценъ, плѣнявшихъ нѣкогда мое юное воображеніе, то самыя чудесныя изъ волшебныхъ сказокъ принимаютъ видъ правдоподобія.

Альмамунъ, сынъ и преемникъ Гарунъ-Аль-Рашида (или Аарона правосуднаго), считается самымъ расточительнымъ и щедрымъ изъ всѣхъ багдадскихъ халифовъ. На своей свадьбѣ онъ подарилъ невѣстѣ тысячу жемчужинъ самой крупной величины, устроилъ для народа лотерею, въ которой разыгрывались цѣлыя участки земли и дома, и послѣ свадебнаго обряда, прежде нежели сойти съ коня, роздалъ бѣднымъ 2,400,000 золотыхъ динарій (5,000,000 долларовъ) что составляетъ около трехъ четвертей дохода съ Месопотаміи.

Его называли Мecenатомъ востока, ученые со всѣхъ странъ свѣта приглашались въ Багдадъ, гдѣ ихъ окружали всевозможнымъ почетомъ. Конечно, отъ нихъ требовали, чтобъ они, въ свою очередь, въ благодарность за оказываемыя имъ милости, превозносили въ стихахъ и прозѣ славу своего щедратаго покровителя.

Исторія багдадскихъ халифовъ, начиная со временъ ихъ величайшаго процвѣтанія и до взятія Багдада татарскими ордами въ 1258 году, представляетъ рядъ картинъ, обнаруживающихъ постепенно увеличивавшееся развращеніе и упадокъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженность и слабость самихъ правителей. Въ царствованіе послѣднихъ калифовъ повсюду въ провинціяхъ открывались возмуще-

нія. Нерѣдко возмущенія эти удавались и предводители бунтовщиковъ становились самостоятельными государями. Вся государственная администрація прониклась продажною и подкупомъ.

Начались ожесточенныя религіозныя распри, доходившія до того, что несогласныя между собой секты ненавидѣли другъ друга сильнѣе, нежели невѣрныхъ. Порокъ и распутство господствовали повсюду. Сарацины, подобно другимъ великимъ народамъ древности, обазались болѣе способными завоевывать государства, нежели сохранять завоеванное.

Дивія татарскія племена разлились по плодороднымъ равнинамъ Месопотаміи, и со взятіемъ Багдада оканчивается собственно исторія сарацинъ, какъ военной и политической націи. Вторая династія халифовъ изъ дома Аббасидовъ удержала еще на двѣсти пятьдесятъ лѣтъ номинальную верховную власть въ дѣлахъ религіи, но Багдадъ пересталъ уже быть центромъ могущественнаго государства, онъ сталъ постепенно опускаться и превратился наконецъ въ обыкновенный главный городъ провинціи. Турецкіе султаны, пріобрѣта въ шестнадцатомъ столѣтіи верховную власть надъ Аравіей, не называли уже себя, подобно халифамъ, преемниками апостола Божія.

Въ Египтѣ жилъ еще отдаленный отпрыскъ рода халифовъ, предки котораго, при взятіи Багдада монголами, бѣжали въ Каиръ. Султанъ Селимъ пригласилъ этого послѣдняго представителя священнаго рода въ Константинополь, гдѣ онъ и былъ окруженъ всѣми знаками почета и уваженія. Передъ смертію онъ формально отрекся въ пользу султана отъ своихъ правъ на халифатъ и передалъ ихъ ему. Этотъ повидимому пустой титулъ оказалъ очень полезнымъ турецкимъ государямъ для подчиненія своему авторитету арабскихъ племенъ и вообще благочестивыхъ мусульманъ всего міра. Турецкій султанъ признается теперь „главою правовѣрныхъ“.

Глава XVII.

Городъ волшебницы.

Приближеніе къ Багдаду.—Виды на Багдадъ съ рѣки. — Резиденція. — Британская канонерская лодка и синаи.—Гуфа.—Единственная въ своемъ родѣ лодка.—Каллекъ.—Дворецъ паши.—Арсеналь. — Половина мечети. — Недостатокъ туристовъ въ Багдадѣ.—Обзоръ города съ высоты птичьего полета.—Байтманъ.—Гробница Зобейды.—Аккеръ Гуфъ.—Взглядъ за-кулиси.—Жилища безъ кровли.—Домашняя жизнь.—Дома и улицы.—Затѣніе луны.—Изгнаніе злыхъ духовъ.—Факиры и дервиши.—Профессора чернокнижія.—Религіозное шарлатанство.—Обличеніе его развитыми мусульманами.—Суевѣріе простого народа.

Самое благопріятное впечатлѣніе о Багдадѣ можно получить весной, приближаясь къ нему раннимъ утромъ (какъ мнѣ и удалось это сдѣлать). На разстояніи нѣсколькихъ миль мы плыли мимо рождѣ финиковыхъ пальмъ и померанцевыхъ деревьевъ, цвѣты которыхъ распространяли до удушливости сильный аромать. Тигръ имѣетъ тутъ около полумили ширины и представляетъ широкую, полноводную рѣку, омывающую съ обѣихъ сторонъ зданія и сады. Городъ до половины прятется въ пальмахъ, возвышающихся по всѣмъ направленіямъ надъ зданіями; но еще выше пальмъ возносятся куполы и минареты, украшенные арабесками изъ блестящихъ цвѣтныхъ черепицъ. Дома, расположенные по рѣкѣ, не отличаются ни высотой, ни затѣливой архитектурой. Это, очевидно, нѣчто въ родѣ дачныхъ домиковъ, безъ всякихъ претензій на дѣловой характеръ. Многочисленные рѣ-

летчатая ставни, выдающіяся окна и галлерей, выходящія на рѣку, придаютъ домамъ пріятный и живописный видъ. Передъ фасадами многихъ домовъ находятся садики съ благоухающими весенними цвѣтами и рѣшетчатыми бесѣдками изъ дерева или парусины, сидѣнія и диваны которыхъ такъ и манятъ, кажется, на покой.

Мы медленно плывемъ вверхъ по рѣкѣ мимо дома англійскаго резидента съ прекраснымъ садомъ, въ которомъ мелькаютъ мундиры си-паевъ. На рѣкѣ противъ этого зданія стоитъ англійская канонерская лодка „Комета“. Такъ повсюду на Востоке Великобританія, вмѣстѣ со своими дипломатическими представителями, оставляетъ и эмблемы своего могущества, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Впечатлѣніе, производимое этимъ, полезно и для народа, и для правительства. Пройдя еще немного вверхъ по теченію, мы бросаемъ якорь близъ таможи, гдѣ оба берега соединяются между собой пловучимъ мостомъ, устроеннымъ на судахъ. Насъ тотчасъ-же окружаютъ лодки крайне оригинальнаго устройства, такъ-называемыя гуфы, употребляющіяся тутъ съ самыхъ древнихъ временъ. Я думаю, самъ Ноевъ ковчегъ возбудилъ бы на берегахъ Темзы или Гудсона менѣе удивленія, чѣмъ багдадская гуфа. Она сплетена изъ мелкихъ древесныхъ вѣтвей и покрыта снаружи толстымъ слоемъ черной горной смолы, украшеннымъ иногда раковинами. Гуфы совершенно круглы, нѣсколько суживаются въ верху и отъ 8 до 10 футовъ въ діаметрѣ. При видѣ ихъ, мнѣ тотчасъ-же вспомнилась дѣтская сказка „О трехъ мудрыхъ мужахъ изъ Готтима, отправившихся по морю въ тазу“. Для неопытнаго глаза гуфа кажется въ высшей степени неудобной лодкой; однако двое людей съ короткими веслами очень скоро переправляются въ ней черезъ быструю рѣку; кромѣ того, она представляетъ еще и то удобство, что, благодаря своей легкости, выносить относительно большія тяжести: такъ, въ ней можно перевозить столько людей, сколько ихъ вмѣстится стоя, до двадцати овецъ и иногда даже лошадей. Недалеко отъ насъ у берега стоялъ другой перевозочный снарядъ, исключительно употребляющійся на берегахъ Месопотаміи. Это плоть изъ кожъ, такъ-называемый

валлеъ, который спустился сюда по Тигру изъ Мосула, расположеннаго на 500 миль выше. Лѣсъ и куски кожи, изъ которыхъ онъ построенъ, такъ и произведенія, составляющія его грузъ, привезены въ Багдадъ на продажу.

По восточному берегу, выше плывучаго моста, большое пространство занято садами и низкими строеніями, принадлежащими ко дворцу наши. Тутъ почти всегда можно видѣть офицеровъ и солдатъ, служащихъ при домѣ губернатора; одни гуляютъ группами, другіе-же, пуская облака дыма, отдыхаютъ на диванахъ подъ широкими верандами. На противоположномъ берегу находится большое строеніе съ высокой дымовой трубой, единственный предметъ, не носящій на себѣ восточнаго характера. Это казенный арсеналь и машинныя мастерскія, въ которыхъ, подъ надзоромъ англійскихъ инженеровъ, строится небольшой желѣзный военный пароходъ. Еще нѣсколько далѣе, по этой-же сторонѣ, наше вниманіе привлекается страннымъ зданіемъ. Это мечеть, полуразрушенная постоянно подтачивающимъ ее быстрымъ теченіемъ рѣки. Одна половина ея высокаго купола еще стоитъ, предоставляя взору свободно проникать въ самую сокровенную глубь святилища.

Въ Багдадѣ, за исключеніемъ этой мечети, всѣ другіе храмы, посвященные мусульманскому богослуженію, недоступны для невѣрныхъ. Впрочемъ, вообще говоря, бывшая столица халифовъ отличалась всегда большою вѣротерпимостью: христіанамъ и евреямъ предоставлялась всегда полная свобода вѣроисповѣданія. Здѣсь какъ-то пріятно чувствовать, что находишься внѣ великаго пути европейскихъ туристовъ. За то когда и по этому направленію проникнуть толпы лондонскихъ ротозѣевъ и наполнять багдадскія улицы, то можно думать, что сила бакшиша раскроетъ тогда для гаууровъ самыя сокровенныя тайники мусульманскихъ святилищъ.

Виды на Багдадъ съ рѣки такъ своеобразны, что они невольно поражаютъ даже путешественника, видѣвшаго Каиръ, Дамаскъ и Константинополь — вотъ почему я постараюсь описать хоть нѣкоторые

изъ нихъ; предѣсть новизны продолжается тутъ долѣе, нежели въ другихъ городахъ Востока.

Пусть читатель позволить мнѣ привести его сперва на одинъ изъ самыхъ высокихъ и удобныхъ пунктовъ для обозрѣнія города. Это полуразвалившійся минареть, возвышающійся надъ „хлопковымъ рынкомъ“. Мечеть, къ которой онъ принадлежалъ прежде, совершенно разрушилась и исчезла. Такъ какъ это мѣсто утратило свой священный характеръ, то мы можемъ безпрепятственно взобраться по его ветхой лѣстницѣ въ галерею (около девяноста футовъ высотой), съ которой, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, муеззинъ съзывалъ правоверныхъ на молитву.

Отсюда передъ нашими взорами разстилается весь городъ и его окрестности на разстояніи нѣсколькихъ миль въ окружности. Мы можемъ прослѣдить линію разрушающихся теперь стѣнъ, замыкающихъ пространство около шестисотъ пятидесяти акровъ, изъ которыхъ застроено не болѣе одной трети. Въ юговосточной части города большія пространства заняты рощами изъ пальмъ и другихъ деревьевъ, между которыми виднѣются развалины когда-то густо заселенной части города: кажется, что сама природа старается скрыть изъ виду грустные остатки минувшаго величія. Къ сѣверу и югу, насколько хватаетъ глазъ, рѣка, ярко освѣщенная лучами утренняго солнца, извивается между густыми рощами пальмъ и померанцовыхъ деревьевъ; по всѣмъ же другимъ направленіямъ пустынная, песчаная равнина подходитъ къ самымъ стѣнамъ города. Въ шести миляхъ вверхъ по рѣкѣ, надъ темной листвою деревьевъ, возвышаются два золотыхъ купола и четыре красивыхъ минарета Каймана. Это кладбище двухъ имамовъ, прямыхъ потомковъ Магомета; оно посѣщается ежегодно многими тысячами пилигримовъ, большинство которыхъ приходитъ изъ Индіи и Персіи. Тутъ же вблизи виднѣется бѣлоснѣжный остроконечный конусъ, воздвигнутый надъ гробницей Зобейды, предѣстной жены Гарунъ-Аль-Рашида. Далѣе, въ десяти миляхъ отъ города, въ пустынѣ одиноко стоитъ башня Акберъ-Туфъ,

около ста-пятидесяти футовъ высотой. Съ наружной стороны ея поднимается спиральный ходъ, придающій башнѣ сходство съ изображеніями Вавилонскаго столпа. Зданіе это очень древне, такъ что путешественники приписывали прежде его построеніе непосредственнымъ потомкамъ Ноя.

Но, между тѣмъ, какъ мы занимаемся разсмотрѣніемъ этихъ отдаленныхъ предметовъ, у нашихъ ногъ представляется глазамъ картина, столь характеризующая Багдадъ, что ее нельзя упустить безъ вниманія. Дома тутъ по большей части двухъ-этажные, съ рядами комнатъ, выходящими окнами въ северъ или во внутренній дворъ. Въ комнатахъ подвального этажа, называемыхъ *сердаубъ*, скрываются днемъ отъ нестерпимаго жара; на плоскихъ же кровляхъ ужинаютъ и проводятъ ночь. Съ нашего наблюдательнаго пункта взорамъ открываются сотни такихъ спаленъ и мы можемъ наблюдать домашнія сцены, характеризующія обычай и нравы багдадскихъ жителей; это живо напоминаетъ описаніе того вида, который представилъ Мадридъ, когда „*Le Diable boiteux*“ снялъ крыши съ домовъ. Въ Багдадѣ встаютъ рано, и такъ какъ солнце уже взошло, то почти вездѣ слуги свертывали постели и уносили ихъ въ нижнія комнаты; только кое-гдѣ оставалось еще нѣсколько запоздавшихъ сонливцевъ, вовсе неподозрѣвавшихъ, что за ними наблюдаетъ чужой глазъ.

Англійскій путешественникъ Бекингамъ, стоявшій на этомъ самомъ мѣстѣ почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, описываетъ слѣдующимъ образомъ происходящую внизу сцену, въ которой, какъ я могъ теперь удостовѣриться, подстолбтіе не произвело никакой перемѣны.

Въ болѣе достаточныхъ классахъ мужъ спитъ на высокой кровати, такъ называемой „*дешигъ*“, сплетенной изъ дерева. Она снабжена матрацомъ и шелковыми или бумажными подушками, покрыта толстымъ стеганнымъ одѣяломъ, но не имѣетъ ни занавѣсей, ни сѣтки отъ москитовъ. Ночной воздухъ тутъ всегда сухъ, а къ утру поднимается свѣжій вѣтерокъ, который утихаетъ вскорѣ послѣ

солнечнаго восхода. Жена не имѣетъ кровати, она спитъ на полу въ почтительномъ разстояніи отъ мужа. Дѣти лежатъ тамъ и самъ на матрацахъ, а рабы или просто слуги на циновкахъ, и притомъ всѣ въ виду другъ отъ друга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спальни отдѣлены между собой низкими перегородками, но это встрѣчается рѣдко и, должно быть, исключительно тамъ, гдѣ живутъ европейцы. На ночь туземцы не раздѣваются, а снимаютъ только верхнее нарядное платье.

Мужъ, проснувшись, молится, а потомъ садится на коверъ, гдѣ жена собственноручно подаетъ ему чубукъ и кофе; исполнивъ это, она удаляется на почтительное разстояніе и ждетъ, скрестивъ руки, иногда даже, принимая чашку или чубукъ, цѣлуетъ руку мужа — знакъ уваженія, очень распространенный на Востоку. Между тѣмъ какъ мужъ нѣжится на коврѣ или подушкахъ, наслаждаясь утренней трубкой, женщины обыкновенно молятся, соблюдая тѣ же обряды и поклоны, какъ и мужчины, дѣти же, моложе двѣнадцати лѣтъ, никогда не участвуютъ въ ихъ молитвахъ.

Но пока мы все еще были заняты нашими наблюденіями, солнце начало чувствительно припекать; спустившись ощупью по темной лѣстницѣ, мы выходимъ въ узкія кривыя улицы, гдѣ еще прохладно и тѣнисто. Стѣны домовъ имѣютъ вообще очень прочный видъ. Строительнымъ матеріаломъ служить крѣпко обожженный кирпичъ свѣтло-коричневаго цвѣта. Округлившіеся углы кирпича показываютъ, что онъ ужь много разъ былъ въ употребленіи, что изъ развалинъ одного зданія его брали на постройку другаго. Новые кирпичи, которые встрѣчаются впрочемъ очень рѣдко, можно тотчасъ же отличить. Узкія немощенныя улицы въ сырую погоду грязны и непрятны. Оконъ или другихъ отверстій, за исключеніемъ тяжелыхъ, окованныхъ желѣзомъ, дверей перваго этажа, мало, но за-то много выдающихся оконъ, фонариковъ, которые какъ бы висятъ надъ улицей и черезъ полузатворенныя рѣшетки которыхъ удается иногда замѣтить пару блестящихъ глазъ. Нѣкто-

рые изъ этихъ навѣсовъ пересѣкаютъ всю улицу и соединяютъ два противоположные дома.

Если бросить взглядъ въ открытыя двери, то вы увидите квадратный дворъ, освѣщенный померанцевыми и лимонными деревьями; часто надъ стѣной возвышается финиковая пальма, листья которой свѣшиваются на улицу. Эти пальмы, одиноко выросшія въ самыхъ населенныхъ частяхъ города, должны обладать особенной живучестью, чтобъ процвѣтать въ подобныхъ мѣстностяхъ. Онѣ не даютъ много тѣни, но ихъ граціозныя формы и перистыя листья пріятны для глаза.

На обратномъ пути въ каравансерай Линча и К°, намъ пришлось проходить мимо высокаго минарета, принадлежащаго къ разрушенной мечети и извѣстнаго подъ именемъ „Минарета Аистовъ“. Птицы эти, пользующіяся большимъ почетомъ, свили себѣ на вершинѣ минарета огромное гнѣздо и спокойно владѣютъ этимъ мѣстомъ. Въ зимніе мѣсяцы онѣ переселяются въ болѣе теплыя страны, — обстоятельство, подавшее поводъ къ повѣрью, будто бы онѣ ежегодно совершаютъ паломничество въ Мекку. Аисты эти до того благочестивы, что если въ то время, какъ они пролетаютъ, нѣсколько человѣкъ воскликнуть: „Аллахъ, Аллахъ!“ то они тотчасъ же бросаются на землю и кладутъ земные поклоны. Если къ этимъ птицамъ прикоснутся человѣческія руки, то онѣ изнемогаютъ и умираютъ. Я не хочу ручаться за достовѣрность этого факта, но всѣ магометане искренно вѣруютъ въ него; мнѣ встрѣчались даже европейцы, вообще заслуживавшіе довѣрія, и тѣмъ не менѣе утверждавшіе, будто бы они были сами свидѣтелями подобныхъ случаевъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, а именно перваго мая, въ восемь часовъ вечера, мы спокойно обѣдали на террасѣ, какъ вдругъ были поражены страшнымъ шумомъ. Мы замѣтили тогда, что произошло почти полное затмѣніе луны; по англійскимъ альманахамъ оказалось, что „полное затмѣніе должно быть только въ Австраліи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи, а что въ Гринвичѣ его

совершенно не будет видно". Шумъ постепенно увеличивался и вскорѣ все населеніе Багдада высыпало на верхушки домовъ; всѣ были вооружены горшками, сковородами и другими кухонными принадлежностями, въ которыя ударили изо всей силы. Бѣ этому присоединялись еще пистолетные и ружейные выстрѣлы; все это продолжалось около часа, пока не удалось прогнать злаго духа Джина, завладѣвшаго луной. Происходившая предъ нами суета была въ высшей степени забавна. Наши слуги также заразились общимъ возбужденіемъ, такъ что, какъ мы узнали на слѣдующій день отъ нашего хозяина, они чуть не выбили дно у всей кухонной посуды. Еслибъ соединить вмѣстѣ дюжину кануновъ новаго года, ивановыхъ дней и свадебныхъ серенадъ, то едва-ли бы получился такой шумъ; его было бы достаточно, чтобъ прогнать цѣлую армію злыхъ духовъ, даже еслибъ духи эти были бы дѣйствительно на лунѣ.

Невѣжественное магометанское населеніе Багдада чрезвычайно суевѣрно; факиры, дервиши и другіе нищенствующіе ордена пользуются этимъ и ведутъ очень пріятную жизнь на счетъ общественной благотворительности. Эти мусульманскіе монахи, хотя и не отказываются отъ добровольныхъ приношеній, никогда не просятъ открыто; чтобъ выманивать деньги—у нихъ есть другія средства, а именно мнимыя чудеса и продажа талисмановъ отъ болѣзней, ранъ и всевозможныхъ несчастій. Члены одной секты утверждаютъ, что неуязвимы для стали, члены другой—что негараемы въ огнѣ. Арабы слѣпо вѣруютъ въ дѣйствительность чаръ и черномагія вообще. Никакія другія отрасли знанія не пользуются такимъ почетомъ, какъ эти тайныя науки, дающія множеству шарлатановъ средства къ существованію. Нѣкоторые изъ профессоровъ магіи выдаютъ себя за ясновидящихъ, другіе излечиваютъ больныхъ и изгоняютъ злыхъ духовъ возложеніемъ рукъ, третьи успокаиваютъ бури на морѣ, есть наконецъ даже такіе, которые утверждаютъ, что они могутъ, не трогаясь изъ своихъ жилищъ въ Багдадѣ, произносить полуденныя молитвы въ Меккѣ. Еще болѣе низкій

классъ, нищенствующіе дервиши и муллы, занимаются фиглярствомъ, въ которомъ достигаютъ высокой степени совершенства. Такъ, напримеръ, изумленнымъ жителямъ кажется, что они дѣйствительно прокалываютъ себѣ тѣло мечами, втыкаютъ остроконечныя копы въ глаза, или же, что соскакивая съ кровель на колья, окованные желѣзомъ, пронзаютъ себѣ насквозь тѣло.

Я уже говорилъ объ еженедѣльныхъ представленіяхъ пляшущихъ дервишей въ Каирѣ; но это ничто въ сравненіи съ ихъ завывающими братьями въ Багдадѣ, значительно превосходящими ихъ по своей дикости и бѣшенству. Образованные и развитые мусульмане относятся съ презрѣніемъ къ этимъ сектамъ; но авторитетъ, которымъ онѣ пользуются у суевѣрнаго народа, такъ великъ, что даже правительство осмѣливается вмѣшиваться только въ исключительныхъ случаяхъ, когда уже слишкомъ затрагивается общественная безопасность.

Глава XVIII.

Уличные сцены въ Багдадѣ.

Базары, рынки и кофейни.—Что скрыто подъ маской: красота или безобразіе?—Пестрая картина.—Турецкій купецъ.—Верблюды, мулы и осли.—Кальянъ.—Персидскій табакъ.—Аравійскій кофе.—Способъ его приготовленія.—Одинъ можа признается настоящимъ кофе.—Всѣ другіе сорта называются „бобами“.—Общественныя удовольствія.—Сказочники.—Случай въ Дамаскѣ.—Игра въ три-тракъ.—Я играю съ джентльменомъ изъ Аравіи.—Я проигрываю и предлагаю заплатить за игру.—Выразительная пантомима.—Дешевизна удовольствій.—Честность безпримѣрная для христіанскихъ странъ.—Хлѣбный рынокъ.—Финиковыя пальмы.—Изреченіе Магомета.—Бассорскіе финики неизвѣстны въ Америкѣ.—Чудные плоды.

Уличные сцены, базары, рынки и кофейни въ Багдадѣ своеобразнѣе и любопытнѣе, нежели во всѣхъ другихъ видѣнныхъ мною городахъ Востока. Къ сожалѣнію, размѣры сочиненія не позволяютъ мнѣ описать ихъ такъ подробно, какъ они этого заслуживаютъ. Я бродилъ по всему городу, сначала въ сопровожденіи моего слуги Юсуфа, а потомъ, когда я ознакомился съ мѣстностью и улицами, то и одинъ. Вездѣ со мной обращались вѣжливо, нигдѣ я не встрѣчалъ такихъ недружелюбныхъ лицъ, какъ напримѣръ у китайцевъ, когда къ нимъ вторгаются чужеземные варвары. Если и дѣлались какія-либо замѣчанія на мой счетъ, то я не могъ понимать ихъ по незнанію арабскаго языка. Впрочемъ, нужно сказать, что характеристическая черта турокъ и арабовъ—никогда не выказывать удивленія.

Базары интересны вообще во всѣхъ восточныхъ городахъ, но особенно въ Багдадѣ, гдѣ они очень обширны и наполнены толпами самаго разнообразнаго и разнороднаго люда. Движеніе въ нихъ удачнѣе всего можно сравнить съ постоянно видоизмѣняющимися картинами калейдоскопа.

Повсюду, на улицахъ и на базарахъ, встрѣчаются цѣлыя вереницы ословъ, нагруженныхъ мѣхами съ водой; для перевозки воды приходится употреблять многія сотни животныхъ, такъ какъ другого способа снабжать городъ водой съ рѣки не существуетъ.

Въ Багдадѣ пестрая одежды и яркіе цвѣта вообще видны исключительно на мужчинахъ. Уличный костюмъ женщинъ крайне безобразенъ и состоитъ изъ отвратительнаго чернаго или бѣлаго бумажнаго покрывала, закрывающаго ихъ съ ногъ до головы. Иногда изъ-подъ платья выглядываетъ такой хорошенькій желтый сапожекъ, что такъ и хочется приподнять покрывало, скрывающее, быть можетъ, лицо очаровательной красоты: не даромъ-же поэты воспѣвали въ своихъ стихахъ красоту багдадскихъ дамъ!

Женщины носятъ на улицѣ особую черную маску, сплетенную изъ конскаго волоса. Маска эта вполне закрываетъ лицо, но не мѣшаетъ свободному притоку воздуха и позволяетъ видѣть все окружающее. Подъ ея защитой молодость и старость, красота и безобразіе одинаково безопасны отъ любопытныхъ и нахальныхъ взглядовъ. Мнѣ всегда хотѣлось смѣяться, когда по какому-нибудь случаю распахивалось покрывало и изъ-подъ него появлялось лицо еще чернѣе маски.

Арабскія женщины, принадлежащія къ низшему классу общества, ходятъ съ непокрытымъ лицомъ. Онѣ очень безобразны, руки ихъ татуированы синей краской, а замужнія вдобавокъ носятъ еще въ ноздрѣ золотныя и серебряныя филиграновыя украшенія въ родѣ большой пуговицы; на рукахъ и ногахъ, смотря по средствамъ, надѣты серебряныя или мѣдныя браслеты.

Домашнее платье богатыхъ багдадскихъ дамъ, говорятъ, необыкновенно роскошно и красиво, но такъ какъ мнѣ ни разу не удалось видѣть *penetralsia* турецкаго дома, то я и не стану пытаться описывать его.

Восточные народы любятъ яркіе цвѣта, и потому всѣ сборища представляютъ очень веселую и пеструю картину, вездѣ мелькаютъ разноцвѣтныя развѣвующіяся одежды, шалевныя чалмы, серебряныя рукоятки кинжаловъ, шашекъ и пистолетовъ. Персіяне, бедуины, арабы, христіане, турки и евреи имѣютъ всѣ свою характеристическую одежду, и еслибъ я захотѣлъ описать всѣ различные костюмы, которые мнѣ приходится встрѣчать втеченіи получаса, то одно это описаніе наполнило бы порядочную книжку.

Главные базары расположены тройнымъ рядомъ и защищены отъ солнца сводчатой кровлей изъ кирпича, сложеннаго на извести. Каждый родъ товаровъ и каждая отрасль торговли имѣетъ свое собственное отдѣленіе. Тутъ можно видѣть великолѣпныя произведенія Персіи и Кашемира, драгоцѣнности Индіи, пряности и духи Аравіи и болѣе знакомыя намъ мануфактурныя издѣлія Европы. Повсюду раздается говоръ на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ.

Посреди лавки сидитъ, скрестивъ подъ себя ноги, бородастый купецъ, напоминающій своей важностью и неподвижностью статую; онъ медленно куритъ свой чубукъ и ожидаетъ, съ чисто восточнымъ терпѣніемъ, чтобъ судьба послала ему покупателя. Если вы остановитесь и захотите посмотреть его товары, то онъ показываетъ требуемые вами предметы и назначаетъ цѣны съ полнымъ, повидимому, равнодушіемъ, купите ли вы или нѣтъ. Если вы уйдете, не купивъ ничего, то онъ спокойно принимается снова за трубку и, не выказывая ни малѣйшаго неудовольствія, продолжаетъ курить, пока не явится новый покупатель.

Базары никогда не бываютъ шире двѣнадцати футовъ, такъ что пока мы озираемся и разглядываемъ интересную сцену, окружающую насъ, намъ угрожаетъ опасность быть раздавленными ве-

реницами нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ и ословъ, или-же по-пасть подъ ноги ретивому арабскому коню, всадникъ котораго, бедуинъ изъ пустыни, ѣдетъ съ гордымъ и важнымъ видомъ, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво.

Длинный рядъ ословъ, нагруженныхъ дровами, напомнилъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ „Тысяча и одной ночи“, а именно, о госпожѣ, которая, ошибочно приписавъ рану на щекѣ удару коробомъ этого животнаго, подвергла опасности жизнь цѣлой общины дровяныхъ перевозчиковъ.

Кофейни въ Багдадѣ очень многочисленны и ихъ большія скамьи, покрытыя циновками, всегда полны посѣтителей. Я слышала, что во многихъ изъ этихъ мѣстъ продается вино, запрещенное кораномъ, и арракъ, вѣрнѣйшій напитокъ, получаемый изъ финиковъ, но мнѣ никогда не случилось видѣть ни одного пьянаго.

Я часто заходилъ одинъ въ эти кофейни; мнѣ тотчасъ-же освобождали мѣсто на одномъ изъ дивановъ и приносили маленькую чашку, содержащую не болѣе столовой ложки вѣрнѣкаго чернаго кофе, съ чуднымъ ароматомъ, а потомъ подавали кальянъ, которыхъ тутъ всегда имѣется нѣсколько штукъ на-готовѣ. Эта трубка, которую въ Индіи называютъ Гукъа, а въ Персіи Киліонъ, дѣлается здѣсь въ формѣ буквы V и не имѣетъ, какъ въ Константинополѣ и Дамаскѣ, длиннаго гибкаго чубука. Мундштукъ сдѣланъ изъ тростника, а вода, черезъ которую проходитъ дымъ, наливается въ большую скорлупу кокосоваго орѣха. Для кальяна берется особый родъ табаку, который обыкновенно передъ тѣмъ, какъ зажечь его раскаленнымъ углемъ, нѣсколько смачиваютъ. Дымъ, проходя черезъ душистую розовую воду, охлаждается и очищается. За все это платится въ кофейнѣ только два комресъ, около пяти центовъ.

Кальянъ употребляется какъ туземцами, такъ и всѣми живущими здѣсь европейцами. Онъ подается каждый разъ послѣ ѣды и ставится на небольшой подставкѣ подлѣ посѣтителя. У богатыхъ онъ украшенъ серебромъ.

Эти два предмета, кофе и табакъ, такъ тѣсно связаны съ жизнью Востока, что ихъ можно назвать главнымъ наслажденіемъ и самой существенной потребностью турокъ и арабовъ. Они играютъ важную роль въ общественныхъ сношеніяхъ и предлагаются каждому посетителю тотчасъ-же послѣ его прихода.

Табакъ въ Аравіи и Персіи свѣтлѣе и мягче, нежели табакъ, воздѣлываемый въ Египтѣ и Сиріи. Нѣжный персидскій табакъ не удовлетворяетъ живущихъ здѣсь англичанъ, привыкшихъ къ вину и другимъ сильнымъ возбуждательнымъ средствамъ. Кальянъ и трубка употребляются ими только между прочимъ, главнымъ-же образомъ они курятъ болѣе крѣпкія привозныя виргинскія сигары.

Анекдотъ о странствующемъ арабѣ, который развелъ на краю пустыни огонь подъ кустомъ дикаго табаку и такимъ образомъ первый вдохнулъ его чудный дымъ, быть можетъ также достовѣренъ, какъ и рассказъ американскихъ матросовъ о томъ, что жареная свинина впервые стала извѣстна человѣчеству, благодаря пожару, происшедшему случайно въ домѣ одного китайца.

Читателямъ, быть можетъ, интересно узнать, что такое аравійскій кофе и какъ онъ готовится. Пальгравъ въ своемъ „Путешествіи по Аравіи“, говоритъ, что одинъ „Мокка“, воздѣлываемый въ аравійской провинціи Йеменъ и называемый такъ по главному мѣсту своего вывоза, можетъ быть названъ настоящимъ кофе. Средиземнаго моря онъ достигаетъ только въ очень незначительномъ количествѣ. Его твердые, округленные, полупрозрачныя, зеленовато-коричневые зерна собираются, очищаются, просѣиваются съ величайшей тщательностью и сохраняются для мѣстнаго употребленія; въ Европу же отправляется только болѣе плоское, непрозрачное и бѣловатое зерно. Согласно мнѣнію того же путешественника, кофе, получающійся изъ Индіи, Явы и Южной Америки, не что иное, какъ „бобы“. Хорошо, что въ наши времена ячменнаго кофе и цикорія мы не имѣемъ такого тонкаго вкуса, какъ Пальгравъ.

Въ арабскомъ домѣ кофе такая важная статья домашней эконо-

ми, что его приготовленіе и разливаніе составляетъ исключительную обязанность наиболѣе уважаемаго слуги. Большой кофейникъ, наполненный до двухъ третей водой, ставятъ къ огню, и въ то время какъ онъ нагрѣвается, производятъ другія операціи. Изъ ниши въ стѣнѣ вынимаютъ двѣ-три горсти нежареннаго кофе, тщательно перебираютъ его и насыпаютъ для жаренія въ большую открытую желѣзную ложку, которую держатъ на раскаленныхъ угольяхъ только до тѣхъ поръ, пока кофе не растрескается и не покраснѣетъ, но никогда не даютъ ему почернѣть и обуглиться. Потомъ его довольно крупно толкутъ въ ступкѣ. Окончивъ все это, изъ большаго кофейника на половину наполняютъ кипяткомъ другой поменьше и всыпаютъ въ него кофе. Затѣмъ прибавляютъ еще нѣсколько ароматическихъ зеренъ, или шафрану, и даютъ кофе немного вскипѣть, причемъ однако наблюдаютъ, чтобъ кипѣніе не происходило черезъ-чуръ сильно. Наконецъ, вся жидкость процеживается черезъ волоно внутренней пальмовой коры, которая съ этой цѣлью помѣщается въ отверстіе кофейника. Кофе подается очень горячимъ и безъ сахару, въ маленькихъ чашкахъ, наполненныхъ только до половины. Въ Египтѣ и Сирии къ нему прибавляютъ еще сахару во время самаго кипяченія. Принято выпивать заразъ только по одному глотку и часто возвращать чашку, чтобъ ее снова наполнили. Въ кофейняхъ кофе готовится не такъ тщательно, но мнѣ, все-таки, ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ не приходилось пить такого ароматнаго кофе, какъ въ аравійскихъ кофейняхъ. Чему это слѣдуетъ приписать, способу-ли приготовленія или самому кофе—не знаю.

Въ Багдадѣ, какъ и вообще во всѣхъ другихъ восточныхъ городахъ, общественныя народныя развлеченія весьма немногочисленны и несложны. Карты неизвѣстны, но въ кофейняхъ, а также и просто на открытомъ воздухѣ близъ рынковъ часто играютъ въ шахматы, въ шашки и въ игру, называемую мангала. Последняя игра наиболѣе распространена и состоитъ изъ стола или доски съ двѣнадцатю отверстіями, въ которыя игроки бросаютъ раковины или

камешки. Домашними же развлечениями служат танцы, игъныя и рассказываніе сказокъ. Особенно любятъ арабы последнее, поэтому искусный чтець или рассказчикъ, хорошо знакомый съ золотымъ въ-комъ халифовъ, можетъ всегда рассчитывать найти кружокъ внимательныхъ и любозпытныхъ слушателей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Дамаскѣ, который, послѣ Багдада, наиболѣе сохранилъ восточный характеръ, мнѣ случилось однажды бродить одному и зайти въ большой общественный садъ, гдѣ нѣсколько сотенъ посѣтителей, принадлежащихъ въ высшему классу, сидѣли подъ деревьями, наслаждаясь тѣнью и прохладой. Воды Абава и Фарфара, прекрасныхъ рѣкъ Дамаска, орошали садъ и искрились во множествѣ прекрасныхъ фонтановъ. На мнѣ была феска и потому никто не обратилъ на меня особеннаго вниманія, хотя всѣмъ, конечно, было извѣстно, что я былъ франкъ, т. е. европеецъ.

Я остановился передъ двумя хорошо одѣтыми аравійскими джентльменами, игравшими въ игру, сходную съ триетракомъ, съ той только разницей, что игральныя кости бросались тутъ не стаканомъ, а просто рукой. Тотчасъ же одинъ изъ игроковъ всталъ, а другой съ любезнымъ поклономъ предложилъ мнѣ сѣсть на его мѣсто. Я принялъ приглашеніе и сыгралъ девять партій, изъ которыхъ выигралъ четыре, а проигралъ пять. Я велѣлъ подать кальянъ и кофе для насъ обоихъ. Въ концѣ каждой игры, независимо отъ ея исхода, мой партнеръ любезно наклонялъ голову и улыбался. Мои свѣдѣнія въ арабскомъ языкѣ были очень ограниченны, а мой партнеръ не умѣлъ говорить ни по-французски, ни по-англійски; но недостатокъ враснорѣчія въ нашихъ разговорахъ съ избыткомъ вознаграждался выразительной понтоминой. Такъ какъ большинство партій проигралъ я, то, призвавъ по окончаніи игры служителя, хотѣлъ заплатить ему счетъ, согласно нашимъ западнымъ обычаямъ. Сначала мой аравійскій другъ противился этому, но я настоялъ на своемъ и, вынувъ съ дюжину или болѣе серебряныхъ монетъ различной стоимо-

*

ети, отъ піастра (пяти центовъ) и до мейады (около доллара), я указаль служителю на кофе и кальянъ и пантомимой даль ему понять, чтобъ онъ взялъ сколько ему слѣдуетъ. Не имѣя понятія о цѣнахъ, я остался бы совершенно доволенъ, еслибъ онъ выбралъ самую большую изъ монетъ въ моей рукѣ. Къ удивленію моему, онъ взялъ монету въ два піастра. Думая, что онъ ошибся, я опять указаль ему кофе, кальянъ и снова протянулъ руку съ деньгами. Но онъ только поклонился и подыалъ вверхъ взятую имъ монету въ знавъ того, что такъ и слѣдуетъ.

Можно легко себѣ представить, каковъ бы былъ въ Европѣ или въ Америкѣ результатъ подобнаго испытанія честности слуги. Европейскій кельнеръ навѣрно выбралъ бы самую крупную монету, американскій же (какъ представитель еще болѣе цивилизованной страны) взялъ бы, вѣроятно, всѣ монеты и, пожалуй, попросилъ бы еще.

Въ Багдадѣ цѣлыя улицы предназначены для торговли съѣстными припасами и фруктами. Огромныя количества риса, ячменя и пшеницы сложены въ одной изъ частей города, называемой „хлѣбнымъ рынкомъ“. Повсюду продается множество апельсиновъ, дынь, огурцовъ и другихъ плодовъ, названія которыхъ мнѣ даже неизвѣстны. Но ни одинъ изъ нихъ не играютъ такой важной роли въ народномъ продовольствіи и въ торговлѣ, какъ плоды финиковой пальмы. Ее здѣсь называютъ „хлѣбомъ страны“, „подпорой жизни“ и „главнымъ предметомъ торговли“. Магометъ сказалъ своимъ послѣдователямъ: „Чтите пальмовое дерево, потому что это ваша мать“. Финиковъ болѣе двадцати различныхъ сортовъ, лучшіе изъ нихъ полупрозрачны и прекраснаго янтарнаго цвѣта. Съ одной финиковой пальмы ежегодно получается отъ ста до трехсотъ фунтовъ плодовъ, что на деньги составляетъ отъ четырехъ до десяти долларовъ. Нѣкоторые финиковыя рощи содержатъ цѣлыя тысячи деревьевъ, тѣсно растущихъ одно возлѣ другаго и почти не требующихъ ухода. Финики, вывозимые изъ Бассоры, близъ устья Евфрата, очень крупны и отличнаго каче-

ства. Въ Америку, какъ мнѣ говорили, ихъ совершенно не посылаютъ; наши запасы получаютъ исключительно изъ Моската, дающаго болѣе мелкій и низкій сортъ финиковъ. Эти плоды въ свѣжемъ видѣ величиной съ большую сливу, очень сочны и вкусны. Во время финиковаго сезона, въ августѣ и сентябрѣ, они составляютъ главнымъ образомъ пищу всѣхъ классовъ населенія. Финики же, продающіеся у насъ, также мало походятъ на настоящіе свѣжіе финики, какъ мало походятъ изюмъ на кисть сочнаго винограда.

Глава XIX.

Багдадскій паша.

Деспотическій правитель большой провинціи.—Угрожающее наводненіе.—Паша не теряется въ опасности.—Страхъ всего населенія.—Мои вѣрительныя грамоты отъ великаго визиря.—Важный документъ.—Мой визитъ въ пашѣ.—Феска.—Въ Багдадѣ ее носятъ только турки.—Дворецъ.—Стража повсюду.—Свиданіе.—Наружность Редифъ-паши.—Привѣтственныя рѣчи.—Я отказываюсь отъ военнаго конвоя.—Продажность служащихъ.—Неправдоподобные рассказы.—Сходство «отдаленнаго Востока» съ «отдаленнымъ Западомъ». — Нечестность представляетъ исключеніе, а не общее правило.—Христіанскіе храмы въ Багдадѣ.—Армянскій епископъ.—«Янкедонія» арабское слово.—Еврейская семья.—Богатство евреевъ и ихъ важное значеніе.—Эксъ-король Ауда.—Самый богатый человѣкъ въ Багдадѣ.

Багдадскій паша управляетъ провинціей, которая втрое больше Нью-Йоркскаго штата и имѣетъ до двухъ милліоновъ населенія. Онъ самостоятельный и деспотическій правитель, зависящій только отъ своего владыки, турецкаго султана. Подъ его начальствомъ большая армія, расположенная въ Багдадѣ и другихъ значительныхъ городахъ. Пашалыкъ этотъ, граничащій на югъ и востокъ съ Персіей и Персидскимъ заливомъ, такъ отдаленъ отъ Константинополя, что честолюбивые его правители неоднократно были заподозрѣны въ замыслахъ сдѣлаться, по примѣру Магомета-Али, египетскаго паши, самостоятельными государами. Въ настоящее время Багдадомъ управляетъ Редифъ-паша, занимающій этотъ постъ около года. Въ послѣдней

кампаніи турокъ противъ возмущившихся арабскихъ племенъ Іемена, онъ отличался какъ военачальникъ и вообще какъ человекъ очень умный и энергичный. Между иностранцами однако онъ не пользуется популярностью, потому что его считаютъ враждебно расположеннымъ въ распространенію иноземныхъ нравовъ и обычаевъ.

Во время моего пребыванія въ Багдадѣ онъ имѣлъ случай высказать свою власть какъ деспотическій правитель и, нужно отдать ему справедливость, дѣйствовалъ необыкновенно энергично и умно. Около двухъ недѣль тому назадъ, воды Тигра, ужь и безъ того стоявшія очень высоко въ продолженіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, поднялись до высоты, которой не достигали втеченіи десяти лѣтъ. Городу угрожало наводненіе. Въ десяти миляхъ вверхъ по рѣкѣ, вода прорвала плотину и понеслась съ неудержимой силой, уничтожая на своемъ пути жатвы. Большая равнина позади города въ одинъ день приняла видъ озера, а самъ Багдадъ превратился въ островъ, который могъ сообщаться съ остальной страной только при помощи лодокъ. Отъ напора воды городъ защищала только широкая насыпь, проходившая какъ-разъ за стѣнами, до того ветхими, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ нельзя ужь было поправить. Всѣ боялись повторенія наводненія 1831 года (годъ чумы), когда въ одинъ день вода разрушила до 7000 домовъ.

Необходимо было дѣйствовать рѣшительно. Паша отдалъ приказъ, чтобъ всѣ базары и лавки были заперты и чтобъ въ продолженіи четырехъ дней все мужское населеніе (за исключеніемъ иностранцевъ) работало на плотинахъ. Половину войска отправили вверхъ по рѣкѣ, а за исправленіемъ плотинъ и насыпей вкругъ города должны были наблюдать служащіе. Я поѣхалъ однажды утромъ посмотреть на работы. Сцена была очень оживленная, работало нѣсколько тысячъ человекъ и тутъ же находился самъ паша, окруженный штабомъ въ блестящихъ мундирахъ. Эти энергическія мѣры спасли городъ. Прорванныя плотины были исправлены и вода стала постепенно убывать. Но вслѣдствіе испареній

отъ озера, образовавшагося за городомъ, должны были непременно послѣдовать много болѣзней.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Каира я узналъ отъ г. Бердслея (нашего генеральнаго консула въ Египтѣ), что въ странахъ, которыя я хочу посѣтить, не было американскихъ дипломатическихъ агентовъ и потому, по его же совѣту, предъявивъ рекомендательное письмо отъ г. Джона М. Франси, бывшаго посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Греціи, я обратился къ сѣверо-американскому послу въ Константинополь съ просьбой препроводить мнѣ въ Багдадъ вѣрительныя грамоты къ пашѣ. Мнѣ хотѣлось записаться ими, чтобъ имѣть возможность безпрепятственно предпринимать поѣздки въ Вавилонъ и другія интересныя мѣста Месопотаміи.

Пріѣхавъ въ Багдадъ, я засталъ ужъ тамъ очень большой пакетъ, содержавшій также любезную записку отъ г. Бокера и фирманъ турецкаго правительства. Этотъ документъ, адресованный багдадскому пашѣ, былъ написанъ турецкими буквами, на большомъ листѣ толстой официальной бумаги. Вотъ его переводъ:

„Редифъ пашѣ, генераль-губернатору Багдада.

„Предъявитель сего письма, уважаемый американскій гражданинъ, имѣетъ намѣреніе посѣтить Багдадъ съ тѣмъ, чтобъ ознакомиться съ его окрестностями. Американское посольство просило меня по этому случаю отправить къ вамъ рекомендательное письмо.

„Такъ какъ путешествующимъ иностранцамъ принято оказывать всевозможное уваженіе и покровительство, то я и прошу васъ распорядиться о томъ, чтобы означенному путешественнику, по его пріѣздѣ въ Багдадъ, оказывали должное уваженіе и содѣйствіе во всемъ, что только не противорѣчитъ существующимъ трактатамъ. Прошу распространить на него ваше покровительство и гостепріимство.

„Остаюсь и т. д.

„Печать Великаго Визиря.

„Министерство иностранныхъ дѣлъ, Константинополь, 19-го февраля 1239 года (геджры)“.

Около недѣли послѣ моего приѣзда въ Багдадъ, я отправился, вооруженный этимъ важнымъ документомъ, съ официальнымъ визитомъ къ пашѣ; меня сопровождало двое кавассовъ англійскаго резидента въ блестящихъ мундирахъ.

Я отказался отъ лошади, такъ какъ по узкимъ улицамъ и базарамъ удобнѣе идти пѣшкомъ. Впереди шелъ мой конвой и рассчиталъ путь по многолюднымъ улицамъ, даже съ излишнимъ усердіемъ. Вопреки моимъ просьбамъ и не слишкомъ лестнымъ замѣчаніямъ прохожихъ, кавассы сталкивали всѣхъ съ дороги. Въ видѣ любезности по отношенію къ турецкому намѣстнику, я надѣлъ турецкую феску, — простую красную шапку съ длинной кистью, которую очень часто носятъ путешественники по Сири и Египту. Въ Каирѣ феску носятъ всѣ офицеры и солдаты, начиная съ Хедива и до послѣдняго барабанщика. Этикетъ требуетъ, чтобъ во время обѣдовъ, баловъ и оперы, а также въ присутствіи важныхъ сановниковъ и въ мечети, всѣ были бы непременно въ фескахъ. Даже султанъ, когда я видѣлъ его на пути изъ босфорскаго его дворца въ мечеть, имѣлъ на головѣ феску, повидимому такую же, хотя, быть можетъ, изъ болѣе тонкой ткани, какъ и послѣдній изъ его подданныхъ. Но въ Багдадѣ феска считается исключительнымъ атрибутомъ турка и рѣдко надѣвается иностранцами; на мѣстномъ же арабѣ ее можно увидѣть только въ томъ случаѣ, если онъ состоитъ на правительственной службѣ. Я замѣтилъ даже, что когда я надѣвалъ феску на улицахъ Багдада, то многіе изъ арабовъ смотрѣли на меня недружелюбно, чего никогда не бывало, когда я ходилъ въ своей несравненно болѣе удобной соломенной шляпѣ, въ которой они принимали меня за англичанина.

Дворецъ, красиво расположенный на берегу рѣки, не отличается особенно величественными размѣрами. Къ нему примыкаютъ казармы и арсеналъ, построенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ прежнимъ пашей; это большія красивыя зданія въ современномъ архитектурномъ стилѣ.

Во дворцѣ или сераѣ паша бываетъ только днемъ для управленія дѣлъ. Частное же его жилище—красивая вилла, окруженная садомъ, находится въ двухъ миляхъ вверхъ по рѣкѣ. Пройдя мимо часовыхъ у воротъ и чрезъ наружный дворъ, гдѣ нѣсколько грумовъ держали осѣдланныхъ и вѣзданныхъ лошадей, и миновавъ еще стражу, мы вошли наконецъ во внутренній дворъ, окруженный длинными двухъ-этажными строениями съ верандами, въ которыхъ сидѣли офицеры и чиновники. Я послалъ свои вѣрительныя грамоты и карточку съ однимъ изъ кавассовъ и попросилъ аудіенціи у пашы. Мой посланный тотчасъ же вернулся въ сопровожденіи красиваго молодого турецкаго офицера, адъютанта пашы, который провелъ меня черезъ переднюю, гдѣ ожидало нѣсколько офицеровъ; затѣмъ мы прошли еще двѣ двери, охраняемыя часовыми съ ружьями въ рукахъ, и вошли въ пріемную, выходящую окнами на рѣку. Вдоль по стѣнамъ этой высокой комнаты шли широкіе, крытые шелкомъ, диваны, а портьеры и занавѣсы были изъ тяжелой богатой матеріи. Паша сидѣлъ на противоположномъ концѣ комнаты, передъ большимъ столомъ, загроможденнымъ письменными принадлежностями и кипами бумагъ. При моемъ приближеніи онъ всталъ, подаль мнѣ руку и любезно пригласилъ сѣсть возлѣ себя. Это былъ человекъ лѣтъ сорока пяти, высокаго величественнаго роста, съ темной бородой и пронзительными глазами. За исключеніемъ фески, онъ былъ одѣтъ совершенно по-европейски, и не носилъ никакихъ отличій своего высокаго званія. Выраженіе его лица обнаруживало много энергіи и твердости, а манеры были очень любезны и пріятны. Нѣкоторые изъ высшихъ офицеровъ были мнѣ представлены, но никто не сѣлся, кромѣ пашы и меня.

Такъ какъ паша говорилъ только по-арабски и по-турецки, то, чтобъ служить переводчикомъ, былъ призванъ г. Стаппіо, левантинецъ на службѣ правительства. Нашъ разговоръ шелъ, конечно, медленно, но отвѣты тотчасъ же переводились и я чувство-

валъ себя совершенно свободно. Паша спросилъ меня, какимъ путемъ я прѣѣхалъ, какъ долго я намѣренъ остаться и т. д., и былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему, что Багдадъ нравится мнѣ болѣе, нежели Каиръ и Константинополь. Я воспользовался случаемъ, чтобъ высказать ему мое удивленіе относительно энергіи и дѣйствительности мѣръ, принятыхъ имъ для предупрежденія наводненія. Прочитавъ мои вѣрительныя грамоты, отзывавшіяся очень лестно обо мнѣ, какъ о путешественникѣ, паша сдѣлалъ мнѣ нѣсколько дѣльныхъ вопросовъ о посѣщенныхъ мною странахъ и, казалось, вполне понималъ, что Америка и Англія два совершенно различныя и отдѣльныя государства. Онъ любезно предложилъ всевозможныя удобства для осмотра Багдада и выразилъ надежду, что я, первый американецъ, посѣтившій этотъ городъ, вынесу пріятное впечатлѣніе. Когда я упомянулъ о намѣреніи посѣтить развалины Вавилона, онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ конвой солдатъ и пиэма къ губернаторамъ всѣхъ городовъ на пути. Его предложеніе о письмахъ я принялъ съ благодарностью, но отъ конвоя отказался, говоря, что въ такомъ благоустроенномъ государствѣ мирный путешественникъ вполне безопасенъ.

Между тѣмъ, слуга подалъ на серебряномъ подносѣ кофе и шербетъ, а также длинныя трубки съ ясиновыми чубуками. Моя аудіенція продолжалась около часу и когда я всталъ, чтобъ проститься, паша снова подалъ мнѣ руку и повторилъ свое обѣщаніе сдѣлать все зависящее отъ него, чтобъ мое пребываніе въ Багдадѣ было бы пріятно.

Я удалился подъ самымъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ о вѣжливости и любезности турецкаго пашы. На другой день г. Стаппіо принесъ мнѣ турецкій документъ, сходный по виду съ тѣмъ, который я получилъ изъ Константинополя; онъ былъ адресованъ губернаторамъ и другимъ чиновникамъ на пути въ Хилла и Вавилонъ и настоятельно рекомендовалъ ихъ вниманію и покровительству „американскаго путешественника“. Какимъ образомъ этотъ фирманъ, кото-

рый я сохраняю на память о моемъ путешествіи, вывелъ меня изъ очень затруднительнаго и опаснаго положенія и спасъ мнѣ, быть можетъ, даже жизнь, будетъ рассказано далѣе.

Путешествующимъ по Востоку часто приходится слышать самыя невѣроятныя рассказы о продажности, развращенности служащихъ, — о томъ, какъ всѣ они отъ перваго до послѣдняго могутъ быть подкуплены, какъ иностранныя товары пропускаются безъ пошлинъ, какъ во вредъ правительству заключаются мошенническіе контракты и т. д. Такъ, напримѣръ, я слышалъ, что одинъ изъ прежнихъ багдадскихъ пашей выплачивалъ своимъ солдатамъ жалованье мыломъ и табакомъ, которые, конечно, оцѣнивалъ непомѣрно высоко; потомъ эти бѣдняки должны были продавать ихъ на базарѣ за половинную цѣну. Мнѣ очень серьезно рассказывали также, что персидскій губернаторъ Бушира уплатилъ разъ служащимъ всѣ накопившіяся за прошедшее время недоимки кирпичемъ — монетою несовсѣмъ удобной для обращенія, но за то имѣющейся во множествѣ въ городѣ, гдѣ половина строеній въ развалинахъ. Что касается меня, то я не могу вѣрить вполнѣ подобнымъ исторіямъ. У англичанъ, конечно, высокое понятіе о служебной честности и я уважаю ихъ за это. Но несправедливо судить восточный народъ по западнымъ идеаламъ. Правительственные чиновники нигдѣ не контролируются тутъ такъ строго, какъ въ Европѣ.

Особенному искушенію подвергаются правители провинцій, отдаленныхъ отъ центра и не имѣющихъ хорошихъ путей сообщенія; имъ нечего бояться ревизіонныхъ комитетовъ. И тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что нечестность является скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ.

Продажность чиновничества не представляетъ исключительнаго продукта восточнаго варварства. Подобно тому, какъ крайности часто сходятся, такъ и тутъ „крайній Востокъ“ и „крайній Западъ“ имѣютъ много сходнаго. Какъ паша, такъ и члены кон-

гресса одинаково богатѣютъ въ продолженіе своего служебнаго срока. Турокъ находитъ совершенно естественнымъ брать взятки, того же мнѣнія М. С. (членъ конгресса). Но было бы очень несправедливо утверждать, на основаніи этого, что всѣ служащіе на обоихъ континентахъ одинаково продажны.

Тотъ, кто во всякомъ подозрѣваетъ плута, часто, сталкиваясь съ честными людьми, не узнаетъ ихъ. Я, напротивъ, имѣлъ всегда счастье встрѣчать между всѣми національностями и въ различныхъ частяхъ свѣта много честныхъ и добросовѣстныхъ людей. Вспоминать объ этомъ будетъ мнѣ гораздо пріятнѣе, нежели думать о длинномъ рядѣ воровъ и мошенниковъ, которыхъ я бы могъ открыть, еслибъ обратилъ исключительно свое вниманіе на эту мрачную сторону человѣческой природы.

Каждое воскресенье утромъ англійскій резидентъ полковникъ Гербертъ читаетъ въ своемъ домѣ передъ собраніемъ человѣкъ въ двадцать (что составляетъ почти все протестантское населеніе Багдада) англійскую протестантскую службу. Однажды въ воскресенье, послѣ полудня, я посѣтилъ всѣ различныя мѣста христіанскаго богослуженія; меня сопровождалъ докторъ Кольвилль, который ужъ давно живетъ тутъ и говорить по-арабски и по-персидски, какъ мѣстный уроженецъ. На Востоѣ ни одинъ классъ иностранцевъ не пользуется такимъ вліяніемъ, какъ доктора. Ихъ одинаково хорошо принимаютъ какъ въ каравансераѣ богатаго купца, такъ и въ палатѣ бедуинскаго шейха. Мы прежде всего отправились въ латинскую католическую церковь, въ которой присоединена также школа для дѣтей. Пройдя черезъ тяжелую, окованную желѣзомъ дверь и черезъ узкій переулокъ, мы очутились во дворѣ, въ которомъ находится самая церковь и зданіе школы. Священники — французы по происхожденію, а немногочисленную ихъ паству составляютъ живущіе въ Багдадѣ выходцы изъ католическихъ странъ Европы; нѣкоторые изъ нихъ женаты на турчанкахъ. Церковь хорошо убрана, на алтарѣ находятся обычныя украшенія, даже на стѣнахъ нѣсколько картинъ,

изъ которыхъ особенно замѣчательнъ образъ пресв. Дѣвы съ Младенцемъ, составляющій гордость священниковъ.

Отсюда мы отправились въ халдейскіе и армянскіе храмы. Здѣшніе армяне принадлежатъ въ двумъ различнымъ сектамъ. Многія изъ самыхъ древнихъ и богатыхъ армянскихъ семей исповѣдуютъ православіе.

Другая секта этого древняго племени, паству которой составляетъ многочисленное населеніе коптовъ и халдеевъ, признаетъ своимъ главой папу. Храмъ ея обширенъ и красивъ. Тутъ же вблизи живетъ епископъ, котораго мы также посѣтили; благодаря его давнишней дружбѣ съ докторомъ Кольвиллемъ, мы были отлично приняты. Епископъ, очень красивый мужчина съ густой черной бородой, яснымъ и умнымъ лицомъ и любезными манерами, былъ одѣтъ въ пурпуровое шелковое платье и шапку и башмаки того же цвѣта. Пять лѣтъ тому назадъ онъ посѣтилъ Римъ во время вселенскаго собора и былъ тамъ посвященъ въ кардиналы. Онъ глава всѣхъ находящихся въ Аравіи армянскихъ церквей его секты. По общепринятому здѣсь обычаю, подали кофе и сигары, послѣ чего, при помощи доктора, служившаго переводчикомъ, между нами завязался очень интересный разговоръ. Епископъ, узнавъ, что я американецъ, выразилъ сильное желаніе посѣтить эту страну: его пугалъ только бурный Атлантическій океанъ.

Замѣтивъ, что въ разговорѣ нѣсколько разъ повторялось слово „янкедонія“, я предположилъ, что слово это собственнаго изобрѣтенія моего друга, большого остряка, но въ удивленію моему обязалось, что оно арабскаго происхожденія и значить „Новый Свѣтъ“.

Отъ христіанскаго прелата мы отправились въ домъ богатаго еврея и были представленъ всѣмъ членамъ семьи, начиная съ патриархальнаго старика-дѣда и кончая дѣтьми. Всѣ женщины этой гостеприимной и любезной семьи отличались пріятной наружностью, а дѣти были красивы и благовоспитанны. На лицѣ одной изъ дамъ я замѣтилъ „финиковый знакъ“ — шрамъ, очень сходный по величинѣ и формѣ

съ финиковъ и происходящій отъ чирей (или болячки), которому всѣ въ этой странѣ неизбѣжно подвергаются разъ въ жизнь. Каждый европеецъ, живущій здѣсь известное время, долженъ пройти черезъ это. Если чирей появляется на лицѣ, то знакъ, оставляемый имъ, бываетъ особенно неприятенъ.

Въ Багдадѣ около двадцати тысячъ евреевъ. Тутъ, какъ и вездѣ, они главные с е р а ф ы или мѣновщики и торговцы подержанными вещами, а также занимаются по порученію другихъ денежными сдѣлками. Богатство, которое прежде служило поводомъ грабить и притѣснять ихъ, вселяетъ теперь уваженіе даже въ самыхъ ярыхъ изъ турокъ и магометанъ.

Послѣдній нашъ визитъ былъ къ эксъ-королю Ауда, Акбаръ-удъ-Даулу, котораго тутъ называютъ набобомъ. Онъ очень богатъ, и кромѣ своего частнаго состоянія получаетъ еще отъ англійскаго правительства ежегодную пенсію въ 60,000 долларовъ. Домъ и сады его, расположенные на берегахъ Тигра, великолѣпны. Онъ успѣлъ какъ-разъ во-время, а именно до возстанія сипаевъ, уступить англичанамъ свое королевское достоинство и свои дворцы въ Лукновѣ; съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Багдадѣ и, пользуясь правомъ британскаго подданнаго, носитъ въ то же время титулъ королевскаго высочества. Набобъ угостилъ насъ кофеемъ, шербетомъ и кальяномъ. Онъ понимаетъ англійскій языкъ и путешествовалъ по всей Европѣ. Въ Англии онъ былъ принятъ королевой съ царскими почестями. Теперь это ужъ шестидесятипяти-лѣтній старикъ, но все еще энергичный, бодрый и съ вѣжливыми манерами образованнаго джентльмена..

Глава XX.

Обычаи и нравы арабовъ.

Ихъ любезность и вѣжливость. — Утреннія привѣтствія. — Грубыя слова слышатся очень рѣдко. — Всѣ носятъ бороду. — Суровое воспитаніе мальчиковъ. — Обрядъ обрѣзанія. — Гостепріимство — древняя и наслѣдственная добродѣтель, которая ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть нарушена. — Разбой не преступленіе. — Собственность араба. — Ухаживаніе и обрядъ вѣнчанія. — Невѣстой иногда завладѣваютъ силой. — Она кусается и царапается, но только для виду. — Мужъ платитъ за жену. — Вдова и разведенная жена имѣютъ половиннуюцѣну. — Пѣсни жениха довольно грубо относятся къ отцу. — Легкость развода. — Погребальныя церемоніи. — Арабскія лошади. — Ихъ быстрота, понятливость и красота. — Описаніе знаменитой породы. — Ихъ удивительная выносливость. — Національный костюмъ арабовъ. — Изображеніе бедуина. — Характеристика племени. — Тысяча лѣтъ не могли измѣнить ихъ обычаевъ.

Арабы, живущіе внѣ городовъ, хотя довольно рѣзки въ обращеніи и вообще вспыльчивы, не лишены однако извѣстной доли вѣжливости и любезности. Обычное ихъ привѣтствіе „миръ вамъ“. Друзья, встрѣчаясь послѣ долгой разлуки, жмутъ другъ другу руку и цѣлуются, а иногда также повторяютъ какое-нибудь мѣсто изъ Корана, выражающее благодареніе Аллаху. При входѣ въ домъ или палатку обыкновенно произносятъ благочестивое восклицаніе „Бисмилла“. Въ городѣ, гдѣ приняты болѣе церемонныя фразы, знакому при утренней встрѣчѣ говорятъ: „пусть вашъ день будетъ бѣдъ“, получая на это въ отвѣтъ: „да будетъ вашъ, какъ мо-

лово“. Я видѣлъ иногда, какъ сѣдые патриархи, встрѣчаясь на улицѣ, останавливались и обнимались, цѣлуя другъ друга въ бороду, или же если въ ихъ общественномъ положеніи было большое различіе, то одинъ цѣловалъ другому руку со всевозможными изъясненіями любезности и уваженія. Женщины здороваются между собой, цѣлуя другъ друга въ лобъ, подбородокъ и обѣ щеки. Арабы даже, когда ссорятся рѣдко употребляютъ дурныя слова и ругань, которыя такъ часто слышатся у другихъ, болѣе образованныхъ, народовъ. Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ провинціяхъ голову брѣютъ (это даже обязательно для пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку); борода же, которая пользуется тутъ большимъ уваженіемъ, предоставляютъ всегда расти во всю длину. Мѣстами существуетъ даже обычай окрашивать бороду въ яркій красный цвѣтъ.

Арабскія дѣти воспитываются очень сурово. Тотчасъ послѣ рожденія имъ даютъ имя, а въ шесть-семь лѣтъ надъ мальчикомъ совершаютъ обрядъ обрѣзанія. Это происшествіе всегда празднуется съ большимъ торжествомъ. Мальчиковъ одѣваютъ въ богатую одежду, сажаютъ на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, въ красивомъ уборѣ, и торжественной процессіей ведутъ по улицамъ, подъ звуки барабана и грубой музыки. Въ домахъ родителей эти празднества продолжаются до глубокой ночи; благодаря запрещенію Кораномъ опьяняющихъ напитковъ, пирующіе ограничиваются дикою музыкой и нестройнымъ произвольнымъ пѣніемъ, но никогда не доходятъ до открытаго нарушенія порядка. На слѣдующій день быть можетъ многіе проснутся съ сильнѣйшей головной болью, но за-то никто не очутится въ полицейской управѣ.

Гостеприимство — древняя и наследственная добродѣтель арабовъ, строго предписывается Кораномъ и составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся чертъ ихъ общественной жизни.

Палатка шейха разбивается всегда на томъ мѣстѣ, отсюда можно ждать приближенія путешественниковъ; путешественникъ признается гостемъ того, кто первый увидѣлъ его издали. Пока онъ

остаётся гостемъ, его жизнь и собственность безопасны. Хозяинъ отвѣчаетъ за всякій ущербъ, который онъ можетъ потерпѣть, находясь въ его домѣ.

Послѣ того какъ человѣкъ, другъ или врагъ, переступилъ порогъ бедуина или вкусилъ его хлѣба и соли, ничто въ мѣрѣ не въ состояніи не только извинить, но даже смягчить нарушеніе гостепріимства. Одинъ арабъ говорилъ, что еслибъ въ дверь его палатки вошелъ его злѣйшій врагъ, неся голову его собственнаго сына, то онъ все-таки обязанъ былъ бы оказать ему гостепріимство. Араба нельзя ничѣмъ такъ оскорбить, какъ сказавъ ему, что онъ не принялъ своихъ гостей съ должной любезностью и внимательностью.

Силы привычки и преданія приходятъ иногда къ страннымъ несообразностямъ; такъ, напримѣръ, беззащитный путешественникъ, который какъ гость встрѣчается со всевозможной любезностью, нѣсколько дней спустя можетъ быть подстереженъ и ограбленъ своимъ бывшимъ хозяиномъ. Арабы, впрочемъ, наравъ на человѣка, убиваютъ его только въ томъ случаѣ, если онъ, защищаясь, прольетъ кровь нападающихъ. У дивихъ племенъ пустыни разбой доведенъ до степени науки, они выказываютъ въ немъ необыкновенную ловкость и смѣлость. Пойманнаго разбойника содержатъ въ строгомъ заключеніи, пока его не выкупятъ друзья или родные. Воровство не считается за преступленіе, или стыдъ; разбойническое же предпріятіе, неудавшееся по медленности или нераспорядительности, набрасываетъ дурную тѣнь на все племя.

Имущество араба заключается въ его стадахъ и табунахъ. Ни одна семья не можетъ просуществовать, не имѣя по крайней мѣрѣ хоть одного верблюда; человѣкъ, у котораго ихъ десять, считается бѣднымъ; для того, чтобъ быть достаточнымъ человѣкомъ, нужно имѣть тридцать или сорокъ верблюдовъ, а чтобъ быть богатымъ — шестьдесятъ.

Свадьбы празднуются обыкновенно по пятницамъ. Такъ-какъ у арабовъ мужъ, вмѣсто того, чтобъ получать за женой приданое, еще

платить за нее, то, по окончаніи предварительныхъ переговоровъ съ отцомъ невѣсты, заключается контрактъ въ присутствіи кади. Обыкновенно отецъ согласуется съ желаніями дочери, но въ нѣкоторыхъ племенахъ дѣвушка узнаетъ о предстоящей перемѣнѣ въ ея судьбѣ тогда, когда будущій мужъ подстерегаетъ ее и похищаетъ силой изъ лагеря отца. Если ей даже нравится женихъ, она все-таки изъ всѣхъ силъ защищается отъ него, и чѣмъ отчаяннѣе она борется, кусается, царапается, тѣмъ болѣе прославляютъ ее подруги.

Невѣсту уводятъ въ женское отдѣленіе палатки ея отца, гдѣ на нее надѣваютъ лучшее ея убранство (свадебная одежда доставляется также женихомъ); потомъ она сажается на верблюда и отвозится, въ сопровожденіи своихъ родственницъ, въ лагерь мужа. Этикетъ требуетъ, чтобъ во все это время она горько плакала или кричала; но такъ какъ ея лицо покрыто вуалемъ, то она обыкновенно не плачетъ дѣйствительно, а только притворяется и кричитъ.

Сумма, уплачиваемая отцу, зависитъ отъ его положенія и отъ денежныхъ средствъ обѣихъ сторонъ; если невѣста вдова или разведенная жена, то за нее никогда не платятъ болѣе половинной цѣны, притомъ эти браки считаются несчастными и зловѣщими, и потому не сопровождаются особыми церемоніями и празднествами.

По магометанскимъ законамъ, разводъ совершается легко и не представляетъ для жены или для ея родственниковъ позора и безчестія. Если мужъ отсылаетъ жену безъ всякой уважительной причины, то онъ ей даетъ небольшую сумму денегъ или нѣсколько предметовъ изъ домашней собственности. Самый процессъ развода крайне простъ: мужу стоитъ только сказать женѣ въ присутствіи свидѣтелей „ты разведена“ — и тогда дѣло окончено и не можетъ быть болѣе отмѣнено. Впрочемъ, это не мѣшаетъ мужчинамъ, если обѣ стороны помирились и согласны снова соединиться, жениться опять на той же женщинѣ. Жена можетъ также устроить нѣчто въ родѣ развода. Если съ ней дурно обращаются или если она чувствуетъ себя несчастною, то она мо-

*

жетъ бѣжать въ домъ своего отца и мужъ не имѣеть права требовать ее къ себѣ противъ ея воли.

Въ ухаживаніи арабы выказываютъ иногда много любезности, но при замкнутомъ образѣ жизни женщинъ, любящія имѣють мало случаевъ встрѣчаться. Между тѣмъ какъ влюбленные европейцы просто томятся и вздыхаютъ, а городскіе арабы воспѣвають любовь въ стихахъ, бедуины наносятъ себѣ раны, чтобъ лучше доказать всю силу своей страсти.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ арабовъ любовь иногда выражается словами, которыя звучатъ странно для западныхъ ушей: „О Галма! еслибъ мой отецъ былъ бы животнымъ, то я продалъ бы его, чтобъ купить тебя, дорогая моя Галма!“

Похороны въ Аравіи происходятъ обыкновенно при солнечномъ закатѣ и сопровождаются чтеніемъ Корана на могилахъ и своеобразными церемоніями. Нѣкоторыя племена кладутъ въ могилу мечъ, чалму и поясъ умершаго. Трауръ носятъ только женщины, но, кромѣ родственницъ, нанимаютъ еще плакальницъ, обязанность которыхъ завывать и плакать самымъ раздирающимъ душу образомъ какъ въ домѣ умершаго, такъ и при погребальной процессіи.

Молясь объ умершихъ, арабы никогда не кланяются въ землю. Это дѣлается въ знаменіе будущаго воскресенія. Человѣкъ, ожидающій въ скоромъ времени насильственной смерти, произноситъ надъ собой погребальныя молитвы. Тѣло умершаго всегда владется на боѣ лицомъ къ Меккѣ.

Хотя Магометъ сказалъ, что „духи, привидѣнія и тому подобное не имѣють ничего общаго съ Исламомъ“, однако онъ самъ не былъ свободенъ отъ суевѣрія, такъ какъ вѣрилъ въ предзнаменованія.

Для большинства людей на Западѣ имя Аравіи неразрывно связано съ понятіемъ о необыкновенно красивыхъ и быстрыхъ лошадяхъ. Мы всѣ читали, какъ эти лошади играютъ съ дѣтьми, ѣдятъ и пьютъ съ своими хозяевами и спать подлѣ нихъ въ пустынѣ. Быть можетъ, всѣ эти анекдоты достовѣрны, но даже Пальгравъ, который такъ во-

сторженъ въ своихъ похвалахъ арабскимъ лошадямъ, говоритъ, что бедуинъ навѣрно ударилъ бы свою лошадь по головѣ, еслибъ она сунула морду въ его похлебку. Вотъ какъ Пальгравъ описываетъ знаменитую неджскую породу, видѣнную имъ въ королевскихъ конюшняхъ въ Райдѣ, столицѣ Вахаби. „Никогда я не видалъ и не воображалъ такой прекрасной коллекціи лошадей (числомъ около трехсотъ). Правда, онѣ были нѣсколько малорослы, но сформированы такъ изящно, что отсутствіе болѣе высокаго роста почти или даже вовсе не казалось недостаткомъ: замѣчательно крутыя бедра, плеча, понижающіяся въ высшей степени изящнымъ изгибомъ; спина чуть-чуть сѣдлстая, какъ-разъ на столько, что изгибъ ея доказываетъ упругость безъ слабости; голова широкая вверху и сильно суживающаяся къ носу; въ высшей степени умный и необыкновенно кроткій взглядъ; большіе глаза, острые какъ иглы уши; точно изъ желѣза выкованныя ноги, тонкія но чрезвычайно мускулистыя; безукоризненные круглыя копыта, какъ-разъ пригодныя для твердой почвы; хвостъ, поставленный или, лучше сказать, откинутый окончательно въ видѣ дуги, мягкая, тонкая, блестящая шерсть; преобладающая масть каштановая или сѣрая. Подобныя лошади никогда не продаются; онѣ переходятъ изъ руки въ руки только во время войны, черезъ завѣщаніе или даръ. Если политика требуетъ подарка Египту, Персіи или Константинополю, то туда никогда не посылаются кобылы, а для этой цѣли выбираются самыя плохіе жеребцы, хотя въ другихъ странахъ они по всей справедливости могутъ считаться совершенствомъ. Ни одному арабу не приходится въ голову привязывать лошадь за шею; путы замѣняютъ недоуздокъ. Говорятъ, что въ Аравіи встрѣчается вообще мало упрямыхъ и норовистыхъ лошадей. Арабскія лошади воспитываются въ близкомъ соприсосновеніи съ людьми и пользуются сравнительно свободнымъ употребленіемъ своихъ чувствъ и членовъ; поэтому я охотно допускаю, что онѣ смиреннѣе и, говоря вообще, умнѣе, чѣмъ запертыя въ стойлахъ, обремененныя сбруей и обезображенныя наглазниками англійскія лошади. О необыкновенной выносливости этихъ избранныхъ

арабскихъ лошадей разсказываютъ удивительныя вещи. Утверждаютъ напримѣръ, что лошадь можетъ бѣжать двое или трое сутокъ безъ отдыха и питья подъ палящимъ небомъ Аравіи“. Не смотря на авторитетъ Пальграва, я не могу этому повѣрить. При такихъ условіяхъ можно еще допустить суточный переѣздъ, но не болѣе.

Своеобразный костюмъ арабовъ стоитъ описанія. Онъ состоитъ изъ грубой рубашки, на которую надѣвается по большей части узкая полосатая туника изъ шелевой или бумажной матеріи, охваченная поясомъ; поверхъ туники набрасывается еще абба, или плащъ изъ верблюжьей шерсти, обыкновенно чернаго цвѣта иногда съ широкими бѣлыми полосами. Обувью служатъ красныя башмаки съ заостренными и загнутыми вверху носами. Обыкновенный головной уборъ не чалма и не феска, а четверугольный толстый платокъ, съ желтыми или красными полосами. Онъ сложенъ треугольникомъ и накинута на голову такъ, что два длинные конца падаютъ на плечи, а третій виситъ сзади. Вокругъ платка обвита повязка изъ коричневой верблюжьей шерсти. Въ этомъ странномъ головномъ уборѣ и грубомъ плащѣ арабы походятъ скорѣе на вѣдьмъ, чѣмъ на мужчинъ. Въ очень холодную погоду они завязываютъ подъ подбородкомъ длинные концы платка, коффіяха, такъ что видны одни глаза. Такъ какъ шелкъ дурной проводникъ тепла, то этотъ головной уборъ отлично защищаетъ отъ холода и жара.

Трудно вообразить себѣ болѣе оригинальную картину, какъ дикаго бедуина, несущагося на своемъ красивомъ конѣ по пустынѣ; на его смугломъ, почти черномъ отъ загара лицѣ, изъ-подъ нависшихъ кудрявыхъ волосъ выглядываютъ черныя блестящіе глаза, одежда развѣвается по вѣтру, а за плечами колышется длинное копье. Арабы, мужественные и откровенные по природѣ, обладаютъ живымъ и проницательнымъ умомъ; въ сожалѣнію, всѣ эти хорошія качества притупляются и омрачаются отъ ихъ дикаго образа жизни: это хорошій матеріалъ, пропадающій отъ дур-

наго употребленія. Прохладныя ночи они часто проводятъ на дворѣ внѣ своихъ палатокъ, рассказывая другъ другу сказки или повторяя стихи. Частый отдыхъ въ продолженіи дня позволяетъ имъ долго не спать ночью.

Внѣ большихъ городовъ дикія племена бедуиновъ остались почти тѣми-же, какъ и за тысячу лѣтъ тому назадъ. Обычаи ихъ патріархальны, а добродѣтели и пороки представляютъ естественный результатъ кочеваго образа жизни. Ревнивый и вспыльчивый отъ природы характеръ арабовъ служилъ всегда источникомъ непримиримыхъ раздоровъ. Ссоры часто происходятъ также оттого, что они въ высшей степени чувствительны къ малѣйшей обидѣ или просто къ нарушенію этикета. Эти дикія племена давно истребили бы другъ друга, еслибы по арабскимъ законамъ за каждое кровопролитіе не полагалось бы вознагражденіе деньгами, или какой-нибудь другой собственностью. Законы о вознагражденіи за кровь и о правахъ убійщика чрезвычайно подробны и опредѣленны.

У арабовъ встрѣчается много любопытныхъ общественныхъ обычаевъ и преданій, удерживающихся съ удивительнымъ упорствомъ, несмотря на постоянно возрастающія (вслѣдствіе усиленія торговли и большей легкости сообщенія съ Европой) сношенія съ европейцами. Въ вышеприведенномъ краткомъ обзорѣ къ собственнымъ наблюденіямъ и опыту я присоединилъ замѣтки другихъ путешественниковъ, которые, благодаря своему болѣе продолжительному пребыванію въ этой странѣ и обширнымъ путешествіямъ внутри ея, могутъ считаться авторитетами въ отношеніи нравовъ и общественныхъ обычаевъ арабовъ.

Глава XXI.

Пѣздка въ Вавилонъ.

Цвѣтушая мѣстность, обратившаяся въ пустыню. — Опасности отъ наводненія и чумы. — Отъѣздъ. — Проводникъ Юсуфъ. — Гассанъ, погонщикъ муловъ. — Какъ навьючивается мулъ. — Инвентарій нашего багажа. — Караванъ и бедуины наѣздики. — Скачка на равнинѣ. — Каравансерай. — Гостинница пустыни. — Путешествующій набобъ. — Ёзда по жарѣ. — Миражъ. — Мы достигаемъ Мозеба. — Хилла объявлена въ карантинъ. — Дилемма. — Философія Юсуфа: не боюсь чумы — значитъ не заболѣю. — Я рѣшаюсь продолжать путь. — Поле битвы при Кунаксѣ. — Анабазисъ Ксенофонта. — Ночь на Кербелейскомъ каналѣ. — Приятныя мечты и размышленія. — Воспоминанія о чумѣ 1831 года. — Ужасная картина человѣческихъ страданій. — Багдадскій паша, выпрашивающій кусокъ хлѣба. — Я наконецъ засыпаю и просыпаюсь въ Кербеллѣ.

Древній Вавилонъ расположенъ на Евфратѣ въ шестидесяти миляхъ къ юго-западу отъ Багдада. Развалины его покрываютъ большое пространство по обоимъ берегамъ рѣки, и не подальку отъ нихъ построены новый городъ Хилла.

Страна, лежащая между Тигромъ и Евфратомъ, представляетъ теперь, за исключеніемъ узкой полосы по берегамъ обѣихъ рѣкъ, песчаную пустыню.

Въ древности эта обширная равнина отличалась плодородіемъ и густымъ населеніемъ, и была покрыта пальмовыми рощами и великолѣпными садами. Цѣлая сѣть каналовъ и водопроводовъ

давала средство къ существованію сотнямъ городовъ и деревень, представляющимъ теперь груды мусора. Когда же каналы были заброшены и постепенно засорились, то исчезла и растительность: обширная бесплодная, сожженная солнцемъ пустыня замѣнила плодородные сады и цвѣтуція селенія этой части Месопотаміи.

Но Вавилонъ, хотя и въ развалинахъ, представляетъ все-таки классическое и священное мѣсто. Здѣсь основано было одно изъ древнѣйшихъ историческихъ государствъ. Въ этихъ разрушенныхъ въ настоящее время дворцахъ Навуходоносоръ хвалился славой своей столицы и былъ наказанъ за высокомеріе. Тутъ пировалъ Валтазаръ, и въ то время, какъ побѣдоносные персы ^уужь ^врывались въ городъ, увидѣлъ на стѣнѣ роковыя слова.

Моя поѣздка къ этимъ великимъ развалинамъ была предпринята при очень неблагоприятныхъ условіяхъ, и чуть не окончилась несчастливо. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, лежащихъ только на нѣсколько миль ниже Хиллы, открылась недавно очень скоротечная и смертельная болѣзнь. Не было еще навѣрно извѣстно, чума ли это или нѣтъ, но страшная вѣсть дошла уже до Багдада; стали поговаривать, что во избѣжаніе распространенія болѣзни будетъ устроенъ карантинъ, и прекращено сообщеніе со всей зараженной мѣстностью. Теперь пошла вторая недѣля мая и вскорѣ должны были начаться жары, во время которыхъ путешествовать почти невозможно. Мой другъ, г. Финнисъ, не могъ меня сопровождать, и я долженъ былъ или отказаться отъ своего проекта или ѣхать одинъ. Но быть въ этой странѣ и не посѣтить Вавилона, все равно, что пропустить изъ трагедіи Гамлетъ роль самого Гамлета, и потому, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, полагаясь на свое обычное счастье, я рѣшился отправиться въ путь.

Мои друзья сильно отговаривали меня отъ этой поѣздки, пугая заразой и затрудненіями отъ наводненія. Вода, которая, какъ я уже говорилъ, достигла въ этомъ году въ обихъ рѣкахъ не-

обыкновенной высоты, залила нѣкоторыя части равнины, такъ что мѣстами предстояло перебираться вбродъ, а, быть можетъ, и вплавь. Но это не страшило меня, я боялся только одного, а именно — наткнуться на кордонъ карантина.

Карантинъ въ Турціи ужасная вещь. Разъ бы я попалъ въ него, вся власть паши не могла бы меня освободить ранѣе опредѣленныхъ 40 дней.

Но съ другой стороны не было еще вполне рѣшено, чума ли это, и только лишь черезъ нѣсколько дней въ зараженную мѣстность должна была отправиться медицинская коммисія.

Во дворцѣ, куда я пошелъ за справками, мнѣ сказали, что карантинъ будетъ установленъ, но все въ вѣроятіямъ, не ранѣе получения докторскаго отчета, а секретарь увѣрялъ, что до возвращенія коммисіи пройдетъ вѣроятно еще недѣля, а этого времени было бы для меня совершенно достаточно.

Окончивъ свои приготовленія и вооружившись вѣрительными грамотами отъ паши и письмомъ къ Агѣ Даула, богатому индійскому набобу въ Кербелѣ, я отправился въ путь. Во вторникъ утромъ, еще до солнечнаго восхода, я сидѣлъ въ гужѣ съ Юсуфомъ, моимъ слугою и проводникомъ, и со всею багажомъ; мнѣ нужно было переправиться на западный берегъ рѣки, гдѣ еще со вчерашняго вечера насъ ожидали лошади. Когда я весело говорилъ „до свиданія“ провожавшимъ меня друзьямъ, мнѣ пришла на минуту мысль, что рискъ слишкомъ великъ, впрочемъ возвращаться было ужь поздно и притомъ мнѣ не хотѣлось показать, что я испугался. Мы переправились черезъ быструю рѣку, на противоположный берегъ, гдѣ ждалъ насъ Хассанъ, арабъ, погонщикъ муловъ, съ двумя лошадьми и вьючнымъ муломъ. Все приготовленія къ отъѣзду я предоставилъ Юсуфу, очень опытному въ этихъ дѣлахъ. Это былъ христіанинъ изъ города Мосула, лежащаго вверхъ по Тигру; энергичный и находчивый, онъ былъ знакомъ со всей мѣстностью по дорогѣ и хорошо говорилъ по-арабски, турецки и персидски, ан-

гійскій же языкъ онъ зналъ настолькоъ, что его безъ труда можно было понимать. Пока мои вещи переносятся подъ его надзоромъ изъ гуды на берегъ, я представлю вамъ инвентарь всего, что при мнѣ было: англійское сѣдло, узда, стеганое одѣяло и подушка, крѣпко завернутыя въ персидскій коверъ и покрытыя еще непромокаемымъ покрываломъ; небольшая сумка, заключающая одну перемѣну платья и нѣсколько самыхъ простыхъ туалетныхъ принадлежностей. Затѣмъ большія сѣдельныя сумы, съ съѣстными припасами и необходимыми принадлежностями для ѣды, то есть: чай, сахаръ, кофе, соль, ножъ, вилка и ложка, холодные цинлята, тартинки, поль-дюжины бутылокъ аля, бутылка водки, жестяной чайникъ и запасъ персидскаго табаку для моей трубки; наконецъ два немуровленные водяные кувшина, называемые „кед-жесъ“. Мои любезные гостепріимные друзья позаботились, какъ видите, чтобъ я не страдалъ въ пустынѣ ни отъ голода, ни отъ жажды. Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще большое неуклюжее арабское сѣдло для Юсуфа и свертокъ, заключавшій его постель. Я самъ былъ одѣтъ весь въ бѣломъ, въ соломенной шляпѣ и въ высокихъ сапогахъ.

Прежде всего слуга осѣдлалъ мою лошадь и я, сѣвъ на своего „арабскаго коня“, съ любопытствомъ наблюдалъ за навьючиваніемъ мула разнокалиберными свертками. Все укладывалось по парно и какъ можно равномернѣе съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ крѣпко привязывалось, чтобъ грузъ не развалился, въ случаѣ если животное ляжетъ или начнетъ кататься по землѣ. Когда все было окончено, Гассанъ взобрался на вершину вьюка; для управленія муломъ, ему служилъ недоуздокъ, украшенный раковинами, а вслучаѣ нужды остроконечная палка.

Съ Юсуфомъ во главѣ, мы проѣхали вереницей по узкимъ улицамъ и выѣхали изъ воротъ полуразрушившейся стѣны въ открытую равнину, какъ-разъ въ ту минуту, какъ всходило солнце.

Восточные народы встаютъ рано: на дорогѣ намъ постоянно встрѣчались караваны изъ сотенъ верблюдовъ и лошадей, муловъ и ословъ, гѣшіе арабы, ведущіе въ городъ навьюченныхъ животныхъ съ огромными ношами свѣже-скошенной травы или со связками прутьевъ, кожные бедуины, вооруженные ружьями, ятаганами и длинными колеблющимися копиями. Не удостоивая насъ даже взглядомъ, они быстро проѣзжали мимо. Черные ихъ плащи и яркіе концы коффіяховъ развѣвались по вѣтру.

Сначала нашъ путь шелъ вдоль берега рѣки по финиковымъ рощамъ и хлѣбнымъ полямъ. Затѣмъ, оставивъ за собой воздѣланную полосу, мы взяли вправо и выѣхали въ пустыню, лишенную всякой растительности. Прошлую ночь шелъ дождь, такъ что дорога была не пыльна; возбужденный яснымъ, чистымъ воздухомъ и новизной положенія, я прищпорилъ коня и поскакалъ полнымъ галопомъ по песчаной равнинѣ, оставивъ далеко за собой мой маленький караванъ. Доскакавъ до каравансерая, стоявшаго въ пустынѣ на разстояніи четырехъ-пяти миль, я остановился подъ тѣнью низкихъ его стѣнъ и сталъ дожидаться моихъ спутниковъ.

Каравансераи, служащіе мѣстомъ отдыха для путешественниковъ, строятся по главнымъ дорогамъ Аравіи и Персіи на разстояніи шести-восьми миль одинъ отъ другого. Это обыкновенно одноэтажныя кирпичныя строенія со внутреннимъ дворомъ по срединѣ. На тяжелыхъ воротахъ ерѣпкіе засовы, а внѣшнія стѣны снабжены бойницами. Внутреннее устройство вполнѣ первобытно. Кирпичныя или каменныя платформы, около пяти футовъ высотой, защищенныя отъ солнца и дожда сводчатой кровлей, и отерывающіяся во дворъ, гдѣ ставятъ вьючныхъ животныхъ и лошадей, представляютъ въ нихъ единственное помѣщеніе. Тутъ путешественникъ разстилаетъ свой коверъ и располагается на отдыхъ. Вы не увидите здѣсь ловкихъ служителей, которые, смотря по вашему обществу положенію, встрѣчаютъ васъ то низкопоклонно, то съ презрительной важностью.

Когда я въѣхалъ въ сводчатыя ворота каравансерая, тотчасъ же явился арабъ, подержалъ мнѣ стремя, пока я слѣзалъ съ сѣдла, а потомъ, ослабивъ подпруги, сталъ водить въ тѣни моего коня. Другой арабъ навалилъ свѣже-накошенной травы на платформу, на которой я сидѣлъ, и принесть мнѣ чашку крѣпкого черного кофе. Потомъ спросивъ, не желаю ли я кружку свѣжей воды или молока, принесть горячій уголь, чтобъ закурить мою трубку. При всемъ этомъ не было сказано ни одного слова, кромѣ перваго почтительнаго привѣтствія Salaama.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхали Юсуфъ и Хассанъ и полчаса спустя, какъ только они успѣли наняться кофе, мы опять пустились въ путь. Счетъ, представленный Юсуфу въ каравансераѣ, былъ такъ скроменъ, что я приказалъ дать хозяевамъ еще столько же бакшишу. На небольшомъ разстояніи отъ каравансерая, мы пріѣхали къ валла, т. е. оврагу около ста футовъ шириной, который Тигръ, выйдя изъ береговъ, наполнилъ водой. Втеченіи дня, кромѣ этого оврага, намъ пришлось переѣхать вбродъ еще нѣсколько другихъ, но такъ какъ вода не доставала лошадямъ выше подпругъ, то этого нельзя было считать за серьезное препятствіе.

Въ первый день нашего путешествія, намъ нужно было проѣхать сорокъ миль, отдѣлявшихъ насъ отъ Мазенба, города на Евфратѣ. Солнце начинало сильно печь и беспокоило меня, несмотря на шляпу и зонтикъ. Оставивъ Юсуфа при вьючномъ мулѣ, я носившимъ скорѣе достигнуть мохаммедейскаго каравансерая, на половинѣ дороги въ Мозенбъ. По пути мнѣ встрѣтилось сначала нѣсколько партій всадниковъ, которыхъ по одеждѣ я призналъ за персіанъ, возвращающихся съ паломничества въ Кербеллу и Кифиль. Затѣмъ, нѣсколько далѣе, я замѣтилъ впереди большую группу всадниковъ, и подѣхавъ къ ней поближе, увидѣлъ, что это не простой караванъ. Положеніе было не совсѣмъ безопасное, слуги мои остались далеко позади, а единственное мое

оружіе составлялъ небольшой револьверъ. Большинство членовъ каравана было хорошо вооружено, а во главѣ его на чистобровномъ арабскомъ конѣ ѣхалъ красивый всадникъ лѣтъ тридцати. Когда мы поравнялись, я поклонился и вдругъ къ своему изумленію услышалъ по-англійски: „добраго утра, сэръ, вы ѣдете въ Хилла?“ Обмѣнявшись нѣсколькими словами, мы продолжали путь. Въ центрѣ вооруженной шайки и окруженный черными слугами находился большой хауда, покрытый яркимъ краснымъ сукномъ и запряженный четырьмя мулами. Благодаря нѣсколькимъ раскрытымъ занавѣскамъ, я могъ разсмотрѣть, что тамъ сидитъ жена предводителя каравана, и проѣзжая мимо, уловилъ взглядъ двухъ блестящихъ черныхъ глазъ, любопытно выглядывавшихъ изъ-подъ вуала, покрывавшаго ея лицо. Но я боялся смотрѣть слишкомъ пристально по этому направленію, такъ какъ это могло быть сочтено съ моей стороны за оскорбленіе. Сзади караванъ замыкали съ дюжину хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Это ѣхалъ изъ Кербеллы въ Багдадъ наибъ Ага Даула, къ которому я имѣлъ письмо. Когда же наибъ встрѣтилъ Юсуфа и узналъ кто я, то тотчасъ же послалъ за мной въ догону челоуѣка съ порученіемъ передать мнѣ, какъ онъ сожалѣетъ, что будеть въ отсутствіи и пригласилъ меня остановиться въ Кербеллѣ въ его домѣ; онъ обѣщалъ телеграфировать въ тотъ же день изъ Багдада своему управляющему, чтобы все было приготовлено для моего приѣма.

Такъ какъ предстояло еще шесть часовъ утомительной ѣзды, то мы остановились только не надолго въ мохаммедейскомъ каравансераѣ; въ Мозеибъ необходимо было доѣхать еще засвѣтло, чтобы успѣть найти лодку для перѣзда черезъ Кербеллейскій каналъ. Солнце жгло нестерпимо, въ воздухѣ было душно. Въ двухъ другихъ каравансераихъ я останавливался только чтобы выпить въ тѣни чашку кофе, поджидая Юсуфа и Гассана.

Дорогой послѣ обѣда я впервые увидѣлъ удивительное явленіе миража въ пустынѣ. Далеко, очень далеко за песчаной равниной подъ

трепещущими лучами солнца, стоялъ каравансерай, но между мной и имъ протекала рѣка, которая удалялась по мѣрѣ моего приближенія, а потомъ вдругъ исчезла какъ по волшебству. Обманъ былъ до того положенъ, что я нѣсколько разъ думалъ, что передо мной Евфратъ. Другой разъ миражъ представлялъ иную картину. На нѣсколько градусовъ надъ горизонтомъ видѣлись пальмовыя группы и вереница верблюдовъ. Всѣ эти предметы стояли навыворотъ, такъ что деревья росли верхушками внизъ, а верблюды стояли на головахъ. Теперь только я могъ воплотить понять читанные мною прежде рассказы о бѣдныхъ усталыхъ и томимыхъ жаждой путешественникахъ, обманутыхъ миражемъ: взору путника представляется зеленый оазисъ и сверкающая вода, которые манять его впередъ и вдругъ все это исчезаетъ и оставляетъ его еще въ большемъ изнеможеніи.

Солнце ужъ закатилось, когда мы наконецъ достигли Моземба, большаго города, окруженнаго пальмовыми рощами и садами. Проезжая въ берегу рѣки по узкимъ улицамъ и базарамъ, мы остановились у караулни, гдѣ Евфратъ пересѣкается ветхимъ плавучимъ мостомъ на баркахъ, ведущимъ въ дому губернатора на противоположномъ берегу. Я послалъ Юсуфа съ письмомъ багдадскаго паши и просилъ губернатора снабдить меня лодкой для путешествія по каналу. Юсуфъ вскорѣ вернулся съ отвѣтомъ, что губернаторъ посылаетъ мнѣ тысячу са л а а м о в ъ и обѣщаетъ лодку черезъ полчаса. Не прошло еще и получаса, какъ явилась м а р г а л л а или рѣчная лодка въ восемнадцать или двадцать тоннъ. Мой коверъ и тюфякъ были разостланы на палубѣ и я бросился на эту постель, совершенно изнеможенный двѣнадцати-часовой поѣздкой. Юсуфъ приготовилъ мнѣ чашку чаю, но я такъ усталъ, что не могъ ни ѣсть, ни пить.

Я намѣревался доѣхать въ эту же ночь до Кербеллы, провести тамъ слѣдующіе сутки, а оттуда на другую ночь отправиться по Хиндійскому каналу въ Куфель, древнюю столицу Куфійскаго государства и въ Кифиль, гдѣ находится священная для магометанъ могила Али, зятя Магомета. Лошадей я хотѣлъ отправить съ Хаасаномъ въ

мѣсто, называемое Неджифъ, откуда ужъ мы должны были ѣхать верхомъ въ Хилла и на Вавилонскія развалины.

Вдругъ является ко мнѣ Гассанъ, весь испуганный и говорить, что турецкіе солдаты забираютъ всѣхъ лошадей. Я опять посылаю Юсуфа къ губернатору съ просьбой оказать мнѣ поврительство на пути до Неджефа. Онъ возвращается съ поражающимъ извѣстіемъ, что губернаторъ только что получилъ изъ Багдада телеграмму, въ которой Хилла объявляется въ карантинѣ, такъ какъ тамъ открылась чума, но что я могу ѣхать въ Кербеллу, потому что это мѣсто внѣ санитарнаго кордона. И такъ представлялась дилемма. Осторожность требовала немедленнаго возвращенія въ Багдадъ, но самолюбіе, а главное желаніе и надежда увидѣть таки Вавилонъ не позволяли мнѣ сдѣлать этого. Я обратился къ моему слугѣ съ вопросомъ: что намъ теперь дѣлать, Юсуфъ? „Что угодно, сахибъ, былъ его отвѣтъ“.

— Развѣ ты не боишься чумы? „Нѣтъ, сахибъ, не боюсь ея и не заболѣю“. Я одобрилъ философію Юсуфа и рѣшилъ ѣхать въ ту же ночь въ Кербеллу, очень интересное мѣсто, почти въ виду дворца Нимрода, называемаго также вавилонской башней, осмотрѣть, что успѣю съ тѣмъ чтобы на слѣдующую ночь вернуться лошадямъ. Нашъ багажъ былъ уже на лодкѣ и пять минутъ спустя мы плыли по направленію къ зараженной области.

Лодочники подняли большой косой парусъ и мы пересѣкли по діагонали быстрое теченіе, направляясь къ устью Кербелейскаго канала. Въ смутномъ сумракѣ я могъ различать равнину, гдѣ болѣе двадцати столѣтій тому назадъ происходила битва при Кунаксѣ, оказавшаяся столь пагубной для Кира Младшаго и подробно описанная Ксенофонтomъ въ Анабазисѣ. Въ моемъ воображеніи рисовались картины изъ этого историческаго сочиненія, изящный и гладкій языкъ котораго никогда не затруднялъ меня во дни моего юношества; иногда мнѣ думалось, не служить ли этотъ несчастный походъ „Десяти тысячъ“ въ Вавилонъ дурнымъ предзнаменованіемъ для моей настоящей поѣздки и будетъ ли мое отступленіе столь же удачно, какъ

отступление грековъ подъ мудрымъ предводительствомъ Ксенофонта.

Охваченный этими мыслями, я уже почти раскаявался въ своемъ рѣшеніи, но вернуться было ужъ поздно. Юсуфъ наполнилъ и раскурилъ мнѣ трубку, а я расположился какъ можно удобнѣе. Маргаллу тащили за длинную бичеву, привязанную къ мачтѣ, четыре араба, которые шли вдоль берега. Какъ-разъ за мной сидѣлъ рейсъ или капитанъ; онъ управлялъ рулемъ и поминутно погонялъ арабовъ, монотонное пѣніе которыхъ представляло мало пріятнаго для усталаго путешественника. Когда мы проѣзжали мимо деревень, къ концерту присоединялись сотни собакъ, а въ открытыхъ равнинахъ онъ разнообразился воемъ шакаловъ, напоминавшимъ по временамъ плачь маленькаго ребенка. Прибавьте еще къ этому кровожадное жужжаніе миллионныхъ москитовъ, и вы поймете, что сонъ, несмотря на всю мою усталость, былъ невозможенъ.

Ночь была тепла и ясна, я смотрѣлъ на звѣзды и все вспоминалъ рассказы, слышанные мною отъ одного старика, кажется единственнаго европейца, пережившаго чуму 1831 года, когда въ два мѣсяца въ Багдадѣ умерло отъ заразы сто тысячъ жителей.

На Западѣ мы не имѣемъ понятія, какой ужасъ возбуждаетъ въ восточныхъ народахъ одно имя чумы. Для насъ это просто болѣзнь, отъ которой страдало въ былыя времена человѣчество; быть можетъ, при этомъ намъ вспоминаются также описанія „великаго пожара“ и чумы, одновременно опустошившихъ, около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, а именно въ XVII столѣтіи, Лондонъ. Но въ нѣкоторыхъ странахъ Востока чума имѣетъ характеръ эндемической болѣзни и можно всегда ожидать ея появленія. Едва ли проходитъ годъ, чтобъ по Аравіи и Персіи или въ турецкихъ портахъ Средиземнаго моря не распространилось слуховъ о чумѣ. Эта въ высшей степени заразительная болѣзнь развивается очень быстро и смертельна для двухъ третей заболѣвшихъ. Единственное спасеніе отъ чумы—полное разобщеніе, такъ что при ея появленіи люди, запасшись всѣмъ нужнымъ, запираются въ домахъ и

превращаютъ всё сношенія съ друзьями и сосѣдами, пока „ангелъ смерти“ не пройдетъ мимо.

Весной 1831 года, когда въ Багдадѣ открылась чума, въ этотъ городъ было до 150,000 жителей. Тогдашній губернаторъ провинціи, Даудъ-паша, значительно увеличилъ армію, и такъ какъ онъ былъ честолюбивъ и популяренъ, то его даже заподозрили въ желаніи свергнуть съ себя иго султана и послѣдовать удачному примѣру Магомета Али въ Египтѣ. Паша этотъ держалъ блестящій дворъ, покровительствовалъ торговлѣ и значительно способствовалъ увеличенію богатства населенія города.

Страшная болѣзнь эта была занесена въ Багдадъ персидскими пилигримами, пришедшими въ Кербеллу. Болѣе ужасныя подробности человѣческихъ страданій трудно найти на страницахъ исторіи. Паша сдѣлалъ громадную ошибку: изъ боязни поднять повсюду излишнюю тревогу, онъ запретилъ жителямъ оставлять городъ; такимъ образомъ болѣзни была предоставлена полная свобода свирѣпствовать въ стѣнахъ города. Ежедневная смертность быстро возрасла до 5000; многіе дома опустѣли, на улицахъ не было видно никого, кромѣ людей, обязанныхъ стаскивать къ берегу рѣки трупы, выброшенные на улицу изъ домовъ. Многіе умирающіе родители выставляли на улицѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, надѣясь привлечь этимъ симпатію добрыхъ людей; но въ такія времена всякое чувство милосердія какъ бы исчезаетъ: беспомощныя маленькія созданія обыкновенно такъ и умирали безъ призрѣнія.

Когда смертность достигла своего апогея, бѣдствія несчастныхъ жителей еще увеличились наводненіемъ; рѣка, выступивъ изъ береговъ, прорвала городскія стѣны и подмыла глиняные фундаменты многихъ домовъ; множество больныхъ, умирающихъ и умершихъ было погребено подъ развалинами болѣе семи тысячъ домовъ. Самому пашѣ пришлось не лучше, чѣмъ его подданнымъ. Его дворецъ былъ обращенъ въ развалины, а стража частью погибла отъ чумы, частью разбѣжалась; даже спасеніемъ отъ голодной смерти онъ

обязанъ щедрости бѣднаго рыбака, даваго ему немного пищи. Британскій консулъ и его семья спаслись изъ города по рѣкѣ. Изъ восемнадцати сипаевъ и слугъ, оставленныхъ въ помѣщеніи резидента, уцѣлѣло только двое, въ нѣкоторыхъ частяхъ города вымерли всѣ жители. Другіе сосѣдніе города также страшно пострадали. Хилла, имѣвшая десять тысячъ жителей, совершенно опустѣла. Нѣкоторые, конечно, бѣжали, но большинство пало жертвами страшной эпидеміи.

Таковы страшныя подробности чумы 1831 года, живо сохранившіяся въ памяти нѣкоторыхъ изъ живущихъ теперь въ Багдадѣ. Въ 1772 году чума свирѣпствовала еще ужаснѣе: отъ нея погибло въ этой части Аравіи и въ Персіи до милліона жертвъ.

Вотъ какія мысли занимали мой умъ еще далеко за полночь. Наконецъ, усталость взяла свое и я крѣпко заснулъ. Проснувшись, я очень удивился, увидавъ яркое солнце и Юсуфа, стоящаго передо мной съ чашкой кофе въ одной рукѣ и чубукомъ въ другой.

Глава XXII.

Гостепрѣмство въ Вавилонѣ.

Прѣѣздъ въ Кербеллу.—Гостепрѣимный прѣемъ.—Дворецъ набоба.—Священныя мѣста Кербеллы.—Мечеть Аббаса.—„Останки Святыхъ“.—Индійскіе набобы, сдѣлавшіеся британскими подданными.—Торжественное посѣщеніе базаровъ.—Визитъ въ индійской королевѣ.—Королевское индійское угощеніе.—Сласти.—Вавилонъ, какъ его описывали Геродотъ и Веньяминъ Тудельскій.—Видъ развалинъ въ настоящее время.—Три великіе холма.—Остатки висячихъ садовъ.—Арабское преданіе.—Дворецъ Нимрода или вавилонская башня.—Мѣсто погребенія Али.—Я начинаю свое отступленіе.—Меня останавливаетъ турецкій губернаторъ.—Страшное извѣстіе.—Приказаніе вернуться обратно въ Кербеллу.—Я попалъ въ область карантина.

Къ великому моему изумленію, проснувшись, я увидѣлъ себя уже въ Кербеллѣ. Моя м а р г а л л а стояла возлѣ другихъ судовъ, а вокругъ насъ кипѣла шумная и суетливая дѣятельность большого города. Приведя нѣсколько въ порядокъ мой туалетъ, я отправился съ Юсуфомъ въ резиденцію набоба. Тамъ еще наканунѣ была получена телеграмма отъ гостепрѣимнаго владѣльца, и управляющій мирза все ужъ приготовилъ для моего прѣема.

Когда я освѣжился ванной и двухчасовымъ сномъ въ прохладной полутемной комнатѣ, мнѣ подали завтракъ, состоявшій изъ кофе, сластей и множества различныхъ своеобразныхъ бушаній. Потомъ мирза показалъ мнѣ всѣ комнаты дома, или лучше сказать дворца набоба. Дам-

ская половина — гаремъ, отдѣлялась отъ мужскихъ приемныхъ стѣной и выходила на открытый мѣщенный мраморомъ дворъ съ прекраснымъ фонтаномъ посрединѣ. Черезъ эти изящно убранныя и пустыя теперѣ комнаты мы прошли на плоскую кровлю дома, откуда открывался прекрасный видъ на городъ.

Въ Кербеллу стекается много пилигримовъ изъ Персіи и Индіи. Всѣ они магометане и принадлежатъ къ сектѣ шиитовъ, которые чтутъ халифа Али почти наравнѣ съ самимъ Магометомъ. Здѣсь находятся двѣ священныя гробницы Аббаса и Хуссейна, внуковъ Магомета. Подобно тому, какъ индусы отправляются въ свой священный городъ Бенаресъ, чтобъ омыться передъ смертью въ водахъ Ганга, такъ и сюда стекаются тысячи людей, желающихъ умереть въ этомъ священномъ мѣстѣ. Обѣ мечети, содержащія останки святыхъ, очень хороши. Къ сожалѣнію, я могъ судить только о наружномъ видѣ, такъ какъ никакая „невѣрная собака“ никогда не допускается въ ихъ священные предѣлы. Мечеть Аббаса имѣетъ огромный куполь, а одинъ изъ ея минаретовъ весь покрытъ позолоченными листами. Куполь и минареты другой мечети разукрашены арабесками изъ блестящихъ разноцвѣтныхъ череницъ и изреченіями изъ корана. Ни въ Каирѣ, ни въ Дамаскѣ, ни въ Константинополѣ мнѣ не случилось видѣть мечетей, такъ прекрасно отдѣланныхъ снаружи. Вслѣдствіе множества погребенныхъ въ Кербеллѣ, земля здѣсь полна человѣческихъ костей. Пилигримы уносятъ съ собой немного священной земли и прикладываютъ къ ней лбомъ во время молитвы.

Тутъ живетъ нѣсколько индійскихъ набобовъ, между которыми есть очень богатые. Многіе изъ нихъ изъ Лукнова, столицы Ауда, и родственники царствовавшихъ прежде государей этой провинціи. Англичане, завладѣвъ этимъ самымъ важнымъ изъ индійскихъ королевствъ, дали щедрыя пенсіи всѣмъ членамъ королевской фамиліи. Теперь они живутъ тутъ подъ покровительствомъ британскаго правительства и принадлежатъ всѣ къ той-же сектѣ, какъ и персіане.

Послѣ завтрака, ко мнѣ пришелъ одинъ изъ набобовъ и предложилъ показать базары. Процессія наша, когда мы медленно подвигались по многолюднымъ улицамъ, имѣла очень внушительный видъ; признаюсь, что мои республиканскія понятія были нѣсколько шокированы безцеремонностью, съ которой шедшіе впереди кавассы въ блестящихъ мундирахъ и вооруженные саблями расталкивали народъ. Базары были очень интересны, но такъ какъ я самъ служилъ центромъ общаго любопытства, то мнѣ было неудобно останавливаться и разсматривать лавки. Не думаю, чтобъ на всемъ протяженіи до Багдада нашелся бы въ это время хоть одинъ европеецъ или чужестранецъ.

На обратномъ пути мы зашли къ восьмидесятилѣтней вдовѣ одного изъ бывшихъ королей Индіи. Она получала отъ англійскаго правительства ежемѣсячную пенсію въ 6,000 рупій (3,000 долларовъ) и жила очень роскошно. Конечно, эскъ-королевы я не видалъ, это было бы несовмѣстно съ этикетомъ, но, проходя по длинному корридору, я мелькомъ замѣтилъ старое и сморщенное лицо, выглядывавшее изъ-за полуотворенной двери и почти увѣренъ, что сама королева видѣла меня. Я былъ принятъ ея братомъ и двоюродными братьями и долженъ былъ сѣсть на подушкѣ, положенной сверхъ ковра. Вокругъ меня на коврѣ расположилось пять или шесть офицеровъ высшихъ чиновъ, другіе-же сѣли далѣе на мраморномъ полу.

Когда мы обмѣнялись изысканными селамами, мнѣ подали на серебряномъ подносѣ кофе и консервы изъ фруктовъ. Затѣмъ послѣдовалъ кальянъ, богато изукрашенный золотой и серебряной филиграновой работой и приготовленный съ душистой розовой водой. Думая, что этимъ и кончится угощеніе, я хотѣлъ взяться за шляпу, но мои проводники вѣжливо дали мнѣ понять, что это еще не все, и я долженъ былъ терпѣливо ожидать конца комедіи.

Внесли подносъ съ чашей розоваго шербета и слуга сталъ наполнять стаканы большой ложкой изъ сандалнаго дерева, съ изящ-

ной рвзбой; къ этому-же было подано необыкновенно сладкое пирожное. Потомъ опять появились трубки другаго рода. Последняя снѣна блюдо состояла изъ четырехъ сортовъ сластей, отъ которыхъ я не могъ отказаться, такъ какъ они были мнѣ рекомендованы, какъ спеціальныя произведенія индѣйской кухни. Невозможно описать ихъ, или сказать, изъ чего именно они сдѣланы; я могу только засвидѣтельствовать, что они были необыкновенно вкусны. Угощеніе закончилось второй чашей шербета, другаго цвѣта и аромата, нежели первая, и трубками съ янтарными мундштуками и ясиновыми чубуками.

Простившись съ эскъ-королевской семьей и совершивъ при этомъ требуемое число селамовъ, я вернулся къ набобу, гдѣ насъ ожидалъ завтракъ, состоявшій опять-таки изъ сластей и чаю. Несмотря на всю мою любовь къ сладкому, это было ужъ чересчуръ: какъ исключительный предметъ пищи, я предпочелъ бы что-нибудь другое, нежели сахаръ.

Было уже далеко за полдень и я сталъ торопить возвращеніемъ въ Мосенбъ. Оставаться здѣсь долѣе было бы опасно: по городу ходили слухи, что чума появилась уже въ непосредственныхъ окрестностяхъ Хиллы; и всѣми въ городѣ овладѣлъ паническій страхъ. Я простился съ моими любезными хозяевами, которые, несмотря на жару, проводили меня до лодки. Къ удивленію моему, я нашелъ тамъ подарокъ отъ эскъ-королевы — хорошенькую ивовую корзинку, содержащую четыре послѣднія блюда сластей, которыя я отвѣдалъ и похвалилъ въ ея домѣ. Капитанъ и его помощники вѣриво спали, но Юсуфъ безцеремонно разбудилъ ихъ и мы пустились въ обратный путь.

Мнѣ пришлось побывать неподалеку отъ Вавилона, такъ сказать въ виду высокой башни, обозначающей его развалины, а потому я считаю себя въ правѣ представить читателямъ краткое описаніе, составленное со словъ очевидцевъ и на основаніи разсказовъ путешественниковъ.

Согласно Геродоту, единственному древнему писателю, лично видѣвшему Вавилонъ и оставившему его описаніе, городъ представлялъ

собою четверугольникъ, каждая сторона котораго была длиною въ двѣнадцать миль. Онъ былъ построенъ на обоихъ берегахъ Евфрата, которые соединялись каменнымъ мостомъ и были укрѣплены набережными изъ жженого кирпича. Среди города, на одной сторонѣ рѣки находились королевскіе дворцы и всячіе сады, на другой же храмъ Ваала. Городъ окружала двойная стѣна изъ крѣпко обожженного кирпича съ широкимъ и глубокимъ ровомъ передъ нею. Улицы были все прямиы и сходились подъ прямымъ угломъ; тѣ же, которыя шли въ рѣкѣ, имѣли мѣдныя ворота. Дома были трехъ-и четырехъ-этажные и вообще Вавилонъ, по словамъ отца исторіи, представлялъ собою самый богатый и красивый изъ всехъ городовъ Востока.

Веніаминъ Тудельскій, ученый еврейскій путешественникъ, посетившій Вавилонъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, говоритъ, что въ его окрестностяхъ жило не менѣе двадцати тысячъ евреевъ, отправлявшихъ богослуженіе въ синагогѣ, построенной, по преланію, самимъ пророкомъ Даниломъ. Эти евреи утверждали, что происходятъ отъ іудеевъ вавилонскаго плѣненія и вели свой родъ отъ іудейскихъ пророковъ и князей. Ихъ глава, жившій въ Багдадѣ, носилъ титулъ „господина князя плѣненія“ и считалъ себя прямымъ потомкомъ царя Давида.

Но вернемся къ настоящему времени и рассмотримъ самыя развалины, обширность которыхъ оправдываетъ наиболѣе преувеличенныя описанія славы Вавилона при послѣдовательныхъ династіяхъ Ассиріянъ, Хаддеанъ и Персіянъ.

Когда приближаешься къ Вавилону изъ Багдада, находящагося въ пятидесяти миляхъ отъ него, то прежде всего появляются одинъ за другимъ три огромныя возвышенія, похожія на естественныя холмы. Однако по ближайшему разсмотрѣнію оказывается, что они состоятъ изъ кирпича и представляютъ собою остатки громаднхъ зданій. Холмы эти, изъ которыхъ самый большой имѣетъ около ста пятидесяти футовъ высоты, находятся все на восточномъ берегу Евфрата и составляли прежде крѣпость, защищавшую эту часть города, королевскій дворецъ и храмъ. До чего громадны должны были быть сами зданія, можно

судить по тому, что развалины ихъ ужъ въ теченіи двадцати столѣтій служатъ складами, откуда брался кирпичъ для постройки такихъ большихъ городовъ, какъ Втезифонъ, Селевкія и Багдадъ. Въ этихъ холмахъ находятъ еще и теперь остатки алебастровыхъ сосудовъ и изображеній, изящную глиняную посуду и большое количество финифтяныхъ черепицъ, глазурь и рисунковъ которыхъ до сихъ поръ не обыкновенно свѣжи. На каждомъ кирпичѣ клинообразными буквами написаны имя и титулы Навуходносора. Цементъ, которымъ соединены кирпичи, до того твердъ, что отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго чрезвычайно трудно. Влѣзъ этихъ развалинъ находятся столбы и подпоры, поддерживавшіе когда-то знаменитые висячіе сады, считавшіеся однимъ изъ девяти чудесъ свѣта.

Посреди развалинъ стоитъ одинокій тамарискъ — дерево, встрѣчающееся вообще довольно рѣдко въ этихъ странахъ. Онъ повидимому очень почтенной древности, его нѣкогда огромный стволъ сильно пострадалъ отъ времени. Путешественники, бывшіе тутъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, описываютъ его развѣсистыя, вѣчно зеленныя вѣтви, украшенныя вьющимися усиками. Это, быть можетъ, послѣдній потомокъ деревьевъ, украшавшихъ сады халдейскихъ монарховъ. У арабовъ существуетъ повѣріе, что это дерево спасено Богомъ отъ разрушенія, которому подвергся городъ, для того, чтобъ Али могъ отдохнуть подъ его тѣнью послѣ побѣды, одержанной имъ при Хиллѣ.

Огромный каменный левъ, описанный Ричемъ, до сихъ поръ лежитъ полупогребенный въ мусорѣ и обломкахъ. Нѣкоторые путешественники, съ сильно развитымъ воображеніемъ, видятъ въ этой группѣ, представляющей льва, стоящаго надъ человѣческой фигурой, изображеніе Данила во рву львиномъ.

На западномъ берегу, нѣсколькими милями ниже вышеописанныхъ развалинъ, находится самый большой изъ еще уцѣлѣвшихъ памятниковъ древняго Вавилона. Это огромный продолговатый холмъ, возвышающійся на сто семдесятъ футовъ надъ равниной и имѣющій при основаніи около полумили въ окружности. На его вершинѣ стоитъ

башня въ сорокъ футовъ высотой, искусно выложенная изъ камня. Весь холмъ состоитъ изъ обожженного кирпича, а развалины на его вершинѣ представляли должно-быть уголь какого нибудь четырехугольного строенія, бывшего первоначально несравненно выше. Самое зданіе разщеплено почти съ вершины до основанія, какъ будто ударомъ молніи.

Этотъ большой холмъ называется арабами дворцомъ Нимврода, а евреями темницей Навуходоносора. Большинство же христіанскихъ путешественниковъ признаютъ его настоящими остатками Вавилонской башни. Его можно видѣть изъ равнины на разстояніи многихъ миль, и мнѣ указали его тотчасъ же, какъ только онъ появился на горизонтѣ. Между мусоромъ у его основанія виднѣются обломки камня, мрамора и базальта, доказывающіе, что эти матеріалы служили прежде для украшенія зданія. Цементъ, соединяющій кирпичи, до того крепокъ что ихъ очень трудно отдѣлить отъ общей массы.

Одинъ изъ прежнихъ путешественниковъ говоритъ: „Башня Нимврода величественна даже въ своихъ развалинахъ. Вокругъ ея вершины играютъ облака. Развалины служатъ жилищемъ для львовъ“. Такииъ образомъ исполнились слова пророка: „Тутъ будутъ лежать дикіе звѣри пустыни. Шакалы станутъ жить въ ихъ дворцахъ, а дикіе звѣри въ ихъ увеселительныхъ мѣстахъ,“.

Недалеко отъ вершины дворца Нимврода находится Неджива, священная для Европы какъ гробница Езекиила, а нѣсколькими милями далѣе, по тому же направленію, лежитъ Кифилъ, гдѣ погребенъ Али. Когда этотъ халифъ умеръ, то, согласно его желанію, тѣло его было положено на его любимую ослицу и похоронено на томъ мѣстѣ, гдѣ ослица эта легла отдохнуть. Надъ останками Али возвышается теперь великолѣпная мечеть, окруженная рощею финиковыхъ пальмъ. Кифилъ въ настоящее время большой городъ, куда стекаются тысячи пилигримовъ и послѣ Мекки и Медины это самое священное мѣсто для шиитовъ.

Но простимся съ величественными развалинами древняго Вавилона, который, по книгамъ Моисея и по извѣстіямъ, сохранив-

шимся отъ другихъ позднѣйшихъ писателей, былъ въ продолженіе многихъ столѣтій великолѣпнѣйшимъ городомъ міра, и вернемся къ маргалдѣ, на которой я медленно возвращался въ Мозейбъ.

Я вѣрно заснулъ на палубѣ подъ разостланнымъ наметомъ и въ моихъ снахъ безпрестанно смѣнялись и смѣшивались между собой мечети, набобы, кальянъ, сласти, трубы.

Я былъ внезапно разбуженъ Юсуфомъ, указывавшимъ мнѣ быстро подвигавшуюся къ намъ навстрѣчу лодку съ гребцами, въ которой сидѣли офицеры и солдаты въ мундирахъ. На кормѣ виднѣлся турецкій флагъ и Юсуфъ, въ очевидномъ испугѣ, сообщилъ мнѣ, что это ѣдетъ губернаторъ Мозейба. Я быстро приподнялся при приближеніи лодки и губернаторъ перешелъ на мою маргалду. Это былъ высокій красивый мужчина лѣтъ сорока, съ густой черной бородой и одѣтый въ темный шитый золотомъ турецкій мундиръ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ низко кланявшемуся рейсу, а потомъ вѣжливо, но нѣсколько свысока, поклонившись мнѣ, прочелъ вслухъ денжуту, которую держалъ въ рукѣ. Юсуфъ перевелъ ее мнѣ; оказалось, что она была изъ Багдада и содержала ужасное для меня извѣстіе о томъ, что Кербелла объявлена въ карантинъ; губернатору приказывалось возвращать назадъ всѣ лодки, идущія оттуда, и прекратить всякое сношеніе между Мозейбомъ и столицей. Извѣстіе это меня поразило; я почувствовалъ, что мои дѣла пришли въ критическое положеніе. Мнѣ предстояло быть заключеннымъ на неопредѣленное время безъ всякаго образованнаго общества въ мѣстности, окруженной карантиннымъ кордономъ; если вы прибавите еще къ этому страшную болѣзнь, постоянно усиливающія жары и невозможность сношеній съ моими друзьями на родинѣ въ Багдадѣ, то, я думаю, вполне согласитесь со мной, что положеніе было незавидное.

Глава XXIII.

Возвращеніе изъ Вавилона.

Неудобство не знать турецкаго языка. — Я предлагаю губернатору попробовать англійскаго пива. — Счастливая мысль. — Онъ возвращается со мной въ Мозеибъ. — Я стараюсь смягчить его эдемъ. — Губернаторъ начинаетъ таять. — Дѣла мои идутъ успѣшно. — Дѣйствіе англійскаго арака въ небольшихъ дозахъ. — Неразвитый музыкальный талантъ. — Попури изъ пѣсенъ. — Полное одобреніе. — Я приглашенъ обѣдать къ губернатору. — Мы приѣзжаемъ въ Мозеибъ. — Какъ турецкіе чиновники занимаются дѣлами. — Подозрительныя обстоятельства. — Сила привычки. — Турецкій обѣдъ. — Картина достойная художника. — Бѣгство при лунномъ свѣтѣ. — „Пустыня—свобода.“ — Арабскій завтракъ. — Мы переправляемся въ бродъ. — Освѣжающая ванна. — Хорошія стороны зонтика. — Мы приближаемся къ Багдаду. — Горячее привѣтствіе.

Капитанъ моей лодки принялся было уже отвязывать, по приказанію губернатора, бичеву. Несмотря на все мое отчаяніе, я не хотѣлъ однако сдаться совершенно безъ сопротивленія. Доставъ письмо багдадскаго паши, я показалъ его губернатору, который узналъ тогда во мнѣ путешественника, просившаго у него лодку. Такъ какъ онъ говорилъ только по турецки, то нашъ разговоръ долженъ былъ производиться при посредствѣ Юсуфа.

Въ эту минуту я охотно отказался бы отъ знанія всѣхъ остальныхъ языковъ (конечно за исключеніемъ отечественнаго), чтобъ быть только въ состояніи говорить съ этимъ туркомъ на его собственномъ языкѣ и убѣдить его силой моего краснорѣчія.

Солнце страшно пекло и потому, предложивъ губернатору занять мѣсто подъ моимъ наметомъ, я спросилъ его, не желаетъ ли онъ выпить англійскаго пива. Онъ пожалъ плечами, но согласился. Юсуфъ, быстро охладилъ бутылку, наполнивъ большой стаканъ пѣнащимся пивомъ и подалъ его губернатору, который залпомъ сразу выпилъ и попросилъ еще. По закону собственно ни одинъ мусульманинъ не можетъ пить вина, водки и пива; но турки вообще не слишкомъ строго соблюдаютъ коранъ въ этомъ отношеніи. Понятно, что мой гость не былъ аскетомъ. Въ отвѣтъ на его вопросъ я сказалъ ему, что у меня еще двѣ бутылки пива и одна водки, которыя „всѣ къ его услугамъ“.

Счастливая мысль, казалось, озарила его. Онъ позвалъ своего секретаря и послѣ краткаго совѣщанія съ нимъ объявилъ, что отсылаетъ свою собственную лодку съ депешами и письмами въ Кербеллу (удаленную только на нѣсколько миль), а что самъ вернется со мной въ Мозейбу въ моей маргаллѣ. Его солдаты, слуги, ковры, подушки и чубукъ были переведены въ мою лодку, а къ людямъ тащившимъ лодку присоединили еще четырехъ арабовъ, пришедшихъ на берегъ поглазѣть; приказаніе было отдано такъ выразительно, что они не осмѣлились ослушаться. Мы стали быстро подвигаться къ Мозейбу, котораго можно было надѣяться теперь достигъ еще до ночи, а не въ полночь, какъ я прежде предполагалъ.

Турокъ прежде всего расположился какъ можно удобнѣе; такъ какъ жара была нестерпимая, то онъ скинулъ свой тяжелый военный мундиръ, засучилъ рукава рубашки, снялъ кожаные штиблеты и, взявъ свой чубукъ, усѣлся на коврѣ и подушкахъ, разостланныхъ подъ наметомъ. Я долженъ былъ играть роль хозяина и кажется никогда въ жизни не старался такъ угодить гостю.

Я приказалъ Юсуфу подать остатки вчерашняго завтрака и присоединить къ нимъ еще другую бутылку эля и корзину лавомствъ, присланныхъ мнѣ эскъ-королевой. Со второй бутылки губернаторъ началъ таять; просмотрѣвъ еще разъ письмо багдадскаго паши, онъ

извинился, что не посѣтилъ меня въ Мозейбѣ и просилъ отобѣдать съ нимъ сегодня вечеромъ. Третья бутылка сдѣлала его совершенно любезнымъ. Онъ снова повторилъ свои извиненія, возобновилъ приглашеніе на обѣдъ и обѣщалъ какъ нибудь избавить меня отъ карантинна.

Я изо всѣхъ силъ старался уголить ему и занять его. Показавъ ему картины и маленькій револьверъ, который ему очень понравился, я даже серьезно подумывалъ предложить ему этотъ послѣдній въ подарокъ. Но дѣла шли, кажется, хорошо и безъ этого, такъ что я рѣшился удержать револьверъ про запасъ.

Окончивъ эль, губернаторъ изъявилъ желаніе испробовать англійскій аракъ. Изъ боязни, чтобъ этотъ крѣпкій напитокъ не подѣйствовалъ слишкомъ сильно, я велѣлъ Юссуфу подавать его лишь въ небольшихъ количествахъ, но мой страхъ оказался вполне неосновательнымъ, губернаторъ сдѣлался только немного веселѣе.

Когда онъ узналъ, что я былъ въ Константинополѣ и видѣлъ султана, его уваженіе ко мнѣ еще значительно увеличилось. Свѣдѣнія его объ Америкѣ были въ самомъ плачевномъ состояніи, онъ не зналъ даже, кѣмъ она управляется, императоромъ, королемъ или президентомъ, такъ что, повидимому, я далъ ему первый урокъ по географіи новаго свѣта. Я нарисовалъ нашъ флагъ, „звѣзды и полосы“, но губернаторъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобъ могъ быть флагъ красивѣе „звѣзды и полумѣсяца“.

Все это приходилось передавать черезъ переводчика или пантомимой, что было не легко, но я видѣлъ, что единственная надежда на спасеніе заключается въ томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе губернатора и успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Только разъ, когда онъ предложилъ мнѣ пѣть, я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Я никогда не отличался блестящими вокальными способностями, а турокъ не отставалъ и даже, чтобъ ободрить меня, сталъ подпѣвать арію, слышанную имъ въ Café chantant въ Перѣ (предмѣстьѣ Стамбула). Это было до того безобразно и негармонично, что я тотчасъ же обод-

рился и спѣлъ гимнъ: „Знамя усѣянное звѣздами“ обиваясь нѣсколько на мотивъ „Прекрасной звѣзды“. Мои слушатели не понимали ни словъ, ни мелодіи и потому не удивительно, что успѣхъ былъ самый блестящій. Они такъ усердно требовали повторенія, что я спѣлъ имъ еще „Собирайтесь вокругъ флага“. „Старикъ Джонъ Браунъ“ и „Проходя по Георгіи“. Наконецъ концертъ былъ законченъ смѣсью изъ различныхъ негритянскихъ пѣсенъ, и я разсмѣялся также искренно, какъ и самъ губернаторъ. Онъ ударилъ меня по плечу и воскликнулъ: „Вы славный малый, я васъ люблю. Приходите отобѣдать со мной, а потомъ выпьемъ еще араку и будемъ пѣть. Когда же луна взойдетъ, я отпущу васъ въ Багдадъ.“ Юсуфъ, у котораго заблестѣли глаза, когда онъ переводилъ эту рѣчь, сказалъ мнѣ по англійски: все хорошо, Сахибъ.

Мы достигли Мозеба еще засвѣтло. Я тотчасъ же послалъ Юсуфа отыскать Хассана и привести лошадей ко дворцу; мнѣ хотѣлось ѣхать какъ только взойдетъ луна и сдѣлается настолько свѣтло, что можно будетъ различать дорогу. Я послѣдовалъ за губернаторомъ черезъ ворота, передъ которыми часовой отдалъ намъ честь, въ приемную; тутъ мой хозяинъ указалъ мнѣ мѣсто на диванѣ и, извинясь, удалился въ гаремъ, гдѣ должно быть окатилъ себѣ голову холодной водой, потому что вернулся такой свѣжій, какъ будто эль и англійскій аракъ были его обычными напитками. Въмѣсто мундира на немъ было шелковое полосатое платье, обвязанное кашемировой шалью, неизбѣжная красная феска и широкіе бѣлые шаровары. Приказавъ подать кальянъ, онъ сѣлъ на диванѣ, подвернувъ подъ себя ноги; болѣе типичнаго турка, чѣмъ какъ онъ былъ въ эту минуту, трудно было представить. Слуга стащилъ съ меня сапоги, замѣнивъ ихъ штыными туфлями и я также свернулся на другомъ концѣ дивана, покуривая изъ длиннаго чубука. Большая толпа ожидала аудіенціи у губернатора и я имѣлъ случай полюбоваться, какъ занимается дѣлами турецкій савонникъ.

Я не понималъ ни слова изъ говорившагося, но такъ какъ часто слышалось слово „gucantina“ и каждый поочередно допускался

и докладывалъ о своемъ дѣлѣ, то я и предположилъ, что просители хлопотали о позволеніи перейти самимъ линію или перевезти товары. Губернаторъ, кажется, по большей части отказывалъ, но случалось иногда и такъ, что проситель говорилъ шепотомъ нѣсколько словъ секретарю, который, посоветовавшись съ его свѣтлостью, давалъ ужъ окончательный отвѣтъ, по всемъ вѣроятіямъ благопріятный, потому что проситель уходилъ довольный.

Принято думать, что всѣ турецкіе чиновники, начиная съ высшихъ и до низшихъ, могутъ быть легко подкуплены. Что-же касается меня, то я долженъ сознаться, что происходившее передо мной было дѣйствительно нѣсколько подозрительно. Турки страшно боятся чумы, а карантинъ для нихъ единственное средство задержать заразу. Въ другихъ дѣлахъ, какъ напримѣръ, по налогамъ, по таможеннымъ пошлинамъ такіа „*ressadillos*“, какъ взятка, не считаются унижительными, но тутъ всякое нарушеніе можетъ быть пагубно. Убѣжденіе въ этомъ до того вкоренилось, что даже тѣ, которые называли всѣхъ служащихъ „шайкой подлецовъ и грабителей“, тѣмъ не менѣе предупреждали меня, что, попадись я разъ въ карантинъ, мнѣ не помогутъ ни деньги, ни протекція. Но сила привычки была вѣрно очень сильна въ моемъ другѣ губернаторѣ, который, впрочемъ, быть можетъ, предполагалъ также, что карантинъ еще не окончательно установленъ.

Когда удалился послѣдній посѣтитель, было ужъ девять часовъ. Юссуфъ успѣлъ вернуться и шепнуть мнѣ, что Хассанъ и лошади ожидаютъ внизу во дворѣ. Въ эту минуту намъ объявили, что готовъ обѣдъ, который, какъ оказалось, не уступалъ въ оригинальности ни завтраку у набоба, ни тиффи ну у эскъ-королевы Аудской.

Слуга внесъ большой круглый подносъ и поставилъ его на диванъ между мной и губернаторомъ. Посреди стояло блюдо вареныхъ циплятъ, а съ обѣихъ сторонъ лежали вилки и ложки. Хозяинъ мой, пригласивъ меня слѣдовать его примѣру, подвязалъ себѣ салфетку, схватилъ вилку и ложку и принялся за дѣло. Вспомнивъ о старой половицѣ, которую и читатель, я увѣренъ, также не забылъ, я принялъ

ся ѣсть. Блюдо было унесено и за нимъ такъ быстро послѣдовало еще нѣсколько другихъ, что я даже не всегда могъ отличать, что именно подавалось: мясо, рыба или птица. Изъ любезности я отгѣдывалъ всего понемногу, хотя запахъ мнѣ не всегда приходился по вкусу. Последнимъ кушаньемъ былъ вареный рисъ, за которымъ послѣдовалъ ужъ кофе; когда наконецъ подносъ былъ унесенъ, то вошли двое слугъ: одинъ изъ нихъ держалъ полотенце и тазъ, а другой поливалъ намъ на руки воду изъ кувшина.

Обѣдъ былъ теперь оконченъ и губернаторъ, вкусившій его съ виднымъ наслажденіемъ, откинулся въ свой уголь дивана. Внесли кальяны турецкаго устройства съ длинными гибкими чубуками и аракъ, налитый въ маленькихъ рюмкахъ. Мой хозяинъ опять просилъ меня пѣть, но такъ какъ въ этомъ отношеніи моя слава была уже достаточно упрочена, то я отказался, извиняясь утомленіемъ. Становилось поздно, а губернаторъ казался соннымъ и усталымъ. Я просилъ его черезъ Юсуфа, чтобъ онъ не стѣснялся моимъ присутствіемъ и шелъ бы спать, а что я отдохну тутъ на диванѣ, пока мнѣ не будетъ время ѣхать. Онъ, кажется, съ удовольствіемъ согласился на это и, позвавъ офицера своей стражи, поручилъ ему отпустить меня; потомъ указалъ черезъ окно, по какому направленію должна взойти луна, пожалъ мнѣ руку и удалился.

Оставшись одинъ, я тщетно старался заснуть. Передо мной одно за другимъ проходили возбуждающія событія дня, неожиданное спасеніе, неизвѣстность достиженія Багдада, такъ какъ карантинъ могъ быть установленъ у самыхъ его воротъ, завтракъ *à la indienne*, обѣдъ „*à la turque*“. Диванъ мой находился въ нишѣ большаго открытаго окна, подъ которымъ протекала быстрая рѣка; волны ея съ легкимъ шумомъ разбивались о лодки и о плывучій мостъ, а по ту сторону рѣки я различалъ, не смотря на темноту, очертанія высокихъ зданій города и мачты кораблей, стоявшихъ на якорѣ вдоль берега. Наконецъ изъ-за города взошла луна и придала всей картинѣ волшебный видъ; тѣни стали опредѣленнѣе, на гори-

зонты рѣзко обрисовались куполы, минареты, пальмовыя деревья и мачты, а рѣка, озаренная луною, приняла серебристый отливъ.

Я разбудилъ Юсуфа, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, и черезъ полчаса онъ пришелъ доложить мнѣ, что все готово. Мы тихо вышли, сѣли на лошадей и выѣхали за ворота мимо соннаго часоваго; затѣмъ переѣхавъ мостъ, взяли влѣво, чтобъ миновать городъ, и вскорѣ ужъ были на дорогѣ, ведущей въ равнину.

Попадъ разъ на дорогу, я такъ обрадовался, что нисколько не заботился о предстоящемъ мнѣ длинномъ и утомительномъ пути. Я освободился отъ ужасовъ карантинна и чумы, и чувствовалъ себя въ такомъ же возбужденномъ и радостномъ настроеніи, какъ бедуинъ, который вырвался отъ принужденія городскихъ стѣнъ и для котораго пустыня — свобода. Ѣхать нельзя было иначе, какъ шагомъ, и меня скоро стала одолевать дремота: я не спалъ почти три ночи. Мнѣ стоило большихъ усилій, чтобъ не заснуть на сѣдлѣ въ продолженіи четырехъ часовъ, остававшихся еще до солнечнаго восхода. Наконецъ, надъ песчанымъ горизонтомъ медленно стало подниматься солнце и я поѣхалъ крупной рысью по направленію къ каравансераю, до котораго оставалось еще двѣ-три мили. Выпивъ чашку арабскаго чернаго кофе и немного свѣжаго молока, я поспѣшилъ далѣе, такъ какъ необходимо было достигъ какъ можно раньше мохаммедейскаго каравансерая, расположеннаго на половинѣ дороги изъ Мозеба въ Багдадъ. Арабы узнали меня тамъ и разостлали мнѣ на каменной платформѣ а б б а; я легъ и проспалъ до пріѣзда моего каравана. Проснувшись послѣ двухъ часовъ освѣжительнаго сна, я нашелъ готовымъ завтракъ, показавшійся мнѣ несравненно болѣе вкуснымъ, нежели индѣйскія сласти или самыя сложныя произведенія турецкой кухни. Завтракъ состоялъ изъ арабскаго прѣснаго хлѣба, испеченнаго въ видѣ тонкихъ ломтей, похожихъ на вафли, свѣжаго масла, бѣлаго сыра изъ козьяго молока, грубо смолотой вареной пшеницы и парнаго молока. Это былъ настоящій арабскій завтракъ, и я съ наслажденіемъ ѣлъ его.

Въ полдень мы опять ужь сидѣли на лошадяхъ. Намъ предстояла самая утомительная часть пути. По причинѣ карантина, дорога, по которой нѣсколько дней тому назадъ намъ безпрестанно встрѣчались караваны, была теперь пуста. Съ усиленіемъ жары передъ нами опять появился описанный ужь прежде миражъ.

Когда мы достигли в алла (оврага), который мы переѣхали прежде безъ затрудненія, то оказалось, что, вслѣдствіе поднятія воды въ рѣкѣ, онъ имѣлъ ужь до пяти футовъ глубины. Юсуфъ изслѣдовалъ оврагъ и нашелъ, что въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ вода доставала ему по шею. Препятствіе оказывалось довольно серьезнымъ, но обойти его было нельзя, приходилось идти прямо въ бродъ.

Пока мы все еще раздумывали, въ противоположному берегу подъѣхалъ маленькій караванъ арабовъ, съ которыми были четыре женщины, сидѣвшія въ плетенныхъ корзинахъ на мулахъ. Прежде нежели идти въ бродъ, намъ захотѣлось посмотрѣть, какъ возьмутся за это арабы. Мужчины тотчасъ же раздѣлись, свернули одежду и затѣмъ, придерживая одной рукой свертокъ на головѣ а въ другой ведя лошадь за поводъ, смѣло перешли углубленіе. Переправивъ такимъ образомъ лошадей, они вернулись за женщинами и перенесли ихъ, держа корзины надъ водой.

Слѣдуя ихъ примѣру, я велѣлъ сперва переправить животныхъ и оставить ихъ на другомъ берегу подъ надзоромъ Гассана, который занялся высушиваніемъ на солнцѣ нашей поклажи. Потомъ Юсуфъ вернулся за мной и я пустился въ бродъ черезъ воду по арабскому способу. Юсуфъ несъ свертокъ моего платья, а я шелъ за нимъ, держа надъ собой зонтикъ для защиты отъ солнца. Меня нѣсколько смущало присутствіе арабовъ, все еще стоявшихъ на берегу и наблюдавшихъ за нашей переправой. Мы слышали ихъ смѣхъ, и Юсуфъ передалъ мнѣ, что они аплодировали „сахибу“ и кричали: „хорошо, хорошо“. Если я не ошибаюсь, къ грубымъ голосамъ мужчинъ примѣшивались и другіе, болѣе серебряные звуки, но такъ какъ мой зонтикъ, кромѣ защиты отъ солнца, прикрывалъ меня достаточно

и отъ любопытныхъ взоровъ, то я спокойно продолжалъ путь, наслаждаясь купаніемъ въ свѣжей водѣ. Послѣ часовой задержки, мы отправились далѣе. Солнце еще не закатилось, какъ передъ нами показались ужъ финиковыя рощи, а за ними куполы и минареты Багдада.

Проѣхавъ безпрятственно городскія ворота, мы направились къ берегу и, оставивъ тамъ своихъ лошадей, переложили вещи въ г у ф у. Переправившись черезъ рѣку, я выскочилъ на берегъ и поспѣшилъ въ каравансерай. Мои друзья встрѣтили меня съ распростертыми объятіями и привѣтствовали какъ человѣка, воскресшаго изъ мертвыхъ.

Неожиданное объявленіе карантина въ самый день моего отъѣзда изъ Багдада поразило всѣхъ; меня сочли ужъ погибшимъ и раздумывали, какое извѣстіе послать со слѣдующей почтой домой моимъ друзьямъ. Посмотрѣвшись въ зеркало въ первый разъ послѣ моего отъѣзда, а съ трудомъ узналъ собственное лицо—до того оно загорѣло и почернѣло. Совершенно изнеможенный шестнадцати-часовой верховой ѣздой, я бросился на диванъ и сталъ пить чай, лучшій въ мірѣ напитокъ для утовленія жажды, одну чашку за другой.

Ванна, чистое платье, хорошій обѣдъ, искренній привѣтъ друзей и ночь спокойнаго сна вполнѣ возстановили мои силы. Но никакія развалины въ мірѣ, ни прошедшія, ни будущія, начиная съ Вавилонской башни и до того времени, когда ново-зеландецъ будетъ сидѣть на разрушенной аркѣ лондонскаго моста, не въ состояніи будутъ побудить меня испытать вторично приключенія моего вавилонскаго путешествія.

XX Глава IV. ^

Ниневія и ея остатки.

Затруднительное путешествіе въ Ниневію. — Мѣстоположеніе этого древняго города. — Ученые не согласны между собой по отношенію къ ея величинѣ. — Очеркъ современныхъ изслѣдованій. — Надписи на стѣнахъ ея дворцовъ. — Клинообразныя письма. — Незвѣстныя буквы невѣстнаго языка. — Значеніе слова «клинообразный». — Древняя цивилизація Ассиріи и Египта. — Библейскія сказанія подтверждаются современными открытіями. — Бехистанскіе утесы. — Лѣтописи Дарія «великаго царя». — Особенности клинообразнаго письма. — Киричи Ниневіи и Вавилона. — Переводъ вавилонскаго цилиндра. — Джорж Смитъ, открывшій «таблицы потопа». — Его собственный отчетъ объ этомъ замѣчательномъ открытіи. — Его недавно появившееся «ислѣдованіе объ ассирійскихъ изслѣдованіяхъ». — Отрывки изъ ряда легендъ о потопѣ. — Халдейскій отчетъ о потопѣ.

До отъѣзда изъ этихъ странъ, мнѣ очень хотѣлось посѣтить то мѣсто, гдѣ стояла когда-то древняя Ниневія. Но я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія побывать на этихъ столь богатыхъ историческими воспоминаніями развалинахъ: мое путешествіе не имѣло исключительной цѣлью научныхъ изслѣдованій, а поѣздка въ Ниневію была бы сопряжена съ значительной потерей времени и съ слишкомъ большими неудобствами лично для моей особы.

Новый городъ Моссуль построенъ на западномъ берегу Тигра, почти противъ развалинъ Ниневіи; онъ лежитъ въ трехъ-стахъ миляхъ къ сѣверу отъ Багдада.

Быстрое теченіе дѣлаетъ невозможнымъ плаваніе вверхъ по Тигру; чтобъ попасть изъ Багдада въ Моссуль, нужно десять дней ѣхать верхомъ, а это, въ жаркое время года, не представляло слишкомъ большой привлекательности, тѣмъ болѣе, что въ моей памяти было еще живо вавилонское путешествіе. Кромѣ того, еслибъ чума достигла между тѣмъ Багдада, то мнѣ было бы отрѣзано отступленіе въ Персидскому заливу. Какъ видите, препятствія были довольно основательныя даже для того, чтобъ охладить пылъ самаго яраго антиварія.

Но пока я еще въ Вавилонѣ и дышу воздухомъ древности, постараюсь по крайней мѣрѣ представить краткій очеркъ изслѣдованій и открытій, привлекавшихъ, втеченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, вниманіе цивилизованнаго міра и открывшихъ новую главу для изученія древнихъ временъ.

Что эти развалины дѣйствительно представляютъ собою останки древней Ниневіи — не подлежитъ теперь сомнѣнію, но ученые все еще спорятъ о величинѣ города въ то время, какъ его посѣтилъ пророкъ Іона, по словамъ котораго, этотъ городъ „въ три дня пути“.

Раулинсонъ утверждаетъ, что выраженіе городъ „въ три дня пути“ можетъ имѣть тройное значеніе: во-первыхъ, что нужно три дня, чтобъ перейти городъ съ одного конца до другаго; во-вторыхъ, что нужно три дня, чтобъ обойти его, т. е. окружность его представляетъ три дня ходьбы и въ-третьихъ, наконецъ, что пророку, посланному предупредить жителей о предстоящей опасности, требовалось не менѣе трехъ дней, чтобъ обойти ихъ всѣхъ. Онъ прибавляетъ къ этому, что если во времена Іоны въ Ниневіи было даже только 120,000 человекъ, то она все-таки заслуживала названіе „чрезвычайно большаго города“ и пророку, чтобъ обойти всѣ улицы и площади, конечно нужно было употребить не менѣе трехъ дней. По этой теоріи стѣны, слѣды которыхъ видны и теперь и которыя имѣли въ окружности восемь миль, охватывали прежде всю великую столицу ассирійскихъ государей. Такіе ограниченныя размѣры города можно согласовать съ указаніями бібліи, лишь принявъ вышеприведенное остроумное изъясненіе.

Лейардъ же увѣряетъ, что три большіе дворцы-холма, находящіеся на восточномъ берегу Тигра, должны быть также включены въ черту Ниневіи, объ обширности и населенности которой столько говорится какъ духовными, такъ и свѣтскими современными писателями; въ такомъ случаѣ городъ долженъ былъ имѣть около пятидесяти миль въ окружности.

На всемъ этомъ пространствѣ теперь виднѣются только разбросанные кой-гдѣ холмы, поросшіе травой; ничто не указываетъ, что подъ ними скрываются развалины дворцовъ великихъ государей, впродолженіи тысячи лѣтъ владѣвшихъ большей половиной извѣстнаго тогда міра. Въ этихъ холмахъ сдѣланы большія раскопки, въ которыхъ, подъ руководствомъ Лейарда и другихъ археологовъ, открыты огромные крылатые быки, охранявшие входъ во дворцы. Британскій музей и Лувръ въ Парижѣ обладаютъ такими великолѣпными коллекціями ассирійскихъ мраморныхъ изваяній, что входя въ залы, гдѣ хранятся эти древности, можно подумать, что вся гордая столица халдейскихъ монарховъ перенесена на берега Сены и Темзы.

Первыя изслѣдованія Ниневіи были произведены знаменитымъ французскимъ ученымъ, Гютта, назначеннымъ въ 1842 году французскимъ консуломъ въ Моссуль. Въ 1845 году, къ работамъ по раскопкѣ приступилъ г. Лейардъ, благодаря прекрасному отчету котораго, свѣдѣнія объ этихъ древностяхъ стали всеобщимъ достояніемъ. Послѣ него завѣдывалъ работами полковникъ (теперь сэръ Генри) Раулинсонъ, а недавно, въ 1873—1874 году, появилось въ печати „Описаніе ассирійскихъ древностей“ Джоржа Смита, члена британскаго музея, которое содержитъ много интересныхъ свѣдѣній относительно исторіи, языка, обычаевъ и нравовъ древней Ассиріи и Вавилоніи.

Стѣны дворцовъ покрыты надписями, которыя однако для насъ были также таинственны и непонятны, какъ появившіяся нѣкогда на стѣнѣ роковыя слова были непонятны для жрецовъ Вальтасара. Разобрать неизвѣстныя буквы, написанныя на неизвѣстномъ языкѣ, не легко; про-

фессоръ Гратенфельдъ первый нашелъ ключъ къ тайнамъ клинообразнаго письма.

Всѣ преданія древнихъ государствъ, Ассиріи, Вавилона и Персіи, написаны клинообразными буквами. Случайное открытіе знаменитаго Розеттскаго камня (теперь въ Британскомъ музеѣ) послужило ключемъ для чтенія іероглифовъ древняго Египта, которые пролили такой яркій свѣтъ на исторію и цивилизацію фараоновъ. Пониманіемъ же клинообразныхъ надписей, столь важныхъ для исторіи, мы обязаны терпѣнію и настойчивости Раулинсона, Лейарда и другихъ.

Плиніи утверждаетъ, что ассиріянами изобрѣтены первыя письмена; это очень правдоподобно: простыя и перпендикулярныя лініи, изъ которыхъ составлены клинообразныя буквы, должны были непременно предшествовать округленнымъ формамъ, такъ какъ ихъ легче вырѣзывать на каменныхъ доскахъ или на гладкихъ поверхностяхъ утесовъ. Древность документовъ, вырѣзанныхъ на камнѣ, доказывается библіей. Божественныя заповѣди были впервые даны человѣчеству на каменныхъ свержалахъ и въ древнія времена это считалось лучшимъ способомъ для сохраненія преданій. Буквы большинства надписей на памятникахъ Ассиріи и Персіи сдѣланы съ большою тщательностью и точностью. Онѣ очевидно вырѣзывались острымъ желѣзнымъ или мѣднымъ орудіемъ, а рѣзба на печатахъ, драгоценныхъ камняхъ и маленькихъ каменныхъ цилиндрахъ до того изыщна, что для нея требовались инструменты очень тщательной работы. Въ развалинахъ древняго Египта, какъ извѣстно, не открыто ни стальныхъ, ни желѣзныхъ орудій или инструментовъ. Египтяне и другіе древніе народы Азіи дѣлали рѣзущія орудія не изъ мѣди и не изъ бронзы (по крайней мѣрѣ такого состава, какъ въ настоящее время), а изъ сплава мѣди съ пятью процентами олова.

О цивилизаціи ассиріянъ мы можемъ судить единственно по случайнымъ замѣчаніямъ, разсѣяннымъ въ сочиненіяхъ древнихъ греческихъ писателей. Очевидно только, что народъ этотъ долженъ былъ еще въ очень древній періодъ достигнуть высокой степени культуры.

Къ этому заключенію насъ приводятъ свидѣтельство Библии и памятники египтянъ, на которыхъ записаны ихъ побѣды надъ народами Азіи. По поводу того, къ какому именно времени относятся памятники древняго Египта, между учеными существуетъ большое разногласіе, но обыкновенно полагаютъ, что они были сооружены шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, т. е. ранѣ основанія Ниневіи. Очень вѣроятно, что въ это время ассиріяне начинали ужъ заниматься искусствами и науками, достигшими такой высокой степени совершенства въ Египтѣ. Природу они копировали также очень тщательно, но выказывали болѣе вкуса и воображенія, нежели египетскіе художники, которые, вслѣдствіе нѣкоторыхъ предубѣжденій, не выходили изъ разъ на всегда строго опредѣленныхъ рамокъ.

По свидѣтельству Св. писанія и Геродота, Ниневія, гордая столица восточнаго міра, была разрушена около 608 лѣтъ до Р. Х. Ксерксомъ, царемъ Мидіи и Персіи. Событіе это не могло произойти ранѣ смерти Іосіа, іудейскаго царя (въ 605 году до Р. Х.), потому что въ это время упоминается о царѣ Ассиріи, а Іефанія, пророчествовавшій въ царствованіе Іосіа, говоритъ о разрушеніи Ниневіи, какъ о фактѣ предстоящемъ въ будущемъ. Въ пророчествѣ же Іереміи, написанномъ въ первый годъ іудейскаго плѣненія, а именно въ 609 году до Р. Х., перечисляются всѣ цари сѣвера и всѣ государства міра и въ числѣ ихъ нѣтъ Ниневіи. И такъ, показаніе Геродота, что Ксерксъ, мстя за смерть отца, покорилъ въ 608 году до Р. Х. Ассирію, замѣчательно согласуется съ свидѣтельствомъ Св. Писанія. Ниневія подверглась такому полному уничтоженію, что когда нѣсколькими столѣтіями позже Ксенофонтъ проходилъ мимо ея развалинъ „съ десятью тысячами грековъ“, то самое ея имя было уже забыто; по его описанію, это древній, необитаемый теперь городъ, принадлежавшій прежде мидянамъ. Луціанъ пишетъ, что Ниневія была раззорена до тла, такъ что, не говоря уже объ обитателяхъ, въ ней не осталось и слѣда отъ великолѣпныхъ дворцовъ ассирійскихъ государей; въ новѣйшія же времена о ней совершенно за-

были: скептики прошедшаго столѣтія отрицали даже ея существованіе.

Я приведу здѣсь собственныя слова г. Лейарда о результатахъ его изысканій и о полномъ упадкѣ нѣкогда великолѣпнаго города.

„Развалины столицы Нимрода были опять зарыты и дворцы ея снова были засыпаны. Изваянія, добытыя изъ нихъ, перенесли въ Бетра, гдѣ и оставили ихъ въ ожиданіи перевозки въ Англію. Надписи же, объщающія открыть намъ исторію цивилизаціи одного изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, тщательно списаны.

„Оглядываясь мысленно на нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ мной въ Ассиріи, я не могъ не быть доволенъ результатомъ моихъ работъ. Едва годъ тому назадъ, за исключеніемъ развалинъ Хорзабада, не знали ни одного ассирійскаго памятника; теперь же добыто множество матеріаловъ, въ высшей степени важныхъ для исторіи этой страны и вполнѣ подтверждающихъ смутныя преданія объ образованности и цивилизаціи ея народа, въ которыхъ до сихъ поръ ученые относились съ недоверіемъ.

„Втеченіе моихъ работъ, мнѣ часто случалось думать, что открытіе этихъ развалинъ случилось до того во время, что человекъ, склонный къ суевѣрію, пожалуй увидитъ въ этомъ нѣчто болѣе, нежели случайное явленіе. Если бы дворцы Ниневіи были открыты нѣсколькими годами ранѣе, то никто не воспользовался бы этимъ сокровищемъ и мѣстные обитатели раззорили бы ихъ окончательно. Если же бы они были открыты нѣсколько позже, то противъ ихъ разработки возникли бы, быть можетъ, непреодолимыя препятствія. Значитъ, ихъ розыскали какъ-разъ во время и англичанамъ посчастливилось найдти самыя убѣдительныя и прочныя доказательства того великолѣпія и могущества, благодаря которымъ Ниневія представляла чудо міра, а ея паденіе служило темой для пророчествъ, какъ самый поразительный примѣръ Божеской кары.

„Упадокъ Ниневіи до того полонъ, что безъ свидѣтельства ея памятниковъ, мы могли бы сомнѣваться въ самомъ существованіи этого города, представляющаго теперь настоящую пустыню“.

Самыми ранними лѣтописями ассиріянь, какъ и другихъ народовъ древности, служили, должно быть, памятники, которые всѣ покрыты клинообразными надписями. Эти письма принадлежатъ къ тремъ различнымъ нарѣчіямъ: ассирійскому или вавилонскому, мидійскому и персидскому. Въ вавилоно-ассирійской азбукѣ около трехсотъ буквъ, тогда какъ въ персидской клинообразной ихъ только сорокъ. Первая считается болѣе древняго происхожденія, потому что на этомъ нарѣчіи написаны всѣ найденныя въ Ниневіи надписи, которыя принадлежатъ къ періоду, предшествовавшему персидскому господству.

Основной элементъ всѣхъ клинообразныхъ буквъ этихъ трехъ нарѣчій, различающихся только по способу составленія буквъ, представляетъ к л и н ъ. Во многихъ лѣтописяхъ персидскихъ монарховъ мы встрѣчаемъ всѣ три нарѣчія въ параллельныхъ столбцахъ.

Самая замѣчательная изъ этихъ клинообразныхъ надписей на всѣхъ трехъ языкахъ находится на священнѣхъ утесахъ Бехистана („Мѣсто Божіе“), на западной границѣ Персіи. Тутъ Дарій, великій царь, записалъ свои побѣды и самыя важныя событія своего царствованія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта огромная таблица представлялась неразрѣшимой загадкой для самыхъ ученыхъ археологовъ и для немногихъ европейскихъ путешественниковъ, посѣдившихъ эти отдаленныя страны. Разобрать надпись, не зная буквъ и не зная нарѣчія, быть можетъ, давно уже вымершаго языка, стоило, конечно, громаднаго труда. Этимъ неоцѣнимымъ прибавленіемъ къ лѣтописямъ древняго міра мы обязаны настойчивости и остроумію сэра Генри Раулинсона, которому удалось сдѣлать точный переводъ надписи въ Бехистанѣ.

На главномъ пути изъ Ассиріи въ Персію, надъ равниной круто возвышаются утесы, достигающіе тысячи семи-

сотъ футовъ высоты. Надпись покрываетъ нѣсколько сотъ квадратныхъ футовъ. Она не имѣетъ себѣ равной по величинѣ, красотѣ выполненія и правильности; въ особенности хороша персидская часть ея, которая, какъ говорятъ, значительно превосходитъ даже надпись на гробницѣ Дарія въ Персеполисѣ, древней столицѣ Персіи. Она находится на высотѣ трехсотъ футовъ надъ основаніемъ утеса и обязана, должно быть, своей неприступности тѣмъ, что не была уничтожена магометанами. Такъ какъ весь огромный фасадъ почти вертикаленъ, то очень вѣроятно, что, послѣ окончанія надписи, утесъ снизу былъ срѣзанъ. Утесъ состоитъ изъ известняка и на надписи еще замѣтенъ слой кремнистой муравы, который имѣлъ цѣлью предохранить ее отъ дѣйствія атмосферы.

Дарій начинается съ того, что излагаетъ свою генеалогію, начиная съ Адама, и приводитъ всѣ свои титулы. Затѣмъ онъ перечисляетъ провинціи своего государства, которое, по обширности, какъ бы даетъ ему право на названіе „великаго царя.“ Послѣ этого слѣдуютъ великія событія его царствованія, преобразование народной вѣры, побѣды надъ возмущившимися ассиріянами и вавилонянами и подавленіе возмущеній въ средѣ другихъ подвластныхъ ему народовъ. На этомъ же священномъ мѣстѣ вырѣзаны его благодаренія Ормузду. Многія частности лѣтописи подтверждаютъ свидѣтельства Моисея и Геродота.

Всѣ клинообразныя надписи отличаются той особенностью, что ихъ нужно читать слѣва направо, тогда какъ древніе языки съ округленными буквами (арабскій, еврейскій и персидскій) читаютъ справа налево. Клинообразныя надписи отпечатаны или вырѣзаны, смотря по характеру матеріала, на всѣхъ развалинахъ великихъ городовъ Ассиріи и Вавилоніи—на кирпичахъ всѣхъ общественныхъ зданій, на стѣнахъ храмовъ, дворцовъ и другихъ памятниковъ, на каменныхъ плитахъ и барельефахъ, на вазахъ, печатяхъ, драгоценностяхъ и маленькихъ цилиндрахъ; нѣкоторыя до того мелки, что могутъ быть прочитаны только съ помощью лупы.

Я говорилъ уже, что всѣ вавилонскіе кирпичи одинаковой величины и что на всѣхъ ихъ отпечатана надпись, которая содержитъ имя и титулы Навуходоносора, описываетъ чудеса великаго города и взываетъ къ богамъ о долгомъ сохраненіи храмовъ и другихъ, построенныхъ имъ, большихъ общественныхъ зданій. Надписи на вавилонскихъ кирпичахъ отличаются точностью и тщательностью отдѣлки и заключены въ небольшомъ квадратѣ. Онѣ, должно быть, отпечатывались клеймомъ, на которомъ была рельефно вырѣзана вся надпись.

Этотъ способъ, столь близко подходящій къ современному печатанію, былъ извѣстенъ египтянамъ и китайцамъ еще въ очень отдаленный періодъ. Фараоны отпечатывали свои имена на кирпичахъ, для чего употреблялись деревянные клейма, экземпляры которыхъ хранятся въ европейскихъ музеяхъ. Но всѣ отпечатки на египетскихъ кирпичахъ сдѣланы рельефомъ, тогда какъ на ассирійскихъ они углублены. Вавилонскіе кирпичи имѣли пятнадцать дюймовъ длины и ширины, при толщинѣ въ три дюйма. Они сдѣланы изъ очень сухой глины, смѣшанной съ рубленой соломой, и крѣпко обожжены. Кладлись они всегда плашмя и соединялись такимъ твердымъ цементомъ изъ горной смолы, что почти невозможно отдѣлать одинъ кирпичъ отъ другого.

Кирпичи Ниневіи также прямоугольны, но нѣсколько толще вавилонскихъ. Надписи на ассирійскихъ кирпичахъ по большей части сдѣланы не такъ тщательно, и вѣроятно были составлены изъ отдѣльныхъ клинообразныхъ буквъ.

Въ числѣ прочихъ вавилонскихъ древностей, мнѣ удалось приобрести маленькій черный цилиндръ изъ очень твердаго и мелкозернистаго камня. Цилиндръ этотъ, найденный въ пескѣ между холмами, около дюйма длиной, а въ діаметрѣ имѣетъ три восьмыхъ дюйма. Поверхность его совершенно покрыта надписью изъ мелкихъ, тонно вырѣзанныхъ клинообразныхъ буквъ. Мною сдѣлана была копія над-

писи, причѣмъ буквы значительно увеличены. Прилагаемъ переводомъ надписи я обязанъ г. Смитъ, члену Британскаго музея.

„Печать или амулетъ человѣка, называемаго Кизирту, сына женщины Сатумани, слуги (или жреца) Игитара и Ноннъ“.

Г. Джоржъ Смитъ представляетъ въ своемъ недавно изданномъ сочиненіи: „Ассирійскія открытія“ интересный отчетъ объ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ втеченіи восьми лѣтъ, которыя онъ посвятилъ на изученіе и переводъ клинообразныхъ надписей. Онъ говоритъ: „Каждый имѣетъ извѣстную склонность, которая, при благоприятныхъ условіяхъ, придаетъ извѣстный характеръ всей его остальной жизни. Я всегда любилъ изучать восточные языки и съ юности живо интересовался изслѣдованіями и открытіями, сдѣланными на Востокѣ, въ особенности же привлекали меня работы Лейарда и Раулинсона“. „Въ 1866 году, видя какъ неудовлетворительно наше знакомство съ тѣми частями ассирійской исторіи, которыя имѣютъ отношеніе къ Библии, мнѣ захотѣлось сдѣлать хотя что нибудь для разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ“. Благодаря любезности сэра Геяри Раулинсона, онъ получилъ позволеніе заняться разсмотрѣніемъ большой коллекціи отпечатковъ съ клинообразныхъ надписей, находящихся въ Британскомъ музеѣ.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, г. Смитъ посвятилъ себя изученію клинообразныхъ писменъ съ необыкновенной усидчивостью и настойчивостью, свидѣтельствующими объ его способности къ этому роду научныхъ изслѣдованій; и наконецъ его труды увѣнчались открытіями, привлечшими вниманіе ученыхъ Европы и Америки. „Въ 1869 году, говоритъ онъ, я отыскалъ, между прочимъ, любопытный религіозный календарь ассирійянъ, въ которомъ каждый мѣсяцъ былъ раздѣленъ на четыре недѣли, а седьмой день или суббота отличалась отъ другихъ дней, какъ день покоя“. Но открытіе, особенно прославившее этого ученаго и поставившее его имя на ряду съ именами самыхъ извѣстныхъ изслѣдователей клинообразныхъ писменъ, это знаменитыя „таблицы потопа“. Я представлю тутъ собственныя слова Смита объ этомъ счастливомъ открытіи.

„Въ 1872 году, мнѣ удалось сдѣлать гораздо болѣе интересное открытіе, а именно найти таблицы, содержащія халдейскій отчетъ о потопѣ. Первый, найденный мной отрывокъ, содержалъ около половины всего отчета; это былъ самый большой отдѣльный отрывокъ этихъ легендъ.

„Въ надеждѣ отыскать остатки этого разсказа, я тотчасъ же принялся рыться между обломками ассирійской бібліотеки.

„Библіотека эта была впервые открыта г. Лейардомъ, который отослалъ домой нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ обломками глиняныхъ таблицъ, а послѣ окончанія работъ г. Лейарда, эту коллекцію значительно дополнили г.г. Роланъ и Лофтусъ. Эти глиняныя таблицы всевозможной величины, отъ полудюйма до фута длиной, были покрыты толстымъ слоемъ грязи, такъ что прежде всего, чтобъ рассмотреть поверхность, нужно было очистить ихъ. Когда я находилъ что нибудь интересное, я обыкновенно принимался разсматривать тѣ части коллекціи, гдѣ было болѣе вѣроятія отыскать мнѣ нужное, и выбиралъ всѣ отрывки, которые могли пролить на предметы новый свѣтъ. Мои поиски за обломками „исторіи потопа“ вскорѣ вознаградились нѣкоторыми хорошими находками, и я тогда удостовѣрился, что первая таблица, съ которой я снялъ три копіи, была одинадцатою въ цѣломъ рядѣ таблицъ, разсказывающихъ исторію неизвѣстнаго героя Издукара; потомъ я убѣдился, что въ этой серіи всѣхъ таблицъ было двѣнадцать. Таблицы эти представляли такой интересъ, что, когда о нихъ было напечатано увѣдомленіе, онѣ привлекли всеобщее вниманіе какъ въ Англіи, такъ и за границей“.

Побуждаемые обширнымъ интересомъ, вызваннымъ этими открытіями, издатели газеты „Ежедневный Телеграфъ“ предложили г. Смитъ сумму въ тысячу гиней, для продолженія поисковъ въ самой Ниневіи.

„Г. Смитъ принялъ это щедрое предложеніе и, взявъ шестимѣсячный отпускъ, отправился на Востокъ въ январѣ 1873 года.

Отчетъ объ этомъ путешествіи и послѣдующей экспедиціи въ

1874 г. содержится въ вышеупомянутой книгѣ. Несмотря на всѣ затрудненія, противопоставленные г. Смиту мѣстными турецкими властями, онъ все-таки не отступалъ отъ дѣла и ему удалось наконецъ при раскопкахъ въ Купунджюкѣ, близъ Ниневіи, найти много дополнительныхъ частей этихъ надписей, называемыхъ „Серіей потопныхъ легендъ“.

Г. Смитъ показывалъ мнѣ одинъ изъ глиняныхъ обломковъ „повѣствованій о потопѣ“. Обломокъ этотъ, весь покрытый елинообразными буквами, имѣлъ около фута длины, при ширинѣ въ восемь дюймовъ. Писмена на обломкахъ вообще очень хорошо сохранились. Они не только содержатъ халдейскій отчетъ о потопѣ, но представляютъ вообще одну изъ самыхъ замѣчательныхъ надписей. Въ нихъ рассказываются приключенія героя, имя котораго, переданное какъ Издукаръ, представило не мало затрудненій ученымъ.

Г. Смитъ того мнѣнія, что это мифическое лицо не кто иной, какъ Нимродъ Библии и что эти легенды были составлены за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Переводы легендъ Издукара сдѣланы, кажется, буквально, но очень отрывочны и представляютъ много пробѣловъ. Издукаръ или Нимродъ изображается могучимъ охотникомъ и великаномъ, назначеніе котораго было истреблять божественныхъ быковъ, а также другихъ мифическихъ чудовищъ и дикихъ звѣрей, и который, достигнувъ вершины своего величія, царствовалъ надъ всей долиной Евфрата и Тигра, отъ Персидскаго залива и до Армянскихъ горъ. По словамъ г. Смита, ранній періодъ Вавилонской исторіи отъ 2500 года и до 1500 года до Р. Х., содержитъ постоянные намеки на эти легенды. Уничтоженіе Издукаромъ льва, божественнаго быка и другихъ чудовищъ часто описывается на печатяхъ и цилиндрахъ, содержащихъ также иногда изображеніе Издукара въ его лодкѣ. На легенды о потопѣ намечается также во многихъ надписяхъ той эпохи, а „городъ вовчега“ упоминается въ географической описи, которая представляетъ одну изъ древѣйшихъ найденныхъ елинообразныхъ надписей.

Чтобъ дать понятіе объ этомъ разсказѣ, я представлю нѣсколько отрывковъ изъ легендъ о потопѣ.

„И онъ сказалъ мнѣ.... Сдѣлай корабль такимъ образомъ... Я уничтожаю грѣшниковъ и жизнь.... Возми сѣмя жизни и введи его въ середину корабля.... Спусти его на воду.... Я вошелъ во внутренность корабля и заперъ дверь... Бушеваніе бури утормъ... Прекрасная земля была обращена въ пустыню.... Оно пронеслось надъ поверхностью земли, какъ.... Оно стерло всю жизнь съ лица земли....

„Прошло шесть дней и ночей.... Вѣтеръ, потопъ и буря поразили.... На седьмой день буря и наводненіе прекратились.... Море стало высыхать, а вѣтеръ и наводненіе прекратились.... Я послалъ голубя и онъ полетѣлъ.... Голубь отправился и не нашелъ мѣста для отдыха и вернулся.... Я послалъ ласточку и она полетѣла.... Ласточка полетѣла и не нашла мѣста для отдыха и вернулась.... Я послалъ ворона и онъ полетѣлъ.... Воронъ отправился и увидѣлъ трупы на водѣ и клевалъ ихъ и отправился далѣе и не вернулся.... Я отпустилъ животныхъ на всѣ четыре стороны.... Я сдѣлалъ возліяніе.... Я построилъ алтарь на вершинѣ горы“.

Приведенные отрывки несплѣдовательны, но представляютъ замѣчательное сходство съ библейскимъ преданіемъ о потопѣ. Я не стану здѣсь разбирать вопросъ о томъ, которое изъ двухъ преданій древнѣе или которое именно является *editio princeps*.

Легкость, съ которой г. Смитъ читаетъ клинообразныя надписи, замѣчательна. Когда я показалъ ему мелкую надпись на вышеупомянутомъ цилиндрѣ, онъ тотчасъ же переписалъ ее и перевелъ съ такою же легкостью, какъ профессоръ греческаго языка читаетъ по гречески. Для клинообразныхъ нарѣчій не составлено еще лексикона—это дѣло будущаго. Впродолженіе тысячелѣтій эти надписи были неизвѣстнымъ языкомъ.

Еслибъ говорить о всѣхъ чудесахъ, которыя раскрыты клинообразными надписями, то это наполнило бы цѣлыя книги. Въ этой главѣ я хотѣлъ только привлечь вниманіе читателей на предметъ, о ко-

торомъ массѣ извѣстно очень мало. Нашъ вѣкъ — вѣкъ научныхъ изслѣдованій, и между тѣмъ какъ ученые открываютъ все новыя научныя области, они въ то же время разыскиваютъ по каменнымъ таблицамъ изъ отдаленнаго прошлаго все, что можетъ пролить свѣтъ на исторію эпохи младенчества человѣческихъ обществъ.

Глава XXV.

Посѣщеніе общественныхъ учрежденій.

Я прощаюсь съ пашей.—Пріятная аудіенція.—Просьба къ президенту Гранту.—Желѣзная дорога по долинѣ Евфрата.—Паша предлагаетъ мнѣ посѣтить общественныя учрежденія.—Катеръ пашы.—Арсеналь и машинныя мастерскія.—Новые пароходы.—Настоящій «разсказъ путешественника».—Военный госпиталь.—Образованный турокъ.—Дворецъ.—Прекрасныя лошади.—Промышленная школа.—Мидхухъ паша.—Мудрый и честный правитель.—Нравоученіе я замѣняю болѣе существеннымъ.—Ура за Америку.—Типографія.—Газета на турецкомъ и арабскомъ языкахъ.—Правительственный органъ безъ политики.—Необходимость цѣпнаго моста.—Надежды юнаго Багдада на будущее.

Нѣсколько дней спустя послѣ моего возвращенія изъ Вавилона, я отправился къ пашѣ, чтобъ поблагодарить его за любезность и вмѣстѣ съ тѣмъ проститься, такъ какъ я намѣревался вскорѣ ѣхать обратно въ Европу. Онъ, какъ и въ первый разъ, принялъ меня чрезвычайно ласково, и когда я разсказалъ приключенія моей поѣздки въ Вавилонъ (не упоминая конечно объ элѣ и бѣгствѣ при лунномъ свѣтѣ), пригласилъ вернуться опять на слѣдующій годъ и докончить мои изслѣдованія. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь вокругъ всего города, на разстояніи трехъ миль отъ стѣнъ, расположенъ санитарный кордонъ и отданъ приказъ стрѣлять въ каждого, кто попытается перейти линію. Надѣялись однако, что чума вскорѣ прекратится

*

такъ какъ болѣзнь эта, въ противоположность холерѣ, ослабѣваетъ при сильныхъ жарахъ.

На выраженную пашей надежду, что президентъ Грантъ пошлетъ дипломатическаго представителя или же консула въ Багдадъ, я долженъ былъ напомнить ему, что торговыхъ отношеній между Багдадомъ и Америкой до сихъ поръ еще не существуетъ и что число американцевъ, посѣщающихъ теперь турецкую Аравію, крайне незначительно. Тогда онъ развернулъ карту и показалъ мнѣ ужъ начатую линію желѣзной дороги по долинѣ Евфрата; она идетъ отъ порта Александретти, на Средиземномъ морѣ, въ Алеппо, а оттуда до берега Евфрата, въ восьмистахъ миляхъ отъ Багдада. Когда эта дорога, которая около ста пятидесяти миль длиною, будетъ окончена, то отъ Средиземнаго моря въ Персидскому заливу и въ Индію откроется новый желѣзнодорожный и рѣчной путь. Паша указалъ мнѣ черезъ открытое окно казенныя мастерскія (на противоположномъ берегу Тигра), въ которыхъ строились два желѣзные парохода для плаванія по верхнему Евфрату, и спросилъ, не желаю ли я осмотрѣть ихъ, а также арсеналъ, военную больницу, дворецъ и другія общественныя зданія. Я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе; прощаясь со мной, паша проводилъ меня до дверей — честь, которой посѣтителю удостоиваются очень рѣдко, и приказалъ адъютанту, молодому турецкому офицеру, котораго я встрѣчалъ прежде, отвезти меня въ собственномъ его катерѣ. Всѣми этими неожиданными для меня изъясненіями любезности я, по всѣмъ вѣроятіямъ, обязанъ вѣрительнымъ грамотамъ, даннымъ мнѣ въ Константинополѣ. Во всякомъ случаѣ, я былъ имъ очень радъ, такъ какъ они давали мнѣ возможность видѣть все, что есть въ странѣ интереснаго для иностранца, а также лучше ознакомиться съ народомъ и мѣстными учрежденіями.

Катеръ пашы стоялъ на рѣкѣ противъ дворца, передъ ступеньками террасы сада. Это была красивая лодка, управляемая восьмью гребцами; сидѣнія, покрытыя подушками, защищались отъ солнца краснымъ наметомъ, на которомъ были вышиты „Звѣзда и Полумѣсяцъ“.

Г. Станно сопровождалъ насъ, какъ переводчикъ, и мы прежде всего переправились черезъ рѣку, чтобъ осмотрѣть арсеналь, машинныя мастерскія и литейное заведеніе. Тутъ, подъ надзоромъ англійскаго инженера, работало до шестидесяти человѣкъ. Машины всѣ привезены изъ Европы, но сами рабочіе туземцы и на видъ очень ловки и понятливы. Директоръ показалъ мнѣ нѣкоторые изъ сработанныхъ здѣсь предметовъ и на мой, неопытный, правда, глазъ, они сдѣлали бы честь любой европейской мастерской. Я разсматривалъ съ большимъ интересомъ два указанные мнѣ пашой желѣзные парохода, которые были построены на Клейдѣ и присланы сюда разобранные на части; теперь они почти готовы и скоро будутъ спущены на воду. Пароходы около ста десяти футовъ длиною, плоскодонны, сдѣланы изъ тонкихъ стальныхъ листовъ и снабжены сильными машинами; надѣются, что даже съ грузомъ они будутъ погружаться въ воду не болѣе какъ на одинъ футъ. Эти пароходы назначаются для плаванія по верхнему Ефрату, гдѣ рѣка, впродоленіе сухаго времени года, очень мелка и быстра.

Какъ англійскій инженеръ, такъ и турокъ, адъютантъ наши, предполагали, что я, въ качествѣ американца, непременно долженъ быть знакомъ съ рѣчнымъ пароходствомъ и потому очень удивились, когда я разсказалъ имъ, что у насъ въ Америкѣ есть пароходы, которые, какъ говорится, пройдутъ вездѣ, гдѣ только есть сильная роса. Конечно, я тотчасъ же поспѣшилъ прибавить, что не ручаюсь за буквальную вѣрность этого факта.

Затѣмъ, проплывъ еще нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, мы очутились у военнаго госпиталя, красиваго большаго зданія, гдѣ мы были встрѣчены главнымъ докторомъ. Онъ провелъ меня черезъ палаты, гдѣ въ то время находилось до ста восьмидесяти больныхъ и выздоравливающихъ солдатъ. Комнаты высоки и хорошо провѣтриваются, кровати чисты и все веденіе дѣла не уступаетъ по систематичности и порядку любому европейскому

учрежденію этого рода. Мнѣ показали бесплатную аптеку, купальни, тѣнистые сады, а потомъ просили зайти въ частное помѣщеніе зрителя, гдѣ насъ уже ожидали сигары, кофе и шербець. Докторъ, отлично говорившій по-французски, оказался, къ моему великому изумленію, туркомъ, воспитывавшимся въ Константинополѣ.

Когда мы простились съ любезнымъ докторомъ, мои проводники повезли меня вверхъ по рѣкѣ, ко дворцу паши, находящемуся на восточномъ берегу Тигра за городскими стѣнами, въ двухъ миляхъ отъ арсенала. Эта красивая современная вилла, которую окружаютъ прекрасные сады, разбитые въ европейскомъ стилѣ. Вилла эта была построена четыре года тому назадъ, по случаю пріѣзда персидскаго шаха. Теперь дворець не занятъ, но готовится для семьи или гарема паши, который ожидается вскорѣ изъ Константинополя. Комнаты убраны съ величайшей роскошью. Изящныя хрустальныя люстры, французская мебель и бездѣлушки, мягкіе персидскіе ковры и шелковыя занавѣси дѣлаютъ это мѣсто достойнымъ самого халифа Гарунъ-Аль-Рашида. Въ саду поставлена необыкновенно красивая палатка. Она спита попеременно изъ полосъ синяго и малиноваго шелка и надъ ней развѣвается флагъ паши. Въ конюшняхъ находится до двадцати великолѣпныхъ лошадей, намъ вывели нѣкоторыхъ изъ нихъ напоказъ. Я не особенный знатокъ въ лошадяхъ, но еслибъ паша предложилъ мнѣ избрать на память о Багдадѣ одно изъ этихъ животныхыхъ, то я вполне бы оцѣнилъ подарокъ и остался бы очень благодаренъ.

Хорошо, что гаремъ находился въ отсутствіи, а то дворець и сады были бы недоступны для всѣхъ посѣтителей мужскаго пола.

Изъ дворца, у воротъ котораго часовой отдалъ намъ честь, меня повезли смотрѣть учрежденіе, несравненно болѣе интересное чѣмъ всё видѣнное мной. Это промышленная школа для мальчиковъ сиротъ. Зритель, почтенный старикъ съ сѣдой бородой и добрымъ лицомъ, принялъ насъ и повелъ по зданію. Тутъ воспи-

тывается восемьдесятъ мальчиковъ отъ десятилѣтняго до пятнадцатилѣтняго возраста. Всѣ они одѣты въ красивую форменную сѣрую одежду и отличаются веселыми, умными лицами. Нѣкоторые изъ нихъ ткали на ручныхъ ткацкихъ станкахъ различные шелковыя и бумажныя матеріи, другіе шили башмаки и одежды, человѣкъ двѣнадцать набирали буквы въ сосѣдней типографіи. Готовые предметы, которые мнѣ показали, дѣлали честь искусству мальчиковъ.

Въ одной изъ классныхъ комнатъ учитель (изъ прежнихъ учениковъ) давалъ урокъ начальной геометріи. Намъ показали столовую, дортуары и больницу, бѣлыя и чистыя кровати которой были всѣ до одной свободны. Такъ какъ наше посѣщеніе было неожиданно, то мы видѣли все въ обыденномъ состояніи. Въ отвѣтъ на мой вопросъ, какія средства употребляются для поддержанія дисциплины, смотритель отвѣтилъ мнѣ, что рѣдко прибѣгаетъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, потомъ, прибавивъ, что „мальчики всегда останутся мальчиками,“ провелъ въ комнату, похожую на келью, гдѣ маленькій мальчикъ съ живыми глазами, въ наказаніе за какое-то нарушеніе дисциплины, стоялъ посреди комнаты на бочкѣ.

Какъ это благотворительное заведеніе, такъ и посѣщенный уже мной госпиталь основаны Мидхудъ пашей, предшественникомъ нынѣшняго паши. Этому просвѣщенному и дѣятельному правителю Багдадъ обязанъ почти всѣми своими благотворительными учрежденіями и общественными сооружеженіями. Онъ устроилъ желѣзную дорогу въ Касменъ (находящійся въ шести миляхъ вверхъ по рѣкѣ), куда, какъ я уже говорилъ, стекается много пилигримовъ, поощрялъ учрежденія пароходства по Тигру и Евфрату и, наконецъ, построилъ военныя казармы, представляющія теперь лучшія зданія города. Паша этотъ пользовался большою популярностью какъ между мѣстными уроженцами, такъ и между живущими здѣсь иностранцами. Но центральное управленіе было недовольно, что вмѣсто того, чтобъ отсылать деньги въ Константинополь, онъ тратилъ значительныя суммы на мѣстѣ, а,

рецихъ солдатъ не было бы мнѣ такъ пріятно, какъ искренній привѣтъ этихъ дѣтей.

Если изъ этого маленькаго разсказа можетъ быть извлечено какое нибудь нравоученіе, то я осмѣлюсь почтительно рекомендовать его посѣтителѣмъ подобныхъ же заведеній.

Къ промышленной школѣ примыкаетъ правительственная типографія, въ которую мы и отправились. Я никогда даже не подозрѣвалъ о существованіи подобнаго учрежденія въ Багдадѣ. Тутъ я нашелъ паровой печатный станокъ, который можетъ давать три тысячи пятьсотъ отпечатковъ въ часъ, кромѣ того, нѣсколько ручныхъ станковъ и машину для рѣзанія и складыванія обертокъ. Наборомъ и прочей легкой работой занимаются ученики промышленной школы. Типографія была во всѣхъ отношеніяхъ хорошо организована, вездѣ господствовали порядокъ и аккуратность. При мнѣ работали надъ еженедѣльной газетой, печатавшейся въ два столбца, одинъ по турецки, а другой по арабски. Кромѣ газеты, которая, какъ правительственное изданіе, навѣрное не отличается ни республиканскимъ, ни демократическимъ направленіемъ, въ типографіи печатаются также всѣ бланки, нужные для канцеляріи паши.

Между тѣмъ, какъ мы переправлялись черезъ рѣку, г. Станно сообщилъ мнѣ, что теперешній правитель Багдада, въ числѣ другихъ проектовъ, имѣетъ въ виду также устройство висячаго моста черезъ Тигръ. Быстрое теченіе въ половодье заставляетъ разводить существующіе теперь плавучіе мосты, на два, на три мѣсяца ежегодно. Услышавъ отъ меня, что въ Америкѣ существуетъ много висячихъ мостовъ и притомъ самые длинныя въ мірѣ, г. Станно очень удивился, и серьезно предложилъ, чтобъ по моему возвращенію я открылъ бы по этому дѣлу сношенія между правительствомъ паши и лучшими американскими инженерами. Тутъ всѣ очень хорошо расположены къ нашимъ соотечественникамъ и я увѣренъ, что американская наука и искусство найдутъ со временемъ примѣненіе въ этой странѣ. Затѣмъ мы посѣтили базары, большое

красивое, примыкающее къ сераю зданіе, въ которомъ можно помѣстить нѣсколько тысячъ войска. Базаренная пекарня очень обширна и снабжена совершенно незнакомыми мнѣ машинами. Хлѣбъ въ этой странѣ играетъ въ пищу всѣхъ классовъ населенія несравненно болѣе важную роль, чѣмъ въ западныхъ странахъ.

Окончивъ это обзорѣніе, значительно возвысившее мое мнѣніе о цивилизаціи Багдада, я распростился съ моими любезными проводниками. Развѣ можно сказать, что народъ, имѣющій такъ хорошо устроенную больницу и сиротскій пріютъ, не способенъ къ прогрессу? И кто бы ожидалъ найти эти очевидные признаки цивилизаціи въ городѣ, который въ умѣ какъ европейцевъ, такъ и американцевъ, соединяется только съ понятіемъ о варварскомъ великолѣпнн халифовъ во времена, описываемыя въ сказкахъ Шехеразады?

Глава XXVI.

Общественная жизнь мѣстных жителей и иностранцевъ.

Климатъ Багдада.—Днемъ въ подвалахъ, ночью на кровляхъ.—Недостатокъ льду. Леджесь замѣняетъ ледъ.—Населеніе и ходячая монета.—Древности изъ Вавилона и Ниневіи.—Рабство у магометанъ.—Цвѣтъ кожи тутъ не причемъ.—Бѣлые осли.—Собаки паріи.—Багдадъ очень шуменъ.—Абдаллахъ и его оркестръ. Городскія постановленія.—Общественная жизнь живущихъ здѣсь англичанъ.—Ангійскій резидентъ, полковникъ Гербертъ.—Докторъ Кольвилль.—Офицеры и неслужащіе.—Гостинницъ въ Багдадѣ нѣтъ.—Американцы пріѣзжаютъ сюда рѣдко.—Сомнительный комплиментъ.—Обычный порядокъ дня.—Разсказъ аббата Гюка.—Въ Багдадѣ это не можетъ случиться.—Гостепріимство въ Багдадѣ.—Три различные пути въ Европу.—Верблюжья почта исчезаетъ иногда на дорогѣ. Единственный остающійся мѣ пъть отступленія.

Климатъ Багдада можетъ считаться вообще здоровымъ. Жары, правда, иногда нестерпимы, но, говорятъ, что именно въ самые жаркіе годы бываетъ менѣе всего болѣзней. Между тѣмъ какъ на прибрежьи Персидскаго залива влажный воздухъ насыщенъ вредными для здоровья испареніями, въ окрестностяхъ Багдада, напротивъ, воздухъ замѣчательно сухъ, такъ что въ жаркіе мѣсяцы года все населеніе спитъ подъ открытымъ небомъ. Зимой это одинъ изъ лучшихъ климатовъ; термометръ стоитъ обыкновенно на пятидесяти градусахъ Фаренгейта, воздухъ свѣжій, но мягкій и живительный. Не даромъ равнины по Тигру были любимой зимней резиденціей древнихъ персидскихъ государей. Въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы температура колеблется между девяноста и ста

двадцатью пятью градусами; въ полдень она обыкновенно достигаетъ ста пяти градусовъ Фарентейта. Когда дуетъ шаммаль (chamhal), или сѣверный вѣтеръ, воздухъ очень прохладенъ и приятенъ; но во время „финикового сезона“, то есть въ августъ и сентябрь, жара стоитъ удрушающая. Иногда съ юга поднимается сирокко и тогда всѣ дѣла прекращаются и люди запираются въ своихъ домахъ, чтобы переждать „горячій вѣтеръ“.

Подземные покои или с е р д а б с ѣ встрѣчаются исключительно въ Багдадѣ. Около перваго юня, изъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ гостинныхъ въ эти своеобразныя комнаты, со сводчатыми потолками, переносятся конторки и мебель, а сверху навѣшиваются пунжа или опахала, которыя постоянно держатъ въ движеніи. Тутъ проводятъ жаркіе часы дня. Черезъ рѣшетчатые окна подъ потолкомъ проходитъ слабый свѣтъ, температура прохладна и постоянна и вовсе не такъ сыра, какъ у насъ въ подобныхъ подвальныхъ комнатахъ. Послѣ солнечнаго заката всѣ жители переходятъ на плоскія кровли или террасы, гдѣ ужинаютъ и спать.

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ американцевъ не любятъ городскихъ домовъ, въ которыхъ, по ихъ выраженію, „ѣдятъ внизу, а спать вверху“; что же скажутъ они о Багдадѣ, гдѣ дѣйствительно живутъ въ подвалахъ и спать на кровляхъ. Впродолженіи дневнаго жара никто не выходитъ изъ дому, безъ особенной надобности. Гуляютъ и занимаются дѣлами только раннимъ утромъ, или послѣ солнечнаго заката.

Для тѣхъ изъ насъ, которые привыкли къ запасу льду, во время нашего сравнительно умѣреннаго лѣта, показалось бы невозможнымъ обходиться безъ него при температурѣ въ сто пять градусовъ. Но предусмотрительность природы является на помощь людямъ, живущимъ въ тропическихъ странахъ. Сильное испареніе воды производитъ охлажденіе. Воду держатъ всегда въ глиняныхъ скважистыхъ и неуправленныхъ сосудахъ, называемыхъ лед ж е с ь. Они дѣлаются всевозможной формы и величины и имѣютъ очень обширное примѣненіе. Бла-

годаря испаренію на наружной поверхности ледяной, вода въ этихъ сосудахъ на десять и даже на двадцать градусовъ холоднее окружающей температуры и достаточно свѣжа, чтобъ быть здоровой и пріятной для питья. Такимъ же образомъ охлаждается вино, молоко, масло, а также все, что можетъ быть погружено въ воду. Недостатокъ льду я собственно чувствовалъ только тогда, когда вспоминалъ о прелестяхъ сливочнаго мороженнаго или охлажденныхъ льдомъ напитковъ.

Въ Багдадѣ около ста тысячъ жителей. Нигдѣ въ мірѣ нельзя, кажется, видѣть такого смѣшенія племенъ и слышать столько различныхъ нарѣчій. Однажды за столомъ одного изъ живущихъ здѣсь англичанъ разговаривали на тринадцати различныхъ языкахъ разомъ.

Монеты, находящіяся тутъ въ обращеніи, также разнообразны, какъ и говоръ народа. Въ сдачѣ, которую мнѣ даютъ на базарѣ, самыя любопытныя персидскія, индійскія и турецкія монеты перемѣшаны съ европейскими, въ особенности же съ русскими деньгами. Сказать, вѣрна ли полученная мною сдача, было бы для меня также трудно, какъ и прочесть клинообразныя вавилонскія надписи. Въ числѣ различныхъ собранныхъ мною здѣсь интересныхъ древностей (кромѣ кирпичей изъ Ниневіи и Вавилона), которыя, какъ я надѣюсь, благополучно придутъ домой, есть также нѣсколько очень замѣчательныхъ монетъ; я предназначаю ихъ для коллекціи моего друга, любителя нумизматики.

Рабство на Востокѣ совершенно не подходитъ къ составившемуся у насъ понятію объ этомъ. „остаткѣ варварства“, и носить совершенно другой характеръ, чѣмъ, напримѣръ, имѣло рабство въ Южныхъ Штатахъ. Турки очень хорошо обращаются съ своими рабами, которые часто занимаютъ весьма почетныя должности. Цвѣту кожи тутъ почти не придаютъ значенія. По магометанскому закону, семьи не могутъ быть разлучены, а всякій рабъ, побывавшій въ Меккѣ, становится свободнымъ. Рабыня, сдѣлавшаяся матерью ребенка своего господина, не только становится сво-

бодною, но даже вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ получаетъ право наследовать послѣ него имущество. Матери всѣхъ турецкихъ султановъ были грузинскими или черкесскими рабынями, а многіе изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ сановниковъ египетскаго вице-короля были въ дѣтствѣ рабами, которымъ онъ далъ образованіе. Законъ не только не препятствуетъ давать образованіе рабамъ, но, напротивъ, поощряетъ это. Здѣсь учрежденіе рабства, съ самыхъ древнихъ временъ его существованія, было свободно отъ многихъ оскорбительныхъ и безчеловѣчныхъ чертъ, которыя развились въ Америкѣ, подъ вліяніемъ страсти къ наживѣ и щепетильнаго отношенія къ цвѣту кожи.

Въ Багдадѣ лучшими домашними слугами считаются самыя черныя рабы. Ихъ часто можно видѣть прислуживающими въ богатыхъ одеждахъ своимъ господамъ и госпожамъ. Прежде эти модныя слуги получались изъ Зангвевара и Мадагаскара, но теперь англичане почти остановили торгъ ими. Рабы эти вовсе не имѣютъ несчастнаго или униженнаго вида, напротивъ тѣ, которыхъ я встрѣчалъ на базарахъ, казались даже болѣе сытыми, нахальными и высокомерными, нежели свободные арабы. Красота чернаго невольника, какъ и красота собачки таксы, заключается именно въ чрезвычайномъ безобразіи: чѣмъ безобразнѣе, тѣмъ выше ему цѣна.

Бѣлые багдадскіе ослы, извѣстные по всему Востоку, довольно крупнаго роста и продаются очень дорого. Ихъ иногда раскрашиваютъ красной краской, причемъ уши и хвостъ дѣлаютъ совершенно красными, а по тѣлу рисуютъ только пятна. Теперь, какъ и прежде, на ослахъ ѣздятъ важныя лица, какъ-то священники, законовѣды и дамы. Ословъ одѣваютъ великолѣпными попонами и по принятому въ Персіи обычаю прокалываютъ имъ ноздри, отчего, какъ предполагаютъ, усиливается ихъ голосъ; впрочемъ, они ревуть обыкновенно такъ громко, что прокалываніе ноздрей казалось мнѣ всегда совершенно излишнимъ.

Багдадскія собаки составляютъ такую важную и выдающуюся мѣстную особенность, что онѣ, пожалуй, заслуживали-бы отдѣльной главы. Всѣ онѣ паріи, то есть у нихъ нѣтъ отдѣльныхъ хозяевъ или

владѣльцевъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ Востока, собаки являются общественнымъ учрежденіемъ. Ихъ цѣлыя тысячи и на нихъ лежитъ обязанность очищать городъ отъ всѣхъ остатковъ, которые выкидываются прямо на улицу. Собаки эти преспокойно грѣются на солнцѣ, лежа посреди улицы, и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на проходящихъ взадъ и впередъ по улицѣ верблюдовъ, лошадей, муловъ. Обыкновенно собакъ никто не трогаетъ; если же ихъ согнать съ мѣста, то онѣ убѣгаютъ, бросая на виновнаго подозрительныя и боязливыя взгляды. Цвѣтъ ихъ шерсти, по большей части, свѣтлоричневый и по внѣшнему виду онѣ нѣсколько напоминаютъ волковъ, отъ которыхъ, должно быть, и происходятъ.

Всѣ багдадскія собаки живутъ въ своихъ извѣстныхъ кварталахъ, и горе той, которая перейдетъ границы своей территоріи; если она не успеетъ спастись бѣгствомъ, то ее разорвутъ въ клочки. Замѣчательно, что, не смотря на огромное количество собакъ, водобоязнь здѣсь неизвѣстна. Говорятъ, что ночью изъ пустыни въ городъ приходятъ шакалы и помогаютъ своимъ болѣе цивилизованнымъ собратіямъ въ исполненіи обязанности мусорщиковъ. Днемъ, эти собаки по большей части спятъ; ночью же поднимаютъ ужасный вой и лай. Онѣ не привязываются ни къ кому, и на Востокѣ никогда не услышишь радостнаго лая вѣрной домашней собаки, встрѣчающей своего господина.

Багдадъ самый шумный изъ всѣхъ когда либо видѣнныхъ мною городовъ. Единственное спокойное время, это — полдень. Тогда на часъ или на два кажется, что все населеніе, за исключеніемъ мухъ и москитовъ, предается сну. Арабы говорятъ всегда очень громко, такъ что мнѣ сначала все казалось, что они ссорятся, между тѣмъ какъ они разговаривали самымъ миролюбивымъ образомъ. Втеченіи дня, и часто до позднаго вечера, постоянно встрѣчаешь процессіи съ тамтамами и дульцимерсами (пронзительные духовые инструменты, напоминающіе рожки) въ главѣ. Я не всегда даже зналъ, по какому именно

случаю происходят эти процессіи. Иногда это свадьбы или помолвки, а иногда погребенія. Въ послѣднемъ случаѣ покойника несутъ на плечахъ, а за нимъ слѣдуютъ родственники и наемныя плакальщицы, старающіяся превзойти одна другую. Прибавьте еще сюда официальныхъ городскихъ глашатаевъ, нищихъ и факировъ, просѣющихъ милостыню во имя Аллаха и пророка, муэззиновъ, съ галлерей минаретовъ сзывающихъ правовѣрныхъ на молитву, наемныхъ пѣвцовъ, упражняющихъ свой голосъ, и наконецъ грохотъ барабана капельмейстера Абдаллы, который каждое утро ходитъ съ барабаннымъ боемъ по улицамъ, предлагая жителямъ услуги своего оркестра. Многіе изъ этихъ звуковъ, въ которыхъ нужно присоединить еще лай собакъ и ревъ ословъ, продолжаются почти до полуночи. Но во всему этому шуму легко привыкаешь, и послѣ первой же ночи онъ нисколько не мѣшалъ мнѣ спать.

Внутри городскихъ стѣнъ есть значительныя пространства, которыя прежде были застроены домами, а теперь обращены въ сады и финиковыя рощи. Они обыкновенно окружены стѣнами, отъ восьми до десяти футовъ высотой, построенными изъ вязкой глины, смѣшанной съ рубленой соломой. Гуляя по садамъ, я часто замѣчалъ въ стѣнахъ выступы, вдающіеся въ садъ фута на три; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ стѣны упали, рабочіе строили ихъ вновь, опять-таки отступя три фута отъ линіи улицы. Это, какъ я узналъ потомъ, одно изъ правилъ мѣстнаго городского устава. Если владѣлецъ далъ стѣнѣ упасть, то онъ обязанъ выстроить ее вновь ужъ отступя на три фута отъ улицы. Благодаря этому постановленію, цѣль котораго заставить владѣльцевъ содержать въ порядкѣ свои стѣны, многія узкія улицы съ теченіемъ времени вѣроятно расширятся.

Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю объ общественной жизни англійской колоніи въ Багдадѣ. Различія положенія, въ такомъ маленькомъ кружкѣ, хотя и не совсѣмъ сглаживаются, но все-таки не могутъ такъ строго соблюдаться, какъ, напримѣръ, въ Англии. Британскій резидентъ и его прелестная семья занимаютъ

въ колоніи первое мѣсто, какъ по своему официальному положенію, такъ и по личнымъ достоинствамъ. Щедрое гостепріимство, которымъ вообще отличаются представители англійскаго правительства въ чужихъ краяхъ, поддерживается здѣсь вполнѣ соотвѣтственно могуществу, богатству и торговому значенію англійской націи. Докторъ посольства и офицеры канонерской лодки „Комета“ истинные джентльмены и были бы на мѣстѣ въ каждомъ порядочномъ обществѣ. Докторъ Колльвилъ, благодаря своему долгому пребыванію на Востокѣ, знакомству съ мѣстными обычаями и нравами, знанію многихъ изъ языковъ, на которыхъ здѣсь говорятъ, а главное благодаря своему искусству въ медицинѣ, пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ на высшій классъ всѣхъ національностей города. Его officialныя обязанности скорѣе номинальны, но домъ его часто бываетъ наполненъ людьми, обращающимися къ нему за совѣтомъ. На сколько прибыльна его практика—не знаю, но я увѣренъ, что онъ никогда не отпуститъ безъ помощи обращающагося къ нему бѣднаго больнаго. Кромѣ упомянутыхъ мной лицъ, однимъ изъ важныхъ элементовъ мѣстной общественной жизни является также управляющій торговой конторой Линчъ и К^о (единственныхъ англійскихъ купцовъ въ Багдадѣ) и нѣсколько молодыхъ людей, занимающихся въ этой конторѣ. Англійская община до того мала, что пріѣздъ моего друга г. Финниса представляетъ важное событіе; послѣ того, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старшій партнеръ уѣхалъ въ Лондонъ, это первое посѣщеніе Багдада членомъ фирмы. Тутъ нѣтъ гостиницы и потому немногочисленные проѣзжіе и путешественники радушно принимаются, какъ гости, живущими здѣсь иностранцами. Американцы въ Багдадѣ такая рѣдкость, что мнѣ нѣсколько разъ задавали наивный вопросъ: не знавалъ ли я г. R., американца изъ Филадельфіи, который, четыре-пять лѣтъ тому назадъ, провелъ въ Багдадѣ нѣсколько дней. Я не зналъ г. R.,—но мнѣ пришлось столько здѣсь о немъ слышать, что встрѣться я съ нимъ въ Америкѣ на улицѣ, а теперь навѣрное узналъ бы его.

Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ изъ моихъ англійскихъ друзей сказалъ мнѣ за обѣдомъ, несомнѣнно въ видѣ комплимента; „Отчего, дорогой сэръ, вы вовсе не похожи на американца“? На это я отвѣтилъ ему, что онъ напрасно воображаетъ, что всѣ американцы, подобно янки, выводимымъ на сценѣ, говорятъ въ носъ и прибавляютъ къ каждой фразѣ „я д у м а ю“; что-жъ касается меня, то я всегда и вездѣ былъ и останусь американцемъ, хотя съ другой стороны я слишкомъ уважаю мнѣнія и даже предразсудки другихъ, чтобъ выставять на показъ мой республиканскій образъ мыслей въ домѣ, въ которомъ хозяева держатся монархическаго направленія.

Быть можетъ не безынтересно знать, какъ проводятъ время въ такомъ отдаленномъ городѣ, гдѣ даже ежедневная газета не составляетъ обычной необходимой принадлежности. Мы спимъ на кровлѣ дома подъ открытымъ небомъ; за полчаса до солнечнаго восхода насъ будить слуга и приноситъ чубуекъ съ душистымъ табакомъ и маленькую чашку чаю или воды. Затѣмъ, одѣвшись на скорую руку, мы садимся на лошадей, которыя, уже осѣдланныя, ожидаютъ насъ внизу на дворѣ. Мы медленно проѣзжаемъ по узкимъ и уже многолюднымъ улицамъ по направленію къ полуразвалившимся южнымъ воротамъ, выходящимъ въ открытую пустыню. Лошадей, которыя вообще очень беспокойны и имѣютъ къ тому дурную привычку кусаться и лягаться, необходимо держать на почтительномъ разстояніи одну отъ другой.

Выѣхавъ на открытую равнину, мы даемъ волю лошадямъ, которыя, вѣя себя отъ радости, несутся во весь опоръ и то взвиваются на дыбы, то дѣлаютъ отчаянные прыжки. Чтобы удержаться на сѣдлѣ, пужно быть чрезвычайно искуснымъ наѣздникомъ, да и то можно зачастую упасть. Но крѣпкіе, ловкіе молодые англичане, привыкшіе къ скачкамъ, не обращаютъ вниманія на подобные случаи. Послѣ получасовой сумасшедшей ѣзды, мы возвращаемся въ городъ черезъ восточные ворота, нравственно и физически подкрѣпленные свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Затѣмъ слѣдуютъ ванна и легкій зав-

трагъ, состоящій изъ хлѣба, яицъ и чая. Послѣ этого всѣ, у кого есть дневныя занятія, принимаютъ за нихъ. Я же, если мнѣ нечего писать, отправляюсь бродить по базарамъ или же иду къ комунибудь съ утреннимъ визитомъ. Въ полдень подается солидный завтракъ изъ нѣсколькихъ мясныхъ блюдъ, зелени и эля. Затѣмъ слѣдуетъ отдыхъ, *siesta*, до двухъ часовъ, послѣ чего часъ или два опять посвящаемъ занятіямъ.

Когда солнце спустится ниже и жаръ нѣсколько спадетъ, намъ снова подаютъ лошадей и мы дѣлаемъ прогулку верхомъ по переулкамъ между зеленѣющими садами; иногда это замѣняютъ игрой въ крокетъ въ финиковыхъ садахъ или же катаніемъ по рѣкѣ, — удовольствіе, въ которомъ принимаютъ также участіе дамы; такъ проходитъ время, пока не стемнѣетъ. Обѣдаемъ мы въ восемь часовъ, причемъ къ намъ всегда присоединяется кто-нибудь изъ нашихъ друзей; иногда обѣдаемъ на прохладной палубѣ „Кометы“. Такъ какъ для англичанина обѣдъ — событіе дня, то къ обѣду у резидента собираются въ полномъ парадѣ. Послѣ обѣда слѣдуетъ вистъ, продолжающійся до полуночи. За столомъ у каждого собственный его слуга, который сопровождаетъ своего господина, когда онъ обѣдаетъ внѣ дома, прислуживаетъ ему за столомъ, приготовляетъ и зажигаетъ его кальянъ и когда наконецъ гости расходятся, провожаетъ его съ фонаремъ въ рукѣ по темнымъ узкимъ улицамъ.

Примѣромъ того, какъ неудобно не знать обычаевъ и нравовъ чужаго народа или даже приличій, принятыхъ у благосовитанныхъ мѣстныхъ жителей, можетъ служить анекдотъ, рассказанный аббатомъ Гувомъ въ его путешествіи по Китаю. Какой-то провинціалъ, пріѣхавъ неожиданно въ городъ, былъ приглашенъ обѣдать къ своему городскому родственнику. Прождавъ нѣсколько часовъ и не видя никакихъ признаковъ обѣда, онъ позволилъ себѣ намекнуть, что становится поздно и что ему хочется ѣсть. Хозяинъ дома, услышавъ это, разразился цѣлымъ потокомъ ругательства: „Какъ, неужели вы сдѣлались въ деревнѣ такимъ невѣжей, что забыли всѣ приличія? Я обя-

занъ былъ пригласить васъ, это правда, но вы въ свою очередь должны были непремѣнно отказаться отъ приглашенія!“

Въ Багдадѣ, напротивъ, гостепріимство до того развито, что будь я ближайшимъ родственникомъ моихъ англійскихъ друзей, они не могли бы принять меня радушнѣе и любезнѣе. Если кому-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ случится въ будущемъ побывать въ Багдадѣ, то трудно пожелать ему болѣе радушнаго приѣма. Когда желѣзная дорога изъ Александретты въ Алеппо будетъ окончена, а плаваніе по верхнему Евфрату окажется возможнымъ, то и этотъ уголокъ наводнится туристами и утратитъ всю своеобразную прелесть. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ до Средиземнаго моря такъ же трудно добраться, какъ и во времена отступленія Ксенофонта съ его десятью тысячами грековъ. Самый короткій, а вѣстѣ съ тѣмъ и самый опасный путь — это на Дамаскъ и Бейрутъ черезъ „городъ пустыни“ Пальмиру. Багдадскіе англичане содержатъ тутъ для сообщенія съ Европой отправляющуюся два раза въ мѣсяць почту на верблюдахъ. Разстояніе до Дамаска проѣзжаютъ на быстромъ верблюдѣ въ восемнадцать дней, изъ которыхъ шесть или восемь приходится обходиться безъ воды. По временамъ случается, что почта и гонецъ безъ вѣсти исчезаютъ въ пустынѣ, подобно кораблю, разбитому на морѣ.

Предполагаютъ, что они попадаютъ въ руки дивихъ бедуиновъ, которые конечно не интересуются письмами или же гонцемъ арабовъ, но за то никогда не упускаютъ случая завладѣть хорошимъ верблюдомъ.

Другой путь идетъ на Моссулъ, лежащій въ девятистахъ миляхъ вверхъ по Тигру, недалеко отъ древней Ниневіи, а оттуда черезъ Діарбекиръ и Алеппо въ Александретту. Но это путешествіе очень утомительно: приходится сдѣлать девятьсотъ миль верхомъ, проводить ночи въ общественныхъ каравансерахъ, а весь день печься на солнцѣ.

Третій и самый привлекательный путь — это на востокъ черезъ Персію, въ ея столицу Тегеранъ, отсюда на пароходъ вверхъ по Каспійскому морю и по Волгѣ черезъ Россію въ восточную Европу. Всѣ эти различные пути я указываю ради пользы будущихъ путешественниковъ по этимъ малоизвѣстнымъ странамъ. Но теперь, когда начались уже сильныя жары и для того, кто не боится морскаго путешествія подъ тропиками, лучше всего было избрать для возвращенія тотъ самый путь, по которому я пріѣхалъ, а именно по Персидскому и по Аравійскому заливамъ, затѣмъ по Черному морю въ Египетъ, а оттуда черезъ Средиземное море въ Европу.

Глава XXVII.

Изъ Бадада въ Бассору.

Прощаніе съ Багдадомъ. — Ночная сцена. — «Городъ волшебницы» исчезаетъ. — Селевкія. — Ктезифонъ. — Уголь привозится изъ Англіи. — Своеобразныя денежныя квитанціи. — Печати замѣняютъ подписи. — Молодой арабскій предводитель. — Исторія Абдуль-Карима. — Другъ предаётъ его. — Его казнятъ безъ суда. — Ненависть арабовъ къ предателю. — Изобиліе дичи. — Я стрѣляю въ дикихъ кабановъ. — Какъ за ними обыкновенно охотятся. — Страшный противникъ. — Оживленная охота. — Я одерживаю верхъ надъ инженеромъ. — Фиговныя листья изъ сада Эдема. — «Тысячу привѣтствій Маргілю». — Какъ я проводилъ тамъ время. — Уединенное англійское кладбище. — Воюющіе шакалы. — Поѣздка въ «машуфъ». — Климатъ Бассоры. — Ш а м а м ъ. — Прибытіе „Месопотамія“. — Грузъ парохода. — Мнѣ предстоитъ утомительное путешествіе по тропическимъ морямъ.

Пароходъ „Дійле“ долженъ былъ выйти изъ Багдада въ полночь. Багажъ мой находился уже на пароходѣ, и я распростился со всѣми знакомыми. Оставалось еще человѣкъ десять друзей, которые хотѣли проводить меня и отобѣдать со мной въ этотъ вечеръ. Поздно вечеромъ капитанъ Голландъ послалъ сказать, что судно ожидаетъ только пассажира. Но мы все-таки не торопились и отправились всѣмъ обществомъ къ берегу, только окончивъ послѣдній робберъ. Когда же „Дійле“ отчалила и понеслась по быстрому теченію, то шумъ ея колесъ слился со звуками „Auld Lag June“, которую пѣли мои друзья на берегу. Никогда не испытывалъ я такого чувства, прощаясь съ чужими краями; мнѣ почти казалось, что я покидаю родину.

Когда я впервые подъѣзжалъ къ Багдаду, утреннее солнце озлащало куполы и минареты города и разливало цѣлыя волны свѣта по окружающимъ его пальмовымъ и померанцевымъ рощамъ.

Теперь же, когда я грустно прощался съ городомъ халифовъ, луна выходила на востокъ и отбрасывала на рѣку длинныя, темныя тѣни зданій, деревьевъ и садовъ, придавая всей сценѣ какой-то фантастическій характеръ.

Мы быстро миновали таможеню, садъ резидента, неподвижную „Комету“, прикрытую бѣлымъ парусиннымъ шатромъ и вдругъ, какъ бы по мановенію магическаго жезла, городъ Волшебницы скрылся изъ виду.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы проѣхали мимо песчаныхъ холмовъ, гдѣ преемники Александра Македонскаго построили Селевкию, причемъ строительные матеріалы для города они брали изъ тѣхъ же неистощимыхъ вавилонскихъ холмовъ и сплавляли ихъ по каналамъ, соединявшимъ Тигръ съ Евфратомъ. Нѣсколько ниже на противоположномъ берегу стоитъ великолѣпная арка Ктезифона, одинокій памятникъ, обозначающій мѣсто, гдѣ нѣсколько столѣтій спустя, персидскіе монархи основали свою столицу. Тутъ персидскіе государи утопали въ роскоши и богатствѣ, пока не нахлынули на нихъ свирѣпыя арабскіе завоеватели съ своимъ боевымъ крикомъ: „Единъ Богъ, Аллахъ и Магометъ его пророкъ“. Послѣ ихъ ухода не осталось ни одного человѣческаго существа; все побережье представляло картину полного опустошенія.

Быстрое теченіе несло насъ внизъ по рѣкѣ, которая широко разлилась и затопила низкіе берега. Иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль вся страна казалась сплошнымъ болотомъ, въ которомъ только зоркіе глаза арабскаго лопмана способны различать извивающееся русло рѣки. Когда стемнѣло, мы бросили якорь и дождались восхода луны; при половодѣ спускаться внизъ по рѣкѣ нужно очень осторожно: несчастные случаи нерѣдки, можно легко удариться колесомъ о берегъ.

„Дйле“ останавливается на часъ въ Амарѣ, гдѣ оставляетъ часть своего груза и принимаетъ новый. Такъ какъ этотъ городъ находится на полпути изъ Багдада въ Бассору, то владѣльцы пароходовъ держатъ здѣсь складъ угля. Топливо для англійскихъ судовъ и для всѣхъ турецкихъ пароходовъ въ Бассорѣ и Багдадѣ привозится изъ Англии. Въ Ньюкестлѣ уголь стоитъ около пяти долларовъ за тонну, но достиженіи же Евфрата цѣна его возрастаетъ вшестеро. Уголь дурнаго качества и почти такой же мягкій, какъ асфальтъ, былъ недавно открытъ близъ Тигра, въ четырехстахъ миляхъ къ сѣверу отъ Багдада; правительство дѣлаетъ опыты, до сихъ поръ впрочемъ неудачные, употреблять его въ топливо на казенныхъ пароходахъ. Хорошія угольные копи были бы для страны очень полезны и значительно способствовали бы развитію пароходства на здѣшнихъ рѣкахъ.

„Денежный ящикъ“ въ каютѣ шкипера содержитъ много паветовъ съ деньгами, переданными ему мѣстными купцами. Я замѣтилъ, что единственною роспискою въ полученіи этихъ паветовъ служатъ просто печать получателя на коносаментѣ. Каждый городской арабъ носитъ кольцо съ печатью и имѣетъ всегда въ карманѣ кусокъ туши. Во время моего свиданія съ багдадскимъ пашей его секретарь представилъ ему для подписи нѣсколько бумагъ, и вмѣсто того, чтобъ написать свое имя, паша просто приложилъ къ нимъ свою официальную печать.

Пока мы стояли въ Амарѣ, на палубу явился бойкій и красивый мальчикъ лѣтъ шести и отыскалъ капитана Голланда, который, какъжется, очень любилъ его. Онъ былъ хорошо одѣтъ и имѣлъ видъ и манеры человѣка, рожденнаго, чтобы повелѣвать. Всѣ арабы оказывали ему большое уваженіе, а нашъ добрый капитанъ наполнилъ его карманы орѣхами и конфетами. Когда раздался звонокъ для отъѣзда, то мальчика бережно высадили на берегъ и сдали на руки его спутнику. Это былъ сынъ Абдуль-Карима, предводителя шаммасовъ, самаго воинственнаго и многочисленнаго изъ арабскихъ племенъ Нижней

Месопотамія. Отецъ его, человѣкъ независимаго характера, пользовался большимъ вліяніемъ, но былъ заподозрѣнъ правительствомъ въ честолюбивыхъ замыслахъ. Голова его была оцѣнена, и въ прошедшемъ году одинъ изъ его друзей выдалъ его туркамъ. Пригласивъ Абдуль-Карима на пирь, онъ спряталъ въ засадѣ солдатъ, которые и взяли несчастнаго въ самомъ домѣ. Въ Багдадѣ Абдуль-Карима судили военнымъ судомъ, но такъ какъ не оказалось достаточныхъ доказательствъ его виновности, то онъ былъ отправленъ подъ стражей въ Константинополь. Но ужъ въ Моссуль его ждалъ смертный приговоръ, присланный изъ Порты. Переѣзжая здѣсь по мосту черезъ Тигръ, несчастный плѣнникъ увидалъ веревку, болтавшуюся на перекладинѣ и сразу догадался о своей участи. Стража остановилась, надѣла ему на шею веревку и увела изъ подъ него лошадь.

Абдуль Каримъ мужественно умеръ, благословляя своего сына и повторяя, что невиненъ. Что-же касается предателя, то даже санъ шейха могущественнаго племени не помогъ ему избѣжать клеимы позора. Имъ нарушены самыя священныя права гостеприимства и его собственная жизнь теперь не въ безопасности. Когда онъ бываетъ въ городѣ, то на него плюютъ даже нищія на улицахъ. Нужно, конечно, держать въ повиновеніи арабскія племена, но турецкому правительству не дѣлаетъ чести пользоваться для этого предательствомъ.

На слѣдующій день мы проѣзжали по мѣстности, изобилующей дичью. На разстояніи выстрѣла постоянно взлетали журавли, пеликаны, цапли и другая водяная дичь, но на нее не обращали вниманія. Мы искали болѣе крупнои дичи — дивихъ кабановъ, антилохъ и шакаловъ. Мой другъ, г. Финнисъ, далъ мнѣ свое ружье съ сотней патроновъ и просилъ ихъ не жалѣть.

Разъ утромъ я былъ разбуженъ криками одного изъ офицеровъ: „кабанъ, кабанъ!“ и взглянувъ черезъ окно моей каюты, увидѣлъ большаго чернаго кабана, который неуловже прыгалъ по мѣсту, гдѣ вода, понимавшая берегъ, была неглубже двухъ футовъ. Островоконечное рыло,

острые кривые клыки и спина съ длинной щетиной придавали ему дикій, свирѣпый видъ, и встрѣтиться съ подобнымъ противникомъ одинъ на одинъ на берегу было бы не совѣтъмъ приятно. За дикимъ кабаномъ европейцы охотятся тутъ обыкновенно цѣлыми партіями, верхомъ, и вооруженные револьверами и кольями. Кабаны очень живучи и, будучи ранены, часто снова кидаются на своего преслѣдователя. Когда взбѣшенное раненое животное, въ спинѣ котораго торчитъ до полдюжины копій, выдается на лошадь, а потомъ и на выбитаго изъ сѣдла всадника, то охота принимаетъ опасный характеръ. Но теперь всѣ выгоды были на моей сторонѣ. Высунувъ ружье за окно, я прицѣлился на разстояніи двухсотъ ярдовъ и пустилъ въ него одну за другой пять пуль. Стрѣлять приходилось осторожно, потому что на равнинѣ недалеко былъ арабскій станъ и шальная пуля могла кого-нибудь задѣть. При послѣднемъ выстрѣлѣ послышался сильный плескъ, кабанъ скрылся въ водѣ и раздалось „ура“ арабскихъ пассажировъ на палубѣ, наблюдавшихъ за моей охотой. Впродолженіе утра мнѣ пришлось сдѣлать много удачныхъ выстрѣловъ, даже за завтракомъ я оставилъ свой кофе съ горячими булками, чтобъ стрѣлять въ шакала.

Въ стрѣльбѣ со мной соперничалъ первый инженеръ. На его сторонѣ было то преимущество, что онъ, будучи дежурнымъ, стоялъ на первой палубѣ, поэтому былъ ближе къ берегу и часто давалъ первый выстрѣлъ. Я же стоялъ у колесъ, но, несмотря на это, благодаря превосходству оружія, часто одерживалъ верхъ. На палубѣ было около сотни пассажировъ, арабовъ и персіянъ, живо интересовавшихся охотой.

Когда мы достигли Кернаха, гдѣ обѣ рѣки соединяются и образуютъ Шать-Эль-арабъ, то я воспользовался непродолжительной остановкой парохода, чтобъ выйти на берегъ, гдѣ когда-то былъ знаменитый садъ Эдема. Я, конечно, искалъ яблоней, но если эти деревья и росли тутъ когда-нибудь, то это было должно быть уже давно. Я вообще имѣю слабость ко всевозможнымъ „сувенирамъ“, но въ

этой грязной арабской деревнѣ трудно было найти что-либо, напоминающее рай и нашихъ первыхъ прародителей, за исключеніемъ развѣ стараго фигового дерева, съ котораго я и увезъ на память нѣсколько листьевъ.

До наступленія ночи мы достигли стѣнъ Маргильскаго караван-серая, гдѣ три мѣсяца тому назадъ я такъ пріятно провелъ нѣсколь-ко дней. Я надѣялся застать въ Бассорѣ, лежащей на три мили ниже, англійскій пароходъ, отправляющійся въ Суецъ. Но онъ еще не при-шелъ и я рѣшился ждать тутъ „Месопотаміи“, парохода, который принадлежалъ моимъ англійскимъ друзьямъ и долженъ былъ прибыть дней черезъ десять. Капитана Бартера я, къ сожалѣнію, не засталъ: нѣсколько дней тому назадъ онъ предпринялъ небольшую поѣздку въ Багдадъ для поправленія своего здоровья. Какъ только онъ узналъ о моемъ пріѣздѣ и задержкѣ въ Маргилѣ, онъ тотчасъ же послалъ мнѣ слѣдующую оригинальную телеграмму: „Тысячу привѣтствій Марги-лю. Господину К. поручено сдѣлать все зависящее отъ него для ва-шего удобства“.

Моя жизнь въ Маргилѣ въ теченіи послѣдующихъ двухъ недѣль была очень одинока и однообразна, но вовсе не скучна. Раннее утро я проводилъ въ саду подъ большимъ тутовымъ деревомъ и занимался чтеніемъ; на недостатокъ книгъ я пожаловаться не могъ, такъ какъ нашель тутъ очень порядочную и разнообразную бібліотеку. Въ жар-кіе часы дня я бродилъ по комнатамъ, писалъ часъ или два и отды-халъ, между тѣмъ какъ слуги приводили въ движеніе пунку и про-изводили такимъ образомъ искусственное теченіе воздуха. Толстыя стѣны дома защищались отъ солнца широкими верандами. Мой слуга, Юссуфъ, сопровождалъ меня изъ Багдада и взялъ съ собой изящный кальянъ, который я всегда употреблялъ; главное занятіе Юссуфа заключалось въ томъ, чтобъ быть всегда наготовѣ, когда я потребую трубку, кальянъ, чашку чаю или кофе. Легкій утренній завтракъ, второй завтракъ, полдникъ и обѣдъ подавались съ такой правильностью и съ такой изящной сервировкой, какъ будто бы домъ

былъ полонъ гостей. Въ вечеру, когда становилось прохладнѣе, въ садъ выносили большія кресла и я садился обѣдать, приче́мъ ко мнѣ иногда присоединялся г. Каденхедъ, исполнявшій въ отсутствіи капитана Картера его должность.

Вечеромъ я часто предпринималъ длинныя одинокія прогулки по финиковымъ рощамъ и доходилъ иногда до края пустыни или же посѣщалъ маленькое кладбище, гдѣ нѣсколько мраморныхъ плитъ обозначаютъ могилы европейцевъ, павшихъ жертвами вреднаго здѣшняго климата. Капитанъ Картеръ, очень заботящійся о кладбищѣ, обвелъ его оградой и засадилъ англійскими розами.

Послѣ солнечнаго заката, начинался вой шакаловъ, какъ будто перебивавшихся съ одного берега на другой; крики ихъ то затихали, то снова усиливались и, казалось, становились все ближе и ближе. Нервная особа, пожалуй, не могла бы заснуть при подобномъ концертѣ.

Однажды я сопровождалъ г. Каденхеда внизъ по рѣкѣ до Бассоры въ его машуфѣ, своеобразной, длинной, узкой лодкѣ, такъ же легко опрокидывающейся, какъ и индійская ширба. Лодка эта, покрытая наметомъ, управлялась двумя гребцами, сидѣвшими верхомъ на обоихъ ея концахъ. Мы усѣлись на днѣ и должны были держаться очень смирно, такъ какъ края лодки поднимались надъ водой только на нѣсколько дюймовъ. Рѣка тутъ около мили шириной, очень быстра и глубока. Машуфъ сдѣланъ изъ осмоленнаго пальмоваго дерева и еслибъ онъ наполнился водой, то тотчасъ же пошелъ бы ко дну.

Чтобъ воспользоваться быстротой теченія, лодочники направили машуфъ на середину рѣки, и волны, поднятыя довольно сильнымъ вѣтромъ, постоянно хлестали по лодкѣ. Мой спутникъ, хотя и не умѣлъ плавать, относился въ этому очень хладнокровно; что же касается меня, то я никогда не сознавалъ такъ живо всю пользу спасительнаго пояса и дорого заплатилъ бы теперь, чтобъ имѣть его при себѣ. У меня въ барманахъ было много серебряныхъ рупій и я изъ предосторожности сталъ выкладывать ихъ на дно лодки: въ случаѣ несчастія, они могли

бы быть серьезной помѣхой. Но теченіе было такъ быстро, что самый лучший пловецъ съ трудомъ достигъ бы берега, если бы только лодка опрокинулась. Чтобъ не выказывать своего страха, я спокойно откинулся въ машуфѣ, держа обѣими руками дуло ружья и покуривая чиракъ какъ ни въ чемъ не бывало. Но въ эту минуту я ясно сознавалъ, что мои полисы страхованія жизни были недѣйствительны. Мы благополучно достигли берега; однако, оставивъ моего друга въ Бассорѣ, я настоялъ, чтобъ лодочники на обратномъ пути держались ближе берега и никогда болѣе не соглашался кататься въ машуфѣ.

Климатъ въ Бассорѣ совершенно иной, чѣмъ въ Багдадѣ. Повсюду на берегахъ Персидскаго залива воздухъ влажный, а по ночамъ такія сильныя росы, что спать на кровлѣ дома можно не иначе, какъ подъ соломеннымъ навѣсомъ. Часто, а въ особенности лѣтомъ, господствуютъ мiasmатическія болѣзни, такъ что здоровье европейца, прожившаго здѣсь нѣсколько лѣтъ, совершенно разстраивается. Разъ въ теченіи одного часа температура упала на двадцать градусовъ, а вѣтеръ, измѣнивъ вдругъ направленіе, сталъ дуть съ сѣвера, принося цѣлыя облака пыли и песку. Небо потемнѣло и приняло особенный фіолетовый оттѣнокъ, страшный для человѣка, не привыкшаго къ этого рода явленіямъ. Несмотря на закрытыя двери и плотно опущенныя на окнахъ рѣшетки (въ этой странѣ нѣтъ стеклянныхъ рамъ), тонкій песокъ проникалъ во всѣ скважины мебели и одежды, а кожа сдѣлалась совершенно сухой и начала трескаться. Но ш а м м а мъ такъ же скоро успокоился, какъ и налетѣлъ, и когда солнце снова показалось, то я насчиталъ около дюжины мѣстныхъ лодокъ и м а р г а л л а, выкинутыхъ на берегъ сильнымъ вѣтромъ. Эта сухая песчаная буря оставила во мнѣ очень неблагоприятное впечатлѣніе о климатѣ Бассоры и я никогда не поселился бы въ этомъ городѣ.

Наконецъ изъ Фо, находящагося при устьѣ рѣки, намъ телеграфировали о прибытіи „Месопотаміи“, послѣ сорокапятидневнаго путешествія изъ Лондона чрезъ Средиземное море и Суэзскій каналъ. „Месопотамія“ — желѣзный пароходъ, построенный три года тому назадъ,

который хотя не отличается особенной быстротой, но за то очень прочен и безопасен. Такъ какъ мнѣ предстояло провести на „Месопотаміи“ нѣсколько недѣль, то я ожидалъ ее съ большимъ интересомъ и даже отправился къ ней на встрѣчу въ Бассору. Тутъ она остановилась только для того, чтобъ получить пропускной билетъ отъ таможи, а потомъ отправлялась вверхъ по рѣкѣ въ Маргильскую пристань.

Въ продолженіи слѣдующихъ затѣмъ пятнадцати дней въ каравансераѣ кипѣла самая оживленная дѣятельность. Сначала большія вереницы мѣстныхъ жителей занимались разгрузкой корабля, когда-же это было окончено, то стали опять переносить на него приготовленный ужъ въ большихъ кладовыхъ фирмы грузъ для обратнаго пути. Грузъ въ полторы тысячи тоннъ состоялъ изъ шерсти въ вѣско свернутыхъ тюкахъ, нѣсколькихъ тысячъ кулей и тюковъ чернильныхъ орѣшковъ, аравійской камеди и пряныхъ кореньевъ. Вскорѣ затѣмъ пріѣхали г. Финнисъ и капитанъ Картеръ и дѣлали, что могли, чтобъ ускорить отъѣздъ, такъ какъ противный намъ юго-западный муссонъ, который дуетъ съ іюня и до октября вверхъ по Аравійскому морю и по Персидскому заливу, усиливался съ каждымъ днемъ. Моя, почти иѣсячная, неожиданная остановка въ Бассорѣ повлекла за собою самыя дурныя послѣдствія: мнѣ приходилось теперь ѣхать въ самую сильную жару. Но отличное здоровье и, такъ сказать, не уступающая саламандрѣ способность выносить жару, а главное надежда скорѣ увидѣть родину, поддержали меня на этомъ утомительномъ пути.

Глава XXVIII.

Изъ Бассоры въ Европу.

Послѣдняя ночь, проведенная въ Маргилѣ. — Пѣсни и рассказы. — Прощаніе съ моимъ «младшимъ братомъ». — Прощаніе съ Евфратомъ. — Въ Персидскомъ заливѣ. — Жизнь на морѣ. — Буширь. — Персидская логика и буль-буль. — Какъ та, такъ и другіе чуть не погибли. — Съ нами случается тоже, что и съ Синдбадомъ, только что мы не находимъ ни янцъ рака, ни алмазныхъ долинъ. — Въ Индѣйскомъ океанѣ. — Муссоны. — Опасныя теченія. — Мы ударяемся ночью объ аравійскій берегъ. — Темнота и смятеніе. — Сцена на палубѣ. — Мальтійскій баталеръ. — Онъ становится вдругъ набожнымъ. — Корабль въ полчаса можетъ обратиться въ негодный кусокъ желѣза. — Спасительные снаряды почти не могутъ оказать пользы. — „Приготовьтесь покончить съ жизнью“. — Корабль удаляется отъ берега. — Мы спасены. — Спасительныя шляпки. — Мы считываемъ, сколько у насъ было шансовъ на спасеніе. — Беззаботность мореплавателей. — Недостатокъ каменнаго угля. — Мы достигаемъ Адена. — Дирхундъ. — Мятая яхта превращается въ судно для перевоза контрабанды. — Вверхъ по Черному морю въ Суецъ. — Перевѣздъ черезъ Египетъ лѣтомъ. — Изъ Венеціи въ Лондонъ. — Прощайте!

„Месопотамія“ должна была отплыть на слѣдующій день въ шесть часовъ утра. Въ честь нашего отъѣзда, все англійское населеніе Бассоры (насчитывающее впрочемъ всего два человѣка, за исключеніемъ лицъ занимающихся въ конторѣ гг. Линча и Комп.) было приглашено отобѣдать и провести ночь въ Маргилѣ. Капитанъ Картеръ приказалъ своему дворецкому приготовить блестящее угощеніе и далъ ему на это *carte blanche*. На кровлю вынесли гармонію капитана, такъ

какъ предполагалось пировать и пѣть въ продолженіи цѣлой ночи. Обѣдъ былъ роскошный и я долго потомъ помнилъ послѣднюю ночь, проведенную мной въ Аравіи. Нашъ любезный хозяинъ одинаково хорошо умѣлъ быть и серьезнымъ, и сентиментальнымъ, и комикомъ. Онъ пѣлъ намъ аккомпанируя себѣ на гармоніи, негритянскія мелодіи, ирландскія пѣсни и шотландскія баллады; веселіе не прерывалось ни на минуту. Я видѣлъ наванунѣ, какъ капитанъ Картеръ неся съ быстротой вѣтра по равнинѣ на своей чистокровной арабской кобылѣ, подаренной ему молодымъ шейхомъ Джарбой, теперь же онъ пѣлъ съ непритворнымъ пафосомъ и чувствомъ „Мой арабскій конь.“ Обширныя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта доставляли ему неисчислимый запасъ анекдотовъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ служилъ то Нью-Йоркъ, то Саванны, то Новый Орлеанъ. Гости не отставали отъ него въ шуткахъ и разсказахъ. Ночь быстро пролетѣла и мы не замѣтили, какъ на востогѣ уже показались первые проблески утра. Мы сошли въ садъ и еще разъ съ наслажденіемъ выпили кофе, развалившись на удобныхъ креслахъ подъ развѣсистыми вѣтвями тутоваго дерева. Затѣмъ настала часъ прощанія. Капитанъ „Месопотаміи“, г. Филлипсъ, заботамъ котораго я былъ порученъ и который обращался со мной скорѣе какъ съ гостемъ, чѣмъ какъ съ обыкновеннымъ пассажиромъ, подавъ сигналъ сняться съ якоря; англійскій флагъ былъ поднятъ и величественный корабль поплылъ въ Европу, сопровождаемый дружнымъ ура моихъ друзей, къ которымъ присоединились также арабы на кораблѣ и на берегу. Пока бѣлыя стѣны каравансерая не исчезли изъ виду, я все продолжалъ смотрѣть въ зрительную трубу на развѣвующійся платокъ моего друга Финниса, котораго я называлъ моимъ младшимъ братомъ и въ обществѣ котораго я провелъ столько времени. Его послѣднія слова были: „Смотрите-же, когда приѣдете въ Англію, навѣстите, непременно, моего отца и семью, они всѣ тоже знаютъ васъ и будутъ васъ ждать“. Нечего и говорить, что я исполнилъ его желаніе и встрѣтилъ самый радушный пріемъ.

Когда мы быстро плыли мимо турецких канонерских лодокъ, стоявшихъ въ Бассорской гавани, то опустили свой флагъ и намъ тотчасъ же отвѣчали на нашъ поклонъ. Между ними былъ одинъ длинный и узкій пароходъ съ боковыми колесами и съ тремя наклонными трубами, отличавшійся когда-то своей быстротой. Во время возстанія южанъ онъ приобрѣлъ своего рода славу и, счастливо прорывался черезъ блокадную линію, совершилъ нѣсколько удачныхъ рейсовъ между Нассау и Вильмингтономъ. По окончаніи войны, онъ былъ проданъ туркамъ и теперь сильно состарѣлся и заржавѣлъ. Мнѣ сказали, что его нельзя починить и что онъ не годится болѣе для морскаго плаванія. Еще не стемнѣло, какъ мы проѣхали фортъ и телеграфную станцію при устьѣ рѣки, и оставивъ за собой мутныя желтыя воды Евфрата, попали по синимъ прозрачнымъ волнамъ Персидскаго залива.

Я былъ единственнымъ пассажиромъ „Месопотаміи“, такъ что мнѣ предоставили всю дамскую каюту. Еслибъ я былъ на своей собственной яхтѣ, то капитанъ Филипсъ и его офицеры не могли бы быть со мной любезнѣе и внимательнѣе. Благодаря двойному намету, защищавшему палубу отъ солнца и легкому вѣтерку, отъ движенія ворабля, мы не слишкомъ страдали отъ жары. По прошествіи нѣсколькихъ дней все пришло въ обычный порядокъ и началась рутина морской жизни. Въ каютѣ было такъ жарко, что я проводилъ все время на палубѣ. Къ счастью, не требовалось слишкомъ строгаго костюма, и я заботился только о томъ, чтобъ быть одѣтымъ по возможности легко. Зная щепетильность англичанъ относительно обѣденнаго туалета, я какъ-то разъ надѣлъ воротничекъ и черныя галстукъ; но капитанъ добродушно побранилъ меня за подобную церемонность. На ночь мнѣ стлали постель на люкѣ. Мы остановились на одинъ день въ персидскомъ портѣ Буширѣ, но я былъ радъ, когда мы снова отправились въ путь и сибѣнили удушающій жаръ на берегу болѣе свѣжимъ и чистымъ морскимъ воздухомъ. Во время нашей остановки, мнѣ предлагали кушать бѣлую

персидскую кошку съ длинной шерстью, которую принесъ на палубу какой-то мѣстный житель. Этихъ животныхъ очень цѣнять на Западѣ; но кошка была такого дурного характера, такъ кусалась и царапалась, что я не захотѣлъ имѣть товарищемъ въ дорогѣ это полудикое животное. Ее однако купилъ одинъ матросъ, чтобъ съ барышемъ перепродать дома. Со мной на кораблѣ было много дорогихъ рѣдкостей и древностей, приобретенныхъ въ Багдадѣ, какъ-то кирпичи изъ Вавилона и Ниневіи, старыя монеты персидскія и арабскія, костюмы и т. д.

Въ воспоминаніе о Маргилѣ, Юсуфъ Мирини подарилъ мнѣ пару буль-буль или персидскихъ соловьевъ, прирученъемъ которыхъ я занимался дорогой. Я держалъ ихъ въ вѣткѣхъ изъ финиковыхъ стеблей на палубѣ, близъ люка, на которомъ спалъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Бушира, проснувшись однажды утромъ, я увидѣлъ персидскую бѣлую кошку, лежащей возлѣ вѣтки. Въ одинъ скачокъ я очутился подлѣ нея и выкинулъ бы ее въ море, еслибъ она не успѣла ускользнуть. Отъ одного изъ моихъ любимцевъ осталось только нѣсколько разбросанныхъ перышковъ, и еслибъ я не проснулся во время, то и другаго соловья постигла бы та же участь. Но „Диквой“ пержилъ всѣ перемѣны климата и всѣ опасности, какъ морскія, такъ и сухопутныя, и благополучно достигъ Америки.

Первые семь дней нашего путешествія отъ верховья Персидскаго залива и до пролива, соединяющаго его съ Индѣйскимъ океаномъ, море было спокойно и погода стояла прекрасная. Но тутъ должны были начаться наши испытанія. Въ каждомъ изъ извѣстныхъ путешествій Синбада-мореплавателя говорится, что первые дни послѣ его отплытія изъ Бассоры погода была прекрасная. Затѣмъ уже слѣдовали кораблекрушенія, яйца Рока, пустынные острова и алмазныя долины. Моя исторія не сказка арабскихъ ночей и потому въ ней не можетъ быть самой интересной части—фантастическихъ приключеній. Но судьба приготовляла мнѣ испытаніе, такъ

близко подходящее къ крушенію, что за полный карманъ алмазовъ я не согласился бы подвергнуться ему опять.

Когда мы обогнули мысъ Расъ-Аль-Хать и направились къ юго-западу, поднялся сильный муссонъ. Втеченіе слѣдующихъ двѣнадцати дней онъ дулъ намъ постоянно въ лицо и поднималъ сильныя волны. Паруса были опущены и реи сняты, такъ какъ вся оснастка сдѣлалась бесполезной и только замедляла намъ ходъ. Муссонъ дуетъ въ этихъ моряхъ нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ и производитъ поверхностныя теченія, силу которыхъ трудно опредѣлить.

Эти непостоянныя теченія сильно затрудняютъ мореплаваніе и часто заставляютъ корабль измѣнять свое первоначальное направленіе. Дружескія отношенія къ капитану давали мнѣ случай изучать морскія карты и знать всегда положеніе корабля. Наблюденія, произведенныя въ полдень, на третій день послѣ того, какъ мы обогнули Расъ-Аль-Хать опредѣлили наше точное положеніе и капитанъ указалъ мнѣ его на картѣ; по его словамъ, мы непременно должны были при нашей теперешней быстротѣ, пять миль въ часъ, миновать Расъ-Мадракъ (другой мысъ на аравійскомъ берегу), находящійся по крайнѣй мѣрѣ на разстояніи сорока миль, около полуночи.

Въ эту ночь я проснулся, когда пробило двѣнадцать часовъ и первый лейтенантъ, проходя мимо, сказалъ мнѣ, что въ послѣдніе четыре часа мы прошли двадцать миль. Море было очень бурно и по временамъ до моей кровати на люкъ долетали брызги волнъ. Я свернулъ тифякъ и, сойдя внизъ, залегъ въ одну изъ кооекъ моей каюты. Это была единственная ночь, проведенная мной тамъ во время всего пребыванія на „Месопотаміи“. Три часа спустя я былъ разбуженъ сильнымъ толчкомъ и почти инстинктивно догадался, что корабль ударился обо-что нибудь. Соскочивъ изъ койки, я бросился на палубу, и тутъ мнѣ представилось зрѣлище, способное утратить самага мужественнаго моряка. Повсюду царствовалъ мракъ и смятеніе. Нашъ корабль тяжело бился съ каждой отступающей вол-

ной, а впереди сквозъ туманъ смутно виднѣлись высокія утесистыя скалы. Справа и слѣва, только въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдовъ отъ насъ, бѣлые буруны ударили о скалы, тогда какъ назади бушевало бурное море. Капитанъ Филипсъ спалъ въ каютѣ, но при первой же тревогѣ, явился на палубу и я слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказанія. Какъ вахтенный офицеръ, такъ и матросъ на форъ-кастелѣ увидѣли землю слишкомъ поздно и корабль ударился на полномъ ходу объ отмель. Съ полудня прошедшаго дня теченіемъ отнесло насъ болѣе чѣмъ на сорокъ миль отъ нашего пути и мы ударились о выдающійся мысъ Расъ-Мадрагъ. На картѣ значитса, что на этой части аравійскаго берега обитаютъ негостепріимныя и варварскія племена, которыя ограбили бы и умертвили мореплавателей, выкинутыхъ на берегъ. Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться, какой опасности мы подвергались.

Я сошелъ въ каюту, зажегъ спичку, накинулъ легкое пальто, открылъ мой сундукъ, положилъ свертокъ золота въ одинъ карманъ, а часы въ другой и отправился на палубу, держась за перила; корабль между тѣмъ тяжело бился и качался, какъ бы стараясь освободиться отъ угрожающей опасности. Баталеръ мальтійецъ подошелъ ко мнѣ и весь дрожа отъ страху спросилъ, какъ я думаю, погибнемъ ли мы. Я отвѣтилъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, да, что такъ; тогда онъ упалъ на колѣни и набожно врестясь сталъ бормотать молитвы (чего съ нимъ давно ужъ, кажется, не случалось). Когда я во второй разъ добрался до палубы, наше положеніе по видимому не улучшилось. Къ счастью, мы сѣли на песчаную мель; пройдя нѣсколько далѣе, мы наскочили бы на утесы, одного удара о которые было бы достаточно, чтобы пробить дно корабля и тогда, какъ выразился на слѣдующій день капитанъ Филипсъ, „Месопотамія“ въ полчаса превратилась бы въ негодный кусокъ желѣза. Между тѣмъ все, что могли только внушить опытъ и искусство, было сдѣлано. Со всѣхъ сторонъ измѣрили глубину, сняли снасти и увеличили пары. Я оглядывался, ища чего нибудь, за что можно бы

удержаться на водѣ вслучаѣ крушенія, и вдругъ увидѣлъ спасительный снарядъ, привязанный къ ригелю. Но я тотчасъ же сообразилъ, какъ мало онъ будетъ мнѣ полезенъ, если вѣтеръ, продолжая дуть отъ берега, унесетъ меня въ открытый океанъ, гдѣ изъ десяти тысячъ шансовъ не болѣе одного быть взятымъ на какой-нибудь корабль. Конечно, на меня никто не обращалъ никакого вниманія, но мнѣ удалось поймать второго лейтенанта и спросить его, очень ли плохи наши дѣла. „Страшно плохи, былъ его отвѣтъ, совѣтую вамъ свести счеты съ жизнью“, отвѣтилъ лейтенантъ и съ этими словами исчезъ въ темнотѣ. Но судьба однако умилилась надъ нами. Минуть черезъ двадцать послѣ первой тревоги, злобѣщая качка стала утихать, корабль, повернувшись носомъ къ открытому морю, сталъ медленно удаляться отъ берега и вскорѣ утесы и буруны скрылись изъ виду. Пустили въ дѣйствіе насосы и оказалось, что нигдѣ не появилось течи и что вообще корабль не потерпѣлъ серьезнаго поврежденія. Когда разсвѣло, берега ужъ не было видно, все вошло въ обычный порядокъ и вся пережитая тревога казалась просто ночнымъ кошмаромъ.

Впродолженіе остальнаго путешествія, мы часто разсуждали о вѣроятностяхъ другаго исхода. Г. Филиппъ утверждалъ, что онъ уже пятнадцать лѣтъ капитаномъ корабля на этихъ моряхъ и никогда не былъ такъ близокъ къ опасности потерять свой корабль, какъ въ этотъ разъ. Онъ говорилъ также, что вслучаѣ крушенія корабля онъ спустилъ бы на море обѣ спасительныя шлюпки и поплылъ бы по муссону въ Маскатъ, находившійся отуда въ пятистахъ миляхъ. Шлюпки эти сдѣланы изъ дерева и находятся на фендерсахъ корабельнаго шкафута. На водѣ онѣ никогда не были и такъ какъ вотъ ужъ три года, какъ онѣ подвергаются дѣйствію тропическаго солнца, то я сильно сомнѣваюсь въ ихъ пригодности для плаванія. Чтобъ высвободить ихъ, спустить на воду и снабдить запасами, парусами, инструментами и картами, необходимыми для такого плаванія, потребовалось бы нѣсколько часовъ работы при дневномъ свѣтѣ. Исполнить

